

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 2

МОСКВА
2022

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, д. ф. н., академик РАН (Москва, Россия)

Ответственный редактор номера:

В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия).

Редакционная коллегия номера:

Е. В. Рахилина, доктор филол. наук (Москва, Россия);

С. О. Савчук, канд. филол. наук (Москва, Россия).

Редакционный совет

А. Е. Аникин, д. ф. н., академик РАН (Новосибирск);

Ю. Д. Апресян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);

Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);

Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);

А. А. Гиппиус, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);

М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);

А. П. Майоров, д. ф. н., профессор (Улан-Удэ, Россия);

Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);

Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);

В. А. Плунгян, академик РАН, профессор (Москва, Россия);

Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);

Ф. Б. Успенский, д. ф. н., член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);

Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);

Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);

А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия).

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute

№ 2

MOSCOW
2022

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editor of the issue

Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia).

Editorial board of the issue

Ekaterina V. Rakhilina, D. Sc. (Moscow, Russia);

Svetlana O. Savchuk, Ph. D. (Moscow, Russia).

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D.Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);

Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);

Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);

Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);

Alexey A. Gippius, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);

Olga Mladenova, Ph. D, Professor em. (Calgary, Canada);

Tore Nettet, D. Sc., Professor, (Tromsø, Norway);

Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);

Alexey D. Shmelev, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);

Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);

Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);

Björn Wiemer, D. Sc., Professor, (Mainz, Germany);

Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA).

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.

Registration certificate III № ФС 77-76037.

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (В. А. Плунгян).....	11
----------------------------------	----

I. Национальный корпус русского языка: специализированные корпуса и новые подходы

<i>Е. В. Рахилина, В. А. Жукова, Д. А. Демидова, П. С. Кудрявцева, Г. П. Розовская, А. А. Эндресен, Л. А. Янда</i> (Москва, Тромсё) Фразеология в ракурсе «Русского конструктикона»	13
<i>А. А. Яскевич, П. А. Бычкова, Е. А. Слепак, Е. В. Рахилина</i> (Москва) База дискурсивных формул русского языка «ПРАГМАТИКОН»	45
<i>С. П. Тимошенко</i> (Москва) Корпусный анализ адекватных лексико-функциональных сочетаний из комбинаторного словаря системы ЭТАП.....	63
<i>Г. И. Кустова</i> (Москва) Сентенциальные актанты перцептивных предикатов с союзами <i>когда</i> и <i>если</i> (по данным НКРЯ).....	81
<i>Д. В. Сичинава</i> (Москва) Корпус берестяных грамот как параллельный.....	92
<i>А. Ц. Масевич, В. П. Захаров</i> (Санкт-Петербург) Диахронический аспект семантики прилагательного <i>красный</i> в русских поэтических текстах: корпусное исследование	107
<i>Б. В. Орехов</i> (Москва, Санкт-Петербург) Рецепция классических поэтических формул у наивных авторов в акцентологическом корпусе НКРЯ.....	124
<i>С. О. Савчук, А. А. Махова</i> (Москва) Мультимедийный поэтический корпус: принципы создания и особенности разметки.....	133
<i>Л. Л. Шестакова</i> (Москва) «Словарь языка русской поэзии XX века»: от пробного выпуска до VIII тома	148

II. Слово и жест: вопросы мультимодальной коммуникации

<i>О. В. Федорова</i> (Москва) Координация взглядов говорящего и слушающего в монологической бимодальной коммуникации.....	164
<i>А. А. Евдокимова, Ю. В. Николаева</i> (Москва) Кинетические кластеры и их функциональные типы.....	184
<i>А. А. Гагарин, М. А. Леутина, Ю. В. Николаева</i> (Москва) Проксемное и жестовое поведение в ситуациях конкуренции и сотрудничества.....	200
<i>К. А. Аксенов</i> (Москва) Личные местоимения в жестовых языках: часть языка или жестикуляция?	219

<i>А. А. Демина, Ю. В. Николаева</i> (Москва) Жесты и эмоции: женский и мужской стиль поведения	233
<i>Н. М. Стойнова</i> (Москва) Нестандартный выбор акцентоносителя в контактно-обусловленной русской речи: данные устной речи нанайцев и ульчей	250
<i>Т. Б. Казакова, С. И. Переверзева</i> (Москва) Закрывание глаз как маркер «синтаксической паузы»: к реконструкции метода Е. А. Гришиной	267

III. Рецензии

<i>М. В. Коптев</i> (Хельсинки) [Рец. на:] Stefanowitsch, Anatol. Corpus linguistics: A guide to the methodology. (Textbooks in Language Sciences 7). Berlin: Language Science Press. 2020. DOI: 10.5281/zenodo.3735822	285
<i>М. В. Хохлова</i> (Санкт-Петербург) [Рец. на:] Magali Paquot, Stefan Th. Gries (eds.). A Practical Handbook of Corpus Linguistics. Springer, Cham, 2020. xi + 686 p. ISBN 978-3-030-46215-4, ISBN 978-3-030-46216-1 (eBook)	290

CONTENTS

Preface (<i>V. A. Plungian</i>).....	11
--	----

I. The Russian National Corpus: Specialised corpora and new approaches

<i>E. V. Rakhilina, V. A. Zhukova, D. A. Demidova, P. S. Kudryavtseva, G. P. Rozovskaya, A. A. Endresen, L. A. Janda</i> (Moscow, Tromsø) Phraseology in the Perspective of the “Russian Constructicon”	13
<i>A. A. Yaskevich, P. A. Bychkova, E. A. Slepak, E. V. Rakhilina</i> (Moscow) Pragmaticon: A Database of Russian Discourse Formulae	45
<i>S. P. Timoshenko</i> (Moscow) Adjective lexical-functional collocations in the ETAP combinatorial dictionary: a corpus-based study	63
<i>G. I. Kustova</i> (Moscow) Sentential arguments of perceptual predicates with conjunctions <i>kogda / esli</i> ‘when’ / ‘if’ (according to the RNC)	81
<i>D. V. Sitchinava</i> (Moscow) The birchbark letters corpus as a parallel corpus	92
<i>A. Ts. Masevitch, V. P. Zakharov</i> (Saint Petersburg) The diachronic aspect of the semantics of the adjective ‘red’ in Russian poetic texts: a corpus study	107
<i>B. V. Orekhov</i> (Moscow, Saint Petersburg) The reception of classical poetic formulas by naïve authors in the accentological corpus of the RNC	124
<i>S. O. Savchuk, A. A. Makhova</i> (Moscow) Multimodal poetic corpus: principles of construction and markup features	133
<i>L. L. Shestakova</i> (Moscow) “Dictionary of the XX th century Russian Poetry Language”: From the trial issue to volume VIII	148

II. Word and Gesture: Multimodal communication issues

<i>Olga Fedorova</i> (Moscow) A speaker and listener gaze coordination in monological bimodal communication	164
<i>A. A. Evdokimova, Yu. V. Nikolaeva</i> (Moscow) Kinetic clusters and their functional types	184
<i>A. A. Gagarin, M. A. Leutina, Yu. V. Nikolaeva</i> (Moscow) Proxemic behavior and gesticulation in competitive and collaborative tasks	200
<i>K. A. Aksonov</i> (Moscow) Personal pronouns in sign languages: Part of a language system or gestures?	219

<i>A. A. Demina, Yu. V. Nikolaeva</i> (Moscow) Gestures and emotions: masculine and feminine styles of gesticulation	233
<i>Natalia Stoynova</i> (Moscow) A non-standard choice of accent-holder in Russian speech of bilinguals: the data from nanai and ulcha speakers	250
<i>T. B. Kazakova, S. I. Pereverzeva</i> (Moscow) Closing eyes as a marker of a “syntactic pause”: Towards a reconstruction of Elena A. Grishina’s method	267

III. Reviews

<i>M. V. Kopotev</i> (Helsinki) [Review of:] Stefanowitsch, Anatol. <i>Corpus linguistics: A guide to the methodology.</i> (Textbooks in Language Sciences 7). Berlin: Language Science Press. 2020. DOI: 10.5281/zenodo.3735822	285
<i>M. V. Khokhlova</i> (Saint Petersburg) [Review of:] Magali Paquot, Stefan Th. Gries (eds.). <i>A Practical Handbook of Corpus Linguistics.</i> Springer, Cham, 2020. xi + 686 p. ISBN 978-3-030-46215-4, ISBN 978-3-030-46216-1 (eBook)	290

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем выпуске «Трудов Института русского языка им. В. В. Виноградова» публикуется новая подборка статей, посвященных Национальному корпусу русского языка на современном этапе. Подобные публикации уже стали традиционными: не перечисляя их все, укажем только, что последняя по времени аналогичная подборка («Национальный корпус русского языка: исследования и разработки») была помещена в 21-м выпуске Трудов в 2019 году.

Два года, прошедшие с тех пор, — большой срок для такого многообразного и динамичного проекта, каким является Национальный корпус русского языка, поэтому нынешнее собрание статей включает ряд новых аспектов корпусных исследований, а в уже известной корпусной проблематике открывает новые грани.

В фокусе большинства публикуемых статей — результаты тех исследований, которые были выполнены не столько на материале основного корпуса, сколько на материале так называемых специализированных корпусов — несколько более ограниченных по объему ресурсов на базе Национального корпуса, но зато снабженных более детальной специализированной разметкой, позволяющей получить доступ к сложным и не лежащим на поверхности явлениям современного русского языка. Специализированные корпуса хорошо иллюстрируют возможности корпусной лингвистики на ее «зрелом» этапе, когда, образно говоря, в распоряжении исследователя имеется не только фундамент и основной каркас здания, но и построена сложная система переходов между помещениями разного уровня.

Статьи распределены по двум тематически разделам. В первый раздел входят разнообразные исследования, иллюстрирующие прежде всего возможности новых корпусных методов. Он открывается двумя большими работами, представляющими два ресурса, созданные российскими лингвистами совместно с лингвистами из Арктического университета Тромсё (Норвегия). Это база данных русских конструкций («конструктикон») и база данных русских дискурсивных формул — особых выражений, используемых в диалогических репликах в качестве семантических эквивалентов подтверждения или несогласия с собеседником. Такого рода единицы впервые были собраны вместе и стали объектом подробного анализа (оба ресурса в настоящее время общедоступны). В статьях наглядно представлены возможности современных корпусных методов и инструментов, позволяющих выделять и описывать как известные, так и новые типы языковых структур и единиц. Интересны также пересечения с более традиционными областями лингвистики, в рамках которых такие феномены

(или близкие к ним) изучались — прежде всего, это, конечно, фразеология. В первой статье эти пересечения подробно обсуждаются.

Ряд статей первого раздела посвящен более традиционной синтаксической проблематике; синтаксические проблемы рассматриваются, в частности, на материале специализированного синтаксического подкорпуса — на сегодняшний день этот небольшой ресурс является единственным подкорпусом в составе НКРЯ с полноценной синтаксической разметкой, и публикуемые исследования иллюстрируют разнообразные возможности ее использования.

Два других хорошо известных специализированных корпуса — это параллельный и поэтический. Публикации, касающиеся этого типа ресурсов, также представлены в первом разделе. Проблематика, связанная с использованием параллельных корпусов подана на нестандартном материале, который, на первый взгляд, связан скорее с исторической проблематикой — это корпус берестяных грамот. Однако в статье Д. В. Сичинавы показано, как идеология параллельного корпуса может быть использована для анализа этого типа текстов. Публикации, связанные с корпусным анализом поэтических текстов — также давняя тема в наших сборниках; на этот раз представлены диахронические исследования поэтической лексики (на материале цветообозначений), анализ подкорпуса «наивной поэзии», который оказывается интересен не только для акцентологических, но и для филологических исследований, а также описание нового ресурса — мультимедийного поэтического корпуса, который является одним из последних усовершенствований в обширном здании НКРЯ. К этим статьям примыкает обзорная публикация, посвященная ходу работы над «Словарем языка русской поэзии XX века» — этот давний проект сегодня также прочно связан с использованием поэтического корпуса НКРЯ.

Во втором разделе («Слово и жест: вопросы мультимодальной коммуникации») собраны статьи, большинство из которых основано на докладах ставшей уже традиционной конференции «Слово и жест», которая ежегодно проводится в ИРЯ им. В. В. Виноградова и посвящена памяти Е. А. Гришиной, одного из самых активных участников всех корпусных проектов с самого начала существования НКРЯ — благодаря ее увлеченности, энтузиазму и оптимизму в первые годы работы над корпусом удалось сделать чрезвычайно много. В этом разделе представлены, главным образом, работы, в проблематику которых входит изучение невербального поведения говорящих в ходе устной коммуникации: обсуждается движение глаз и глазная мимика, а также сопровождающая речь жестикуляция, интонационные и просодические особенности коммуникации на русском языке носителей других языков в контакте с русским, и ряд других проблем.

Как можно видеть, почти вся эта проблематика или является новой для корпусных исследований, основанных на НКРЯ, или рассматривается под новым углом зрения. Таким образом, нынешнее собрание статей отражает экспансию современных корпусных инструментов в самые разные области исследования языка, где проявляется их эффективность.

I. НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОРПУС РУССКОГО ЯЗЫКА: СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ КОРПУСА И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

^{1,2}*Е. В. Рахилина*, ³*В. А. Жукова*, ¹*Д. А. Демидова*,
¹*П. С. Кудрявцева*, ¹*Г. П. Розовская*, ³*А. А. Эндресен*, ³*Л. А. Янда*

¹*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»*

²*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)*

³*Университет Тромсё — Норвежский арктический университет
(Норвегия, Тромсё)*

*rakhilina@gmail.com, valentina.zh96@gmail.com,
dashademidova1998@gmail.com, pkspacemaker@gmail.com,
gloria.rozovskaya@yandex.ru, anna.endresen@uit.no,
laura.janda@uit.no*

ФРАЗЕОЛОГИЯ В РАКУРСЕ «РУССКОГО КОНСТРУКТИКОНА»¹

Работа связывает и сопоставляет два проекта: проект идеографического описания русской фразеологии в «Словаре-тезаурусе русской идиоматики» [Баранов, Добровольский 2007 и последующие издания], с одной стороны, и с другой стороны, «Русский конструктикон» <https://constructicon.github.io/russian/> — совместный проект группы CLEAR Университета Тромсё — Норвежского арктического университета и Школы лингвистики НИУ ВШЭ. Оба они нацелены на описание некомпозиционных выражений русского языка (так что некоторая часть фразем попадает и в Тезаурус, и в Конструктикон), оба предполагают семантическую классификацию языковых единиц. В то же время, эти ресурсы преследуют разные цели и, как показывает проведенное сравнение, прототипически, ориентированы на разные типы единиц — и поэтому они построены на разных основаниях и не могут заменить один другой. Вместе с тем, последовательное сопоставление Тезауруса с «Русским конструктиконом», позволяет в новом свете увидеть функциональную классификацию фразеологических единиц, предложенную в теоретических работах А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. В целом поддерживая ее и частью уточняя, мы делаем здесь акцент на функциональной связи и количественном соотношении отдельных классов фразем между собой.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Ключевые слова: русский язык, Русский конструктикон, Грамматика конструкций, фразеология, грамматические значения, лексические значения, прагматические значения.

Предисловие

Фразеология — самая неизведанная область любого языка: ее труднее всего документировать. Традиционный способ документации для этой зоны — тот же, что и для лексики: это словари, то есть (как правило, алфавитные) списки единиц со специализированными комментариями. Есть несколько известных фразеологических словарей русского языка (от одной до 13 тыс. единиц): словарь Молоткова [Молотков 1968], словарь Федорова [Федоров 2008], Бирих, Мокиенко & Степанова [Бирих и др. 1998], Телия [Телия 2006] и нек. др. — и в их числе, «Словарь-тезаурус русской идиоматики» [Баранов, Добровольский 2007], на материал которого мы здесь в основном и опираемся.

В отличие от лексических словарных списков, которые теперь можно составлять по результатам компьютерной обработки корпусных данных, автоматически собирать список **идиоматичных конструкций** пока не удается — это почти полностью ручная работа: фразеологические единицы оказываются настолько индивидуальными и по форме, и по смыслу, что машина «не может осознать» ни границ фразеологии, ни принципов ее организации. Отсюда же и другая проблема фразеологии — плохая сопоставимость с другими языками. В результате, при том что для всех крупных языков уже давно созданы серии больших двуязычных словарей, ориентированных на перевод слов с языка на язык, — переводные словари фразеологических конструкций можно пересчитать по пальцам [Лубенская 2004].

Для того чтобы эти проблемы преодолеть, нужно построить такую классификацию фразеологических единиц, которая бы позволяла с одной стороны, как бы увидеть поле фразеологии в целом, а с другой — моделировать фразеологические единицы, а затем искать и обрабатывать их компьютерными инструментами. С теоретической точки зрения, это должна быть не просто классификация по внешним и структурным признакам частных фразем, а еще и определение границ каждого класса и его места в общей системе языка в целом (а не системе данного конкретного языка). Для ее решения нужна какая-то новая перспектива, какой-то новый ракурс — разумеется, с опорой на уже имеющуюся лексикологическую традицию. Его мы и хотели предложить в этой статье.

Точку старта в решении этой задачи нам дала работа над проектом «Русский конструктикон / Russian Constructicon» (далее: RC). Мы обсудим его в первом разделе. Второй раздел касается принципов классификации конструкций, принятых в RC и не вполне стандартных для традиционной фразеологии. Обсуждение этих принципов приводит к сравнению роли конструкций из RC и грамматикализованных единиц в естественном языке. Это — тема третьего раздела статьи. Таким образом, первые три раздела посвящены определению границ класса конструкций, который описан в RC. Далее Четвертый раздел называется «Вопросы общего характера» — и это вопросы о том, как и почему эти конструкции

соотносятся с остальной фразеологией и как можно представить классификацию не-конструкционной части фразеологии. Эта классификация — всегда имеющая в виду RC в качестве фона — рассматривается в следующих разделах. Сначала (раздел 5) речь идет о нестандартных с точки зрения RC единицах, которые все-таки можно со многими оговорками представить как конструкции, но с прагматическим значением. Потом, в разделах 6 и 7, рассматриваются единицы с сугубо лексическим значением, их классы, функционал и происхождение.

Несколько слов об авторах этой статьи: это представители команды RC — Е. В. Рахилина, В. А. Жукова, А. А. Эндресен и Л. А. Янда, а также студенты Школы лингвистики НИУ ВШЭ, активные участники специального проекта, в ходе которого русская фразеология сравнивалась с тем представлением о конструкциях, которое заложено в концепции RC — Д. А. Демидова, П. А. Кудрявцева и Г. П. Розовская.

Мы благодарим Д. О. Добровольского за ценные замечания.

1. Проект «Русский конструктикон»

«Русский конструктикон» (RC) — это база данных по русским конструкциям <https://constructicon.github.io/russian/>, в которой совместились современная лингвистическая теория и сугубо практический он-лайн ресурс, ориентированный, с одной стороны, на автоматический анализ текста с учетом некомпозиционных единиц, а с другой — на изучающих русский как иностранный. Это совместный проект Университета Тромсё — Норвежского арктического университета, а именно, давно работающей там группы CLEAR (которую в этом проекте представляют Л. А. Янда, Т. Нессет, А. А. Эндресен), и Школы Лингвистики НИУ ВШЭ². С теоретической точки зрения, это практическое воплощение идей, заложенных в теории «Грамматика конструкций» (CxG) [Fillmore et al. 1988], о том, что единицы языка — не отдельные атомы (как думали структуралисты), а цельные сложные конструкции³, которые усваиваются и используются целиком (подробнее см. [Эндресен и др. 2020]).

Каноническое филлмордовское определение прототипической конструкции в начальных версиях CxG, из которого мы в данном проекте исходим, построено на трех признаках:

- *неоднословность*⁴,
- *некомпозициональность* (значение конструкции другое, чем совокупность значений ее компонентов, соединенных синтаксическими отношениями),
- *слоты в составе* (в конструкции всегда есть стабильная, «якорная» часть, как *не то, что* в примере в сноске 2, и всегда — хотя бы одна переменная).

² См. подробнее [Эндресен и др. 2020] DOI: 10.28995/2075-7182-2020-19-241-255

³ Ср. упрощенный пример классической конструкции *let alone*, первой из описанных в формате CxG [Fillmore et al. 1988], в переводе на русский: (V) X, *не то что* Y: (*не даст*) и *рубля, не то что пятьсот*.

⁴ В последующих версиях CxG понятие конструкции существенно расширилось — в частности, рассматривались однословные словообразовательные конструкции (но они требуют особого формата описания и в RC пока не включались).

В теории СxG, которая за почти полвека своего существования стала классической, давно появились (и сами стали в определенном смысле классическими) вопросы:

- Сколько таких конструкций в языке?
- Какие они? Как комбинируются в их структуре три главных признака?
- Что лежит за пределами «конструкционной» зоны?

Сам круг этих вопросов показывает, что и классическая филлморовская конструкция остается недоопределенной. Собственно, это было ясно и в начале проекта по русским конструкциям: база RC задумывалась как эксперимент на материале конкретного — русского — языка. Авторы проекта предполагали собрать возможно полный список русских конструкций — вручную, по текстам. Полнота определялась качеством текстов: прежде всего, это были драматические произведения как наиболее приближенные к разговорному языку, а также образцы прозы, насыщенной диалогами, и лучшие образцы детской литературы; как источники, привлекались также лингвистические описания и учебники русского как иностранного.

Опираясь на собранный список единиц, предполагалось оценить объем такого списка во всей полноте хотя бы в первом приближении, создать его классификацию, увидеть свойства классов и понять, что не вошло в список, то есть какие свойства (кроме отмеченных Ч. Филлмором) оставляют языковые единицы за бортом СxG. Таким образом, по замыслу, RC фактически оказывается ключом к индуктивному определению конструкции. RC был открыт для пользователей в первой версии на конференции *SCLC-2021* в Тромсе в объеме около 2200 единиц, подробно описанных в специально разработанном формате [Janda et al. 2020]. Однако это не полный список: в «остатке» есть еще около 3–4 тысяч конструкций, не вошедших в первую версию. Таким образом, первый индуктивный опыт дал ответ на первый из объявленных вопросов к СxG: продуктивных конструкций в языке несколько тысяч, никак не меньше 5–6.

Интересно, что идея индуктивного определения конструкции, видимо, была и у самого Ч. Филлмора, который в последние годы жизни выдвинул идею английского Конструктикона как коллекции конструкций, «заложив» несколько десятков конструкций в его основание. Сейчас его ученики и стажеры в разных странах мира (в Швеции, Японии, Бразилии, Испании) делают свои Конструктиконы: Филлмор имел в виду и задачу типологизации Конструктикона, так же, как другого своего знаменитого ресурса — «Фреймнет».

В этой работе мы оставим в стороне практическую сторону RC: список, примеры, их описания, переводные аналоги, подходящий для каждой единицы уровень владения языком, сложную разметку по ролям и UD, отсылая читателя как к самой базе, так и к уже многочисленным публикациям о ней [Endresen et al. 2020], [Endresen & Janda 2020] и мн. др. Здесь нам интересен только теоретический аспект, что проблематика RC пересекается с проблемами идиоматики и соответственно, с имеющимися фразеологическими ресурсами. Однако он создавался независимо от этих ресурсов — и в отношении словника, и в отношении классификации: авторы

проекта и не думали искать сходства своих конструкций с уже «лексикографированными» фразами. Таким образом, де факто был произведен совершенно чистый эксперимент, и теперь благодаря ему можно сопоставить полученные конструкции со словарными фразеологическими единицами, посмотрев на них в перспективе типологического подхода RC — и заодно апробировать сам этот подход, отвечая на два других классических вопроса к CxG: о (дополнительных) свойствах конструкций.

2. RC и фразеология: принципы классификации

Обычно описывая фразеологию, говорят о *лексических* значениях фразеологизмов (см. [Молотков 1967/1984: 8]) как единиц с индивидуальными семантическими характеристиками. Поэтому коллекции фразеологизмов как нельзя лучше подпадают под знаменитую характеристику, которую дали в свое время Уильямс и Ди Шулло [Di Scullo, Williams 1987] лексическим ресурсам: *это как тюрьма: там одни нарушители*. Важным прорывом в направлении от индивидуальных описаний каждой единицы к системному представлению этой области языка в целом служит Словарь-тезаурус русской идиоматики [Баранов, Добровольский 2007]⁵, в основе которого лежит подробная семантическая классификация. Аналогов такого ресурса для других языков почти нет (подробнее см. [Баранов, Добровольский, в печати]).

Вместе с тем, тезаурусы — это инструмент для систематизации *лексики*. Известно, что они очень хороши для классификации данных одного языка и одновременно плохо сопоставимы между собой: многочисленные попытки компьютерных лингвистов «наложить» тезаурус одного языка на данные другого не принесли успеха, ср. [Азарова и др. 2016]. Наш собственный более чем 20-летний опыт построения лексической типологии, равно как и опыт других команд, работающих над той же задачей, говорит о том, что сравнивать лексические единицы или семантические поля множества языков «впрямую» невозможно: они слишком разные. Пока лексическая семантика, в отличие от грамматической, не накопила достаточного количества данных, чтобы эту проблему решить типологически.

RC использует принципиально другую технологию: семантические классы, к которым апеллирует этот ресурс, воспроизводят не лексическую (тезаурус), а грамматическую классификацию — ту, с которой работают грамматические типологи, когда описывают грамматические системы языков мира. Ср. понятие «универсальный грамматический набор», обсуждаемое в [Плунгян 2011: 64 и след.] или пионерскую идею А. А. Холодовича об «универсальной библиотеке (грамматических) смыслов», к которой восходят многочисленные монографические исследования Петербургской типологической школы, см., например, их последнюю по времени книгу [Храковский, Мальчуков 2020]. Эти идеи, в свою очередь, восходят к более ранним идеям Есперсена, Уорфа и ряда других исследователей первой половины XX века. Отчасти сходные предположения лежат в основе монографии [Croft 2001].

⁵ Ср. также работы тех же авторов [Баранов, Добровольский 2019] и [Баранов, Добровольский 2017].

В рамках такого подхода к типологии грамматических категорий было выполнено значительное количество исследований внутри отдельных «семантических зон» (или «доменов») универсального грамматического набора, см. прежде всего [Dahl 1985] (вид и время), [Corbett 1991, 2001] (род и число), [Palmer 2001], [Frawley (ed.) 2006] (наклонение и модальность), [Aikhenvald 2004] (эвиденциальность), [Гусев 2013], [Aikhenvald 2010] (императив), и целый ряд других. Собственно, эта же идея универсального грамматического набора лежит в основе «Курса общей морфологии» [Мельчук 1998].

Если смотреть на фразеологию сквозь хорошо отработанную за более чем полвека сетку грамматических значений, то обнаружится, что большинство знакомых нам идиом прекрасно укладываются в эту семантическую сетку. Действительно, так называемая «сентенциальная идиома» [Баранов, Добровольский 2017: 321] *бабушка надвое сказала* является, по сути, лексико-синтаксическим показателем эпистемической оценки (оценки вероятности), *кот в мешке* [Баранов, Добровольский 2019: 58] — неопределенности, *на каждом шагу* ср. [Баранов, Добровольский 2017: 157–160] — итератив (из пространственного значения), *без оглядки* — интенсификатор для выражения скорости ('быстро'), *без году неделя* — имediatность ('недавно'), *как курица лапой* или *в воду опущенная* — отрицательная оценка, *бросать тень* — маркер каузации отрицательной оценки, *за здорово живешь* (ср. [Баранов, Добровольский 2017: 397]) — фрустратив (со значением 'напрасно'), *как грибы после дождя* — имediatное следование (для множественных объектов) и т. д., и т. п. Собственно, поэтому RC опирается на сетку грамматических значений.

Но если конструкции Конструктикона — это скорее грамматика, чем лексика, то разные языки можно сравнивать не только в отношении грамматических маркеров (как это сейчас делают типологи), но и в отношении конструкций⁶. Заметим, что задачу такого сравнения существенно облегчает имеющаяся в RC разметка синтаксиса — тоже с использованием общепринятого универсального (синтаксического) набора тэгов Universal Dependencies: <https://universaldependencies.org/>, а также разметка и глоссирование «якорной части» конструкций.

3. Конструкции и грамматикализованные единицы: моменты схождения

И все же выбор грамматической классификации вместо лексической требует теоретических пояснений. Ведь по сути, получается, что единицы, большие чем лексема и более сложные по своей структуре, в рамках этой классификации семантически «возвращаются» (или могут быть снова сведены) к самым элементарным знакам с самой бедной семантикой. Действительно, грамматические значения относительно бедны, немногочисленны и свойственны узкому кругу единиц — морфемам; некоторые из этих значений могут выражаться лексически, ср. значение единственного числа и числительные со значением 'один'. Однако в подавляю-

⁶ А также — и конструкций, и грамматических маркеров — с привлечением лексических, см. опыт такого сопоставления в [Добровольский, Анна Зализняк 2020].

щем большинстве лексика, количественно превосходящая грамматические маркеры на несколько порядков, имеет свои, лексические, значения: называет объекты, ситуации, признаки и проч.

Близость семантики конструкций и служебных морфем при такой существенной разнице в их внешней форме, естественно, вызывает вопросы. Между тем, между ними есть существенные моменты сходства.

Первое сходство — в их происхождении: и фразеологизованные конструкции, и грамматические маркеры являются результатом процесса грамматикализации и сопровождающей ее конструкционализации. Грамматические маркеры проходят его до конца: они полностью утрачивают лексическое значение (*bleaching*) и приобретают новое, грамматическое, вместе с новым морфо-синтаксическим статусом. Ср.:

(лексическая единица) *back* 'спина' → <go> *back* (локативный маркер)

I'm going (лексическая единица со значением движения) *to school* → *I'm going to sleep* (перспектив)

Конструкции проходят этот путь не до конца: они остаются фраземами — тут в качестве примера уместен классический пример с *let alone*. Эта единица не прошла весь путь грамматикализации — однако согласно мнению специалистов, неполная грамматикализация, или квази-грамматикализация, тоже признается грамматикализацией [Traugott 2003]. Разница в том, что конструкциям как правило свойствен неполный *bleaching*: они частично сохраняют свое исходное лексическое значение. Эти дополнительные по отношению к «бедному» грамматическому значению компоненты семантики, сохранившись от исходного значения фраземы, дают основу для нетривиальных оппозиций, в которые обычно вступают многочисленные конструкции одной и той же семьи: они попадают в один квазиграмматический класс. Получается, что небольшой набор выделенных «простых» значений настолько когнитивно значим, что каждое из них нуждается в большом запасе разных средств для его выражения. Наряду с (одним) грамматическим маркером, языки используют лексемы с близким значением (их может быть даже несколько) — и некомпозиционные фраземы — которых, как оказалось, может быть несколько десятков.

Характерным примером может служить класс русских конструкций с семантикой 'большое количество': в русском языке есть более 30 генитивных конструкций типа X-Gen, ср.: *куча народу, груда хлама, море флагов, лес рук, арсенал средств, букет проблем, фонтан шуток, потоки оскорблений, лавина дел, вагон [и маленькая тележка] никому не нужных аргументов, бездна / прорва глупостей*. И хотя их общее значение может быть в первом приближении описано тем же тэгом из универсального грамматического набора, которым описываются стандартные показатели множественного числа в языках мира, они, как показано в [Ли Су Хен, Рахилина 2010], не полностью синонимичны. Нетривиальные оппозиции между этими конструкциями возникают за счет того, что исходное значение каждой из них «недостерто». Поэтому в общем квазиграмматическом классе 'большого количества / множества' имеются конструкционные маркеры со значением множества

‘ненужных’ (*груда X*), ‘движущихся’ (*потоки X*), ‘вертикальных’ (*лес X*), ‘неприятных’ (*букет X*) и др. объектов / событий.

Второе сходство конструкций и грамматических маркеров касается, как ни странно, их семантической структуры. Грамматические значения, как утверждают типологи, устроены как *модификаторы* [Boye, Harder 2012]: они приписывают свойства лексическим значениям, которые попадают в их сферу действия — можно сказать, что лексические значения заполняют их свободные слоты. И то же в классических конструкциях СхG: им тоже присущи слоты, и эти слоты тоже заполняют лексические значения.

Заметим здесь, что представление о конструкциях как модификаторах имеет, на наш взгляд, свою историю в лингвистике — по крайней мере, отечественной. Она связана с именем И. А. Мельчука и командой, работавшей в 60-е и начале 70-х над моделью «Смысл-Текст» [Мельчук 1974], в рамках которой был придуман аппарат *лексических функций* (подробнее см. [Апресян 1974], [ТКС 2016]), который помогал справляться с трудностями перевода и перифразирования (в то время эта группа занималась как раз переводом и перифразированием).

По сути, лексические функции представляли собой особые «метки» (или тэги) для обозначения некоторых «проблемных» для перевода смыслов — и это как раз те смыслы, которые практически во всех языках передаются некомпозиционно: грамматически или квазиграмматически. Ср. хрестоматийные BON и ANTIBON (маркеры оценки), MAGN (маркеры интенсивности), CAUS (маркеры каузативности), INCEP (маркеры инцептивности) и др. Определение лексической функции приравнивает ее к функциональному модификатору над полноценной лексической единицей: ЛФ: $Y = f(C)$, где C — *заглавное слово*.

Понятно, что в 60-е задача инструментария лексических функций определялась проектом машинного перевода и была совершенно другой — поэтому для нас утвержденный в МСТ набор лексических функций, очевидно, недостаточен: в нем нет глагольной множественности, прохибитивов, проксимативов и проч. и проч. Работа И. А. Мельчука над Курсом общей морфологии началась много позже. Но нет никаких сомнений, что если бы случилось так, что И. А. Мельчук СНАЧАЛА написал бы Курс общей морфологии, а ПОТОМ занялся машинным переводом и перифразированием, то этот список был бы гораздо длиннее и мог бы охватить подавляющее большинство конструкций и львиную долю идиоматики.

Действительно, наш предварительный анализ показывает, что порядка 70% фразеологии попадает в канонические (по СхG) конструкции — эти конструкции или уже содержатся в RC, или могут быть разнесены по его квазиграмматическим классам. Часто это касается и тех фразем, которые кажутся полностью застывшими и не содержащими, согласно имеющимся словарным описаниям, свободных слотов. Так, в свете данных НКРЯ, совершенно разные по своей структуре полные идиомы *на волосок от смерти / гибели и одной ногой в могиле* оказываются аппроксимативами. Ср.: *На волосок от X*, где X преимущественно *смерть, гибель*, но также: *На волосок от исключения, столкновения, уничтожения, ссоры с Толстым, эвакуации, успеха...*; *Одной ногой в / на X-е*, где X преимущественно *могила*, но также: *одной*

ногой в самолете, в «Динамо», в губернаторском кресле, на чемпионате мира, в Brexit...

Суммируя сказанное, мы представляем себе картину универсального лексико-грамматического процесса (грамматикализации), в котором участвуют как лексемы, так и более сложные композиционные семантико-синтаксические единицы. Первые способны в конечном счете превратиться в грамматический маркер, для вторых этот путь более долог, и они чаще «застревают» где-то в середине — однако и для тех, и для других это путь радикального упрощения исходного значения до очень простых и универсальных смыслов, которые свойственны прежде всего модификаторам над полнозначными словами.

4. Вопросы общего характера

Теперь, когда у нас есть некоторое представление о конструкциях и RC, которые будут для нас, как мы говорили, своего рода точкой отсчета в разговоре об идиоматике в целом, как собрании конструкций, обсудим несколько общих вопросов, которые могут определить пограничные конструкциям классы языковых единиц. Их три:

1. Все ли грамматические значения могут маркироваться еще и квазисинонимичными лексико-синтаксическими конструкциями? Какие склонны к этому больше, какие — меньше?
2. Какие другие (неграмматические) значения маркируются конструкциями?
3. Какие значения вообще не выражаются каноническими конструкциями?

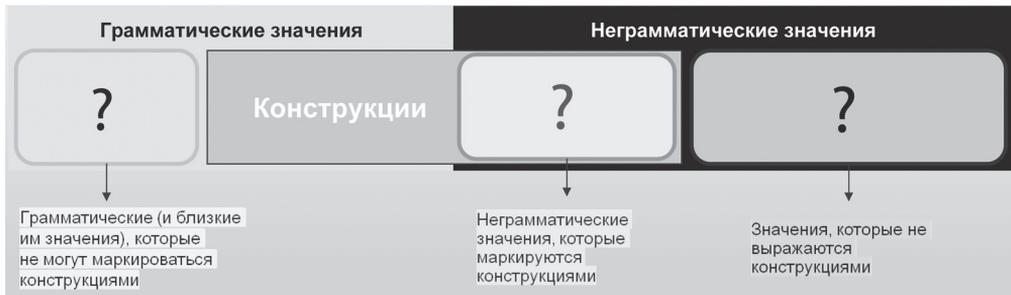

Рис. 1. Грамматические и неграмматические значения в отношении к конструкциям

Первый вопрос — о распределении конструкций между разными значениями — связан с дальнейшим уточнением соотношения грамматики и квазиграмматики и очень нетривиален. Он требует подробного анализа базы RC, желательно, уже пополненной. Простые выводы лежат на поверхности: в любом языке очень много оценочных конструкций или конструкций со значением интенсификации — на порядок больше, чем, например, сравнительных или прохибитивных. Заметим, что в русском оценка и интенсификация не грамматикализуются, и вообще, видимо, грамматикали-

зуются далеко не так часто, как сравнение или прохибитив. Интересно, значима ли эта корреляция? Одновременно, в сегодняшнем варианте RC есть и совсем узкие семантико-синтаксические классы всего из нескольких конструкций, например, Actuality (Реализованная возможность), который содержит всего 3 конструкции: NP-Nom *смочь/суметь* VP-Pfv.Inf: *Она смогла уйти с работы пораньше*), у NP-Gen *получилось/вышло* VP-Pfv.Inf (*У меня впервые получилось приехать вовремя*); NP-Dat *удалось* VP-Inf (*Мини удалось покурить*); но подождем, останутся ли они такими в RC в расширенной версии.

Второй и третий вопрос прямо соотносят конструкции с фраземами вообще и поэтому представляют для нас особый интерес — но здесь тоже потребовался сбор дополнительного материала. Таким материалом для нас стали словники фразеологических словарей, и прежде всего Тезаурус [Баранов, Добровольский 2007], а также отраженная в нем классификация идиоматики, описанная в [Баранов, Добровольский 2017] и др⁷. Наша задача состояла в том, чтобы «вычесть» словник RC из фразеологического, затем выделить единицы, не попавшие в RC, но подходящие под наше представление о конструкции. Это первый этап. На втором этапе нужно было «вычесть» и их тоже, чтобы исследовать полученный «остаток» для понимания третьего вопроса, о не-конструкциях.

На первом этапе исследования мы действительно обнаружили единицы, очень похожие на конструкции, но с неграмматическим значением. Оказалось, что при том, что эти значения не грамматические — они не так уж далеки от грамматических, и это, конечно, не случайно. Представляется, что их можно отнести к прагматическим. Наш рассказ о них будет ответом на (второй) вопрос — о нестандартных конструкциях.

Прагматическими мы, как и принято [Meу 1993 / 2001], называем значения, которые так или иначе связаны с говорящим / слушающим. Таким значением обладают по крайней мере пять типов фразеологических единиц, которые мы будем называть так:

- (1) дискурсивные формулы
- (2) рутины
- (3) маркеры организации дискурса, ср. прагматемы [Богданова-Бегларян 2014]
- (4) маркеры хезитации
- (5) комментарии

Мы считаем, что маркерами таких прагматических значений тоже могут быть конструкции — но неканонические; их мы сейчас и обсудим.

⁷ Говоря о классификации, представленной в Тезаурусе, мы оставляем в стороне шесть типов фразеологизмов, предложенные авторами Тезауруса, в частности, в [Баранов, Добровольский 2017]. Это деление (на идиомы-коллокации, пословицы, грамматические фразеологизмы, фразеологизмы-конструкции, ситуативные клише) очень полезно, но преследует другую цель и часто пересекает нужные нам классы. Поэтому оно используется в наших квантитативных расчетах только фрагментами, см. ниже о ситуативных клише.

5. Нестандартные конструкции

Нестандартность конструкций, о которых пойдет речь, обусловлена нестандартностью контекста, для которого предназначены эти единицы. Начнем с того, что большинство из них употребляется как изолированные реплики в диалоге. Поэтому это особые конструкции-реакции, у которых слот вынесен за пределы предложения — что не предусмотрено канонам СxG. Их можно назвать *расщепленными*: они как бы распадаются на два отдельных предложения, так что цельная конструкция оказывается расщеплена между стимулом и говорящим. Действительно, слотом для них является стимульное высказывание собеседника или ситуация, на которую реагирует говорящий, а ответная реплика говорящего соответствует «якорной» части конструкции. Якорная часть всегда неизменна — поэтому это формульные реплики. Если такая формула реагирует на речевой стимул, мы называем ее *дискурсивной формулой* (1), а если на неречевую ситуацию, то *рутиной* (2)⁸.

(1) *Дискурсивные формулы* — это самый большой класс неканонических конструкций (не менее 700), поэтому они собраны нами в много большем объеме, чем даже представленные в [Баранов, Добровольский 2007]. Частотные русские дискурсивные формулы собраны, расклассифицированы и проиллюстрированы в Базе данных Pragmaticon.ruscorpora.ru [Яскевич и др. 2022]. Это неоднословные формульные ответные реплики в основном со значением ДА-НЕТ и оценки. Обилие формул такого рода объясняется тем, что выбор между ними происходит в зависимости от типа стимульного речевого акта. Ср.: <X = *Пойдешь с нами?*> — *Вот еще! / А то! / ??Ни под каким видом / *Ну и ну!*

Потребность в особом классе для этих единиц и место этого класса среди сходных с ними фразем — коммуникативов, коммуникем, прагматем и др. подробно освещена в [Жукова 2021], а их свойства описаны в нашей статье [Рахилина и др. 2021]⁹. Наши исследования (на базе полуавтоматически собранного представительного списка) показывают, что неканонические конструкции этого типа напрямую связаны с каноническими — в частности, в большинстве случаев они произошли из полноценных конструкций, ср.: *Не факт, что [X] → — [X]. — Не факт!* [Жукова и др. 2019], ср. также пример с *Как только, так сразу* на с. 55 в [Баранов, Добровольский 2019]. С другой стороны, формулы, как мы показали в [Rakhilina et al. 2021] тоже могут стать источником для образования конструкций — с полноценными словами.

⁸ Обратим внимание, что под это описание не подходят дискурсивные конструкции с «эхо»-элементом (Discourse “Echo” Constructions), которые всего лишь цитируют часть предшествующей реплики (что создает эффект эха), ср.: *Скажешь тоже — XP (— Он такой хороший! — Скажешь тоже — «хороший»!)*. Настоящего расщепления конструкции на между двумя репликами, из которых одна — слот, а другая — якорная часть (как в ДФ и рутинях) в них не происходит.

⁹ К этому классу примыкает небольшая группа формульных маркеров, обозначающие отказ от коммуникации и / или *выход* из речевого акта (ср. семантика ‘отстань’), которые тоже реагируют на речевой стимул, ср.: *Почем я знаю? А фонтан с лебедями тебе не надо?* и проч. Они также относятся к неканоническим конструкциям, однако требуют отдельного обсуждения, которое выходит за рамки этой статьи.

(2) Речевые **формулы-рутины** (или *ситуативные клише* по [Баранов, Добровольский 2019] и [Баранов, Добровольский 2017]) — это стандартные реакции на стандартные внеязыковые ситуации, ср.:

- (X = 'кто-то чихнул')
— *Будьте здоровы!*
- (X = 'стук в дверь / голова в открытой снаружи двери / дверь приоткрылась')
— *Вам кого?*
- (X = 'кого-то бьют')
— *Так его!*

Эти формулы во всем симметричны ДФ — только входным стимулом, и, соответственно, допустимым заполнителем соответствующего ему свободного слота, является ситуация, а не высказывание. (Собственно, это дополнительный аргумент для введения ДФ как особого класса). В этом отношении как имя класса, уже устоявшееся в нашей практике и восходящее к мировой [Coulmas 1981], [Aijmer 2014], слово *рутины* в каком-то смысле менее прозрачно, чем термин *ситуативные клише*, предложенный Д. О. Добровольским и А. Н. Барановым, правда, без акцента на «ответность», которая не была важна для задач Тезауруса. Ср. [Баранов, Добровольский 2019: 92]: «слабоидиоматичные или неидиоматичные словосочетания, фразеологичность которых определяется преимущественно устойчивостью и прежде всего прямой зависимостью от правил (“писанных и неписанных”), действующих в конкретной ситуации».

Заметим, что рутины, так же как и дискурсивные формулы, тоже включены в «активный обмен» с конструкциями: как мы показали на примере истории уже исчезнувшей из русского языка рутины *мое почтение* (и аналогов), они тоже могут конструкционализироваться, ср., например, *такой обед, что мое почтение* [Рахилина 2020].

(3–4) **Маркеры организации дискурса и хезитации**. До сих пор мы говорили о диалогических маркерах — и считаем, что в целом исчерпали возможные типы и контексты употребления для реплик-реакций. Однако в монологе тоже есть необходимость в формульных прагматических маркерах. (Впрочем, в отличие от ДФ или рутин, их функционал не так ограничен, и теоретически, они могут встретиться и в виде диалогических реплик).

Во-первых, формульные маркеры нужны говорящему для того, чтобы структурировать дискурс, который может оказаться таким длинным, что потеряется нить — особенно в устном тексте, где нет ни абзацев, ни параграфов. Для этого используются **маркеры организации дискурса** (3). Они могут встраиваться прямо в текст, и тогда это всем известные полноценные вводные конструкции типа *кстати (P)*, *между прочим (P)* и др. с дискурсивными значениями — а могут быть оторваны от предыдущего текста и выглядеть как изолированные предложения — то есть быть устойчивыми (и поэтому некомпозиционными) неоднословными

выражениями. Тогда предшествующий текст воспринимается как стимул к такой формуле — как это происходит с ДФ, и это тоже с точки зрения СхG неканоническая конструкция, которая не может войти в РС по своим параметрам. Ср.:

- (X = текст).
(Вот) такие пироги
- (Y = текст. X = текст-отступление).
Вернемся к нашим баранам.
(Z = текст-продолжение Y)

Вторая задача, которую могут решать изолированные прагматические формулы в монологе — это помогать говорящему сочинять текст на ходу: говорить и думать одновременно. Это хорошо известные модификаторы поиска формы выражения в устной речи — *маркеры хезитации* (4) в одних терминах [Подлеская, Кибрик 2007: 9–11 и др.] или прагматемы в других [Богданова и др. 2010 и другие работы группы «Один речевой день»]. Ср.: (P). *Скажем так; Как его / ее / их.* (P). И снова специфика роли и функции обычно делает такие идиомы нестандартными конструкциями с нестандартным слотом.

(5) *Комментарии-клише*. К этим четырем нестандартным конструкциям можно добавить пятый класс — совсем неканонический с точки зрения СхG. Однако на фоне предыдущих представители этого класса смотрятся довольно естественно, потому что тоже являются спонтанной формульной реакцией на предыдущий дискурс. Их функция — оценка предшествующего текста или внеязыковой ситуации или действующих в этой ситуации / тексте лиц в виде развернутого, но стандартного и клишированного в данной культуре комментария. Исторически — это пословицы и поговорки; современный источник таких клише — общеизвестные цитаты из известных людей, книг или фильмов. Такие клише обозначены как особый класс в [Баранов, Добровольский 2017] и во множестве собраны в Тезаурусе [Баранов, Добровольский 2007], ср.:

- (X= текст, содержащий описание человека / ситуации, связанной с внешним видом (телосложением)
— *неладно скроен, да/но крепко шит*
— *ни в сказке сказать, ни пером описать*
- (X= текст, содержащий описание характера / ситуации, как-то связанных с идеей жадности):
— *Жаба душит/задавила*
— *(глаза завидующие), руки загребущие*
— *жадность фраера сгубила*
скупости:
— *снега зимой не выпросишь*
— *ни себе ни людям*

Рисунок 2 схематично отражает уже обозначенные нами группы фразем в рамках более широкой классификации (см. также ниже Рис. 4).

Значения	Грамм.	Квази грамм.	Прагматич.	Лексич.
	способ. выражения + функционал			формулы-рутины <i>будь здоров; совет да любовь!</i>
грамм. маркеры		РК <i>VP не отходя от кассы</i>	дискурсивные формулы <i>так держать!</i>	Комментарии-клише <i>чем дальше в лес, тем больше дров</i>
			Маркеры организации дискурса <i>Кстати о птичках...</i>	
Механизмы		конструкция нализация	расщепление конструкций (между стимулом и говорящим)	
Процессы	полная	частичная	прагматикализация	
	грамматикализация			

Рис. 2. Канонические и расщепленные конструкции

Легко видеть, что функционально все конструкции — канонические и нет — встраиваются в единую систему, размывая границы между грамматикой, лексикой и прагматикой. При этом во **всех неканонических** конструкциях (кроме пословиц-поговорок как комментариев) неоднословным единицам функционально тождественны однословные, ср. рутины: *Вам кого? = Войдите!*; дискурсивные формулы: *Еще бы! = Конечно!*; маркеры организации дискурса: *Такие пироги. = Вот*. Таким образом, жесткой границы между лексикой и фразеологией тут тоже нет.

Конечно, с точки зрения СxG, перечисленные пять типов — это **очень** нестандартные конструкции и **очень** нестандартное понимание слота: для таких случаев нерелевантно понятие сферы действия и **настоящих слотов ни в одной из них нет**. Но одновременно, точно так же, как и в канонических конструкциях, для описания неканонической конструкции **любого типа** важно, какого рода переменную содержит данная единица и какие ограничения действуют на заполнение соответствующего ей слота. Как мы только что видели, классификация такого рода единиц должна строиться на основании типов, к которым принадлежат слоты: обычная лексема, неоднословная да-нет реплика, оценка, реакция на ситуацию, маркер структуры дискурса, комментарий — слот определяет функцию данного класса конструкций, как канонических, так и неканонических.

6. Не-конструкции: номинации-«термины»

Если следовать исходному филлморовскому определению, то для определения границ конструкций нужно искать неоднословные единицы, не содержащие никаких слотов и размышлять, по какой причине их вообще может не быть.

Причина тут может быть чисто техническая: слот есть, но уже занят единственным образом, ср. интенсификаторы *VP как банный лист* [Баранов, Добровольский 2019: 170] и *VP как грушу*, которые и по семантике, и по синтаксису — конструкции, но с фиксированным предикатом: *как банный лист* — только: *пристал, как грушу* — только: *трясти*.

Причина может быть и более содержательной, если данный тип неоднословных единиц имеет такую природу, что он в принципе не может называть свойств. Такие единицы называют не свойства объектов, а **сами объекты**. В формальной семантике есть оппозиция *предикат* — *терм* (*term*). Она устроена несколько сложнее, чем нам сейчас нужно, и поэтому прямо мы использовать ее мы не сможем, однако само противопоставление нам по существу — так что заметим, что буквальным переводом на русский для *term* было бы 'название' или 'термин' — что как раз и соответствует (в контексте нашего обсуждения) имени объекта, как *дерево* или *паровоз*. Такого рода лексемы, имена объектов, действительно в дефолтной ситуации не могут иметь слота и сферы действия — и только специальная конструкция может им их навязать извне, через известную в СxG процедуру coercion [Goldberg 1995], ср. *целое дерево яблок / воробьев*.

Напомним, что нас здесь интересуют только неоднословные номинации, и среди них много терминов — в лингвистическом смысле этого слова, то есть научных названий. Это очень понятно: если «бытовым» именем объекта в языке является одиночная лексема, то его научное название должно содержать уточнения по сравнению с обыденным, ср. *пустырник сибирский*. Понятно, что научные термины представляют собой отдельную большую область, которая имеет свои особенности и в основном выходит за пределы тематики классической фразеологии. В частности, фразеологические и терминологические словари пересекаются слабо. Однако есть неоднословные термины, прочно вошедшие в языковой обиход — как *железная дорога* или *летучая мышь*; их особенность в том, что это единственно возможное имя данного объекта: однословных аналогов оно не имеет¹⁰. Поэтому хотя механизмом образования для них была когда-то прозрачная метафора, во всех случаях она давно стерлась и носителями уже не осознается. В Тезаурусе (2007) можно найти более детальную классификацию фразем этого типа, и менее тривиальные примеры, ср. *картошка в мундире* (ЕДА), *крестная мать* (ИМЕНА РОДСТВА), *медовый месяц* (ВРЕМЯ) и др.

Отсутствие слота прямо коррелирует с другим, тоже принципиальным, свойством терминов: они не модификаторы — и никогда не имеют значений из грамматического набора, а только лексические, которые как раз отлично укладываются в разного рода классификации тезаурусного типа. Ясно, что такие единицы заведомо

¹⁰ За исключением случаев так называемой универбации (см. [Земская 2000]) типа Публичная библиотека — публичка, Васильевский остров — Васька, Высшая Школа Экономики — Вышка и под., когда в разговорной речи определенные топонимы или названия известных учреждений стяжением переименовываются в однословный пароним. Конечно, это особая искусственная операция над уже образованной устойчивой в языке неоднословной фраземой, и поддается ей относительно небольшое число единиц.

оказываются за границами класса конструкций. С ними сближается любопытный тип фразеологизмов, отмеченный в [Баранов, Добровольский 2019: 167] как журнализмы, неоднословных номинаций, которые служат своего рода «художественным пересказом»¹¹ (естественно неоднословным) топонимов. Они имеют структуру А-ый Х, где Х — имя собственное, как правило, топоним, причем как-то выделенный и имеющий более высокий ранг, чем сам описываемый объект: более широкая и известная река, более крупный и значимый населенный пункт и проч. В «художественном» контексте данный объект приравнивается к такому выделенному и тем самым повышается в ранге, а прилагательное указывает на их неполное тождество, ср. *северная столица*: ‘столица [но не настоящая, которая в Москве, а] северная’, ср. также *леди Макбет Мценского уезда*: ‘[всем известная злодейка] леди Макбет [но не настоящая, которая в Англии, а] Мценского уезда’. По семантическому способу образования такие фраземы похожи на загадки, ср.: *Не огонь, а жжется*. В Тезаурусе и последующих описаниях отмечены «художественные номинации» и другой структуры — *порт пяти морей* [Баранов, Добровольский 2019: 179], *страна восходящего солнца* [там же: 167, 179], но и загадки имеют довольно разнообразную поверхностную структуру. Более тесные параллели здесь можно усмотреть, если вспомнить понятие кадрирования и преобразования ситуации, которое использовал А. Н. Журинский при описании семантической структуры загадки в [Журинский 1989].

Заметим, что эти, хотя и названные нами «художественными», номинации составляют лексемы в прямых значениях и сами они тоже употребляются неметафорически. А «термины»-метафоры (как *верхушка айсберга* [Баранов, Добровольский 2019: 48], *свежая кровь*, *звенья одной цепи*, *смена караула*, *важная птица*, *белая ворона* [Баранов, Добровольский 2019: 20], *проба пера* и под.) представляют собой особый, и с точки зрения СхG, промежуточный класс между конструкциями и терминами. Семантически — это ярко окрашенные оценочные номинации, а значение оценки, как мы помним, грамматикализуется во многих языках, а значит, входит в грамматический набор. Референциально это предикатные выражения в терминологии [Падучева 1985: 99]: они приписывают признак некоторому уже выраженному в данном высказывании объекту (1) и практически не могут называть конкретный референт (2), в отличие от неметафорических «художественных» номинаций (3) ср.:

- (1) *Гвоздь программы — оркестр! Половина музыкантов в нем — профессионалы с консерваторским образованием.* [Георгий Жженов. Прожитое (2002)], но:
- (2) * *Гвоздь программы заиграл увертюру*
- (3) *Гости северной столицы посетили Эрмитаж*

¹¹ В [Баранов, Добровольский 2019] (см., в частности, с. 53–54, а также с. 70 и др.), авторы очень подробно описывают этот механизм, называя его *перейнтерпретацией* и тем самым представляя его как бы «с другой стороны» — не от смысла к тексту, а от фразеологизма к его семантике, что очень естественно укладывается в их задачу.

Эти семантические и референциальные особенности неоднословных «терминов»-метафор создают возможность для их перехода в класс полноценных конструкций: то есть для появления у них полноценного слота, превращения в модификатор и для постепенного выхолащивания семантики вплоть до квазиграмматического значения, ср.: *лебединая песня X-а* [Баранов, Добровольский 2017: 417], *первая ласточка X-а*, *краеугольный камень X-а*, *родимое пятно X-а*, *приводной ремень X-а* и под., как в (4):

- (4) Это была, так сказать, **первая ласточка** вольного книгопечатания [А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006)],

Ср. в [Баранов, Добровольский 2017: 416–417], где отмечается, в частности, группа метафор для концептов начала и конца.

7. Не-конструкции: идиомы с лексическим значением

До сих пор мы говорили об именных неоднословных фразеологизованных единицах и о свойствах, которые их противопоставляют или, наоборот, роднят с СxG конструкциями, представленными в RC. Теперь обсудим глагольные идиомы. Они заслуживают особого внимания и особого раздела — потому что по природе своей глагольная семантика-синтаксическая структура, как известно, имеет слоты, соответствующие переменным в толковании, — и при этом *лексическое*, а не грамматическое значение.

Идиоматизируется это значение (то есть становится настолько частотным и устойчивым, что фразеологи заносят его в словарь) прежде всего за счет механизма *метафоризации*¹² (о метафоризации во фразеологии на том же материале см. [Баранов, Добровольский 2019: 44 и далее]).

Заметим, что классический механизм метафоризации (соположения и совмещения двух полей — конкретного и абстрактного, mapping, в терминах Дж. Лакова [Lakoff, Johnsen 2003]) — семантически довольно прозрачен. Он полностью воспроизводит хорошо описанный и касающийся лексики: *падают желуды* → *падает температура*, как если бы температурное значение — в точности как желудь — резко опускалось вниз, меняя локацию с приподнятого над землей на предельно низкое. Ср. фразовую метафору *выйти сухим из воды*: вода представляет собой нежелательную субстанцию (и эта оценка переносится с вещества на общий событийный фон), а человек с ней, по стечению обстоятельств, не взаимодействует: должен был бы быть мокрым, а вышел из нее сухим, иначе говоря, незатронутым отрицательной субстанцией. Или: *между ними пробежала черная кошка*. Всем известно, что по суеверным представлениям, черная кошка, перебегающая дорогу, нарушает и портит ход событий («пути не будет»). Между двумя контрагентами

¹² В проанализированном нами материале примеры метонимии как источника для образования глагольных идиом (когда ситуация описывается через характерные и наблюдаемые процессы (потенциально) сопутствующие ей) связаны прежде всего с конвенционализированной сопровождающей жестикуляцией, мимикой и др.; ср., например: *закусить губу* ‘заставить себя промолчать’, *стиснуть зубы* ‘стерпеть’ или: *брызгать слюной* для ‘ругаться, возмущаться’.

были некоторые отношения, и ожидалось, что их взаимодействие будет продолжаться — но все нарушилось и прервалось так же, как нарушается в физическом мире, если в этот момент через дорогу пробежала черная кошка.

Для симметрии глагольных метафор с «терминами» заметим здесь, что глагольные выражения, метафоризируясь, также могут приобретать новый слот: [прямое значение ‘удить рыбу’]: *X закинул удочку* <*на щуку> → *X закинул удочку насчет Y* [метафора: ‘начать спрашивать, чтобы получить желаемую информацию’ ср. АСРФ 2015: 703].

В том же ряду «прозрачных» метафор ср.: *вертеться на языке, бить в одну точку, тянуть ляжку, вариться в собственном соку* и т. д.¹³. Таким образом, механизм *наложения* физической ситуации на абстрактные объекты в лексике и глагольных фраземах оказывается тем же,¹⁴ и такой же результат: абстрактное лексическое значение — в первом нашем примере что-то вроде ‘спастись / избежать неприятностей’ во втором — ‘поссориться’.

Разница между лексической и фразеологической метафорами в том, что первая — как правило, базовая (*metaphors we live by*). А базовые метафоры, как подтверждают и наши лексико-типологические исследования глаголов движения в воде [Майсак, Рахилина 2007] или глаголов падения [Рахилина и др. 2020] и многих других лексических полей, когнитивно мотивированы и типологически релевантны и свойственны разным языкам. Фразеологические метафоры — по-видимому, в большей степени конкретно-языковые: они в большей степени культурно обусловлены. Причина в том, что базовые метафоры опираются на некоторые связанные друг с другом и наблюдаемые общие свойства обобщенной физической ситуации или широкого класса объектов — направление и характер движения, характер звука, форму объекта и др. под. И эти свойства такие общие, что важны для самых разных языков и культур. Источником фразовой метафоры оказывается предельно доопределенная ситуация с фиксированными участниками (‘кто-то выходит из воды и не намок’, ‘пробегающая по определенному маршруту черная кошка’ и под.) и имплицативной частью, которая и оказывается триггером перехода в зону абстрактных концептов. Но во-первых, сама частная ситуация может оказаться не характерна и не воспроизводима в другой культуре — и соответственно, в языке: например, не везде есть кошки, а во-вторых, имплицативная часть такой

¹³ Здесь уместно упомянуть и идиомы-цитаты (ср. библейское *метать бисер перед свиньями*), которые в свое время были искусственно построены по тем же метафорическим лекалам и тоже оказались фразеологизованы как частотные — но только ввиду частоты упоминания данного фрагмента текста.

¹⁴ На самом деле, он устроен чуть сложнее, чем простое наложение или совмещение (*mapping*) — в частности, одной из моделей, в которой сделана попытка воспроизвести нюансы, является модель ментальных пространств Фоконье-Тернера (*mental spaces*) [Fauconnier, Turner 2008], которая вытеснила более простую, предложенную в свое время Лаковым. Однако в данном случае существенно только то, что они обе равно применимы и к лексическим, и к фразовым метафорам, так что нюансами можно пренебречь.

ситуации скорее всего культурно специфична: например, черная кошка далеко не всегда предвестник неприятностей и проч. и проч. Подробнее о фразовой метафоре и ее культурной обусловленности см. [Dobrovolskij, Piirainen 2021]. Тем не менее, во-первых, для носителя данного языка такая метафора, как мы уже говорили, абсолютно прозрачна и не вызывает трудностей переинтерпретации, а во-вторых, было бы интересно для зоны фразовых метафор тщательно выверить по нескольким языкам рубрики тезауруса, которые она покрывает и оценить степень их сопоставимости.

Помимо прозрачных метафор самой разной семантики, глагольные лексические значения характерны для особого рода неоднословных номинаций специфических, социо-культурно обусловленных, ситуаций. Это закрытый список, который для русского довольно хорошо восстанавливается из Тезауруса [Баранов, Добровольский 2007], а соответствующие фразеологизмы описаны его авторами, в частности, в [Баранов, Добровольский 2019: 142], и характеризуются там как «крайний случай проявления доминантности внутренней формы — эвфемизмы». Список кажется типологически значимым, ср. следующие тематические рубрики тезауруса: СМЕРТЬ, ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ЗНАНИЕ — НЕЗНАНИЕ, ПЬЯНСТВО — ТРЕЗВОСТЬ, ФИЗИЧЕСКОЕ НАСИЛИЕ и др., которые можно подразделять на более дробные классы, ср.: ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ: лицо, телосложение. Эти рубрики покрывают обширную зону глагольных лексических значений, ср.: ‘умер’, ‘выпил (лишнего)’, ‘ударил кого-то’ и под. — и захватывают чрезвычайно узкую именную, ср., например, ‘проститутки’ как *ночные бабочки, девушки легкого поведения*. Соответствующие значения передаются в языках метафорически не только фразово, но и однословно, ср. такие ярко оценочные однословные номинации для ‘умереть’, как *сгинуть, очокуриться*, с одной стороны, и *откинуть копыта, склеить ласты* и под.¹⁵ Неканонические сленговые и ярко оценочные номинации фактически воспроизводят механизм табуирования или снижения значимости неприятных или неудобных для говорящего ситуаций. Сами номинации высоко некомпозициональны: в принципе, склеенные ласты и откинутые в сторону копыта предполагают для соответствующих животных невозможность движения, которое может быть губельно — но почему выбраны именно эти животные и почему это не образ отдыха или болезни или усталости, неясно. Такого рода семантика может быть только конвенциональна — поэтому в каждом следующем поколении происходит вынужденная замена старых идиом такого рода на новые, ср. *склеить ласты* → *слетать в Свердловск, принять ислам*.

Обратим внимание и на то, что значения идиом в этих специфических полях не в полной мере лексические.

«Настоящие» лексические значения внутри семантического поля, как мы хорошо знаем, классифицируют типичные для него ситуации. Ситуации классифицируются по типам участников (ср. для поля КАЧАНИЯ: ‘качание гибкого

¹⁵ Оценка в подавляющем большинстве случаев отрицательна — но возможна и положительная, ср. в том же ряду *отдать богу душу*.

подвешенного объекта’ VS. ‘качание поверхности (мостика)’ VS. ‘качание вертикального объекта — дерева’) и набору участников (ср. для поля ПАДЕНИЕ: ‘падение вертикально ориентированных объектов’ VS. ‘падение с высоты’ VS. ‘падение под слой (ср. падение под лед)’ VS. ‘падение из контейнера’ и др.

Оценочность, обязательная для табуированных зон, затмевает и вытесняет реальные семантические противопоставления внутри них. В каждой такой идиоме закреплено распределение участников ситуации, закреплены их ролевые и даже акциональные характеристиками, каждая из них тяготеет к определенному акциональному классу: событие VS. процесс VS. множественная ситуация VS. состояние, ср.: *заговаривать зубы*¹⁶ (процесс) — *навести тень на плетень* (событие), но не: *заговорил зубы* / *смотри, он наводит тень на плетень*.

Ср. также:

(на)мять бока (процесс)¹⁷ — *дать в морду* (событие)

водить за нос (процесс)¹⁸ — *обвести вокруг пальца* (событие)¹⁹

быть под мухой (состояние)²⁰ — *не просыхать* (состояние) — *принять на грудь* (событие)

держат камень за пазухой (состояние)²¹ — *всадить нож в спину* (событие) — *рыть яму* (процесс)

Как видим, с лингвистической точки зрения данный класс лексических значений существенно выделяется. В отличие от метафор, такие единицы в большинстве семантически непрозрачны — но имеют особенности, которые упрощают их семантику и облегчают говорящим процесс запоминания: это оценочность, узкий круг специфических значений, узкий функционал и сфера употребления, у пользователей которой они оказываются частотны.

Вопрос, который возникает в связи с этим — есть ли в языке *другие* некомпозиционные выражения с лексическим значением и откуда они берутся. Действительно, нам хорошо известен путь возникновения выражений с грамматическим значением — это процесс грамматикализации. Известно, как и на каких его этапах меняется тип значения, так что выражение становится некомпозиционным, то есть семантически не адекватным своей форме. Лексические значения слов в основном формируются за счет метафор, которые прозрачны (ср. нетривиальные примеры имплицативных переходов лексем в [Рахилина и др. 2010]). Поэтому вопрос о том, откуда берутся такие значения у фразем — не праздный: в принципе, их не должно быть — и надо сказать, в процентном отношении их действительно не так много — настолько, что они не видны на диаграмме на рис. 3.

¹⁶ см. [Баранов, Добровольский 2017: 284, 304, 346–347]

¹⁷ см. [Баранов, Добровольский 2017: 459]

¹⁸ см. [Баранов, Добровольский 2017: 9, 308]

¹⁹ см. [Баранов, Добровольский 2017: 311, 316]

²⁰ см. [Баранов, Добровольский 2019: 101, 153]

²¹ см. [Баранов, Добровольский 2019: 19–20]

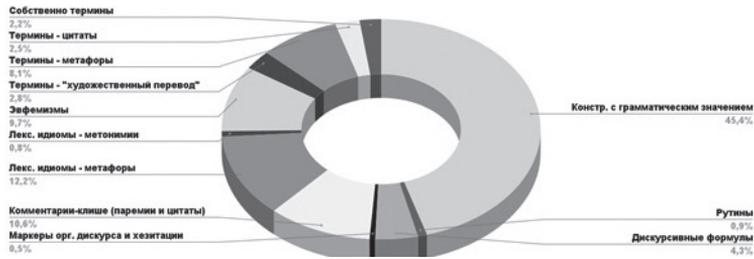

Рис. 3. Распределение классов фразеологизмов

Важным источником неожиданных или непрозрачных метафор может служить калькирование выражения, ср. рус. *изобрести колесо / велосипед* из немецкого *das Rad neu erfinden* или *язык хорошо подвешен* из французского *la langue bien pendue* — как метафора колокольного язычка: если он хорошо подвешен, то колокол хорошо звучит. Будучи поддержана исходным эквивалентом, известным большой группе носителей, непрозрачная метафора наращивает частотность и осваивается, а в некоторых случаях и переинтерпретируется: метафора колокола уступает метафоре человеческого языка — как бы подвешенного во рту (здесь как раз и возникает очевидная нестыковка и источник неясности для носителя). Если исходный параллельный текст перестает быть релевантным для культуры (ср. восходящий к Лафонтену фразему *таскать каштаны из огня* (фр. *tirer les marrons du feu*) как ‘делать какое-нибудь трудное, рискованное дело, плодами которого пользуется другой’, она уходит из употребления в русском.

Возможна потеря композициональности и в ходе развития фраземы — например, ввиду утраты исходного значения или валентности каким-то ее компонентом (ср. *ставить рогатки, понурить голову, как в воду канул* и др.) — но тогда она чаще всего перестает употребляться, если не поддержана другим принятым сочетанием (как *повесить нос* <утрачено: *на квинту*> поддержано более понятным *повесить голову*: голова действительно в определенном смысле висит, если наклонена).

Есть и любопытные промежуточные случаи, как высокочастотное *выйти из строя* = ‘испортиться — о приборе / механизме’. Ср. также *настроить / расстроить* (о музыкальном инструменте). Сам тип ограничений говорит в пользу кальки (скорее всего, из немецкого), однако прямых немецких коррелятов этому выражению мы пока не нашли. Между тем эта идиома прочно обосновалась в русском и развила целую сеть актуальных производных, ср.: *вывести из строя, ввести в строй* — по-видимому, среди прочего, и благодаря тому, что поддержана метафорой военного *строя* или *ряда*, ср. здесь *порядок, навести порядок, встать в ряд* и др.

Рисунок 4 продолжает своего рода «семантическую карту», представленную на рис. 2, показывая связи грамматических, квазиграмматических, прагматических

Значения	Фразеологизмы							
	Грамм.	Квази грамм.	Прагматич.		Лексич.			
способ. выражения + функционал			формулы -рутины <i>будь здоров; совет да любовь!</i>		именные / глагольные		номинации	
	грамм. маркеры	РК	дискурсивные формулы <i>так держать!</i>	Комментарии -клише <i>чем дальше в лес, тем больше дров</i>	метафора <i>белая ворона; лезть из кожи вон</i>	эвфемизмы <i>ночная бабочка; промывать мозги</i>	реф. переинтерпретации <i>санитары леса; черное золото</i>	термины <i>каменный век; броуновское движение</i>
		<i>УР не отходь от кассы</i>	Маркеры организации дискурса и хезитации <i>Кстати о птичках...</i>		метонимия <i>язык прикусить</i>			цитаты <i>тварь дрожащая; прояснский конь</i>
					утрач. метафоры и кальки			
	Механизмы		конструкцио нализация	расщепление конструкций (между говорящим и стимулом)			пересказ исходной номинации	
Процессы	полная грамматикализация	частичная грамматикализация	прагматикализация			загадки		

Рис. 4. Место канонических конструкций среди канонических фразеологизмов разных типов

и лексических значений во фразеологическом поле. Там же обозначены механизмы, которые лежат в основе тех или других классов и семантические процессы и эффекты, которые им соответствуют. Рисунок 3 дает общее представление о распределении фразеологических единиц по типам обсуждавшихся здесь значений.

Видно, что все эти сюжеты требуют существенных дополнительных исследований, прежде всего, исторических. Трудность заключается в том, что каждый из них индивидуален, а природа общих процессов станет видна только после анализа гораздо большего материала такого рода, и мы в начале пути.

8. Итоги

Фразеология гетерогенна, и попыток ее классификации делалось множество и на материале разных языков. Можно классифицировать идиоматичные выражения по структуре, можно — по способу возникновения, по семантике, но обычно исследователю хочется учесть сразу все эти параметры. Наш взгляд, скорее, функциональный — но может быть, точнее было бы назвать его и одновременно прикладным: мы хотели бы найти способ исчислить русские фразеологизмы, чтобы в конечном счете понять, как и зачем может носитель языка держать в голове тысячи так сложно устроенных единиц такой разнообразной природы. Возможно, в перспективе это даст ключ к их системному типологическому описанию.

Понятно, что при решении этой задачи, в отличие от первопроходцев, мы можем опираться на уже имеющиеся классификации — и прежде всего, ту, которая представлена в [Баранов, Добровольский 2019] и [Баранов, Добровольский 2017] — однако наш ракурс все-таки был несколько иным, потому что главной точкой отсчета был РК. Работа над ним показала, насколько велика в языке доля некомпозициональных выражений с квазиграмматическим значением и открытым

слотом / слотами, выполняющих роль модификатора лексемы. Конечно, некоторые современные теории называют конструкциями почти любые неоднословные последовательности — но нам был интересен именно этот семантико-синтаксический класс, который, как мы хотели здесь показать, играет в языке особую роль. Знаковые единицы такого типа имеются на всех уровнях языка — это прежде всего собственно грамматические маркеры при лексеме — как маркеры числа или времени, но также и словообразовательные морфемы, с более широким, но близким грамматическому набору спектром значений (ср. сингулятивы типа *картофелина* или русские перфективные приставки), а кроме того фраземы с достаточно стертым лексическим значением якоря, приближающемуся к квазиграмматическому, ср. количественные маркеры со значением ‘много’ VS. ‘мало’: *куча / тьма / туча X-ов, вагон и маленькая тележка X-ов* и мн. др. VS. *капелька / горстка X-ов, с гилькин нос X-ов*, и проч.

Когда в этот ряд становятся фразеологизмы-модификаторы, мы понимаем, насколько он велик и значим в языке. В нем стоят разные языковые сущности, потому что принцип их работы как модификаторов одинаков, а результирующие значения очень близки — и видимо, этот небольшой список значений представляет высокую степени важности с когнитивной точки зрения и может реализовываться только единицами с функцией модификатора лексемы. Способ выражения таких значений носителям естественного языка не так принципиален, и хоть какой-то из этих способов найдется в любом языке. Для фразеологизмов этого типа функция модификатора принципиально важна, потому что благодаря ей часто громоздкие конструкции поддерживает сильный синтаксически обязательный контекст — он увеличивает их частотность, узнаваемость и помогает им оставаться в памяти носителей.

Заглянув за пределы этого обширного класса, мы увидели некоторое число групп, структурно и семантически не укладывающихся в этот класс, однако очень близких к нему функционально. Эта близость позволила нам говорить о них как о «неканонических» конструкциях, признавая, что для их описания нужно дополнительно расширить наши представления о конструкциях — например, разрешить переменной находиться за пределами предложения, как для ДФ или комментариев (см. раздел 5). Однако и они представляют собой маркеры модификаторного типа — то есть они тоже тесно связаны с контекстом, узнаваемы и устойчивы.

По нашим расчетам, конструкций модификаторного типа существенно больше остальных. На этом фоне пласт фразеологизмов, имеющих не квазиграмматическое, а собственно лексическое значение, представляет особый интерес. С функциональной точки зрения, эти выражения должны представлять собой что-то вроде перифразы или стандартной замены той лексемы (лексем), которая обычно выражает данное значение.

Как мы наблюдали, они тоже распадаются на своего рода функциональные слои.

Среди них есть «фиктивные» замены, для которых просто нет однословных аналогов: как *железная дорога*. Мы их помним, потому что иначе не можем называть привычный объект. С лингвистической точки зрения, это термины; для

подавляющего числа терминов лексикографическая традиция описания выводит их за рамки настоящих идиом — в область терминологии со своими законами и онтологиями. От настоящих перифраз они, конечно, далеки. Чуть ближе — описательные перифразы, которые служат для добавления оценки: это устойчивые неоднословные аналоги с положительной оценкой, в основном для асемантических имен собственных (*Третий Рим*) или эвфемизмы табуированных ситуаций, как правило, с отрицательной оценкой (*склеить ласты*).

Первые ближе к полноценным неоднословным метафорам, которые в подавляющем большинстве представляют идиоматику с лексическим значением, ср. *вертеться на языке*. В группу метафор — именных и глагольных — мы распределяли такие фраземы, для которых путь метафоризации понятен современному носителю и может быть им воспроизведен, считая это хорошим основанием для их «выживания» в языке.

Эвфемизмы более неожиданны как номинации и менее композициональны. Именно неожиданность, выделенность этих идиом, принадлежащих, как правило, не общеязыковой, а существенно сниженной лексике позволяет им удерживаться в языке, но на некоторое время, так что сам этот семантический класс (кстати, очень узкий) лексических значений такого рода требует изобретения новых эвфемизмов. Как кажется, их исчезновению способствует некомпозициональность, которая фактически превращает некоторые неоднословные лексические номинации в «ребусы» — в отличие от довольно простых «загадок», на которые похожи «художественные» перифразы типа *северная Венеция* и *Третий Рим*. В таких случаях новые поколения носителей вынуждены либо отказываться от них, либо переинтерпретировать.

Последнее напрямую касается и совсем небольшой и последней в нашей классификации группы собственно лексических идиом — как глагольных (ср. *язык хорошо подвешен*), так и именных (*медный лоб*). В современном русском языке за ними вообще не стоит никакого живого системного процесса — а только калькирование или случайные осколки прежней лексической системы. Такие фраземы удерживаются в языке в том числе за счет переинтерпретации: *вышедшая из строя* стиральная машина в лучшем случае представляется (кажущейся на первый взгляд прозрачной) метафорой новобранца, шагнувшего вперед на плацу. «Лингвистического основания» у такой метафоры нет: 'сломаться' — имеет отрицательную оценку, а маневр новобранца — нейтральную, и она действительно не соответствует никакой языковой реальности — но по-видимому, как своего рода народные этимологии, подобные семантические связи позволяют идиоме на какое-то время удержаться в языке.

Это гипотеза, которую нам предстоит проверить. Однако наши предварительные исследования казалось бы полностью прозрачных семантических переходов показывают, что даже в этой зоне новые поколения носителей русского языка тоже теряют связь метафоры с ее источником.

Иллюстрацией к сказанному может служить проведенный нами пилотный эксперимент с учениками 8–11 классов московских и самарских школ (всего 36 ис-

пытующих). Для эксперимента были выбраны примеры употребления частотных фразем с лексическим значением. От школьников требовалось объяснить, как они понимают эти предложения. Гипотеза подтвердилась: эти фраземы постепенно уходят из языка — часто говорящие улавливают только оценку и общую область значения, не умея объяснить или угадать смысл без поддерживающего контекста, в отсутствие обязательного слота. Некоторые из опрошенных переинтерпретировали семантику идиомы композиционально, так что *коптить небо* превращалось у них в ‘интенсивно курить’, а *снимать сливки* — в ‘снимать рекламный ролик молочной продукции’. В настоящее время мы проводим более сложный и расширенный эксперимент для уточнения и обобщения полученных результатов.

Если они верны, то идиомы с лексическим значением в некотором смысле маргиналы фразеологии. Количественно и качественно в ней доминируют квазиграмматические конструкции (ср. РС), более жизнеспособные ввиду непосредственной связи с контекстом как обладающие функционалом модификаторов. Они заслуживают всестороннего внимания, потому что отражают процесс конструктивализации и грамматикализации, связи которых с лексикой еще только предстоит описать. Фразеология оказывается своего рода «песочницей» для изучения этих процессов.

Литература

Азарова И. В., Браславский П. И., Захаров В. П. Интеграция тезаурусов RussNet и YARN // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии: сборник научных статей. Труды XIX Международной объединённой научной конференции «Интернет и современное общество» (IMS-2016), Санкт-Петербург, 22–24 июня 2016 г. СПб.: Университет ИТМО, 2016. С. 7–13.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974.

АСРФ — Академический словарь русской фразеологии / Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЛЕКСПУС, 2015.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д.; при участии Вознесенской М. М. и Коробовой М. М. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. / Под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. М.: Мир энциклопедий; Аванта+, 2007. 1135 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. Litres, 2017.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учеб. пособие / Баранов А. Н., Добровольский Д. О. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2019.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Русская фразеология в идеографическом представлении. В печати.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Богданова-Бегларян Н. В. Прагматемы в устной повседневной речи: определенные понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.

Богданова Н. В., Асиновский А. С., Маркасова Е. В., Степанова С. Б., Супрунова А. В., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка «Один речевой день»: пути пополнения и первые результаты исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Выпуск 9 (16). По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2010) / Гл. ред. А. Е. Кибрик. М., 2010. С. 41–46.

Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Издательский Дом ЯСК, 2013.

Добровольский Д. О., Зализняк А. А. Русские конструкции с потенциально модальным значением по данным параллельных корпусов // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 3. С. 35–49.

Жукова С. Ю., Орехов Б. В., Рахилина Е. В. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21. С. 142–164.

Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII–XXI веков): дис. ... канд. филол. наук / НИУ ВШЭ. М., 2021, 283 с.

Журинский А. Н. Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла. М.: Наука, 1989.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Русский язык конца XX столетия. М.: Язык русской культуры, 2000.

Лубенская С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь. М.: АСТ-Пресс, 2004.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. II. Москва–Вена. 1998.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». М., 1974.

ТКС — *Мельчук И. А., Жолковский А. К.* Толково-комбинаторный словарь русского языка: Опыт семантико-синтаксического описания русской лексики. 2-е изд., испр. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.

Молотов А. И. Фразеологический словарь русского языка. М.: Наука, 1967.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. Рипол Классик, 1985.

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

Пужаева С. Ю., Герасименко Е. А., Захарова Е. С., Рахилина Е. В. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16. № 2.

Рахилина Е. В. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Т. А. Майсак, Е. В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М.: Индрик, 2007. С. 76–105.

Рахилина Е. В. Несколько слов о моем почтении // ВАПрсы языкознания: Мега-сборник наностатей. 2020. С. 271–277.

Рахилина Е. В., Су-Хён Л. О категории лексической множественности // Лингвистика конструкций. 2010. С. 350–396.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бонч-Осмоловская А. А. Типология преобразования конструкций: предикаты боли // Лингвистика конструкций. 2010. С. 456–540.

Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А. Типология метафор падения // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 16. С. 64–112.

Рахилина Е. В., Бычкова П. А., Жукова С. Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.

Телия В. Н. (ред.). Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий. М.: АСТ-Пресс Книга, 2006.

Федоров А. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.

Храковский В. С., Мальчуков А. Л. Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола. Институт лингвистических исследований РАН, 2020.

Эндресен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский Конструктивон: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». М.: РГГУ, 2020. № 19 (26). С. 241–255.

Яскевич А. А., Бычкова П. А., Слепак Е. А., Рахилина Е. В. База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022. Вып. ?? (в печати)

Aijmer K. Conversational routines in English: Convention and creativity. Routledge, 2014.

Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Aikhenvald A. Y. Imperatives and commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization // Language. 2012. Pp. 1–44.

Corbett G. G. Gender. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Corbett G. G. Number. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Coulmas F. (ed.). Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech. The Hague: Mouton, 1981. Vol. 96. Pp. 1–17.

Croft W. Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective. Oxford: Oxford University Press on Demand, 2001.

Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford: Blackwell, 1985.

Di Sciullo A.-M., Edwin Williams E. On the definition of word (Linguistic Inquiry Monographs 14). Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1987.

Dobrovolskij D., Piirainen E. Figurative language. De Gruyter Mouton, 2021.

Endresen A., Janda L. A. Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. Pp. 1–22.

Fauconnier G., Turner M. Mental spaces // *Cognitive linguistics: Basic readings*. De Gruyter Mouton, 2008. Pp. 303–372.

Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // *Language*. 1988. Vol. 64. № 3. Pp. 501–538.

Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. University of Chicago Press, 1995.

Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. How to build a constructicon in five years: the Russian example // *Belgian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 34. № 1. Pp. 161–173.

Frawley W. (ed.). *The Expression of Modality*. New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. London: The University of Chicago Press, 2003.

Mey J. L. *Pragmatics: an introduction*. Oxford: Blackwell, 2001.

Palmer F. R. *Mood and modality*. Cambridge university press, 2001.

Rakhilina E., Koziuk E., Bychkova P. *Discourse Formulae and Constructions: There and Back*. A talk presented at the Slavic Cognitive Linguistics Conference (SCLC-2020/2021), June 3, 2021.

Traugott E. C. From subjectification to intersubjectification // *Motives for language change*. 2003. Vol. 124. Pp. 124–139.

^{1,2}*E. V. Rakhilina*, ³*V. A. Zhukova*, ¹*D. A. Demidova*,
¹*P. S. Kudryavtseva*, ¹*G. P. Rozovskaya*,
³*A. A. Endresen*, ³*L. A. Janda*

¹*National Research University Higher School of Economics*

²*V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences*
(Russia, Moscow)

³*UiT The Arctic University of Norway*
(Norway, Tromsø)

rakhilina@gmail.com, valentina.zh96@gmail.com,
dashademidova1998@gmail.com, pkspacewalker@gmail.com,
gloria.rozovskaya@yandex.ru, anna.endresen@uit.no,
laura.janda@uit.no

PHRASEOLOGY IN THE PERSPECTIVE OF THE “RUSSIAN CONSTRUCTICON”

We compare two projects: the ideographic description of Russian phraseology in the «Thesaurus of Russian idioms» [Baranov, Dobrovolsky 2007], on the one hand, and “The Russian Constructicon” (<https://constructicon.github.io/russian/>), a joint project of the research group CLEAR (UiT The Arctic University of Norway) and School of Linguistics (NRU HSE), on the other hand. Both resources describe non-compositional

expressions in Russian, suggesting a semantic classification of linguistic units. However, these resources have different objectives and are prototypically focused on different types of linguistic units. As shown in this study, they are built on different principles and do not duplicate each other. A consistent comparison of the Thesaurus with “The Russian Constructicon” facilitates the functional classification of phraseological units proposed in the theoretical papers of A. N. Baranov and D. O. Dobrovolsky from a new perspective. By promoting and clarifying this classification, this article focuses on the relationships between specific classes of idioms, and their quantitative assessment.

Keywords: Russian, Russian constructicon, Construction Grammar theory, phraseology, grammatical meanings, lexical meanings, pragmatical meanings.

References

Aijmer K. *Conversational routines in English: Convention and creativity*. Routledge, 2014.

Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Aikhenvald A. Y. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford University Press, 2010.

Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics: synonymous means of language]. Moscow, Nauka Publ., 1974. (In Russ.)

ASRF — *Akademicheskij slovar' russkoj frazeologii* [The academic dictionary of Russian phraseology] / ed. by A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij. Moscow, LEKSRUS Publ., 2015 (2nd ed.). (In Russ.)

Azarova I. V., Braslavskii P. I., Zakharov V. P. [RussNet and YARN thesauri integration]. *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii: sbornik nauchnykh statei. Trudy XIX Mezhdunarodnoi ob'edinennoi nauchnoi konferentsii “Internet i sovremennoe obshchestvo” (IMS-2016)*, St.-Petersburg, 22–24 June 2016. SPb.: Univ. ITMO Publ., 2016, pp. 7–13. (In Russ.)

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D.; in collab. with Voznesenskaya M. M., Korobova M. M. *Slovar'-tezaurus sovremennoi russkoi idiomatiki*. [Dictionary-Thesaurus of Contemporary Russian Idioms] / ed. by A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij. Moscow, “Mir entsiklopedii” ; “Avanta+” Publ., 2007. 1135 p. (In Russ.)

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Litres Publ., 2017. (In Russ.)

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Osnovy frazeologii* [Foundations of phraseology]: ucheb. posobie. 4th ed., ster. Moscow, FLINTA Publ., 2019. (In Russ.)

Baranov A. N., Dobrovol'skij D. O. *Russian phraseology from the ideographic perspective*. (In print).

Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Slovar' russkoj frazeologii. Istoriko-etimologicheskij spravochnik*. [Dictionary of Russian phraseology: Historical and etymological reference book]. St. Petersburg, Folio-Press Publ., 1998. (In Russ.)

Bogdanova-Beglarjan N. V. [Pragmatemas in spoken everyday speech: the definition of term and general typology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossijskaja I zarubeznaja filologija*. 2014, no. 3 (27), pp. 7–20. (In Russ.)

Bogdanova N. V., Asinovskij A. S., Markasova E. V., Stepanova S. B., Suprunova A. V., Šerstinova T. Ju. [The ORD speech corpus of Russian everyday communication: ways of replenishment and first results of analysis]. *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*. Vyp. 9 (16). *Po materialam ežegodnoj meždunarodnoj konferencii «Dialog» (2010)* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (2010)]. Issue 9 (16). Moscow: RSUH Publ., 2010, pp. 41–46. (In Russ.)

Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization. *Language*. 2012, pp. 1–44.

Corbett G. G. *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Corbett G. G. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Coulmas F. (ed.). *Conversational routine: Explorations in standardized communication situations and prepatterned speech*. The Hague: Mouton, 1981, vol. 96, pp. 1–17.

Croft W. *Radical construction grammar: Syntactic theory in typological perspective*. Oxford: Oxford University Press on Demand, 2001.

Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.

Di Sciullo A.-M., Edwin Williams E. *On the definition of word* (Linguistic Inquiry Monographs 14). Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1987.

Dobrovolskij D., Piirainen E. *Figurative language*. De Gruyter Mouton, 2021.

Dobrovolskij D. O., Zaliznyak A. A. [Russian constructions with potentially modal meanings: an analysis based on parallel corpus data]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2020, no. 3, pp. 35–49. (In Russ.)

Endresen A., Janda L. A. Taking Construction Grammar One Step Further: Families, Clusters, and Networks of Evaluative Constructions in Russian. *Frontiers in Psychology*. 2020, vol. 11, pp. 1–22.

Endresen A. A., Zhukova V. A., Mordashova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. [The Russian Constructicon: A new linguistic resource, its design and key characteristics]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ežegodnoi meždunarodnoi konferencii “Dialog”*. [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”]. Issue 19 (26). Moscow, RSUH Publ., 2020, pp. 241–255. (In Russ.)

Fauconnier G., Turner M. *Mental spaces. Cognitive linguistics: Basic readings*. De Gruyter Mouton, 2008, pp. 303–372.

Fedorov A. *Frazeologičeskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language.] Moscow, Astrel': AST Publ., 2008. 828 p. (In Russ.)

Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*. 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.

Frawley W. (ed.). *The Expression of Modality*. New York: Mouton de Gruyter, 2006.

Goldberg A. E. *Constructions: A construction grammar approach to argument structure*. University of Chicago Press, 1995.

Gusev, V. Yu. *Tipologiya imperativa*. [Typology of Imperative]. Moscow, Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2013. (In Russ.)

Janda L. A., Endresen A., Zhukova V., Mordashova D., Rakhilina E. How to build a constructicon in five years: the Russian example. *Belgian Journal of Linguistics*. 2020, vol. 34, no. 1, pp. 161–173.

Khrakovskij V. S., Maľchukov A. L. *Ierarkhiya I vzaimodejstvie grammaticheskikh kategorij glagola* [Hierarchy and interaction of verbal categories]. St. Petersburg, Institut lingvističeskikh issledovanij RAN. 2020. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. London: The University of Chicago Press, 2003.

Lubenskaya S. I. Bol'shoj rusko-anglijskij frazeologičeskij slovar'. [Big Russian-English phraseological dictionary]. AST-Press Publ., 2004. (In Russ.)

Mel'čuk I. A. *Kurs obshhej morfologii* [General morphology course]. Vol. II]. Moscow–Vienna, 1998. (In Russ.)

Mel'čuk I. A. *Opyt teorii lingvističeskikh modelej «Smysl ⇔ Tekst»*. [Outline of a Theory of «Meaning-Text» Linguistic Models]. Moscow, 1974 (In Russ.)

Mey J. L. *Pragmatics: an introduction*. Oxford: Blackwell, 2001.

Molotkov A. I. *Frazeologičeskij slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1967. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'ju* [Utterance and its Correlation with Reality]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 1985. (In Russ.)

Palmer F. R. *Mood and modality*. Cambridge university press, 2001.

Plungian V. A. *Vvedenie v grammatičeskiju semantiku: Grammatičeskie značenija I grammatičeskie sistemy jazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: grammatical meanings and grammatical systems of languages]. Moscow, RSUH Publ., 2011. (In Russ.)

Puzhaeva S. Yu., Gerasimenko E. A., Zakharova E. S., Rakhilina E. V. [Automatic extraction of formulaic expressions from Russian texts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika I mezhu'ltturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2018, vol. 16, no. 2. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [Types of metaphorical uses of aqua-motion verbs]. T. A. Majsak, E. V. Rakhilina (ed.). *Glagoly dvizheniya v vode: leksicheskaya tipologiya* [Verbs of motion in water: lexical typology]. Moscow, Indrik Publ., 2007, pp. 76–105. (In Russ.)

Rakhilina E. V. [A couple of words about “moe pochtenie” discourse formula] *VAProsy yazykoznaniya: Megasbornik nanostatej*. 2020, pp. 271–277. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Su Khen Li. [On the category of lexical multiplicity]. *Lingvistika konstruksij* [Linguistics of constructions]. 2010, pp. 350–396. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Bonch-Osmolovskaya A. A. [The typology of transformations of constructions: predicates of pain]. *Lingvistika konstruksij* [Linguistics of constructions]. 2010. pp. 456–540. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Reznikova T. I., Ryzhova D. A. [The metaphors of falling]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvističeskikh issledovanij* [Proc. of the Institute for Linguistic Studies, RAS]. 2020, vol. 16, pp. 64–112. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Bychkova P. A., Zhukova S. Yu. [Speech acts as a linguistic category: the case of discourse formulae]. *Voprosy yazykoznanija*. 2021, no. 2, pp. 7–27. (In Russ.)

Rakhilina E., Koziuk E., Bychkova P. *Discourse Formulae and Constructions: There and Back*. A talk presented at the Slavic Cognitive Linguistics Conference (SCLC-2020/2021), June 3, 2021.

Teliya V. N. (ed.). *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo yazyka: znachenie, upotreblenie, kul'turologicheskij kommentarij* [Big phraseological dictionary of Russian: meaning, use, culturological comment]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2006. (In Russ.)

TKS — Mel'chuk I. A., Zholkovskii A. K. *Tolkovo-kombinatorny slovar' russkogo yazyka: Opyty semantiko-sintaksicheskogo opisaniya russkoy leksiki* [The Explanatory combinatory dictionary of contemporary Russian: Experiments in semantic and syntactic description of Russian vocabulary]. 2nd ed., corr. Moscow, Izdatel'skiy Dom YASK Publ., 2016. (In Russ.)

Traugott E. C. From subjectification to intersubjectification. *Motives for language change*. 2003, vol. 124, pp. 124–139.

Yaskevich A. A., Bychkova P. A., Slepak E. A., Rakhilina E. V. [The database of Russian discourse formulae “Pragmaticon”]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2022. (In print) (In Russ.)

Zemskaja E. A. Aktivnye processy sovremennogo slovoпроизводства [Active processes in the field of derivation in contemporary language]. *Russkij jazyk konca XX stoletija* [Russian language at the end of the 20th century]. Moscow, Jazyk russkoj kul'tury Publ., 2000. (In Russ.)

Zhukova S. Yu., Orekhov B. V., Rakhilina E. V. [Discourse formulae in Russian: diachronic approach]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2019, vol. 21, pp. 142–164. (In Russ.)

Zhukova S. Yu. *Diskursivnye formuly russkogo yazyka v diakhronicheskom aspekte (na materiale XVIII–XXI vekov)*: Diss. kand. filol. nauk [Discursive formulas of the Russian language in diachronic aspect (on the material of the XVIII–XXI centuries): cand. of philology diss.]. HSE University. Moscow, 2021, 283 p.

Zhurinskii A. N. *Semanticheskaya struktura zagadki: Nemetaforicheskie preobrazovaniya smysla* [The semantic structure of the riddle: Non-metaphorical transformations of meaning]. Moscow, Nauka Publ., 1989. (In Russ.)

¹А. А. Яскевич, ¹П. А. Бычкова, ¹Е. А. Слепак, ^{1,2}Е. В. Рахилина

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

²Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)

*aaugaskevich@edu.hse.ru, polyatomson@gmail.com,
janenikel16@gmail.com, rakhilina@gmail.com*

БАЗА ДИСКУРСИВНЫХ ФОРМУЛ РУССКОГО ЯЗЫКА «ПРАГМАТИКОН»¹

Статья описывает устройство лингвистического онлайн-ресурса «Прагматикон», посвященного дискурсивным формулам русского языка (ср. *Да ладно!*, *А как же!*, *Ничего себе!*). Дискурсивные формулы определяются как частотные и идиоматичные неоднословные единицы, используемые в качестве ответных реплик диалога. В «Прагматиконе» реализуется конструкционный подход к описанию этих единиц, продолжающий идею проекта «Русский Конструктикон» — базы данных конструкций русского языка. Дискурсивные формулы попадают под определение конструкций за счет своей идиоматичности. Тем не менее, они имеют ряд особенностей, отличающих их от стандартных конструкций, входящих в «Русский Конструктикон». Главная из них — то, что, будучи самостоятельными законченными высказываниями, дискурсивные формулы не имеют синтаксических слотов. Обычно слоты являются центральным элементом в описании конструкции, и ограничения на них позволяют точнее определить её семантику. Для дискурсивных формул ограничения в употреблении связаны в первую очередь с иллюкутивным типом предыдущей реплики, на которую они реагируют. Формат представления этих ограничений был разработан специально для «Прагматикона», с опорой на традиционную классификацию речевых актов. Значение дискурсивных формул (положительный или отрицательный ответ собеседнику) тоже принципиально отличается от квази-грамматического значения конструкций в «Русском Конструктиконе». Поэтому и классификация единиц, входящих в «Прагматикон», устроена иначе и состоит из двух уровней: основного прагматического (подтверждение,

¹ Настоящая статья написана в рамках проекта «ТРОИКА» (проект «ТРОИКА»), поддержан Министерством высшего образования Республики Корея и Национальным исследовательским фондом Кореи (NRF-2021S1A5A2A03065528).

разрешение, отказ, запрет, отрицание и пр.) и дополнительного семантического (отрицательная или положительная оценка, вероятностный статус и пр.). В статье освещается разработанная авторами система разметки, функционал сайта (несколько возможных способов поиска, заложенных под разные задачи) и проблемы отображения многоуровневого описания дискурсивных формул. Ресурс находится в открытом доступе и ориентирован главным образом на изучающих РКИ, однако включает данные и для носителей русского, работающих с языком, в частности, переводчиков.

Ключевые слова: грамматика конструкций, дискурсивные формулы, ответные реплики диалога, прагматика, лингвистические ресурсы.

1. Введение

Эта статья представляет новый лингвистический ресурс — базу русских диалоговых конструкций, называемых дискурсивными формулами. Дискурсивные формулы (ДФ) мы определяем как разговорные выражения, соответствующие нескольким критериям²: а) употребление в качестве реакции на предшествующий речевой акт; б) обладание собственной иллокутивной силой; в) способность употребляться автономно, в виде отдельной реплики; г) та или иная степень идиоматичности. Пример такого выражения — формула *(Да) (и) не говори!*: она выражает согласие с речевым актом собеседника, имеет непрозрачную внутреннюю структуру и может быть использована как самостоятельное высказывание:

- (1) — *Да... Со старым аккумулятором это не жизнь...*
— *Да и не говорите!* [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Берегись автомобиля, к/ф (1966)]

Поскольку основным для базы является русский материал, она ориентирована в первую очередь на иностранцев, изучающих русский язык. В связи с этим в ней используется насколько возможно упрощенная подача информации и избегается терминология. Однако ее содержание может представлять интерес и для носителей русского языка — не только преподавателей РКИ, но и переводчиков, а также для лингвистов: как основа для более детального внутриязыкового или типологического исследования внутренней формы таких конструкций, типов иллокутивной силы, интонации или жестикуляции.

1.1. Связь «Прагматикона» с проектом «Русский Конструктикон»

База представляет собой практический результат многопрофильного проекта по исследованию дискурсивных формул, который ведется в Школе Лингвистики

² Класс дискурсивных формул отчасти пересекается с другими, в частности выделяемым во фразеологии классом речевых формул [Баранов, Добровольский 2008: 78–95], коммуникативами [Шаронов 2018], коммуникемами [Меликян 1999]. Вопрос терминологического и сущностного разграничения этих классов освещается в [Рахилина, Бычкова 2021].

НИУ ВШЭ с 2017-го года³. Проект был основан с целью более подробной разработки периферийной части Русского конструктикона, см. [Эндресен и др. 2020]. В электронную базу Русского конструктикона включаются классические конструкции в понимании [Fillmore и др. 1988]: синтаксически интегрированные в контекст за счет переменных и обладающие (квази-) грамматическим значением — ср. конструкцию интенсификации *NP Adj-Сопр некуда (настроение хуже некуда)* или волитивную *NP-Gen бы (чаю бы!)*. Значение дискурсивных формул, напротив, нельзя назвать грамматическим: скорее прагматическим, и они иначе связываются со внешним контекстом — поскольку этот контекст оказывается за пределами высказывания. Очевидно, что и лексикографическое описание таких нестандартных конструкций требует специального подхода — и, как стало понятно в ходе нашей работы, отдельной платформы для его представления.

Тем не менее, база ДФ — «Прагматикон» — по-прежнему тесно связана с Конструктиконом. В частности, опыт описания ДФ дал методологическую базу для описания таких дискурсивных конструкций, которые, хотя и являются частью целого предложения, реагируют на реплику-антецедент, как формулы. Например, конструкция *Еще бы X!* может использоваться только в ответном высказывании, и содержимое переменной *X* должно быть противоположно пропозиции собеседника (см. 2). Здесь тоже при описании невозможно оставаться на уровне семантико-синтаксических ограничений: нужно переходить на уровень взаимодействия между участниками диалога и учитывать ожидания говорящего от собеседника.

- (2) — **Я же работаю!** — добавил он, исподтишка поглядывая на Доронина.
— **Еще бы ты не работал,** — бросил Доронин <...> [В. К. Кетлинская. Мужество (1934–1938)]

Кроме того, поскольку значительная часть дискурсивных формул восходит к конструкциям: ср. ту же *Еще бы!*, или *Не то чтобы!*, *Не факт* (Жукова и др. 2019), список ДФ используется для пополнения списка конструкций. Родственные дискурсивным формулам конструкции, добавляемые в Конструктикон, будут связываться ссылками с ДФ в нашей базе.

1.2. Материал

В основе базы лежит описанный в [Пужаева и др. 2018] список, который был составлен при помощи ручной и автоматической разметки драматических текстов. Исходный объем собранного таким путем материала составлял около трех тысяч единиц; в конечном, тщательно разобранным и очищенном списке осталось более 600 формул.

Важно, что наш исходный материал (как сопряженный с «Русским конструктиконом») состоял исключительно из неоднословных формул. Поэтому ответные

³ В этом студенческом проекте в разное время участвовали: Е. И. Афанасьева, С. Ю. Жукова, Т. А. Зотова, Е. Ю. Козюк, М. А. Коршак, М. Ш. Рахматуллоева. Авторы статьи выражают им искреннюю благодарность за вклад в заполнение базы и совместную работу над классификацией списка ДФ.

реплики из одного слова, в том числе и высокочастотные вроде *Конечно!* и *Правда?*, в список не входят. Семантика таких предикативов кажется более предсказуемой оттого, что они без существенных изменений встраиваются в обычные синтаксические конструкции:

- (3) *Они конечно опаздывают. VS. — Они опаздывают? — Конечно.*
(4) *Правда, что они уехали? VS. Они уехали. — Правда?*

Тем не менее, надо признать, что так ведут себя не все однословные ответные единицы. Некоторые из них не являются предикативами, ср. *Скажи?* (подтверждение):

- (5) — *Красавец. — Скажи?*

Кроме того, часть таких единиц приобретает новое значение именно в статусе ответных реплик: ср. *Хорошо!* (6) или *Щас!* (7), а некоторые и вовсе функционируют только как формулы и не могут быть встроены в предложение — ср. *Точняк!* (8).

- (6) — *Позвони, как прилетишь. — Хорошо!*
(7) — *Ты пойдешь? — Щас! Делать мне больше нечего*
(8) — *Он не сможет зайти, у него же ключей нет. — Точняк.* (но: **Точняк, что он не сможет зайти*).

С практической точки зрения представляется правильным отобразить в базе все однословные ответные реплики, наряду с неоднословными формулами, так как контекстные ограничения для ответных слов очень схожи с теми, которые мы описываем для ДФ. Вопрос только в том, чтобы сделать список таких формул. На данном этапе мы ограничились данными, которые приведены в словаре [Меликян 2001], собравшем дискурсивные единицы разного типа из классических толковых словарей русского языка, и приводим их как аналоги к неоднословным формулам.

Таким образом, в нашем распоряжении оказывается список весьма внушительного объема, что позволяет нам достаточно полно охватить класс дискурсивных формул. Однако главная лакуна, которую мы надеемся заполнить, заключается не в фиксации ДФ, а в их описании. В литературе, посвященной специально таким единицам (ср. уже упоминавшийся словарь коммуникем — [Меликян 2001]), даются толкования, помогающие понять, что означает формула в отдельно взятом контексте, но недостаточные для того, чтобы правильно их использовать. Мы в своем подходе к описанию ДФ, напротив, ориентируемся на активное употребление (в предельной степени эта идея представлена в проекте Активного словаря русского языка, см. [Апресян 2014]) и включаем в базу данных всесторонние сведения, которые очерчивают круг случаев употребления, учитывая контекстные ограничения.

Наш подход к описанию ограничений в употреблении дискурсивных формул освещается в [Рахилина, Бычкова 2021]. Он строится на классификации стимульных реплик, которая в основном соответствует общепринятой классификации речевых

актов. Например, формула отрицания *Не скажи!* реагирует на оценочные суждения (мнения) — см. 9, но не может быть ответом на вопрос, предложение или просьбу (10–12):

(9) — *У вас же тихо в бухгалтерии.*

— ***Не скажите!*** *Молодёжь одолевает. Целый день толчея.* [Эльдар Рязанов и др. Карнавальная ночь, к/ф (1956)]

(10) — *Марья Петровна тут?* — ***Не скажите!*** (OK *Как бы не так!*)

(11) — *Пошли пообедаем!* — ***Не скажи!*** (OK *Куда там!*)

(12) — *Наденьте маску, пожалуйста.* — ***Не скажите!*** (OK *Еще чего!*)

Таким образом, для того, чтобы иностранцы могли уместно употребить формулу, для нее необходимо указывать типы речевого акта, которые могут выступать в качестве стимула (подробнее см. раздел 3.3). Однако и этого может быть недостаточно: для по-настоящему правильного использования нужно учитывать и семантические оттенки, и сам способ произнесения — всю эту информацию мы также включаем в «Прагматикон».

Далее мы подробнее расскажем об устройстве ресурса. Во второй части статьи будут описаны заложенные нами принципы использования базы и связанные с ними возможности интерфейса, а в третьей пойдет речь о предлагаемой нами системе разметки.

2. Использование базы: функции поиска.

Данные проекта были преобразованы в несколько таблиц базы данных PostgreSQL. В итоговой структуре базы дискурсивная формула представлена **фразой**, т.е. строкой, состоящей из нескольких вариантов ДФ, которые содержат некое ядро формулы и обладают общим значением, но имеют незначительные формальные различия (например, *да ну* — *да ну его* — *ну его* или *ну ты даешь* — *ну вы даете*). На данный момент в базе данных содержится 698 таких фраз. Именно к фразе привязывается все описание формулы.

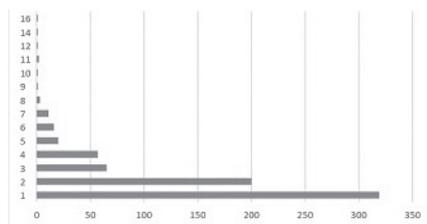

Рис. 1. Распределение ДФ в «Прагматиконе» по числу вариантов

Как видно на Рисунке 1, бóльшая часть дискурсивных формул (641, примерно 92%) состоит из 1–4 вариантов. В самом верху списка оказывается формула *что же ты*, представленная вариантами *что ж ты*, *ну что же ты*, *чего ж ты*, *ну чего же ты*, *чего же ты*, *что же вы так*, *ты что же*, *вы что же это*, *вы что*

это, ты что это, ты что же это, что же это ты, чего это ты, ты чего это, что это ты.

Интересно также и то, что словник формул «Прагматикона» довольно мал, а соотношение словника к корпусу вариантов кратно отличается в пользу последнего: 649 словоформ на 1472 варианта. Получается, что в среднем каждый элемент используется примерно в 2,3 вариантах формул. Усредненная картина, несомненно, не вполне отражает реальность, поскольку, если взглянуть на самые часто встречающиеся словоформы, то окажется, что однопроцентный барьер (на 4439 элементов всех вариантов) преодолевает всего 13 единиц (*что, не, да, ну, ты, это, так, и, а, как, вот, я, же*), при этом они покрывают почти половину слов во всех вариантах (1752 употреблений, 39,47%). То есть сверхчастотные служебные единицы либо составляют ядро формул, либо отвечают за их вариативность (особенно в этой роли активны *да* и *ну*, хотя бы одну из которых можно добавить к началу большинства ДФ). В то же время чем менее частотна единица, входящая в вариант формулы, тем более вероятно, что её значение можно охарактеризовать как лексическое. Слов, которые встретились только по одному разу, — 267 (это всего 0,06% от всего корпуса выражений), при этом в этом сегменте преобладают глагольные формы (115, т. е. 43%).

То, что в «Прагматиконе» словарная статья привязана к фразе, а не к выражению-заголовку, отражается и в работе поиска. Когда пользователь вводит слово (слова) или фрагмент (фрагменты), то сначала ищется вхождение данных элементов в списке словоформ. Затем отбираются варианты, содержащие данные словоформы, убираются дубликаты, и именно список вариантов пользователь видит в результатах поиска. По клику на то или иное выражение происходит отображение полных фраз с соответствующими им словарными статьями. Так, вариант *да ну* принадлежит сразу двум фразам, которые отличаются набором вариантов. Первая включает в себя только само заглавное выражение *да ну* и обладает четырьмя значениями (удивление, удивление-недоверие, отрицательная оценка и отрицание). Вторая фраза, включающая вариант *да ну*, содержит также варианты *да ну ego* и *ну ego* и имеет только одно значение — отказа. Для каждого значения внутри фразы отображается карточка описания, а сами значения пронумерованы.

Как видим, связь «формы» и «значения» не иерархическая (древовидная) как в классической лексикографии, а двунаправленная. Это может быть непривычно для пользователя, привыкшего к бумажному словарю, однако такой интерфейс и такая внутренняя структура данных отражают связи внутри языкового материала, представленного в «Прагматиконе».

Интерфейс и структура базы рассчитаны на три типа запросов: поиск информации о формуле, поиск формул по семантическим и прочим характеристикам — и поиск переводных коррелятов.

2.1. Поиск информации о формуле

В самом простом случае база может служить как справочный ресурс для поиска информации о значении конкретной дискурсивной формулы, интересующей пользователя. Для этого на заглавной странице предусмотрена поисковая строка,

куда можно ввести текстовый запрос. Этот способ работы с базой может быть полезен как изучающим русский язык при желании выяснить значение встреченного незнакомого выражения, так и преподавателям РКИ, — для поиска объяснений и иллюстраций.

Нужную формулу в базе можно найти по нескольким разным текстовым запросам на русском языке. Дело в том, что, хотя мы и определяем ДФ как неизменяемые конструкции, часть из них обладает некоторой ограниченной вариативностью, такой, как замена *ты* на *вы* (*Ну ты даешь!* — *Ну вы даете!*), присоединение частиц (*Ну тебя!* — *Да ну тебя!*) или, реже, перестановка элементов (*Да что ты!* — *Да ты что!*). В случаях, когда добавление или замена элемента не приводят к изменению значения формулы, мы считаем, что у дискурсивной формулы есть несколько вариантов. Однако важно, что такие преобразования нерегулярны даже внутри одного и того же семантического класса формул, и в других случаях или невозможны, или вносят ограничения на употребление формулы. Например, круг возможных контекстов для формулы *Ну и ладно!* иной, чем для многозначной *Да ладно!*, при том, что различие между вариантами *Ну и черт с ним!* и *Да черт с ним!* незначительно. То же касается изменения в числе: возможны варианты *Да что ты говоришь!* и *Да что вы говорите!*, но ДФ *Ишь ты!* не имеет формы **Ишь вы!*. Именно поэтому описание ДФ в нашей базе включает перечисление всех возможных вариантов — и для поиска можно использовать любой из них.

2.2. Поиск новых формул: функция фильтра

Мы предполагаем, что иностранцы, изучающие русский язык, смогут использовать базу и как инструмент для самостоятельного пополнения своего словаря (или, точнее, конструктора). В таком случае пользователь может не иметь в виду никакой конкретной формулы, но искать средства выражения определенной реакции — например, способы выразить несогласие с собеседником. Специально для этого в интерфейс заложена возможность просмотреть списки дискурсивных формул в каждом семантическом классе (согласия, подтверждения, запрета, отказа и пр.), а также создан дополнительный инструмент более тонкой настройки поиска, позволяющий отфильтровать результаты выдачи.

Расширенный поиск устроен так, чтобы пользователь мог задать любое число необходимых тегов из задействованных в разметке — см. Рисунок 2. Он позволяет сочетать сразу несколько параметров (например, «основная функция» и «дополнительная семантика»), а также искать комбинации нескольких тегов внутри одного параметра (например, тегов «просьба» и «предложение» внутри поля «реплика-стимул»). Выдача содержит список всех ДФ, соответствующих заданным критериям. Если никаких критериев не задано, пользователю отображается весь список целиком.

2.3. Поиск переводных коррелятов

Поскольку в базу вносятся также примерные переводные эквиваленты русских формул — в первую очередь английские, но с недавних пор также немецкие и китайские — в перспективе база сможет служить в качестве переводного словаря, и здесь

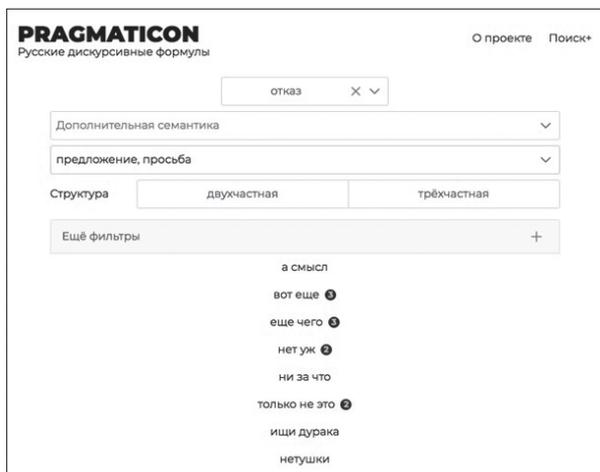

Рис. 2. Пример запроса с применением расширенного поиска

ее аудитория выходит далеко за пределы РКИ-сообщества. При подборе английских эквивалентов мы опираемся на параллельные корпуса, словарь [Лубенская 1997], а также данные опросов носителей по специально разработанным нами анкетам (см. [Бычкова 2020а]). Благодаря тому, что для каждого значения полисемичных русских формул в базе создается отдельная запись, переводные эквиваленты вносятся отдельно для каждого значения (в терминологии MLexT — фрейма), что позволяет лучше отобразить расхождения между аналогами.

Переводные эквиваленты могут использоваться для поиска русских ДФ. Так, в поисковую строку можно ввести английскую формулу (например, *You bet!*), и в результатах будет список синонимичных русских формул, которые ей соответствуют: *Еще бы!*, *А то!* *Именно так!* *И не говори!*. В свою очередь, если в базе открыть статью об употреблении русской формулы, можно увидеть несколько английских

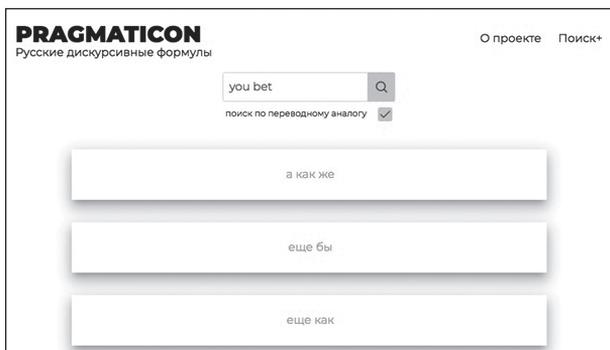

Рис. 3. Пример поиска по переводному аналогу: список русских ДФ, синонимичных английской ДФ *You bet*

эквивалентов, которые могут быть использованы в таком контексте. В этой базе мы не ставим задачи детального описания и сопоставления переводных аналогов, поэтому их разметка ограничивается полем для примеров.

3. Разметка

Сведения о каждой ДФ в базе представлены по специальным разделам, которые, как было показано на примерах многозначных *Ты что!* [Бычкова 2020б] и *Да ну!* [Бычкова и др. 2019], релевантны для описания употребления дискурсивных формул. Эти разделы включают в себя: основную прагматическую функцию, дополнительную семантику, типы возможных стимульных речевых актов, описание интонации и сопровождающей жестикуляции и переводные эквиваленты. К каждой русской ДФ приводится несколько упрощенных примеров из НКРЯ. Как уже говорилось, к переводным эквивалентам также дается пример — из анкеты либо параллельного корпуса. Далее мы подробнее остановимся на разделах описания русских ДФ.

3.1. Основная (прагматическая) функция

Как это и должно быть в общедоступном ресурсе, ориентированном на пользователя-неспециалиста, основное деление списка формул строится на достаточно простой семантико-прагматической классификации. В ней выделяются десять больших типов условно положительных и отрицательных ответов: **подтверждение** (говорящий соглашается с Р / дает утвердительный ответ на общий вопрос Р), **согласие** (говорящий соглашается *на* что-то: ответ на директивные речевые акты — просьбы, предложения и т. п.) и **разрешение, отрицание, отказ и запрет, удивление, безразличие** (ср. *Ну и пожалуйста!* / *Все равно*), **оценка собеседника** (ср. *Эх ты!*) и **переспрос** (ср. *В смысле?*)⁴.

Как видно, сами названия ответных речевых актов вынуждают нас распределять отказы и запреты по двум семантическим тегам, несмотря на то, что большинство частотных формул (ср. *Еще чего!*, *Вот еще!* *Ишь чего захотел/а!* и пр.) попадают в оба класса. В то же время к обозначениям классов положительных ответов приходится добавлять пояснения в скобках — потому что в русском языке семантика *согласиться* / *согласие* слишком широка. С одной стороны, она соотносится с ответами, обратными отказу и запрету — *согласиться* / *согласие* **НА** NP-Acc / VP-Inf, а с другой — с выражением солидарности — *согласиться* / *согласие* **С** NP /, *что* XP, которое мы считаем частью подтверждения. Эта асимметрия в распределении отрицательных и положительных реакций сама по себе представляет интересную проблему, связанную с типологией глаголов речи, ср. [Wierzbicka 1985]. На первый взгляд кажется, что глаголы речи представляют собой естественно-языковые семантические теги, на которые можно опираться в лингвистическом описании ДФ. Однако если формулы положительных реакций отчетливо распадаются

⁴ Есть редкие ДФ с более специфической функцией, которые не вполне укладываются в эту классификацию: например, формулы утешения или уговоров (*Будет тебе!*), которые находятся на периферии между оценкой и запретом.

на *согласия на просьбы и предложения (Так и быть!, Не вопрос!, Без проблем!) и согласия с мнениями (Вот именно!, Не говори!, Еще бы!)*⁵, сама лексема *согласие* этого противопоставления не отражает. К тому же, по опыту лексико-типологических исследований, семантика таких глаголов в разных языках не может быть тождественна. Поэтому семантические теги, которые мы используем терминологически, нельзя приравнивать к единицам естественного языка.

Примерно треть ДФ, внесенных в базу, имеет несколько значений из приведенного списка. Самые частые случаи полисемии — употребление одной и той же отрицательной формулы в контекстах запрета, отказа и отрицания, ср. примеры с уже упоминавшейся ДФ *Еще чего!*:

- (13) — *Хотим на крышу залезть. — Я с вами! — Еще чего! — Дверь не открою.* [Дарья Варденбург. Случаи медвежат // «Октябрь», 2002]
- (14) — *Выбросьте его, Ксения! — Еще чего! Сейчас я шоколадку ополосну, будет как новенькая!* [Вацлав Михальский. Прощеное воскресенье // Октябрь, 2009]
- (15) — *«Он шпион!» — сказал один из подошедших. «Еще чего! — сказал я. — Глупости. Я поэт».* [В. Д. Алейников. Гадзимас (2002)]

Есть также и формулы с широкой полисемией, которые, как правило, распространяются на другие классы за счет того, что в их внутренней форме присутствует апелляция к собеседнику. Например, *Что ты говоришь!* попадает в класс и отрицания, и запрета, и удивления, и даже переспроса.

Для отображения многозначности в базе мы создаем отдельное вхождение для каждого тега основной функции у полисемичной формулы. Так, при переходе в словарную статью *Да ну!* пользователь видит пять самостоятельных описаний этой формулы в каждом из значений. Для удобства ненужные описания можно свернуть.

Такое решение объясняется двумя соображениями. Во-первых, вся оставшаяся разметка ДФ, включая текстовые и мультимедийные примеры, дополнительную семантику и, главное, стимульные контексты, зависит от основной функции (см. Таблицу 1), и нам необходимо такое представление, в котором бы четко прослеживались эти соответствия. Во-вторых, это технически удобнее, поскольку в случае применения фильтра позволяет видеть многозначную формулу только в запрошенном значении.

3.2. Дополнительная семантика

Внутри каждого из основных прагматических классов наблюдается семантическая неоднородность. Она описывается при помощи системы дополнительных семантических тегов. Среди них есть такие, которые описывают презумпции говорящего о ситуации диалога и особенности выражаемой интенции, деля конкретный

⁵ Это же касается и однословных ответов, включая главную положительную ответную частицу — *Да*. Она употребляется в функции подтверждения или утвердительного ответа на общий вопрос, но в контекстах директивных речевых актов — просьб и предложений — не используется, уступая специализированным *Хорошо!*, *Ладно!* или заимствованному *Ок!*.

Рис. 4. Отображение информации о полисемичной формуле

класс на закрытые подгруппы, а также общесемантические (оценка, интенсивность) которые создают фасетную классификацию.

К первым относятся, например, теги класса формул удивления — <недоверие>, <осознание> и, как ни странно, <отсутствие удивления>. Тег <недоверие> используется исключительно для формул удивления и отражает важную для этого класса — как и для ДФ вообще — оппозицию принятия или непринятия поступившего сообщения: все формулы удивления делятся на те, где говорящий не сомневается в истинности сказанного собеседником (*Вот это поворот! Ну и ну! Вот те на!*), и те, где из-за неожиданности сообщения говорящий ставит его под сомнение (*Да ладно! Ты шутишь! Как это так!*). Среди формул, в которых говорящий принимает сообщение на веру, выделяются еще две, хотя и менее многочисленные подгруппы. Одна из них обозначается тегом <осознание>. В нее попадает *Вот оно что!* и несколько других формально похожих ДФ, которые используются в специальных условиях: в отличие от обычного удивления, они являются реакцией не на полностью неожиданную ситуацию Р, но на такую, предполагать существование которой у говорящего были основания, потому что отдельные ее признаки уже находились в его поле зрения. Новость, сообщенная собеседником, дает объяснение этим признакам и как бы расставляет все на места — ср. пример:

- (16) — *А что, этот бурый медведь не тронул вас, ваше величество?*
 — *Нет, он мне только сказал на ухо два слова. <...> Он спросил, почему кричите вы, а не я. Это его очень удивило!*
 — *Я кричала от страха за вас, ваше величество!*
 — ***Вот оно что!*** *Пойдите объясните это медведю!* [Самуил Маршак. Двенадцать месяцев (1943)]

Можно заметить, что значение формул удивления по выделенным тегам плавно смещается от отрицания к подтверждению: от недоверия (сочетания удивления

с отрицанием) к «чистому» удивлению неожиданной ситуации и далее — к осознанию, вызванному новостью о ситуации, которую можно было предсказать. Следующая ступень в этом направлении — ответ, в котором говорящий бы продемонстрировал, что услышанная новость полностью соответствует его ожиданиям. Такие формулы действительно есть — например, *Кто бы сомневался!* и *Так я и знал/а*. Этой подгруппе соответствует тег <отсутствие удивления>. Несмотря на то, что такие ДФ выражают полную предсказуемость ситуации для говорящего, по своему контекстному распределению они больше всего похожи именно на класс удивления и могут считаться его периферией.

Другой пример — подгруппа, которая выделяется дополнительным тегом <речевой> в классе формул отказа. К ней относятся ДФ, которые используются в случаях намеренного коммуникативного провала — например, *Не твоё дело!* в ответ на вопрос. Внутри нее тоже есть разделение — на отказ вовсе продолжать разговор о Р (*Не будем об этом!*) и отказ отвечать на конкретную реплику. Последний может объясняться или нежеланием (*Не твоё дело!*, *Какая разница!*), или незнанием (*А черт (его) знает!*, *Понятия не имею!*). Таким образом, в наборе дополнительных тегов у *Понятия не имею!* будут отражены все уровни иерархии: <речевой отказ, отказ отвечать, незнание>.

Дополнительные теги второго типа не формируют осмысленных подгрупп и не привязаны к определенному классу формул. С их помощью размечаются вторичные семантические компоненты: положительная или отрицательная оценка, степень уверенности (для отрицания и подтверждения) или вежливости (для отрицания и отказа).

Система тегов удобна для того, чтобы ориентироваться в общем списке, однако в применении в РКИ она может оказаться недостаточно простой для понимания значения формулы. Поэтому в описание каждого вхождения добавлен дублирующий разметку раздел «Семантический фон», где в паре предложений объясняются интенции и ожидания говорящего.

3.3. Речевые акты: отображаются в примерах

Как уже упоминалось, главная особенность нашего подхода к описанию ДФ заключается в специально разработанной классификации контекстов их употребления. Она составлялась при помощи разметки корпусных вхождений для выборки из 56 ДФ — по 7 формул из каждого класса. Каждый новый тип контекста, встретившийся для одной формулы, проверялся для других, в результате чего получилась матрица с оценкой приемлемости сочетаний формула — контекст. Одинаковое распределение в этой матрице позволило объединить некоторые типы контекстов (например, общий вопрос о собеседнике с общим вопросом на отвлеченную тему), и в итоге был получен список из 7 основных типов стимульных речевых актов: общий вопрос, предположение, оценочное суждение (мнение), предложение, просьба, сообщение о намерении, новость. Дальнейшие типологические исследования отдельных классов ДФ продолжают выявлять дополнительные противопоставления

внутри этих типов — например, для употребления формул отказа оказались релевантны разные виды просьб и предложений (см. [Рахилина, Бычкова 2021]).

Для каждой формулы перечисляются основные речевые акты, на которые она способна реагировать, согласно корпусным данным. В дополнение к примерам реального употребления формулы, взятым из НКРЯ, в описании приводятся упрощенные диалоги, автоматически сгенерированные из стандартных примеров, иллюстрирующих типы стимульных речевых актов.

The screenshot shows the PRAGMATICON interface. At the top, it says "PRAGMATICON" and "Русские дискурсивные формулы". There are links for "О проекте" and "Поиск+". Below this, a list of phrases is shown: "да чего уж там • что уж там • чего там • ну что там • да чего там • ну чего там • чего ж там • да что уж • ну да что уж там • чего тут • чего уж • чего уж тут • уж что уж". The selected phrase is "ДА ЧТО ТАМ". To its right are two circular icons: a question mark and a person icon. Below the phrase, there are two buttons: "отрицание" and "девальоризация". Underneath, it says "Структура [двухчастная]". Then, it shows a dialog: "Б: Мне так неловко!" with buttons "извинение", "благодарность", and "комплимент". Below that, it shows "А: Да что там" with buttons "отрицание" and "девальоризация".

Рис. 5. Пример отображения структуры диалога

Небольшое число формул в списке используется в более сложных — *трехчастных* структурах (см. обсуждение трехчастной структуры употребления для ДФ *Как хочешь* и *Как знаешь* в [Жукова 2019]). В них дискурсивная формула не может стоять на месте второй реплики диалога и может выступать ответом только на ответ. В большинстве случаев это касается ДФ из класса безразличия, основным стимульным контекстом для которых является речевой акт запрета или отказа, которому предшествуют директивные речевые акты, принадлежащие самому говорящему: просьбы выполнить действие Р, просьбы разрешить Р, предложения и т. д. Аннотация для таких случаев предусматривает дополнительный слот, в который помещается первый речевой акт в структуре.

The screenshot shows the PRAGMATICON interface. At the top, it says "PRAGMATICON" and "Русские дискурсивные формулы". There are links for "О проекте" and "Поиск+". Below this, the phrase "ну нет так нет" is shown. The selected phrase is "НЕТ ТАК НЕТ" with a speaker icon to its right. To its right are two circular icons: a question mark and a person icon. Below the phrase, there are two buttons: "безразличие" and "(нейтр.)". Underneath, there is a dropdown menu showing "английский" and a text input field containing "suit yourself". Below that, it says "Структура [трёхчастная]". Then, it shows a dialog: "А: Тебе помочь?" with buttons "просьба", "просьба разрешить", "предложение", and "предложение помощи". Below that, it shows "Б: Нет, не надо." with buttons "отказ" and "запрет". Finally, it shows "А: Нет так нет" with a button "безразличие".

Рис. 6. Пример отображения диалога с трехчастной структурой

Соответствие основных семантических тегов и возможных типов стимульных речевых актов представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Соответствие семантических тегов и речевых актов

основная функция	теги дополнительной семантики	возможные стимульные контексты
подтверждение	очевидность, <i>уверенное / неуверенное, положительная / отрицательная оценка, интенсивное</i>	общий вопрос, предположение, мнение
согласие / разрешение	с энтузиазмом / с неохотой / безразличие	просьба (сделать Р), просьба разрешить, предложение, предложение помощи, сообщение о намерении, совет, просьба дать совет
отрицание	очевидность, девалоризация, <i>интенсивное, уверенное / неуверенное, вежливое, частичное, положительная / отрицательная оценка</i>	общий вопрос, предположение, мнение + для девалоризации — извинение, благодарность, комплимент
отказ	<i>вежливое</i> , речевой отказ [отказ продолжать разговор / отказ отвечать <нежелание отвечать / незнание>], невозможность / нежелание	просьба (сделать Р), предложение, предложение помощи, совет
запрет	<i>вежливое</i> , речевой запрет	просьба разрешить, сообщение о намерении, просьба дать совет
удивление	недоверие, принятие, осознание, <i>положительная / отрицательная оценка</i>	новость
безразличие	обида	отказ (трехчастная), запрет (трехчастная), новость, частный вопрос, предложение выбора, сообщение о намерении
оценка собеседника	положительная / отрицательная оценка	новость (о собеседнике), сообщение о намерении
переспрос	[о непонятном <о причине> / о нерасслышанном], угроза	любой РА

4. Интонация и жесты: мультимедийные примеры

Как было показано в [Бычкова и др. 2018], в отсутствие контекста внутри реплики, функция разрешения многозначности полисемичных ДФ во многом ложится на невербальные компоненты высказывания — интонацию и сопровождающие жесты⁶. Хорошо известно, что тип речевого акта в русском языке связан с определенными интонационными паттернами [Янко 2008: 26], и более новые исследования жестикуляции также показывают корреляцию между жестами и видом иллокуции (см. например, [Гришина 2017: 538] о жестикуляции при директивных речевых актах). Дискурсивные формулы, как особые фиксированные иллокуции, не являются исключением: обычно за каждой из них закреплен конкретный способ произнесения: мелодический контур и положение интонационного центра. Жесты обычно

⁶ Ср. также Гришина 2010 о невербальных свойствах многозначного междометия *А!*.

допускают больше вариативности, однако количественный анализ корпусных данных показывает, что некоторые из них оказываются ассоциированы с формулами (в конкретном употреблении), в то время как использование других в этих случаях представляется невозможным.

Жесты, не говоря уже об интонации, являются частью лингвистической системы, и, во всяком случае, отчасти лингвоспецифичны (см., например, типологические исследования о жестикуляции при глаголах движения). Для того чтобы у иностранцев было представление о том, как именно произносится формула, в описание ДФ добавляются мультимедийные примеры: короткое видео полного диалога с формулой (взятое из МУРКО, Мультимедийного корпуса НКРЯ, и снабженное субтитрами) и аудио-запись, иллюстрирующая произношение самой единицы (функция, присутствующая во многих онлайн-словарях).

Для преподавателей РКИ и лингвистов в базе также отображается текстовая разметка интонации и жестов. Интонационный контур обозначается с использованием системы интонационных конструкций по [Брызгунова 1980].

Для разметки жестикуляции выбираются наиболее частотные жесты, встретившиеся с ДФ в МУРКО. Они приводятся в системе аннотации, разработанной для этого корпуса Е. В. Гришиной [Гришина 2008].

Например, формула *Не в этом дело!* встречается в МУРКО 53 раза. Из них на 23 записях не видно жестов, на 7 говорящий, произнося ДФ, мотает головой, на 8 — склоняет голову набок и на 15 — смещает голову в сторону (не наклоняя и не поворачивая ее по вертикальной оси). Во всех этих случаях говорящий не смотрит на собеседника. Соответственно, для этой формулы в разметке приводится следующая запись: *повести головой в бок, взгляд вне ЗК (зоны коммуникации)*.

5. Заключение

База была задумана как раздел Русского конструктикона — но сейчас уже совершенно очевидно, что она должна быть организована по-своему, потому что прагматическая зона слишком мало похожа на зону грамматики. «Прагматикон» уже находится в открытом доступе, по адресу pragmaticon.ruscogroa.ru, и со временем будет совершенствоваться и пополняться новым материалом.

Литература

Апресян Ю. Д. (отв. ред.) Активный словарь русского языка. Москва: Языки славянской культуры, 2014. 736 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. Москва: Знак, 2008. 656 с.

Брызгунова Е. А. Интонация. Русская грамматика. Москва: Наука, 1980. С. 102–20.

Бычкова П. А., Рахилина Е. В., Слепак Е. А. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21. С. 256–284.

Бычкова П. А. Дискурсивные формулы подтверждения в типологической перспективе // *Jezikoslovní zapiski*. 2020a. № 26 (2). С. 111–128.

Бычкова П. А. Свойства дискурсивных формул на примере русских конструкций ТЫ ЧТО и ЧТО ТЫ // Русский язык в научном освещении. 2020б. № 2 (40). С. 88–111.

Гришина Е. А. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. Плунгян В. А. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2008. С. 175–214.

Гришина Е. А. Вокальный жест А в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2010»). Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010. С. 102–112.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. Москва: Издательский дом ЯСК, 2017. 744 с.

Жукова С. Ю. Дискурсивные формулы русского языка как хочешь, как знаешь в диахроническом аспекте // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2019. № 3. С. 295–319.

Жукова С. Ю. Орехов Б. В., Рахилина Е. В. Дискурсивные формулы русского языка: диахронический подход // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21. С. 142–164.

Лубенская С. И. Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997.

Меликян В. Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 43–53.

Меликян В. Ю. Словарь: эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта: Наука, 2001. 239 с.

Пужаева С. Ю., Герасименко Е. А., Захарова Е. С., Рахилина Е. В. Автоматическое извлечение дискурсивных формул из текстов на русском языке // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 16. С. 5–18.

Рахилина Е. В., Бычкова П. А. Речевые акты как лингвистическая категория. Дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.

Шаронов И. А. Семантические и прагматические аспекты описания вводных слов и коммуникативов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 58–68.

Эндерсен А. А., Жукова В. А., Мордашова Д. Д., Рахилина Е. В., Ляшевская О. Н. Русский конструктик: новый лингвистический ресурс, его устройство и специфика // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (Москва, 17 июня — 20 июня 2020 г.), 2020. № 19 (26).

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone // Language. Vol. 64. № 3. P. 501–538.

Wierzbicka Anna. Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. 1985. № 9. С. 145–78.

¹A. A. Yaskevitch, ¹P. A. Bychkova, ¹E. A. Slepak, ^{1,2}E. V. Rakhilina

¹National Research University Higher School of Economics

²V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

aayaskevich@edu.hse.ru, polyatomson@gmail.com,

janenikel16@gmail.com, rakhilina@gmail.com

PRAGMATICON: THE DATABASE OF RUSSIAN DISCOURSE FORMULAE

This paper presents Pragmaticon: a database of Russian discourse formulae (cf. *Da ladno!* ‘≈ come on’, *A kak že!* ‘≈ you bet’, *Tak I byt’* ‘≈ so be it’). Being idiomatic and bearing specific illocutionary force, these units require an adequate model for their lexicographic representation. The means of the Russian Constructicon database, designed to describe constructions of the Russian language, proved to be insufficient for the description of discourse formulae. The paper discusses the system of annotation, and the features of the interface that were developed for Pragmaticon. The new database is now freely accessible online and can be explored by the students of Russian as a foreign language, or any other users that are interested in spoken Russian language.

Keywords: Construction grammar, dialogic replies, discourse formulae, pragmatic constructions, linguistic databases

References

- Apresyan Yu. D. (ed.) *Aktivnyi slovar’ russkogo yazyka* [Active dictionary of the Russian Language]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul’tury Publ., 2014. 736 p. (in Russ.)
- Baranov A. N., Dobrovol’skii D. O. *Aspekty teorii frazeologii* [Aspects of the theory of phraseology]. Moscow: Znak Publ., 2008. 656 p. (in Russ.)
- Bryzgunova E. A. *Intonatsiya. Russkaya grammatika*. [Intonation. Russian grammar]. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 102–120. (in Russ.)
- Bychkova P. A. [Discourse formulae of confirmation from typological perspective]. *Jezikoslovni zapiski*, 2020a, no. 26 (2), pp. 111–128. (in Russ.)
- Bychkova P. A. [Properties of discourse formulae. The case of TY CHTO and CHTO TY]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020b, no. 2 (40), pp. 88–111 (in Russ.)
- Bychkova P. A., Rakhilina E. V., Slepak E. A. [Discourse formulae, polysemy and gesture marking]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of V. V. Vinogradov Russian language Institute], 2019, 21: 256–284. (in Russ.)
- Endresen A. A., Zhukova V. A., Mordashova D. D., Rakhilina E. V., Lyashevskaya O. N. [The Russian Constructicon: A new linguistic resource, its design and key characteristics]. *Komp’yuternaya lingvistika i intellektual’nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog”*. [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”]. Issue 19 (26). Moscow, RSUH Publ., 2020, pp. 241–255. (In Russ.)

Fillmore C. J., Kay P., O'Connor M. C. Regularity and idiomaticity in grammatical constructions: The case of let alone. *Language*. 1988, vol. 64, no. 3, pp. 501–538.

Grishina E. A. [Multimodal Russian Corpus (MURCO): Problems of annotation]. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty i perspektivy* [The Russian National Corpus: 2006–2008. New results and perspectives] / ed. by V. A. Plungyan. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008, pp. 175–214. (in Russ.)

Grishina E. A. [Vocal Gesture *Ah* in Spoken Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyeologii (Mezhdunarodnaya konferenciya "Dialog 2010"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2010)]. Issue 9 (16). Moscow, RSUH Publ., 2010, pp. 102–112. (In Russ.)

Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya*. [Russian gestures from a linguistic perspective. A collection of corpus studies]. Moscow: Izdatel'skii dom YaSK, 2017. 744 p. (in Russ.)

Lubenskaya S. I. *Russko-angliiskii frazeologicheskii slovar'* [Russian-English phraseological dictionary]. 1st ed. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1997. (in Russ.)

Melikian V. Yu. [Towards the problem of grammatical and derivational paradigm of communicemes]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1999, no. 6, pp. 43–53. (in Russ.)

Melikian V. Yu. *Slovar': emotsional'no-ekspressivnye oboroty zhivoi rechi* [Dictionary: emotionally expressive figures of speech]. Moscow: Flinta: Nauka Publ., 2001. 239 p. (in Russ.)

Puzhaeva S. Yu., Gerasimenko E. A., Zakharova E. S., Rakhilina E. V. [Automatic extraction of formulaic expressions from Russian texts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication]. 2018, vol. 16, no. 2. (In Russ.)

Rakhilina E. V., Bychkova P. A. [Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2021, no. 2, pp. 7–27. (in Russ.)

Sharonov I. [Semantic and pragmatic aspects of the description of parentheses and communicatives]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, no. 51, pp. 58–68. (in Russ.)

Wierzbicka Anna. Different Cultures, Different Languages, Different Speech Acts. *Journal of Pragmatics*, 1985, no. 9, pp. 145–78.

Yanko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonational strategies of Russian speech in comparative context]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2008. (in Russ.)

Zhukova S. Yu. [Discourse formulae *Kak hochesh* and *kak znaesh* in the diachronic aspect]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Proc. of the Institute for Linguistic Studies, RAS]. 2019, no. 3, pp. 295–319. (in Russ.)

Zhukova S. Yu., Orekhov B. V., Rakhilina E. V. [Russian discursive formulae: A diachronic approach]. *Trudy instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2019, vol. 21, pp. 142–164. (in Russ.)

С. П. Тимошенко

Институт проблем передачи информации

им. А. А. Харкевича РАН

(Россия, Москва)

timoshenko@iitp.ru

КОРПУСНЫЙ АНАЛИЗ АДЪЕКТИВНЫХ ЛЕКСИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СОЧЕТАНИЙ ИЗ КОМБИНАТОРНОГО СЛОВАРЯ СИСТЕМЫ ЭТАП¹

Авторы работы ставили перед собой цель оценить репрезентативность коллекции лексико-функциональных словосочетаний (ЛФ-сочетаний), содержащихся в комбинаторном словаре системы ЭТАП. Из коллекции были отобраны сочетания, удовлетворяющие морфологическому шаблону «существительное управляет прилагательным». В терминах теории лексических функций подобные сочетания могут описываться одной из 6 функций — MAGN, BON, VER и их «антонимами» ANTIMAGN, ANTIBON и ANTIVER. Полученное подмножество мы сравнили с соответствующей частью «Словаря русской идиоматики», составленного Г. И. Кустовой. Этот словарь целиком посвящен сочетаниям слов со значением высокой степени. Больше половины в нем также составляют сочетания существительных с прилагательными. Далее и коллекция ЛФ-сочетаний из комбинаторного словаря, и словосочетания из словаря Кустовой проверялись на предмет вхождения в синтаксически размеченный корпус СинТагРус. Для выражений, обнаруженных в корпусе, рассчитывались меры устойчивости: точечная взаимная информация (Pointwise Mutual Information), тест Стьюдента (t-test), коэффициент Дайса (Dice's coefficient), отношение правдоподобия (Log-likelihood ratio). Полученные данные показывают: 1) ЛФ-словосочетания комбинаторного словаря и словосочетания словаря Г. И. Кустовой имеют довольно небольшую общую часть (в последний входит лишь 27% ЛФ-сочетаний типа MAGN); 2) приблизительно одинаковые доли ЛФ-словосочетаний комбинаторного словаря и словаря Г. И. Кустовой (около 20%) засвидетельствованы в СинТагРусе; 3) засвидетельствованные в корпусе словосочетания имеют сходные показатели мер устойчивости вне зависимости от того, из какого словаря они происходят; 4) такие меры устойчивости, как точечная

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793.

взаимная информация и коэффициент Дайса, дают для рассматриваемых словосочетаний нетривиальные оценки неслучайности даже на таком небольшом корпусе, как СинТагРус; 5) синтаксически размеченный корпус хорошо подходит для поиска и оценки устойчивости ЛФ-сочетаний, поскольку они не являются линейно неразрывными.

Ключевые слова: лексические функции, MAGN, меры устойчивости, точечная взаимная информация, коэффициент Дайса, синтаксически размеченный корпус, СинТагРус, коллокации, интенсификаторы.

Лексические функции были предложены в модели “Смысл \Leftrightarrow Текст” И. А. Мельчука (подробнее см. [Мельчук 1974] или [Мельчук 1995]; [Иорданская, Мельчук 2007]). Теория лексических функций исходит из того, что некоторые абстрактные и универсальные смыслы, такие как ‘начало’, ‘каузация’, ‘высокая степень’, имеют в языке не одно слово для своего выражения, а целый класс слов. При порождении речи выбор того или иного слова из этого класса целиком определяется тем словом, к которому требуется этот абстрактный смысл приложить. Таким образом, зависимость между словами напоминает функциональную зависимость в математическом смысле: слово, модифицируемое абстрактным смыслом, уподобляется аргументу функции, а слово, которое этот «аргумент» выбирает из соответствующего класса, — это значение функции. Некоторые лексические функции описывают парадигматические отношения между словами (например, S_1 , ‘тот, кто осуществляет X’: *учить* — *учитель*), а некоторые — синтагматические. В последнем случае слова, связанные лексико-функциональным отношением, соседствуют в тексте и связаны подчинительными отношениями. Функции, которые описывают синтагматические отношения между словами, принято называть функциями-коллокатами: очевидным образом, каждая из них задает множество несвободных словосочетаний, которые мы далее будем называть ЛФ-сочетаниями.

Практическая полезность лексических функций, особенно функций-коллокатов, получила широкое признание: они описывают как раз те сочетаемостные особенности слов, которые делают речь естественной, и потому соответствующие выражения должны быть в обязательном порядке включены как в одноязычные, так и в двуязычные словари, а также в базы данных, помогающие решению таких прикладных задач компьютерной лингвистики, как машинный перевод; см., например, [Wanner, 1996], [Иорданская, Мельчук 2007], из недавних публикаций — [Kolesnikova 2020].

Теория лексических функций зародилась и развивалась в контексте словарной работы, списки лексико-функциональных выражений составлялись лексикографами и являются результатом не только кропотливого изучения текстов и существующих словарей, но и интроспективных наблюдений, отражением языковой интуиции. С развитием корпусов исследователи получили дополнительный инструмент для верификации своих наблюдений над лексическими функциями-коллокатами: появилась возможность посмотреть, представлено ли то или иное лексико-функциональное сочетание в корпусе и насколько широко. Примерами подобных проверен-

ных списков можно считать словари, представленные на сайте <http://dict.ruslang.ru/> [Кустова 2008]; [Бирюк и др. 2008]. Но является ли такая простая проверка ('встречается/не встречается') достаточной? Не может ли быть так, что выражение, придуманное лингвистом, случайно попало в корпус? Слово «случайно» имеет здесь вероятностный смысл. Чем больше объем корпуса, тем он представительнее, однако вместе с ростом объема растет вероятность попадания в него аномальных и странных явлений. На сегодняшний день разработан целый ряд статистических инструментов — формул, позволяющих оценить неслучайность выражений, встреченных в корпусе. Они называются мерами устойчивости (*association measures*). Специалисты по компьютерной и корпусной лингвистике с помощью этих мер извлекают из корпусов ранжированные списки устойчивых выражений. Следует отметить, что выражения эти неоднородны: в верхнюю часть списка попадают не только фразеологизмы и идиомы, но и составные предлоги, составные союзы, фамилии, названия (см. показательную таблицу в работе [Ягунова, Пивоварова 2010]). Для описания единиц этого разнородного множества используется широкий термин «коллокация» — устойчивое выражение в самом широком смысле слова. Огромное количество исследований, в том числе цитируемые далее, показывают, что меры устойчивости действительно эффективно извлекают коллокации в широком смысле слова. Однако до сих пор нет четкого ответа на вопрос, какие формулы лучше подходят для извлечения устойчивых выражений определенного типа и как влияют на результаты особенности грамматического строя того или иного языка.

Мы поставили себе целью оценить, насколько представительной для русского языка является коллекция лексико-функциональных выражений, накопленная в ходе работы над русским комбинаторным словарем лингвистического процессора ЭТАП (далее КС) [Pomdin et al. 2012]. Для получения этой оценки мы использовали разные методы: сравнение этой коллекции со словарем Г. И. Кустовой [Кустова 2008] и статистическое корпусное исследование. В качестве корпуса мы использовали СинТагРус [Иншакова и др. 2019] (открытый доступ к нему предоставляется на портале НКРЯ: <https://ruscorpora.ru/new/instruction-syntax.html>). Некоторые показатели мер устойчивости, полученные на его материале, были сопоставлены с показателями, рассчитанными по данным основного корпуса НКРЯ [Плунгян и др. 2005]. В разделе 1 приводятся подробные сведения о лексико-функциональных выражениях, которые содержатся в комбинаторном словаре (КС) лингвистического процессора ЭТАП. В разделе 2 описывается, насколько этот набор ЛФ-сочетаний представлен в СинТагРус'e. Раздел 3 посвящен сравнению нашей коллекции и словаря Г. И. Кустовой. Раздел 4 содержит информацию об использованной нами программе *mwetoolkit* и мерах устойчивости, которые она позволяет рассчитать. В разделе 5 приведены количественные данные по показателям мер устойчивости для ЛФ-сочетаний и для словаря Г. И. Кустовой. В разделе 6 мы приводим показатели мер устойчивости для избранных словосочетаний из списка ЛФ-сочетаний типа MAGN и из словаря Г. И. Кустовой, рассчитанные на основе данных НКРЯ. Эти цифры иллюстрируют влияние размера корпуса на обсуждаемые статистические показатели.

1. Лексико-функциональные выражения в комбинаторном словаре (КС)

Теория лексических функций описывает 60 типов простых стандартных функций. Некоторые простые функции, сочетаясь, образуют сложные [Иорданская, Мельчук 2007: 247–277]. Предусмотрены также нестандартные функции. В КС включено в общей сложности 158 простых и сложных, а также нестандартных функций. Для этой работы мы решили ограничиться только теми функциями, которые удовлетворяют морфологическому шаблону: аргумент функции — существительное, значение — прилагательное. В теории лексических функций такой шаблон возможен для 6 функций: MAGN ('высокая степень'), BON ('положительная оценка'), VER ('такой, каким должен быть') и их антонимы ANTIMAGN ('низкая степень'), ANTIBON ('отрицательная оценка') и ANTIVER ('свойство, которое противоположно ожидаемому').

MAGN: *высокий уровень, подавляющее большинство, яркий пример;*

ANTIMAGN: *низкий уровень, низкий темп, косметический ремонт;*

BON: *высокое качество, приподнятое настроение, вкусная еда;*

ANTIBON: *плохое качество, подавленное настроение, отрицательный отзыв;*

VER: *чистая совесть, правильный вывод, точный расчет;*

ANTIVER: *нечистая совесть, ошибочный вывод, фальшивая монета.*

(Все приведенные выше примеры содержатся как в КС, так и в СинТагРус'е).

В общей сложности в КС содержится: 3156 ЛФ-сочетаний типа MAGN, 800 ЛФ-сочетаний типа ANTIMAGN, 1048 — типа BON, 1054 — типа ANTIBON, 631 — типа VER и 433 — типа ANTIVER. Таким образом, больше всего в словаре представлены функции со значением высокой степени, а следом за ними идут BONы и ANTIBONы, то есть выражения, содержащие оценку, причем это единственная антонимическая пара, где количество выражений для каждого члена пары примерно одинаково. Эти показатели представляются интересными: их можно рассматривать как свидетельство «когнитивного» равенства положительной и отрицательной оценки. Альтернативное объяснение приблизительного количественного равенства лексико-функциональных выражений с положительной и отрицательной оценками состоит в том, что сказывается системность лексикографического подхода: зафиксировав одно выражение, автор сразу стремится найти антоним. Проверить обе эти гипотезы поможет корпус.

2. Лексико-функциональные выражения в корпусе СинТагРус: общие характеристики

Мы извлекли из СинТагРус'а все уникальные сочетания по морфосинтаксическому шаблону: 'существительное управляет прилагательным, тип синтаксического отношения — определительное' и подсчитали для каждого все вхождения. В итоговом списке — 69 296 уникальных словосочетаний. В это число не входят сочетания с местоименными существительными (*кто, что, все, кто-нибудь* и подобные), с местоименными прилагательными (*который, некоторый, некий, каждый, всякий, всяческий* и подобные), с порядковыми числительными, которые в грамматике

СинТагРус'а также имеют частеречную помету «прилагательное». Затем мы нашли в этом списке все пересечения со списками ЛФ-сочетаний, извлеченных из КС.

В СинТагРус'е зафиксировано 793 лексико-функциональных выражения типа MAGN (24,4% от имеющихся в словаре КС), 81 выражение типа ANTIMAGN (10% от имеющихся в словаре КС), 134 выражения типа BON (12% от имеющихся в словаре КС), 114 выражений типа ANTIBON (10% от имеющихся в словаре КС), 103 выражения типа VER (15% от имеющихся в словаре КС), 37 выражений типа ANTIVER (8% от имеющихся в словаре КС). Как видим, функции BON кажутся несколько более востребованными, чем ANTIBON (12% словарных единиц против 10%). А еще интересным образом на второе место выходят ЛФ-сочетания типа VER: в словаре их сравнительно немного, но из них заметная часть встречается в корпусе. Однако доля словарных ЛФ-сочетаний, представленных в корпусе, на первый взгляд кажется небольшой. Возможно, не представленные в корпусе ЛФ-сочетания из словаря существуют лишь в сознании лексикографов? Или дело просто в небольшом объеме корпуса?

3. Сравнение со «Словарем русской идиоматики» Г. И. Кутовой

Этот словарь составлен на основании списка степенных слов, извлеченных из нескольких словарей, которые используют лексикографическую помету 'высокая степень'. Всего в нем насчитывается 10 150 единиц. Как мы уже отмечали выше, каждое выражение «подтверждено» корпусом — в том смысле, что в основном корпусе НКРЯ зафиксировано по крайней мере одно его вхождение. Синтаксическому образцу S + A удовлетворяет 6853 выражения. Выражения из этого подмножества корректно сравнивать с отобранными из КС ЛФ-сочетаниями. О наполнении словаря в описании, доступном по адресу <http://dict.ruslang.ru/magn.pdf>, говорится следующее: «...было принято решение включить в словарь наряду с настоящими идиомами (фразеологизмами, ср. *круглый сирота*) и коллокациями (ср. *плакать навзрыд*; *диаметрально противоположный*) менее идиоматичные (ср. *глубоко огорчен*), а также свободные (семантически мотивированные, ср. *чрезвычайно огорчен*) сочетания со значением высокой степени». Очевидно, что при таком подходе лексические функции будут составлять лишь часть словаря. Кроме того, внимательный читатель может предположить, что в этом словаре должны находиться только ЛФ-сочетания типа MAGN, обозначающие как раз 'высокую степень'. Однако в словнике Г. И. Кутовой нами обнаружены, наряду с MAGN-выражениями, выражения типа BON (19 единиц) и VER (22 единицы), и даже 6 единиц типа ANTIBON (*бешеные цены, сумасшедшие цены, мучительные сомнения, наглая агрессия, тяжёлые последствия, черная зависть*). Нет сомнений, что все шесть перечисленных выражений обозначают высокую степень признака, но составители КС, отнеся их к выражениям типа ANTIBON, выдвинули на передний план прагматически важный компонент оценки, которая отличает *бешеные цены* от *высоких, мучительные сомнения* от *серьезных* и т. д. Лингвистами уже накоплен материал, убедительно свидетельствующий, что в отдельном лексико-функциональном выражении могут комбинироваться значения разных лексических функций — см.

определение комбинации лексических функций в работе [Иорданская, Мельчук 2007: 276], но, насколько нам известно, вопрос о распространенности комбинаций среди адъективных ЛФ подробно не исследовался — их скорее предпочитают дробить, выделяя тонкие аспекты. Такой принцип применяется в базе французского языка DiCo (http://olst.ling.umontreal.ca/?page_id=77, о принятых в ней договоренностях см. [Polguère 2003]), на материале английского языка подтипы MAGN выделяются в работе [Milichevich, Timoshenko 2014]. Выражения типа ANTIMAGN и ANTIVER закономерно не обнаружены.

При рассмотрении материала из словаря Г. И. Кустовой оказалось, что в СинТагРус'е зафиксированы вхождения 1368 сочетаний из 6853 (т. е. чуть меньше 20%, доля меньше, чем для ЛФ-сочетаний типа MAGN, но больше, чем для всех остальных ЛФ). Тот факт, что доля выражений из этого словаря, представленных в СинТагРусе, не превосходит долей ЛФ-сочетаний из КС, представленных в том же корпусе, опровергает предположение о неадекватности лексико-функциональных описаний в КС. Скорее, дело в объеме корпуса.

Опираясь на утверждение составителя словаря о больших различиях в степени свободы включенных в него единиц, мы вправе сформулировать гипотезу: если разброс показателей мер устойчивости, рассчитанных для ЛФ-сочетаний на основе СинТагРус'а, окажется меньше, чем у единиц из словаря Г. И. Кустовой, то этот интервал можно считать стабильной статистической характеристикой ЛФ-сочетаний, отличающей их как от более свободных сочетаний, так и от менее свободных.

4. Применяемые меры устойчивости

Нам известны две работы, затрагивающие вопрос о вероятностном описании ЛФ-сочетаний типа MAGN — [Тиханович 2009] и [Archer 2007]. Диссертация А. Н. Тиханович основана на данных трех типов — словарных, экспериментальных и корпусных. ЛФ-сочетания типа MAGN, собранные для 30 ключевых слов по словарям и в ходе опроса носителей языка, затем проверялись по корпусу НКРЯ. Для выражений, представленных данными хотя бы двух типов (словари и эксперимент, словари и корпус, эксперимент и корпус), рассчитывалась вероятность употребления. Она считалась равной сумме частот данного выражения в данных разных типов минус попарно перемноженные частоты. А частоты употребления в данных отдельного типа рассчитывались по общей формуле $P(A) = \frac{M_A}{n}$, где M_A — это число употреблений выражения в данных этого типа, а n — общее число средств выражения MAGN для данного опорного слова в данных этого типа. Лингвистический смысл расчета вероятности на основе отношения количества вхождений выражений с одним значением лексической функции к количеству встретившихся вариантов значения, не ясен. Так что эту попытку сделать вероятностные оценки сравнительной распространенности конкретных ЛФ-сочетаний мы не готовы считать успешной.

Работа [Archer 2007] посвящена извлечению коллокаций типа MAGN из франкоязычных и англоязычных корпусов. Правда, в центре внимания автора не адъективные, а адвербиальные коллокации (фр. *réduire considérablement*, 'значительно

уменьшиться'). В качестве статистической меры берется разновидность взаимной информации, но не точечная, а взвешенная. Ее выбор обосновывается тем, что «основное свойство коллокаций заключается в том, что совместная встречаемость входящих в них слов больше случайной. Моделировать это свойство с помощью взаимной информации кажется удобным». Однако главный вывод работы состоит в том, что точность отбора существенно повышается, если привлечь к задаче списки возможных значений, извлеченные из ресурса под названием Conceptual Vectors, а также вручную исключить из результатов выражения с самыми тривиальными значениями, так что остается непонятным, насколько хорошо (или плохо) работает в этой задаче выбранная мера устойчивости.

Чтобы получить значения мер устойчивости для выражений, засвидетельствованных в корпусе, мы воспользовались программой mwetoolkit [Ramisch 2012]. Она позволяет рассчитать 5 разных мер: оценку максимального правдоподобия (Maximum Likelihood Estimation, сокращенно MLE), точечную взаимную информацию (Pointwise Mutual Information, сокращенно PMI), t-тест (он же тест Стьюдента, Student's test), коэффициент Дайса (Dice's coefficient, далее сокращенно dice), отношение правдоподобия (Log-likelihood ratio, далее сокращенно ll). Расчет выполняется по следующим формулам [Ramish et al. 2010]:

$$\text{MLE} = c(w_1 \dots w_n) / N$$

$$\text{PMI} = \log_2 \frac{c(w_1 \dots w_n)}{E(w_1 \dots w_n)}$$

$$\text{dice} = \frac{n \times c(w_1 \dots w_n)}{\sum_{i=1}^n c(w_i)}$$

$$t\text{-score} = \frac{c(w_1 \dots w_n) - E(w_1 \dots w_n)}{\sqrt{c(w_1 \dots w_n)}}$$

где $c(w_i)$ — это число вхождений отдельного слова, $c(w_1 \dots w_n)$ — число вхождений выражения из n слов, N — объем корпуса (число токенов), $E(w_1 \dots w_n)$ — ожидаемое количество вхождений выражения в случае случайного распределения слов (представляет собой произведение вероятностей вхождения каждого слова в выражении, рассчитывается по формуле $E(w_1 \dots w_n) = \frac{c(w_1) \dots c(w_n)}{N^{n-1}}$).

Таким образом MLE, по сути, просто нормализует количество вхождений выражения в корпус, позволяя сравнивать между собой данные разных корпусов. PMI показывает, насколько зафиксированное количество вхождений превосходит то, что мы вправе ожидать при полностью случайном распределении слов. Коэффициент Дайса учитывает вхождения отдельных слов, и при этом не зависит от размера

корпуса. *t-score*, подобно PMI, замеряет разницу между ожидаемыми и реальными вхождениями выражения. В цитируемой статье формулы расчета Π не приводятся, так как она была добавлена в программу позже, но можно сказать, что по сути это *t-score*, нормализованный за счет добавления логарифма.

Самыми подходящими для извлечения коллокаций уже давно считаются взаимная информация (PMI) и коэффициент Дайса (*dice*). После работы [Pecina 2005] эти меры получили самое широкое распространение — см., например, недавнее исследование их корреляции с когнитивными процессами обработки текста [Bhattachali et al. 2020]. Не менее хрестоматийной мерой является *t-score*, см. [Копотев 2014]. Лингвистически содержательные интерпретации расходятся: так, в работе [Krenn 2000] делается вывод, что PMI и коэффициент Дайса лучше подходят для поиска высокочастотных коллокаций, а отношение правдоподобия — для низкочастотных. В уже упоминавшемся учебнике [Копотев 2014] утверждается прямо противоположное: «MI лучше ищет довольно редкие коллокации узкой тематической области (например, термины, составные названия компаний или сочетания имени и фамилии), а *t-score* лучше справляется с высокочастотными общезыковыми “эквивалентами слова” (сложные предлоги, вводные конструкции и т. п.)». Кроме того, PMI иногда рассматривается как показатель стандартизованности (*conventionalization*) выражения, а критерий Дайса — как показатель предсказуемости (*predictability*) элементов в выражении [Bhattachali et al. 2020].

Вышеизложенное, как нам кажется, говорит о том, что вопрос о лингвистическом смысле мер устойчивости еще недостаточно исследован, поэтому к статистическому обследованию ЛФ-сочетаний мы подошли «непредвзято», без ожиданий, что какая-то мера окажется лучше прочих. Из набора, предоставляемого программой, мы не воспользовались только мерой MLE, так как на материале одного корпуса она просто повторяет ранжирование по абсолютному количеству вхождений выражения.

5. Значения мер устойчивости для ЛФ-сочетаний по данным СинТагРус’а

В таблице 1 приведены минимальные и максимальные значения, полученные для выражений из словаря Г. И. Кустовой и списков ЛФ, соответственно. Для каждого значения указано выражение, которому оно соответствует. Кроме того, в первом столбце указаны «лидеры» по абсолютному числу вхождений и доля выражений, встретившихся в корпусе 1 раз (за целое принимается количество выражений данного типа, встретившихся в корпусе, а не общее количество, зафиксированное в словаре, будь то словарь Г. И. Кустовой или КС).

Наибольший интерес представляют следующие отраженные в таблице факты: во-первых, абсолютный максимум по количеству вхождений — у сочетания из списка ЛФ-сочетаний типа MAGN — *большое количество*. Самое частотное выражение из словаря Г. И. Кустовой — *подавляющее большинство* — ему уступает. Однако последнее занимает первое место по мере устойчивости Π , причем и для списка ЛФ-сочетаний типа MAGN тоже. Во-вторых, максимальные значения всех

Таблица 1. Минимальные и максимальные значения мер устойчивости, полученные на материале СинТагРус'а

		t	pmi	dice	ll
Словарь Г. И. Кустовой — 1368 единиц Абсолютный максимум — 44: <i>подавляющее большинство</i> Встретилось 1 раз — 60%	max	6.630282 <i>подавляющее большинство</i>	16.91931409 <i>вопящая небрежность</i>	0.2285714286 <i>безоговорочная капитуляция</i>	282.876449 <i>подавляющее большинство</i>
	min	-0.178330 <i>настоящие люди</i>	-0.236743837795327 <i>настоящие люди</i>	0.000411776817 <i>настоящие люди</i>	1.749581 <i>настоящие люди</i>
ANTIBON — 114 единиц Абсолютный максимум — 7: <i>злая шутка, трудное положение</i> Встретилось 1 раз — 87,7%	max	2.644958 <i>злая шутка</i>	14.14992702 <i>незавидная участь</i>	0.1308411215 <i>лая шутка</i>	45.813769 <i>злая шутка</i>
	min	0.569097 <i>тяжелая жизнь</i>	1.214567956 <i>тяжелая жизнь</i>	0.0009090909091 <i>тяжелая жизнь</i>	1.974635 <i>тяжелая жизнь</i>
ANTIMAGN — 81 единица Абсолютный максимум — 17: <i>ближайшее будущее</i> Встретилось 1 раз — 59%	max	4.114696 <i>ближайшее будущее</i>	13.04782883 <i>мелкий пакостник</i>	0.07343412527 <i>ближайшее будущее</i>	79.741431 <i>ближайшее будущее</i>
	min	0.588237 <i>маленькие деньги</i>	1.280117292 <i>маленькие деньги</i>	0.00085034014 <i>новые привычки</i>	1.997367 <i>маленькие деньги</i>
ANTIVER — 37 единиц Абсолютный максимум — 4: <i>незаконное действие, пустая трата</i> Встретилось 1 раз — 70%	max	1.999221 <i>пустая трата</i>	15.20882071 <i>безуспешная контрактака</i>	0.1538461538 <i>безуспешная контрактака</i>	26.017857 <i>пустая трата</i>
	min	0.985049 <i>нелегитимная власть</i>	6.06359615 <i>нелегитимная власть</i>	0.00136054422 <i>нелегитимная власть</i>	4.548155 <i>ошибочное мнение</i>
BON — 134 единицы Абсолютный максимум — 16: <i>светлое будущее</i> Встретилось 1 раз — 56,7%	max	3.994696 <i>светлое будущее</i>	15.4245494 <i>незапятнанная репутация</i>	0.2222222222 <i>торжественная церемония</i>	81.568222 <i>светлое будущее</i>
	min	0.553701 <i>хорошая компания</i>	1.163919104 <i>хорошая компания</i>	0.00084674005 <i>новый костюм</i>	1.957329 <i>хорошая компания</i>
MAGN — 793 единицы Абсолютный максимум — 56: <i>большое количество</i> Встретилось 1 раз — 49,8%	max	7.422485 <i>большое количество</i>	19.37874571 <i>закоренелая троечница</i>	0.6666666667 <i>закоренелая троечница</i>	282.876449 <i>подавляющее большинство</i>
	min	0.347844 <i>большой рост</i>	0.616710866491144 <i>большой рост</i>	0.000990589400693412 <i>большой рост</i>	1.806459 <i>большой рост</i>
VER — 102 единицы Абсолютный максимум — 37: <i>честные выборы</i> Встретилось 1 раз — 57, 5%	max	6.076902 <i>честные выборы</i>	16.79378321 <i>спелая морошка</i>	0.25 <i>спелая морошка</i>	200.444149 <i>честные выборы</i>
	min	0.888667 <i>реальный факт</i>	3.014794929 <i>настоящий друг</i>	0.00131147540983606 <i>плодотворная работа</i>	2.873809 <i>реальный факт</i>

мер тоже наблюдаются у ЛФ-сочетаний из списка MAGN (выделены в таблице светло-серым цветом). Словарь Г. И. Кустовой делит с ним только выражение *подавляющее большинство* по метрике отношения правдоподобия (II). А вот минимальные значения по всем мерам демонстрирует словосочетание *настоящие люди* из словаря Г. И. Кустовой (выделены в таблице темно-серым цветом). Содержательно такое распределение можно интерпретировать следующим образом: в словаре Г. И. Кустовой нет выражений менее свободных, чем лексико-функциональные единицы, но зато есть выражения более свободные. Однако не стоит забывать, что, рассматривая самые низкие показатели по СинТагРус'у, мы имеем дело с уникальными примерами. Пример, содержащий выражение «настоящие люди», таков: *Я уже не разбираю их, вижу только толпу, в которой не разглядеть, где вымышленные, а где настоящие люди*. Очевидно, что прилагательное *настоящий* здесь употреблено в значении 'непридуманный' и не выражает идею высокой степени. Так что данные, приведенные в этой таблице, не позволяют утверждать, что материал СинТагРус'а подтверждает наличие в словаре Г. И. Кустовой сочетаний, более свободных, чем ЛФ-сочетания. Однако они все же указывают на то, что сочетаний еще менее свободных, чем ЛФ-сочетания, в словаре Г. И. Кустовой нет. Третье интересное наблюдение касается самих мер: видно, что t-тест и отношение правдоподобия (II) на таком небольшом массиве данных также фактически «повторяют» абсолютную частотность: на первом месте по этим метрикам находятся просто самые частотные выражения. А вот точечная взаимная информация и коэффициент Дайса помещают на верх списка другие выражения и тем самым если не полностью оправдывают свою репутацию лучших мер для поиска неслучайных словосочетаний, то, по крайней мере, демонстрируют приращение информации по сравнению с ранжированием по абсолютной частотности. В качестве недостатка меры PMI иногда указывают то, что она завышает значимость сочетаний, в состав которых входят редкие слова, но кажется, что в случае ЛФ-сочетаний, этот недостаток превращается в достоинство, так как некоторые значения лексической функции MAGN представляют собой архаизмы, не ушедшие из обихода только потому, что закрепились в качестве интенсификаторов, и соответственно, редкие (ср. например, прилагательное *отъявленный*, исторически являющееся причастием от глагола *отъявити* 'предъявить в таможне товары для обложения пошлиной', по данным "Словаря русского языка XI–XVII вв." [Словарь русского языка XI–XVII вв.]).

Анализируя словарь Г. И. Кустовой, мы предположили, что он должен демонстрировать большой разброс показателей мер устойчивости. Мы наблюдаем, что максимальные значения всех метрик фиксируются в списке ЛФ-сочетаний типа MAGN, извлеченных из СинТагРус'а, следовательно, гипотеза о том, что существует характерный для ЛФ-сочетаний интервал значений мер устойчивости, на этом материале не подтверждается. Если сравнить не крайние значения, а медианы, то мы также не увидим разницы между той частью словаря Г. И. Кустовой, которая зафиксирована в СинТагРус'е, и лексическими функциями, зафиксированными там же (см. Таблицу 2).

Таблица 2. Медианные значения мер устойчивости, полученных на материале СинТагРус’а

	t	pmi	dice	ll
kustova	0.999166404	7.093288266	0.00843881856	6.47647044
ANTIBON	0.998539648	8.164770563	0.01032259783	6.56783320
ANTIMAGN	0.998048952	6.674734027	0.00881057269	5.94379911
ANTIVER	0.999650132	9.853224903	0.01680672269	7.78630916
BON	0.999549645	7.195098065	0.00958085206	6.89866176
MAGN	0.999998533	7.375403492	0.01015228426	7.40656430
VER	0.999819565	7.620001989	0.01201201201	7.00950094

6. Изменение показателей мер в зависимости от размера корпуса: СинТагРус и НКРЯ

Как уже говорилось, СинТагРус — маленький корпус, а при выполнении статистических исследований размер имеет колоссальное значение. Интересно посмотреть, насколько изменяются значения мер при переходе к корпусу больших размеров. Мы отобрали по 10 выражений, получивших самые высокие показатели PMI на материале СинТагРус’а, из словаря Г. И. Кустовой и из списка ЛФ-сочетаний типа MAGN. Для них были рассчитаны меры PMI и dice на материале основного корпуса НКРЯ (таблицы 3 и 4). Поскольку синтаксической разметки в основном корпусе нет, показатели абсолютной встречаемости для выражений мы получали по запросу: ‘прилагательное на расстоянии 1 от существительного’ (то есть прилагательное строго предшествует существительному). Размер СинТагРус’а на момент выполнения подсчетов составлял 1 363 369 слов (токенов). Размер основного корпуса НКРЯ составлял 337 025 184 слов, что дает нам разницу на два порядка.

Таблицы 3 и 4 показывают, что при увеличении размера корпуса все показатели не просто меняются — они уменьшаются, иногда больше чем в 2 раза. Но поскольку мы сравниваем показатели разных корпусов и, соответственно, разных методов подсчета вхождения (пара слов, связанных синтаксической связью vs пара слов, линейно примыкающих друг к другу), то уменьшение показателей, на самом деле, может иметь разные причины. Поясним это на примере выражения *окладистая борода*. В СинТагРус’е это выражение встречается 3 раза — и само прилагательное *окладистый* встречается 3 раза, то есть всегда в составе этого выражения. В основном корпусе НКРЯ выражение *окладистая борода*, а точнее — прилагательное *окладистый* на расстоянии 1 от существительного *борода*, встретилось 307 раз. А само по себе прилагательное *окладистый* встретилось 546 раз. Разница между 546 и 307, несомненно, внесла свой вклад в уменьшение показателя PMI. Однако если внимательно посмотреть на вхождения прилагательного *окладистый*, то почти во всех случаях окажется, что оно синтаксически зависит от существительного *борода*. Таким образом показатель PMI для этого выражения в НКРЯ был бы выше, если бы вхождения можно было бы считать с опорой на синтаксическую связь. То же самое может быть

Таблица 3. 10 выражений из словаря Г. И. Кустовой с самыми большими показателями PMI

	Кол-во вхождений		pmi		dice	
	СинТагРус	НКРЯ	СинТагРус	НКРЯ	СинТагРус	НКРЯ
Вопиющая небрежность	1	1	16.9193	6.82704	0.166666	0.000574
Кристалльная честность	1	30	16.9193	11.8465	0.166666	0.012785
Беспрекословное подчинение	1	70	16.2088	11.5406	0.105263	0.022229
Пушья убедительность	1	70	16.0568	14.4007	0.166666	0.063034
Непролазная чаша	1	34	16.0568	9.25084	0.222222	0.002029
Неукоснительное следование	1	14	15.7938	7.48434	0.142857	0.001109
Беспробудное пьянство	1	76	15.4718	13.4796	0.117647	0.025198
Гробовое молчание	2	323	15.3343	11.6519	0.114285	0.028995
Умопомрачительная быстрота	1	3	15.3343	8.32742	0.142857	0.000837
Неслыханная дерзость	1	81	15.3343	10.6092	0.142857	0.019376

Для сравнения приведены значения, рассчитанные по материалам основного корпуса НКРЯ.

Таблица 4. 10 ЛФ-сочетаний типа MAGN с самыми большими показателями PMI

	Кол-во вхождений		pmi		dice	
	СинТагРус	НКРЯ	СинТагРус	НКРЯ	СинТагРус	НКРЯ
Закоренелая троечница	1	0	19.3787	—	0.666667	—
Истошный визг	1	15	17.7938	10.0812	0.2857147	0.005463
Отпетая сволочь	1	2	17.5714	7.3231	0.25	0.000523
Отъявленная бездельница	1	1	17.5714	12.2986	0.25	0.002249
Законченный мазохист	1	0	16.7938	—	0.25	—
Разительное несходство	1	11	16.4718	12.1427	0.25	0.009773
Отъявленный лентяй	4	10	16.2495	11.6075	0.470588	0.009319
Окладистая борода	3	307	15.5208	13.2053	0.1875	0.029791
Гробовое молчание	2	323	15.3343	11.6519	0.114285	0.028995
Кардинальная перенастройка	1	0	15.2913	—	0.105263	—

Для сравнения приведены значения, рассчитанные по материалам основного корпуса НКРЯ.

справедливо и для других выражений, но количественно оценить влияние этого фактора на изменение показателей мер пока не представляется возможным.

Еще хочется отметить, что выражение *вопиющая небрежность* из словаря Г. И. Кустовой, которое при расчете показателей на материале СинТагРус'а по мере PMI попало на первое место на основе единственного вхождения, в основном корпусе НКРЯ также встречается всего 1 раз.

Кроме того, нас очень удивил тот факт, что несмотря на то, что по объему основной корпус НКРЯ превосходит СинТагРус больше, чем в 247 раз, в первом

отсутствуют некоторые ЛФ-сочетания, имеющиеся во втором: из тех 10, которые мы проверили, в НКРЯ не оказалось 3: *закоренелая троечница*, *законченный мазохист* и *кардинальная перенастройка*. У нас нет ответа на вопрос, является ли это случайностью, статистической закономерностью или неочевидным результатом политики отбора текстов для СинТагРус'а. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проверить остальные ЛФ-сочетания из нашей коллекции на предмет вхождения в НКРЯ или взять тексты, не входящие в НКРЯ, в том же объеме, что имеет СинТагРус, выполнить для них автоматическую синтаксическую разметку, отобрать все сочетания типа «существительное управляет прилагательным» и посмотреть, сколько сочетаний из корпуса новых текстов не будет зафиксировано в НКРЯ и сколько из таких уникальных словосочетаний окажется сочетаниями типа *_MAGN*. Рискнем предположить, что ЛФ-сочетания типа *MAGN* несколько напоминают оценочные слова — их фонд постоянно и быстро обновляется, так как компонент 'высокая степень' склонен «блекнуть» в устоявшихся выражениях. Поэтому их разнообразие от текста к тексту будет больше, чем простое лексическое разнообразие и даже разнообразие свободных словосочетаний. Динамика использования ЛФ-сочетаний типа *MAGN* и возможное ускоренное обновление фонда лексических единиц, выступающих значениями этой ЛФ, таким образом, представляют интересное поле для микродиахронических исследований.

5. Выводы

Чтобы выяснить, насколько хорошо коллекция лексико-функциональных выражений, накопленная в ходе работы над русским комбинаторным словарем лингвистического процессора ЭТАП, отражает реальное положение дел в языке, мы отобрали адъективные ЛФ-сочетания (имеющие структуру «аргумент — существительное, значение — прилагательное»). Их шесть типов: *MAGN*, *BON*, *VER* и их «антонимы» *ANTIMAGN*, *ANTIBON* и *ANTIVER*. Мы сравнивали их с выражениями из словаря Г. И. Кустовой и анализировали их встречаемость в корпусе СинТагРус. Доли зафиксированных в корпусе выражений из словаря Г. И. Кустовой и ЛФ-сочетаний из интересующей нас коллекции примерно одинаковы, как и полученные для них показатели мер устойчивости. На этом основании мы делаем вывод, что обсуждающаяся коллекция настолько же представительна, насколько представителен словарь Г. И. Кустовой.

Кроме того, на основании полученных данных можно утверждать, что такие меры устойчивости, как точечная взаимная информация (PMI) и коэффициент Дайса нетривиальным и интуитивно разумным образом ранжируют ЛФ-сочетания. Вероятно, поэтому они входят в число оптимальных статистических инструментов для извлечения ЛФ-сочетаний из корпусов. Также важным выводом из проделанной работы нам представляется следующее: для поиска и исследования лексико-функциональных выражений и других выражений, имеющих сравнимую с ними степень свободы, огромное значение имеет синтаксис и синтаксическая разметка. В этом плане возможности, которые предоставляет исследователям СинТагРус, несмотря на свой маленький объем, еще далеко не исчерпаны.

Литература

Бирюк О. Л., Гусев В. Ю., Калинина Е. Ю. Словарь глагольной сочетаемости не-предметных имен русского языка. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2008. URL: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php.

Инишаква Е. С., Иомдин Л. Л., Митюшин Л. Г., Сизов В. Г., Фролова Т. И., Цинман Л. Л. Синтагрус сегодня // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова, вып. 21, 2019. С. 14–41.

Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 665 с.

Копотев М. Введение в корпусную лингвистику: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. Корпусная лингвистика. Филология. Animedia Company, 2014. [электронное издание]

Кустова Г. И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2008. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>.

Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М.: Наука, 1974. 314 с.

Мельчук И. А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.: Шк. «Языки рус. культуры»; Вена : Wiener slawistischer Almanach, 1995. 682 с.

Плунгян В. А., Резникова Т. И., Сичинава Д. В. Национальный корпус русского языка: общая характеристика. Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы, (3), 2005. С. 9–13.

Словарь русского языка XI–XVII вв. 14 выпуск, М.: “Наука”, 1988. URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/xi-xvii_14.pdf

Тиханович А. Н. Лексическая функция MAGN в современном русском языке: корпусное и экспериментальное изучение: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.01 [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена]. Санкт-Петербург, 2009. 194 с.

Ягунова Е. В., Пивоварова Л. М. Природа коллокаций в русском языке. Опыт автоматического извлечения и классификации на материале новостных текстов. // Сб. НТИ. Сер. 2, 2010. С. 30–40.

Archer V. Using conceptual vectors to get Magn collocations (and using contrastive properties to get their translations) // Proceedings of the Third International Conference on Meaning-Text Theory / eds. Gerdes K., Reuther T., Wanner, L. München-Wien: Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69, 2007. P. 57–65.

Bhattachali S., Fabre M., Pallier C., Hale J. Modeling conventionalization and predictability within MWEs at the brain level // Proceedings of the Society for Computation in Linguistics, 2020. P. 266–273.

Iomdin L. L., Petrochenkov V. V., Sizov V. G., Tsinman L. L. ETAP parser: state of the art. // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii ‘Dialog’ [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue”]. Moscow: RSUH Publ., Issue 11 (18). 2012. P. 239–251.

Kolesnikova O. Automatic detection of lexical functions in context // *Computación y Sistemas*, Vol. 24, No. 3, 2020. P. 1337–1352.

Krenn B. Empirical implications on lexical association measures // *Proceedings of the Ninth EURALEX International Congress*, 2000. P. 359–371.

Milichevich J., Timoshenko S. Towards a fine-grained description of intensifying adjectives for text processing // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii 'Dialog' [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]*. Moscow: RSUH Publ., Issue 13 (20), 2014. P. 427–439.

Pecina P. An extensive empirical study of collocation extraction methods // *Proceedings of the ACL Student Research Workshop*, 2005. P. 13-18.

Polguère A. Étiquetage sémantique des lexies dans la base de données DiCo // *Traitement automatique des langues*, 44 (2), 2003. P. 39-68.

Ramisch C., Villavicencio A., Boitet C. mwetoolkit: A framework for multiword expression identification // *Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2010)*, Valetta, Malta, 2010. P. 662–669.

Ramisch C. A generic and open framework for multiword expressions treatment: from acquisition to applications : Doctoral dissertation, Université de Grenoble (France); Universidade Federal do Rio Grande do Sul (Brazil), 2012. 233 pp.

Wanner L. (Ed.). *Lexical functions in lexicography and natural language processing* // *Studies in language companion series* (Vol. 31). John Benjamins Publishing, 1996. 355 pp.

S. P. Timoshenko

*Kharkevich Institute for Information Transmission Problems
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
timoshenko@iitp.ru*

**ADJECTIVE LEXICAL-FUNCTIONAL COLLOCATIONS
IN THE ETAP COMBINATORIAL DICTIONARY:
A CORPUS-BASED STUDY**

The main issue addressed in this paper is the validity of so-called lexical-functional collocations (in terms of the Meaning–Text theory) accumulated under development of the ETAP system combinatorial dictionary. There are 158 different functional dependency types used in the dictionary, but for this study we chose only collocations that satisfy the morphological pattern “noun governs adjective”. The theory of lexical functions postulates that such collocations can be described by one of 6 lexical functions — MAGN (‘very’, ‘high degree’ *deep disappointment*), BON (‘good’, ‘positive attitude’ *exhaustive analysis*), VER (X ‘that lives up to expectations’ *true love*) and their “antonyms”

ANTIMAGN ('low degree' *venial sin*) ANTIBON ('negative attitude' *doubtful achievement*) and ANTIVER (X 'that is against expectations' *wrong advice*). We compared the subset consisting of the LF-collocations of these types with the corresponding part of the "Dictionary of Russian Idioms" by G. I. Kustova. This dictionary focuses on collocations with intensifiers that express the idea of high degree. Nouns with adjective modifiers make up more than half of entries in the dictionary. On the next step the subset of selected LF-collocations and the morphosyntactically similar entries from Kustova's dictionary were searched in the syntactically annotated corpus of Russian (SynTagRus). Collocations found in the corpus got the estimations of four association measures: Pointwise Mutual Information (PMI), Student's test (t-test), Dice's coefficient, Log-likelihood ratio. Based on these data we came to the following conclusions: 1) the number of collocations that occur both in the list of LF-collocations extracted from the combinatorial dictionary and in the Kustova's dictionary is rather small (only 27% of LF-combinations of the MAGN type are in the list of Kustova's dictionary entries); 2) approximately the same shares of LF-collocations and the idiomatic dictionary entries are attested in SynTagRus — about 20%; 3) the collocations attested in the corpus have similar association measures estimations, regardless of which dictionary they come from; 4) the Pointwise Mutual Information and the Dice coefficient give non-trivial estimates of the words interdependence even on a corpus as small as SynTagRus; 5) a syntactically annotated corpus is a convenient resource to search LF-collocations and calculate their association measures, since the LF-collocations are not linearly continuous.

Key words: lexical functions, MAGN, association measures, pointwise mutual information, PMI, Dice coefficient, syntactically annotated corpus, SynTagRus, collocations, intensifying words.

Acknowledgements: The research has been supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education № 075-15-2020-793.

References

Archer V. Using conceptual vectors to get Magn collocations (and using contrastive properties to get their translations). *Proceedings of the Third International Conference on Meaning-Text Theory*. Eds. Gerdes K., Reuther T., Wanner L. München-Wien: Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69, 2007, pp. 57–65.

Bhattasali S., Fabre M., Pallier C., Hale J. Modeling conventionalization and predictability within MWEs at the brain level. *Proceedings of the Society for Computation in Linguistics*, 2020, pp. 266–273.

Biryuk O. L., Gusev V. Yu., Kalinina E. Yu. *Slovar' glagol'noi sochetaemosti nepredmetnykh imen russkogo yazyka*. [The dictionary of verbal collocations with abstract nouns in Russian language] Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2008. Available at: http://dict.ruslang.ru/abstr_noun.php

Inshakova Ye. S., Iomdin L. L., Mityushin L. G., Sizov V. G., Frolova T. I., Tsinman L. L. Sintagrus segodnya [The SynTagRus Today] *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proc. of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], Issue 21, 2019, pp. 14–41. (In Russ.)

Iomdin L. L., Petrochenkov V. V., Sizov V. G., Tsinman L. L. ETAP parser: state of the art. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii 'Dialog'* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Issue 11 (18). Moscow: RSUH Publ., 2012, pp. 239–251.

Iordanskaya L. N., Mel'chuk I. A. *Smysl i sochetaemost' v slovare* [Meaning and collocations in the dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007. 665 p. (In Russ.)

Kolesnikova O. Automatic detection of lexical functions in context *Computación y Sistemas*. Vol. 24, no. 3, 2020, pp. 1337–1352.

Kopotev M. *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku: Uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskikh i lingvisticheskikh special'nostei universitetov*. [Introduction to Corpus Linguistics: A Textbook for University Students in Philology and Linguistics] Animedia Company, 2014. (electronic edition).

Krenn B. Empirical implications on lexical association measures. *Proceedings of The Ninth EURALEX International Congress*, 2000, pp. 359–371.

Kustova G. I. *Slovar' russkoi idiomatiki. Sochetaniya slov so znacheniem vysokoi stepeni*. [Dictionary of Russian Idioms. Collocations expressing the meaning of high degree] Institut russkogo Yazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2008. Available at: <http://dict.ruslang.ru/magn.php>.

Mel'chuk I. A. *Opyt teorii lingvisticheskikh modelei "Smysl ↔ Tekst"* [The theory of linguistic models of the "Meaning ↔ Text" type]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 314 p. (In Russ.)

Mel'chuk I. A. *Russkii yazyk v modeli "Smysl ↔ Tekst"* [Russian Language in the "Meaning ↔ Text" model]. Moscow, Shk. "Yazyki rus. kul'tury" Publ. — Vena, Wiener slawistischer Almanach Publ., 1995. 682 p. (In Russ.)

Milichevich J., Timoshenko S. Towards a fine-grained description of intensifying adjectives for text processing. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii 'Dialog'* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue"]. Issue 13 (20). Moscow: RSUH Publ., 2014, pp. 427–439.

Pecina P. An extensive empirical study of collocation extraction methods. *Proceedings of the ACL Student Research Workshop*, 2005, pp. 13–18.

Plungyan V. A., Reznikova T. I., Sichinava D. V. [Russian National Corpus: General Characteristics] *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 2: Informacionnye processy i sistemy* [Scientific and technical information. Series 2. Information Processes and Systems], (3), 2005, pp. 9–13.

Polguère A. Étiquetage sémantique des lexies dans la base de données DiCo. *Traitement automatique des langues*, 44 (2), 2003, pp. 39–68.

Ramisch C., Villavicencio A., Boitet C. mwetoolkit: A framework for multiword expression identification. *Proceedings of the Seventh International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2010)*, Valetta, Malta, 2010, pp. 662–669.

Ramisch C. A generic and open framework for multiword expressions treatment: from acquisition to applications. *Doctoral dissertation*, Université de Grenoble (France); Universidade Federal do Rio Grande do Sul (Brazil), 2012, 233 p.

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI–XVIIth centuries], volume 14, Moscow, Nauka Publ., 1988. Available at: http://etymolog.ruslang.ru/doc/xi-xvii_14.pdf

Tikhanovich A. N. *Leksicheskaya funkciya MAGN v sovremennom russkom yazyke: korpusnoe i eksperimental'noe izuchenie*. Dis. ... kand. filol. nauk. [The MAGN lexical function in Contemporary Russian: corpus and experimental study] PhD Thesis. St. Petersburg, 2009. 194 p.

Wanner L. (Ed.). *Lexical functions in lexicography and natural language processing*. Studies in language companion series (Vol. 31). John Benjamins Publishing, 1996, 355 p.

Yagunova E. V., Pivovarova L. M. [The nature of collocations in Russian. Experiment in automatic extraction and classification from news texts]. *Nauchno-tekhnicheskaya informaciya. Seriya 2: Informacionnye processy i sistemy* [Scientific and technical information. Series 2. Information Processes and Systems], 2010, pp. 30–40.

Г. И. Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

galinak03@gmail.com

СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ АКТАНТЫ ПЕРЦЕПТИВНЫХ ПРЕДИКАТОВ С СОЮЗАМИ КОГДА И ЕСЛИ (ПО ДАННЫМ НКРЯ)

Известно, что матричные предикаты со значением эмоции и оценки присоединяют сентенциальные актанты не только с союзом *что* (*Обидно / плохо, что команда проиграла*), но и с союзами *когда* и *если*: *Плохо, когда / если команда проигрывает*. Данные НКРЯ показывают, что предикаты других семантических классов, которые не упоминаются в грамматиках, тоже могут присоединять клаузы с союзами *когда* и *если*. В статье обсуждаются примеры таких предложений с предикатами восприятия (*видеть, слышать, видно, слышно*): *На третьем этаже в запертой квартире очень хорошо слышно, когда кто-то входит в подъезд; Мы всегда можем увидеть, если в школу зашел кто-то посторонний*.

Ключевые слова: матричные предикаты восприятия, сентенциальный актант, союз

Основными средствами присоединения актантных придаточных (сентенциальных актантов, в традиционной терминологии — придаточных изъяснительных) к матричному предикату являются (в зависимости от семантики матричного предиката) союзы *что, чтобы, как, будто*, а также относительные местоимения (косвенный вопрос и косвенное восклицание). Кроме того, есть периферийный, нестандартный тип актантных придаточных, которые присоединяются союзами *когда* и *если* (в [РГ-80] в эту группу временных, условных и условно-временных союзов, употребляемых в изъяснительных придаточных, кроме *когда* и *если* включаются также *пока, как, если бы, кабы, коли*):

- (1) *Всегда приятно, когда тебя чему-то новому учат* [«Наука и жизнь», 2007]
≈ ‘приятно, что учат новому’
- (2) *Обидно, если 42-летний член-корреспондент Российской Академии наук этого все еще не понимает* [«Советская Россия», 2003.01.15]
≈ ‘обидно, что не понимает’

Присоединение изъяснительных придаточных союзами *когда* и *если* в [РГ-80: § 2793] рассматривается как пограничный случай: «Семантическая сфера изъясни-

тельности не является непроницаемой, границы ее подвижны, а в ряде случаев — слабо обозначены». В данном случае подвижность границ приводит к сдвигу в сторону времени / условия. В [Скобликова 2006: 48] эксплицитно сформулировано: «изъяснительная семантика сочетается с оттенком условной и временной». А. Б. Летучий также отмечает, что «эти показатели сохраняют остатки условной и временной семантики» [2021: 210]. Исходя из общего тезиса современной семантики, что поверхностное поведение языковой единицы обусловлено ее семантической структурой (ср. [Wierzbicka 1985; 1988]), следует предположить, что появление нестандартных союзов *когда* и *если* в изъяснительных придаточных сигнализируют о семантической модификации.

Авторы, рассматривающие *когда/если*-придаточные, сходятся в том, что в качестве матричных предикатов выступают слова со значением эмоции (*радоваться, смущаться, любить, ненавидеть, удивляться, жаль, приятно, смешно, стыдно*) и оценки (*хорошо, плохо, странно*), ср. [Летучий 2021], [Максимов 2011], [Сердобольская 2011], [Скобликова 2006]; в [РГ-80: § 2793] они квалифицируются как «слова со значением психических реакций».

Употребление актантных *когда/если*-придаточных обычно связывается с повторяющимися и обобщенными ситуациями:

- (3) *Особенно жаль, когда гибнут исполинские зелёные кедры (сосна сибирская), усыпанные шишками* [В. Колбин. Одиночная экспедиция // «Наука и жизнь», 2008]
- (4) *Странно, когда задавший правила игры сам вынужден наблюдать игру других* [Известия, 2013.06.04]

В работе [Сердобольская 2011: 432] для актантных *когда/если*-придаточных вводится понятие «генерического события». В эту группу входят события «с родовым и универсальным статусом» (имеется в виду референциальный статус событий, аналогичный референциальному статусу именных групп, ср. [Падучева 1985]). В работе [Летучий 2021] акцент также сделан на обобщенные ситуации и, в основном, рассматриваются примеры, в которых подчиненная ситуация характеризуется признаками повторяемости, хабитуальности или ирреальности.

Семантическая структура таких предложений может передаваться следующей схемой:

- (1а) *Приятно, когда / если тебя учат новому*
— ‘Когда / если тебя учат новому, приятно, что тебя учат новому’.

ПРИМЕЧАНИЕ. В работе [Летучий 2021: 214] предлагается такая схема: *Меня обижает, когда со мной так говорят* — ‘В каждом случае, когда со мной так говорят, меня это обижает’.

Действительно, обобщенный статус придаточных (и, соответственно, подчиненных ситуаций), т. е. признаки повторяемости, хабитуальности, ирреальности, генеричности, нереферентности, — это типичный, наиболее распространенный

случай. При этом высказывания с обобщенным смыслом могут относиться и к конкретной ситуации:

- (5) **Удивительно, когда человек, едущий рядом, читает стихи** [Александр Ласкин. Ангел, летящий на велосипеде // «Звезда», 2001].

Это предложение имеет обобщенный смысл: ‘Редко кто читает в транспорте стихи’, — но может быть сказано в ситуации, когда говорящий едет в транспорте и видит рядом человека, читающего стихи. Аналогично предложения вида **Обидно, когда / если твоя команда проигрывает**, имеющие статус общей сентенции, могут говориться и по поводу конкретного поражения (придаточное не утрачивает обобщенного смысла).

Однако союзы *когда* и *если* могут вводить и единичную ситуацию как таковую (ср. [Летучий 2021: 212]):

- (6) **Меня больше всего поразило, когда в словарном запасе некоторых моих «продвинутых» знакомых после прочтения Сорокина вдруг появились такие слова, как «мораль», «устой», «настоящие духовные ценности»...** [Ирина Новикова. Преодоление иллюзий? (о романе Александра Мелихова «Любовь к отеческим гробам») // «Октябрь», 2003]
— ‘Поразило, что в словарном запасе появились такие слова’.
- (7) **Но самое большое впечатление произвёл на меня хор, и мне было даже жаль, когда пение кончилось** [А. А. Аллендорф. Дневник (1910)]
— ‘Было жаль, что пение кончилось’.
- (8) **Будет хорошо, если он принесет торт.**

Заметим, что значение таких предложений можно репрезентировать с помощью той же модели, которая используется для генерических придаточных:

- (9) **Профессору было приятно, когда его поздравили ученики**
— ‘Когда поздравили, было приятно, что поздравили’.

Мы сейчас не имеем возможности обсуждать вопрос, почему союзы *когда* и *если* могут вводить эпизодические ситуации и как они соотносятся с генерическими. Это требует большого специального исследования. Мы будем просто исходить из фактов языка: нестандартные изъяснительные придаточные с союзами *когда / если* могут соответствовать как обобщенным, так и единичным ситуациям; обобщенный статус ситуации — это типичный и наиболее распространенный случай; примеры единичных ситуаций менее многочисленны.

Предложения с *когда/если*-придаточными мы назвали нестандартными, имея в виду, что они присоединяются нестандартными для актантных придаточных (сентенциальных актантов) союзами *когда* и *если*, которые в исходном значении вводят придаточные времени и условия. Что касается матричных предикатов, допускающих актантные *когда/если*-придаточные, то упоминаемые всеми авторами матричные предикаты эмоции и оценки являются как раз стандартными для таких придаточных. В работе [Сердобольская 2011: 432] отмечается, что генерические

когда/если-придаточные характерны для эмоций и оценок, «другие классы предикатов в меньшей степени склонны присоединять генерическое событие». Однако о том, какие это классы, ничего не говорится. О единичных событиях речь не идет, поскольку работа посвящена именно генерическим событиям. В других работах другие классы матричных предикатов вообще не упоминаются.

Матричные предикаты других семантических классов не рассматриваются в связи с *когда/если*-конструкциями, вероятно, потому, что они не содержат компонентов эмоции и оценки, с которыми связывается возможность присоединения *когда/если*-придаточных.

Между тем актантные *когда/если*-придаточные встречаются и при других матричных предикатах, в частности, как показывают данные НКРЯ, они встречаются при перцептивных и ментальных предикатах. Мы обнаружили в НКРЯ примеры со следующими матричными предикатами метальной и перцептивной групп: *знать, помнить, понимать, понятно, видеть, видно, заметно, слышать, слышно*. При этом в количественном отношении эти предикаты различаются: примеры с глаголом *знать* относительно редки (примеры с синонимичным предикативом *известно* пока не обнаружены); более многочисленны примеры с *понимать / понятно*, а также с перцептивными предикатами.

Конструкции с ментальными предикатами мы анализируем в другой работе. Здесь речь пойдет о перцептивных предикатах *видеть, видно, заметно, слышать, слышно*:

- (10) — *Обычно заметно, когда человек плохо себя чувствует, — пояснил я [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Дело об убийстве, или Отель «У погибшего альпиниста» (1970)].*

Эти предложения имеют такую же семантическую структуру, как и предложения с прототипическими матричными предикатами:

- (11) *Приятно, когда приходят друзья:*
— ‘Когда приходят друзья, приятно, что пришли друзья’.

Аналогично:

- (10a) *Заметно, когда / если человек плохо себя чувствует*
— ‘Когда / если человек плохо себя чувствует, заметно, что он плохо себя чувствует’.

Прежде чем перейти к описанию материала, мы должны сделать два уточнения.

Первое. Мы будем рассматривать примеры как с глаголами *видеть, слышать*, так и с предикативами *видно, слышно*. *Видно* и *слышно* не являются семантически эквивалентами *видеть* и *слышать*. В отличие от глаголов, *видно* и *слышно* обозначают восприятие в каких-то маркированных, часто затрудненных, условиях — например, с большого расстояния; кроме того, они употребляются в безличных предложениях (часто с обобщенным субъектом): *С горы видно реку*. Но для нашей темы различия между предикативами и глаголами не существенны.

Второе. У перцептивных предикатов есть значение, принадлежащее другому семантическому классу — ментальному: *видеть*: перцептивное — ‘воспринимать зрением’ (*Видишь кошку?*); ментальное — ‘знать, сознать, понимать, чувствовать’ (*Ты не видишь главного?*); *слышать*: перцептивное — ‘воспринимать слухом’ (звук, речь: *слышать стук; слышать суровые слова*); ментальное — ‘Иметь какие-л. сведения, знать (по разговорам, слухам и т. п.)’ [МАС] (*Я слышал, что они уехали — ‘знаю’*).

В действительности, между разными зонами экспериенциальной сферы (в том числе, перцептивной и ментальной) существуют разнообразные связи (ср. [Апресян 1995]), восприятие объектов и ситуаций всегда имеет ментальную составляющую, т. к. предполагает идентификацию, концептуализацию и создание ментального образа с возможностью последующей вербализации (*Сотрудники видели, как начальник покинул кабинет → Сотрудники знают, что начальник покинул кабинет*). В этом смысле «абсолютной» границы между перцептивной и ментальной сферой не существует. Условную границу мы будем проводить между ситуациями, которые воспринимаются зрением (*Я видел, как ты спрятал записку в стол*), и ситуациями, которые являются результатом ментальной реконструкции по косвенным признакам: *Я же вижу, что ты врешь* — ‘знаю, догадываюсь, понимаю, заключаю по внешним признакам, что Р’. При этом ситуация Р не является наблюдаемой, зрительно воспринимаемой (это умозаключение, интуиция, догадка и т. п.), но информацию, на которой основано это умозаключение (знание) Р, субъект приобрел в условиях визуального контакта: субъект выводит знание о Р по внешним, непосредственно воспринимаемым, зрительно (!) наблюдаемым признакам: *Я вижу, что он врет; Я видела, что она сама не своя; Я вижу, что это близкие друг другу люди; Вижу, что беды не будет; Она видела, что я в нее безумно влюблен; Он видел, что не нравится теще* и т. п. — в противном случае нельзя было бы употребить глагол *видеть*. Например, если зять никогда не встречается с тещей, а только разговаривает с ней по телефону, он может чувствовать, понимать, догадываться, что не нравится теще, но не может *видеть, что не нравится теще*.

Таким образом, ментальное *Я вижу, что он врет* предполагает личный контакт и непосредственное восприятие тех внешних признаков, по которым говорящий заключает, что Р (‘Он врет’), в отличие от *Я знаю, что он врет*, которое не накладывает никаких ограничений на способ получения информации.

Интересно, что хотя слуховое восприятие тоже предполагает ментальную идентификацию и реконструкцию, у *слышать* нет аналогичного значения: *Я слышал, что он врет, но не хотел с ним спорить*. При этом глагол активного восприятия в такой ситуации употребляется: *Я слушал, как он врет, и мне все больше хотелось уйти*.

В данной работе нас будут интересовать, в первую очередь, собственно перцептивные значения предикатов *видеть / видно, слышать / слышно*, ментальные будут упоминаться для полноты картины.

Далее речь пойдет, в основном, о *когда-придаточных*. *Если-придаточные* при перцептивных предикатах встречаются, но их очень мало, а с другой стороны, они, как правило, синонимичны *когда-придаточным*.

В связи с *когда*-придаточными при перцептивных предикатах возникает два вопроса: (1) не является ли *когда*-придаточное придаточными времени (а *когда* — временным союзом) и (2) не является ли оно косвенным вопросом (т. е. *когда* — не союз, а местоименное наречие). Мы сейчас не можем углубляться в обсуждение этих вопросов, заметим только, что они обсуждались в литературе, и были высказаны аргументы в пользу того, что *когда/если*-придаточные — именно сентенциальные актаны, а не придаточные времени, ср. [Сердобольская 2011], [Летучий 2021]. Что касается различения союза и наречия, то из практических тестов мы будем использовать замену *когда* на *если* (она показывает, что *когда* не является наречием, а является союзом):

- (12) *Nest Labs собирает данные о производимой технике, чтобы усовершенствовать ее. «Мы **видим, когда** у кого-то сгорает тостер или выделяется монооксид углерода», — рассказал Тони Фейделл в декабре на парижской конференции. При этом он поспешил успокоить потребителей и партнеров, заявив, что спецслужбы могут получить доступ к персональным данным лишь в самых крайних случаях [РБК Дейли, 2014.01.15].*
— *Мы **видим, когда** у кого-то сгорает тостер ≈ Мы **видим, если** у кого-то сгорает тостер ≈ Мы [всегда] **видим, что** у кого-то сгорел тостер ≈ Мы [всегда] **видим, как** у кого-то сгорел тостер.*

В описаниях реальных (не-гипотетических) единичных ситуаций союз *если* невозможен, но возможна замена на диагностический для предикатов восприятия союз *как*:

- (13) — *Двадцать минут назад кто-то позвонил в дверь вашего заместителя. Тот ее открыл, и человек в маске выстрелил ему в грудь. А когда он упал, человек в маске выстрелил второй раз ему в ухо и скрылся. Жена **видела, когда** он стрелял второй раз... [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (1989)]*
— ‘Видела, как стрелял’.

При этом, разумеется, надо иметь в виду, что косвенные вопросы с *когда* тоже возможны (и широко представлены в текстах), поэтому конструкции *видеть, когда* могут иметь две интерпретации — (а) союзное актантное придаточное и (б) косвенный вопрос:

- (а) *В хранилище установлены камеры, и охранник всегда **видит, когда** открывают сейф:*
— ‘Когда открывают, видит, что открыли’
(б) *Охранник **видел, когда** начальник открывал сейф, — это было в 20 часов*
— ‘Видел и поэтому знает, в какое время начальник открывал сейф’.

На косвенный вопрос (как и на прямой) возможен ответ: — *Когда открывал? — В 20 ч.*

Предложение (б) имеет и союзную интерпретацию: *Охранник [всегда] **видел, когда** начальник открывал сейф: ‘Когда начальник открывал, охранник видел, что открыл’.*

Видеть / видно, когда / если

В НКРЯ представлены разные варианты конструкций с *когда*-придаточными.

(а) Единичная визуально наблюдаемая ситуация Р:

(14) *Только читая до этого в книгах — у Диккенса, у Достоевского, первый раз в жизни он **видел, когда** просят подаяния: у всех на глазах [Олег Павлов. Асистолия // «Знамя», 2009]*

— ‘Первый раз видел, как просят подаяние’.

(15) *И у всех будущее это представлялось светлым и хорошим, даже у того мальчика из одиннадцатой палаты, который однажды утром был перенесен сторожами в отдельный номер, а затем неведомо куда исчез, — «выписался», как говорили няньки. Многие из больных **видели, когда** его переносили вместе с постелью в отдельный номер [Л. Н. Андреев. Жили-были (1901)]*

— ‘Видели, как переносили’.

(б) Хабитуальная ситуация Р:

(16) *Из окон старого дома **видно, когда** едут по дороге [И. А. Гончаров. Обрыв (1869)]*

= ‘когда едут, видно, что едут’

(в) Ненаблюдаемая ситуация Р, реконструируемая по визуальным признакам:

(17) *«Животные, знаете, не любят, чтобы **видели, когда** им плохо, это у людей все напказ» [Нина Катерли. Коллекция доктора Эмиля (1981)].*

(18) *Король был очень счастлив, он хорошо разбирается в нашем виде спорта: **всегда видит, когда** у кого-то проблемы со стрельбой или с прохождением дистанции [Р-Спорт, 2014.02.19].*

В предложениях вида (б) и (в) можно заменить *когда* на *если*:

(19) *Из окон **видно, если** едут по дороге.*

(20) *Король **всегда видит, если** у кого-то проблемы со стрельбой или с прохождением дистанции.*

Но в НКРЯ представлены и «аутентичные» примеры с союзом *если*:

(21) *В другой московской школе N1562 камеры в основном размещены внутри здания — в коридорах и на лестницах. — Во-первых, мы всегда можем **увидеть, если** в школу зашел кто-то посторонний, а во-вторых, дети под контролем, — говорит директор Валерий Родионов. — **Всегда видно, если** кто балуется — можем подойти и навести порядок [Труд-7, 2008.04.18]*

— ‘если кто-то зашел, видим, что зашел’; визуально наблюдаемая ситуация.

(22) *Взять дом — все-таки **видно, если** его не отремонтировали, машина стоит неотремонтированная — тоже видно [«Нижегородские ведомости», 2003.01.15].*

— ‘если дом не ремонтировали, видно, что не ремонтировали’

В (22) значение близко к ментальному: *видно* ≈ ‘понятно, что дом не отремонтировали’, однако в данной ситуации значителен удельный вес конкретных зрительно воспринимаемых признаков, которые наблюдатель может показать, продемонстрировать, — в отличие от примеров, где происходит более сложная ментальная реконструкция ситуации Р:

- (23) *Но опытный гость тут же начинал смотреть на маму — по ее глазам сразу **было видно, если** папа начинал сочинять* [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава третья (1926-1928) (1995)].
- (24) *Процесс «был настолько прозрачным, настолько оперативным, чтобы всем сразу стало ясно и **видно, если** кто-то что-то не так сделал»* [Труд-7, 2003.12.20].

Слышать / слышно, когда / если

(а) Единичная ситуация Р:

- (25) — *Куда же они подевались? У них же билеты до города. — Кто их знает, пьяные были. Я сразу влез на полку и заснул, **не слышал, когда** они ушли* [Лев Дворецкий. Шакалы (2000)]
— ‘Не слышал, как ушли’ означает в данном случае (поскольку речь идет о спящем человеке) ‘не проснулся’.
- (26) *Старик сидел за письменным столом, видимо, погруженный в тяжелую думу: он даже и **не слышал, когда** вошла дочь* [Вас. И. Немирович-Данченко. Цари биржи (Каиново племя в наши дни) (1886)].

(б) Многократная / обобщенная ситуация Р:

Значение повторяющейся ситуации обычно связано с абстрактным настоящим глагола в придаточном:

- (27) *Вновь слово пилоту: «Со старта... **слышно, когда** разводят фермы, получают какие-то немного мягкие удары, но прикосновение, чувствую, по конструкции, по ракете идет. Чувствуется, ракета немного покачивается* [«Воздушно-космическая оборона», 2003.04.15]
— ‘Когда разводят фермы, слышно, как разводят’.
- (28) *Дома современной постройки обладают такой особенностью — на третьем этаже в запертой квартире очень хорошо **слышно, когда** кто-то входит в парадную, поднимается по лестнице...* [Алексей Рыбин. Последняя игра (2000)].

Глаголы совершенного вида в придаточном для таких предложений не характерны, однако возможны, если обобщенность выражается за счет других средств (например, неопределенно-личной конструкции):

- (29) *Россиянам, в большинстве своем живущим в домах, где на первом этаже **слышно, когда** чихнули на десятом, станет комфортнее жить в своих квартирах* [Комсомольская правда, 2014.01.21]
— ‘Когда / если чихнули, слышно, что чихнули / слышно, как чихнули’.

Когда-придаточное не может интерпретироваться как придаточное времени, поскольку тогда валентность предикатива *слышно* осталась бы незаполненной, — между тем *когда*-придаточное включает информацию о том, что именно слышно. Но за счет *когда* появляется своего рода временная рамка ‘Когда чихают, слышно, что чихнули’. В этом смысле предложения с перцептивными предикативами не отличаются от предложений с эмоциональными предикативами (*Обидно, когда опаздываешь на самолет*).

Предложения с союзом *если* (вида *Слышно, если кто-то входит в подъезд*) в НКРЯ пока не встретились, но в собрании текстов <https://books.google.ru> они есть:

- (30) *Дмитрий, Дмитрий, это Алёна. Самойловы просят не отключать радио, чтобы было слышно, если рванет заправка!* [Дмитрий Пинхасик. Нерусский новый русский, 2021]
= ‘если рванет, чтобы было слышно, что рванула’.
- (31) *В городке мертвая тишина, никаких звуков, будет слышно, если кто-то уронит чашку в соседнем доме* [Елена Обухова, Наталья Тимошенко. Город мертвых отражений, 2020].
- (32) *Когда нѣтъ вокруг тебя шума, шума, — отвѣчалъ другъ, — тебѣ слышно, если кто стучится къ тебѣ въ дверь* [Сочинения Юстина, епископа рязанского и зарайского, 1895].

Как уже говорилось, актантные *когда/если*-придаточные при «стандартных» матричных предикатах эмоции и оценки могут относиться не только к обобщенным ситуациям (*Обидно, когда / если Р*), но и к единичным — если матричный предикат употребляется в прошедшем времени (*Было обидно, когда он не пришел / не сдержал обещание*) или в будущем (*Будет обидно, если он не придет*).

Такое же поведение демонстрируют предикаты восприятия: они могут присоединять единичную ситуацию — реальную: *Первый раз в жизни он видел, когда просят подаяния; Многие из больных видели, когда его переносили* (здесь союз *когда* коррелирует с союзом *как*) — или гипотетическую: *Будет слышно, если кто-то уронит чашку*.

В целом можно сказать, что разные союзы, используемые для присоединения актантных (изъяснительных) придаточных, — *будто, как, чтобы* — имеют определенную специфику и определенные ограничения. Например, *будто* вводит недостоверные ситуации (*Показалось, будто Р*); *чтобы* — ирреальные (*Хочу, чтобы Р*). У союза *когда* при матричных предикатах восприятия тоже есть ограничения (в частности, на фоне союза *как*, с которым он максимально сближается). Например, при *видеть / видно* затруднено отрицание. Теоретически предложения с отрицанием возможны, однако практически они не отличимы от косвенного вопроса. При этом *слышать / слышно* отрицание допускает.

Неупотребительны глаголы восприятия совершенного вида (впрочем, это компенсируется тем, что глагол НСВ может иметь, как в примере (15) *Многие из больных видели, когда его переносили вместе с постелью в отдельный номер*

[Л. Н. Андреев. Жили-были (1901)], общефактическое значение, которое синонимично совершенному виду). Для союза *как* подобных ограничений нет: *Я видел, как они вошли в подъезд / Я увидел, как они вошли в подъезд.*

Литература

Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 348–388.

Летучий А. Б. Русский язык о ситуациях. Конструкции с сентенциальными актантами в русском языке. СПб: Алетейя, 2021.

Максимов Л. Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений. Ставрополь: Издательство СГУ, 2011.

МАС — Словарь русского языка: В 4-х тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.

Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.

РГ-80 — Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.

Сердобольская Н. В. К типологии выражения значения генерического события в конструкциях с сентенциальными актантами // *Acta linguistica petropolitana*. Труды института лингвистических исследований, том VII, часть 3. СПб.: Наука, 2011. С. 431–437.

Скобликова Е. С. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Флинта: Наука, 2006.

Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor: Karoma, 1985.

Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam: Benjamins, 1988.

Galina I. Kustova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
galinak03@gmail.com*

SENTENTIAL ARGUMENTS OF PERCEPTUAL PREDICATES WITH CONJUNCTIONS *KOGDA* / *ESLI* ‘WHEN’ / ‘IF’ (ACCORDING TO THE RNC)

It is known that the matrix predicates of emotion and evaluation subordinate sentential arguments not only with conjunctions *что* ‘that’: *Obidno / plokho, что komanda proigrala* ‘It’s a shame / Too bad the team lost’, but also with conjunctions *kogda / esli* ‘when’ / ‘if’: *Plokho, kogda / esli komanda proigryvaet* ‘It’s bad if the team loses’.

The RNC data show that predicates of other semantic classes that are not mentioned in grammars can also subordinate clauses with conjunctions *kogda* ‘when’ and *esli* ‘if’.

The article discusses examples of such sentences with perception predicates (*videt’ / vidno* ‘see’, *lyshat’ / slyshno* ‘hear’): *Na tret’em jetazhe v zapertoj kvartire ochen’ horosho slyshno, kogda kto-to vkhodit v pod’ezd* ‘On the third floor in a locked apartment, you can hear very well when someone enters the entrance’; *My vseгда mozhem uvidet’, esli v shkolu zashel kto-to postoronnij* ‘We can always see if a stranger has entered the school’.

Keywords: matrix predicates of perception, sentential argument, conjunction.

References

Apresjan Yu. D. [The image of a person according to language: an attempt at a systematic description]. *Izbrannye trudy* [Selected Works], vol. 2. Moscow, YaSK Publ., 1995, pp. 403–433.

Letuchii A. B. *Russkii yazyk o situatsiyakh. Konstruktsii s sententsial’nymi aktantami v russkom yazyke* [Russian language about situations. Constructions with sentential actants in Russian]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2021.

Maksimov L. Ju. *Mnogomernaja klassifikacija slozhnopodchinennykh predlozhenij* [Multidimensional classification of complex sentences]. Stavropol’, SGU Publ., 2011.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost’ s dejstvitel’nost’yu (Referencial’nye aspekty semantiki mestoimenij)* [The utterance and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, Nauka Publ., 1985.

Russkaya grammatika. T. 2. Pod red. Shvedovoy N. Yu. [Russian grammar. Vol. 2. Ed. by N. Yu. Shvedova]. Moscow, Nauka Publ., 1980.

Serdobol’skaya N. V. [On the typology of expressing the meaning of a generic event in constructions with sentential actants]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii. Tom VII, chast’ 3* [Acta linguistica petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies]. Vol. VII. Part 3. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2011.

Skoblikova E. S. *Sovremennyi russkii yazyk. Sintaksis slozhnogo predlozheniya* [Modern Russian language. The syntax of a complex sentence]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006.

Slovar’ russkogo jazyka [Russian Dictionary]. Vol. 1–4. Ed. by A. P. Evgen’eva. Moscow, 1981–1984.

Wierzbicka A. *Lexicography and conceptual analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.

Wierzbicka A. *The semantics of grammar*. Amsterdam: Benjamins, 1988.

Д. В. Сичинава

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

НИУ «Высшая школа экономики»

(Россия, Москва)

mitrius@gmail.com

КОРПУС БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ КАК ПАРАЛЛЕЛЬНЫЙ¹

В статье речь идет о первом опыте развития параллельного корпуса, где выступают переводы древнерусского/среднерусского текста на современный язык. В рамках такого корпуса перевод предстает не просто элементом разметки, а полноценным доступным для поиска текстовым элементом с собственной лингвистической разметкой. Подобный ресурс становится инструментом для исследования древнерусской лексики, грамматики и синтаксиса сквозь призму параллельного выровненного текста. Как первый опыт выбраны берестяные грамоты, для которых доступны сделанные со вниманием к лингвистическому содержанию переводы — на русский язык А. А. Зализняка, на английский — два различных перевода, Р. Ковалева и Й. Схакена. В статье рассматривается ряд конкретных примеров применения подобного механизма.

Ключевые слова: древнерусский язык, среднерусский язык, берестяные грамоты, параллельный корпус.

1. Исторический корпус как параллельный

Параллельный корпус — хорошо известный тип корпусов, применяемый в лингвистической типологии, контрастивной лингвистике, теории перевода и еще целом ряде дисциплин. Он состоит из текстов, связанных отношением перевода: предполагается, что в рамках такого корпуса текстам на языке А, созданным в рамках одного из стандартных языковых жанров и в рамках определенной коммуникативной или иной потребности, сопоставляются тексты на языке В, созданные — что не отменяет иных функций перевода — с целью сохранить семантику текстов на языке А и ее линейное развертывание, но с перекодированием ее на языке В. Разумеется, эти формулировки отчасти огрубляют, отчасти оставляют за кадром много дискуссионного:

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования», соглашение Минобрнауки РФ от 13 октября 2020 года № 075-15-2020-793.

что значит «сохранить семантику», специфику художественного, и особенно поэтического текста, существование альтернативных переводов одного произведения, неопределенность направления перевода в целом ряде случаев — от творчества писателя-билингва до инструкции к холодильнику — но в целом параллельный корпус остается довольно концептуально ясным понятием. Ему противопоставлен «сопоставимый корпус» — такой, где тексты посвящены примерно одной тематике, но отношением перевода не связаны. Как ни парадоксально, такие корпуса лучше годятся для ряда исследовательских и сопоставительных целей, в том числе машинного обучения. Дело, в частности, в том, что язык текстов, написанных с целью перевода с языка А на язык В — это не то же, что язык В как таковой. Это, даже в случае блестящего перевода, всё же специфический «переводческий язык», *translationese*, определяемый в том числе автоматически, путем корпусного анализа языковых параметров.

Задача параллельного корпуса может быть соединена с задачей корпуса диахронического (исторического). Классическим таким случаем являются массовые параллельные многоязычные корпуса Библии — наиболее переводимого в истории человечества текста, к тому же из-за канонического деления на главы и стихи (а также выработанных в библеистике таких реперных точек, как номера Стронга) легко выравниваемого. См. о библейских корпусах, в частности в [Mayer, Cysouw 2014]; большой опыт работы с ними достигнут в семинаре МГУ под руководством В. А. Плунгяна. Действительно, для разных целей исследователи выбирают из этого огромного массива разные переводы, но корпус переводов Библии включает в себя, по определению, тексты на мертвых языках или — что то же самое, с нечеткой границей — на древней форме современных языков, иногда даже на нескольких древних формах разных поколений. Корпус переводов Библии — удобное средство демонстрации языковых изменений, произошедших, например, в английском со времен Библии короля Якова до наших дней.

Параллельный корпус — напрашивающееся средство работы с древними стадиями языка. Разумеется, корпусный метод очевидным образом необходим для идиома, у которого нет живых носителей и с которым никакого эксперимента поставить невозможно. Сопоставимые корпуса для сравнения языковой структуры мертвых и живых языков использовать можно лишь довольно ограниченно: само понятие «сопоставимости» жанров на заметной временной дистанции дискуссионно — как, впрочем, и в синхронном срезе в разных культурах, — хотя, вероятно, саму эту задачу поставить было бы и любопытно. Между тем перевод, как «литературный», так и с теми или иными филологическими/лингвистическими задачами, активно применяется к древним текстам и является неотъемлемой частью их освоения в современной культуре. Это удобный материал для сравнения употребления синтаксических конструкций, грамем, лексики, причем не только в направлении «от оригинала к переводу», но и «от перевода к оригиналу». Такой подход принят в некоторых диахронических синтаксических корпусах, например, в системе PROIEL (<https://github.com/proiel>), где используется, в частности, словное выравнивание библейских текстов на древних индоевропейских языках. Интересным

образцом методики, сочетающей корпусный подход и анкетирование, представит работа [Seržant et al. to appear], где кодирование актантов в старославянском сопоставлено с соответствующими стратегиями в живых славянских языках. Для этого разработана анкета, опирающаяся на соответствующие фрагменты Евангелия. При всей ограниченности этой методики, как, впрочем, и любой работы с закрытым корпусом текстов, последовательно используется важный для истории данной языковой группы древний корпусный материал, причем близкий, вероятно, праславянскому уровню.

2. Почему берестяные грамоты?

Разметка древнерусского корпуса в составе НКРЯ [Мишина, Пичхадзе 2015] уже содержит определенные элементы параллельного корпуса. Прежде всего это заметно в текстах, переводных с греческого. Как принято в двуязычных словоуказателях к изданию памятников, каждая словоформа переводного текста сопровождается ссылкой — в аннотации корпуса превращенной в пословную помету — к словоформе и лексеме оригинального греческого текста. В ближайшем будущем в ходе развития поисковой платформы Национального корпуса русского языка будет предоставлен поиск и по греческим формам. Излишне говорить, как это интересно для традиционных филологических задач, в частности, текстологии и истории перевода. Например, в ходе недавней работы над граффито первой половины XII в. на стене церкви в городе Остре (ныне Черниговская область Украины) [Сичинава, у друці] я обнаружил, что в тексте стихиры, который читается в этой надписи, вместо канонического *Жизитель*, стоящего во всех пергаменных рукописях этого места, читается *Твори[тель]*. В греческом оригинале здесь стоит Κτίστης, в рукописной традиции Стихираря (по справке М. А. Пузиной) это слово в большинстве случаев переведено тоже как *Жизитель*, но один раз как *Създатель*. Обращение к древнерусскому корпусу, пока что путем офлайн-поиска, показывает, что в Изборнике 1076 г. (болгарский перевод) Κτίστης переведено как *Сътворивъи*, а в Житии Андрея Юродивого — просто *Богъ*. Теоретически не исключено, что существовал южнославянский перевод этого места с *Творителем* вместо *Жизителя*, хотя всё же более вероятно, что писец остёрской надписи, работавший по памяти, перепутал корень слова. Развить эту составляющую можно, выровняв полный греческий текст (в тех случаях, когда эквивалентность установлена) с текстом переводных памятников в составе НКРЯ, а заодно сопроводив греческий текст пословной морфологической разметкой. Эта задача остается, однако, задачей будущего, хотя, как представляется, и не очень далекого.

Учитывает разметка древнерусского корпуса и материал современного русского языка. Например, аннотация лексем сделана с учетом омонимов, и размеченные леммы включают в себя привязку к семантике, заданной через русские толкования. Уже можно задать поиск лексем *лукъ* (оружие), *лукъ* (растение) и т. д. Технически даже можно найти все омонимы, маркированные как «растение», хотя такой запрос и не осмыслен: если мы ищем обозначения растений или оружия в древнерусском языке, нам неважно, есть ли у этого слова омоним.

Теперь представим, что текстам на древнерусском языке сопоставлен их перевод (достаточно точный и лингвистически квалифицированный) на современный русский язык. А для современного русского языка в составе НКРЯ доступна словная семантическая разметка. Таким образом, мы можем не разрабатывать специальный модуль семантической разметки для древнерусского словаря, а получать названия растений или оружия — отвлечемся сейчас от омонимии и связанного с ней «шума» в выдаче — путем запроса к семантике русского текста. Тогда мы могли бы получить списки контекстов, представляющих соответствующие лексемы для тех или иных полей древнерусского тезауруса. Попытка всеобъемлющего тезауруса древнерусской лексики «киевской эпохи» предпринималась, например, украинским исследователем П. Коваливым [Ковалів 1962–1964], кроме того, отдельные семантические поля, в том числе терминологические, разрабатывались исследователями с куда большей подробностью. А это лишь одна из задач и лишь один из уровней языка: ясно, что лингвистически осмысленные результаты (со статистикой) мы можем получить для запросов типа «современный русский совершенный вид», «условное придаточное с *если*», «целевые с *чтобы*» и т. п. Как известно, в современном языке служебные части речи более стандартизованы, чем в древности, и немаркированные *чтобы*, *если* в русском переводе служат хорошим поисковым «входом» в параллельный корпус для широкого ряда синонимичных целевых и условных конструкций в древнерусском языке.

Проблема в том, что для древнерусского языка, в том числе для памятников, представленных в корпусе, пока нет достаточного репрезентативного количества современных переводов. Во многом это связано с представлениями о том, что текст на древней форме современного языка читателю, а уж подавно специалисту, понятен непосредственно, пусть и с добавлением глоссария, информации об устаревшей грамматике и т. п., а также — что популярного перевода достойны только произведения, которые можно квалифицировать как «древнерусскую литературу» (деловые тексты или, скажем, эпиграфика оказываются тут в проигрыше). Как отмечает А. А. Гиппиус, «задача перевода произведений древнерусской литературы на современный русский язык традиционно понималась и во многом до сих пор понимается как чисто прикладная, носящая скорее популяризаторский, чем научный характер. Расхожее представление о том, что специалисту эти тексты понятны без перевода, препятствовало выработке строго научного подхода к переводу как важнейшей форме филологической и исторической интерпретации источника» [Гиппиус 2002: 67]. Соответственно, в томах Библиотеки литературы Древней Руси мы имеем немало таких переводов *en regard*, — казалось бы, готовый материал для параллельного корпуса, — но часто они представляют памятники только в отрывках и не всегда удовлетворительны лингвистически. О последней проблеме ср. прежде всего [Петрухин 2012], где демонстрируется целый ряд ошибок и неточностей в русских переводах Повести временных лет. Ситуация такова, что для Повести временных лет лучший существующий перевод — на немецкий (проф. Л. Мюллера), для Киевской, Галицкой и Волынской летописей — вероятно, на украинский (Л. Махновца, содержащий важные лингвистические находки — ср.

в статье [Назаренко 2021] о слове *отчичь*, — хотя тоже не свободный от ошибок), есть немало качественных английских переводов, наконец, есть памятники, вовсе никогда ни на какой язык не переводившиеся. Такая ситуация, привычная славистам, созданию параллельного корпуса не благоприятствует, хотя, конечно, и не исключает его.

Идея создать в составе НКРЯ параллельный корпус берестяных грамот принадлежит сотруднику «Яндекса» П. В. Дяченко и автору настоящей статьи. Действительно, положение с корпусом берестяных грамот в ряде отношений несравненно лучшее, чем с остальными древнерусскими памятниками. Во-первых, в составе «Древненовгородского диалекта» А. А. Зализняка (ДНД) мы имеем перевод большинства содержательных текстов, известных на конец 2003 г., сделанный лучшим знатоком их языка (хотя и не без лакун, о чем см. ниже). Переводы грамот, найденных с 2004 года и позже, регулярно публикуются в «Вопросах языкознания», в 2015 г. вышел 12-й том «Новгородских грамот на бересте». С 2015 г. соавтором Зализняка при публикации новых находок в «Вопросах языкознания» становится А. А. Гиппиус, который после смерти Андрея Анатольевича, начиная с вышедшей в 2019 г. статьи о находках 2018 г., выступает как единоличный автор этих статей; в его лингвистической и «берестологической» квалификации также не приходится сомневаться. В 2021 г. вышла наша с ним статья [Гиппиус, Сичинава 2021] со сводом поправок к интерпретациям более чем 300 берестяных грамот, включающая в том числе и новые переводы. Все тексты берестяных грамот и их опубликованные переводы, в том числе вносимые в них поправки, публикуются онлайн в составе в базы данных gramoty.ru, новая версия которой доступна с 2018 г. и оперативно обновляется (см. специальную статью [Sitchinava, Dyshkant 2021]).

Во-вторых, существуют также переводы берестяных грамот на другие языки в составе частных и обзорных работ о грамотах на этих языках (на итальянский — Р. Факкани, на нидерландский — В. Вермеера, Й. Схакена и др.). В параллельный корпус берестяных грамот было решено включить английские версии двух разных переводчиков; тем самым корпус (для тех грамот, для которых доступны оба перевода) становится *поливариантным* [Loiseau et al. 2013], позволяющим сопоставлять вариативность в передаче одного и того же смысла в рамках одного языка и/или разные трактовки одного и того же текста на одном языке.

Выбранные для корпуса английские тексты — это переводы американского историка Р. Ковалева и нидерландского слависта Й. Схакена, делавшиеся в разное время с разной целью. Роман Ковалев подготовил свод своих переводов части грамот (в основном ранних) в конце 2000-х годов для неосуществленной английской версии сайта gramoty.ru; эти переводы нам любезно предоставил А. А. Гиппиус. В основном Р. Ковалев переводил грамоты раннедревнерусского периода; помимо знаменитых пространных «хитов» берестяной переписки (например, письма оскорбленной женщины № 531, письма военачальника о конфликте вокруг сбора дани с участием Андрея Боголюбского № 724, женского любовного письма № 752 — все они существуют и в версиях Й. Схакена) особый интерес профессора Ковалева привлекали тексты экономической тематики; изначально часть этих

переводов делалась для его специальных работ о древнерусской экономике. Йос Схакен делал английские переводы берестяных грамот для всесторонне представляющей этот исторический источник монографии «Голоса на бересте» [Schaecken 2019] (английская версия, используемая нами с разрешения автора, вышла в 2019 году в издательстве Brill, ей предшествовал голландский, более популярный, вариант 2012 г.). Его выборка меньше, однако охватывает более широкий жанровый и хронологический диапазон, в частности, в ней лучше представлены позднерусские тексты, не говоря о том, что Схакен, работавший спустя почти 10 лет после Ковалева, учитывает и грамоты, найденные в 2010-е годы, и предложенные к этому моменту поправки к интерпретации ранее найденных документов.

Особенно интересно, что и Ковалев, и Схакен выбирали для своих английских интерпретаций в том числе грамоты, не переведившиеся на русский язык А. А. Зализняком. Действительно, русские переводы в «Древненовгородском диалекте» для ряда грамот отсутствуют — либо ввиду стандартности их формуляра, либо из-за краткости и/или обрывочности текста (так, лишено перевода большинство грамот, включенных в ДНД в статьи «Грамоты [такого-то периода], не разбираемые индивидуально», хотя далеко не только они). Например, у Ковалева переведен ряд долговых и прочих реестров, а профессору Схакену, парадоксальным образом, принадлежит единственный перевод на какой-либо язык самого длинного новгородского берестяного текста — завещания Моисея (рубеж XIV и XV в., № 519/520). Об этом документе А. А. Зализняк прямо заявляет: «Структура завещания соответствует хорошо известным стандартам, поэтому перевод в данном случае не нужен» [ДНД: 653]. При всем уважении с этим утверждением можно поспорить — завещание содержит, в частности, социальную терминологию, связанную с коллективным наследованием (*и о(с)подѣ свожи роду племани своѣму*, «and the heads of my family (and) my clan» в переводе Схакена).

Всего Р. Ковалев перевел 253 грамоты, Й. Схакен — 141 грамоту, по крайней мере в одном английском переводе существует 337 разных грамот, а 57 из них представлены в двух альтернативных версиях. Казалось бы, это немногим больше четверти от общего количества известных берестяных грамот, которое превышает 1200. Но если вспомнить, что две трети сохранившихся грамот — это фрагменты, а русскими переводами снабжено лишь примерно 650 из представленных в базе gramoty.ru документов, то указанные цифры становятся куда более репрезентативными.

Манера перевода у Ковалева и Схакена разная: если оформление и лингвистические решения первого ближе к русским переводам А. А. Зализняка, то Й. Схакен передает элементы внешнего оформления грамот (например, начальный крест) и нередко ближе калькирует конструкции древнерусского текста. Вместе с тем решения обоих переводчиков далеко не всегда предсказуемы, и они нередко дают альтернативные решения, подчеркивая неоднозначность интерпретации древнерусского текста.

В-третьих, берестяные грамоты, как правило, очень кратки, что снимает трудоемкую (и в ряде случаев спорную) задачу деления лишнего пунктуации древ-

нерусского текста на предложения, вернее, отрезки, эквивалентные предложениям перевода. Уже полный текст грамоты в корпусе, доступный для обзора вместе с переводом, без затруднения позволяет найти нужное соответствующее место.

Поиск по параллельному корпусу берестяных грамот может преследовать далеко не только лингвистические, но и довольно неожиданные историко-культурные цели. Например, не так давно к моим коллегам обратились сотрудники Новгородского музея-заповедника с просьбой подобрать берестяные грамоты, в которых упоминаются обувь, для тематической выставки, посвященной сапожному делу древнего Новгорода. Разумеется, семантическая разметка переводов и соответствующий тезаурус облегчили бы эту задачу (сейчас решаемую сплошным просмотром словоуказателя).

3. «Параллелизация» корпуса берестяных грамот: практика

С 2012 г. в составе Национального корпуса русского языка функционирует корпус берестяных грамот — один из «линейки» исторических корпусов, представленной в настоящее время также древнерусским, старорусским и церковнославянским корпусами. Корпус снабжен пословной морфологической разметкой, основанной на указателе к ДНД, который обращен на словоформы в тексте; программная реализация этой разметки принадлежит Т. А. Архангельскому, далее она корректировалась и дополнялась вручную в рабочем месте «Морфи» [Архангельский, Пичхадзе, Мишина 2014] Е. А. Мишиной, начиная с 2021 г. — совместно с автором этой статьи.

Хронологический диапазон этого корпуса — XI–XV века, иными словами, он пересекается и с периодом древнерусского языка (XI–XIV века), и со старорусским (XV век, к которому относится меньшинство грамот). Это обстоятельство вместе с отдельным стандартом морфологической разметки продиктовали оформление берестяных грамот в отдельный исторический корпус. В известной степени разнородной разметки лемм — следствие исторической случайности. При построении своего словоуказателя, первая версия которого готовилась в 1980-е годы, когда большинство известных грамот принадлежало позднедревнерусскому периоду, А. А. Зализняк выбрал формат лемм после падения и прояснения редуцированных (*слати, день*), специально оговорив это решение как условное и непринципиальное. К настоящему времени, особенно после находок 1990–2000-х годов, число ранних текстов резко выросло, однако ранее принятое решение и формат словоуказателя в целом в ДНД и новых томах «Новгородских грамот на бересте» не менялись. В древнерусском корпусе НКРЯ леммы ориентированы на Словарь древнерусского языка XI–XIV веков и раннедревнерусский фонетический облик (*съслати, днь*). В настоящее время в НКРЯ готовится к внедрению панхронический межкорпусный поиск, при котором в рамках одного запроса будет учитываться лемма в древнерусском, старорусском и современном русском фонетико-орфографическом вариантах (разумеется, в случае «выживания» лексемы, а также с учетом вариативности внутри каждого из этого периодов); это в известной степени снимет остроту данной проблемы.

До 2021 г. корпус берестяных грамот в составе НКРЯ включал в себя только грамоты, входившие в книгу А. А. Зализняка «Древненовгородский диалект» (т. е. найденные до 2003 г. включительно и в актуальных на тот момент, отразившихся в указателе интерпретациях) с рядом последующих, размеченных уже полностью вручную, дополнений: это грамоты, найденные до 2012 г. и предварительно опубликованные в «Вопросах языкознания». Вне корпуса тем самым остались мелкие фрагменты, в том числе лингвистически релевантные, а буквенный состав и интерпретация тех текстов, которые в корпус вошли, отражали состояние науки до публикации 12-го тома «Новгородских грамот на бересте» в 2015 г. с уточненным текстом грамот по сравнению с предварительной публикацией, а также, что особенно важно, с обширным разделом поправок к ранее найденным грамотам, дающим в том числе целые новые тексты. В 2021 г. эти недочеты были устранены, а корпус и база данных gramoty.ru взаимно синхронизированы (подробнее см. в работе [Sitchinava, Dyshkant 2021]).

Добавим, что для целей настоящей работы тома «Новгородских грамот на бересте» и публикации в «Вопросах языкознания» были специально просмотрены с точки зрения пополнения базы gramoty.ru (а тем самым и синхронизированного с ней корпуса) переводами, не вошедшими в ДНД и поэтому первоначально оставшимися за бортом базы данных. Помимо грамот, вовсе не включенных в ДНД, без перевода, как мы уже отметили, обычно остаются «грамоты, не разбираемые индивидуально» в этой монографии; однако в томах издания А. А. Зализняка и коллеги дают переводы таких текстов существенно чаще. Эти вновь добавленные в базу данных переводы часто лингвистически релевантны для поиска в параллельном корпусе. Например, грамота № 844 (XII в.) представляет собой фрагмент письма жителей Имоволожского погоста: (...) *(отъ и)[м]оволожан[ъ къ] [п]окладено о[тъ] не буд[еть] ...* Эта грамота вошла в ДНД, но без перевода, как «не разбираемая индивидуально», в то время как в издании [НГБ-ХІ: 59] интерпретация с переводом есть: «Это послание от имоволожан, о которых см. при грамоте № 885. Можно понять только: ‘... положено с тем, чтобы не было ...’». Добавив этот перевод в базу данных и тем самым в корпус, мы можем искать в русском переводе целевой союз *с тем чтобы*, который встретился еще в переводе более поздней грамоты № 142 (начало XIV в., цитируем только релевантную фразу): ‘А если пришлют (по-видимому, Марк и Олекса) лемехá, то вы им отдайте моего голубого коня, [да] при людях, с тем чтобы он (Марк) не запрягал его в соху’. Древнерусский оригинал этой фразы гласит: *А четъ ѡмшиѣ пришлю, и вы имъ къне мѣи голубѣи дайте съ людми, дате съхъ не кладе*. Таким образом, поиск целевых конструкций в корпусе (который может быть расширен, разумеется, и до более простого поиска русского слова *чтобы*) обнаруживает раннее *отъ* в соответствии с более поздним *дать*.

При подготовке параллельного корпуса берестяных грамот в составе НКРЯ в файлы морфологически размеченных текстов А. Н. Дышкант программно добавил XML-разметку привязанных к целому тексту переводов. Разметка поддерживает теги, аналогичные принятым в параллельном корпусе в составе НКРЯ, в частности — в многоязычных и поливариантных текстах (ср. [Sitchinava 2012], [Сичинава

2019]). Метатекстовая информация, содержащаяся в тексте русских переводов (например «вариант 1:», «конец фразы, вероятно, означает...») заключалась в специальный тег <noindex>, с тем чтобы эти слова в дальнейшем не подвергались автоматическому морфологическому и семантическому анализу во избежание лишнего «шума» в поисковой выдаче.

Так полностью выглядит разметка берестяной грамоты № 9 (оригинал — тег ISO-3 “orv” для древнерусского языка; русский перевод А. А. Зализняка, английские переводы Р. Ковалева и Й. Схакена)

```
<?xml version="1.0" encoding="utf-8"?>
<html>
<head>
</head>
<body>
<se lang="orv">
<page id="009">
<line id="1">
+
<w addr="009:1"><ana lex="отъ" gr="PR,gvrn:gen"></ana>ѡ</w>
<w addr="009:1"><ana lex="Гостѣта" gr="S,persn,sg,gen"></ana>гостѣты</w>
<w addr="009:1"><ana lex="къ" gr="PR,gvrn:dat"></ana>къ</w>
<w addr="009:1"><ana lex="Василь" gr="S,persn,m,sg,dat"></ana>васильви</w>
<w addr="009:1"><ana lex="иже" gr="APRO,sg,n,acc,rel"></ana>[е]же</w>
<w addr="009:1"><ana lex="язъ" gr="SPRO,1p,sg,dat,cl"></ana>ми</w>
<w addr="009:1"><ana lex="отець" gr="S,m,sg,nom"></ana>отѣць</w>
<w addr="009:1"><ana lex="даяти" gr="V,perf,sg,3p,m"></ana>даѣ<br/>лъ</w>
</line>
<line id="2">
<w addr="009:2"><ana lex="и" gr="CONJ"></ana>и</w>
<w addr="009:2"><ana lex="родъ" gr="S,m,pl,nom" ctxt_comment="родственники"></ana>роди</w>
<w addr="009:2"><ana lex="сдаяти" gr="V,perf,pl,3p,m" meaning="дать впридачу"></ana>сѣдаѣли</w>
<w addr="009:2"><ana lex="а" gr="CONJ"></ana>а</w>
<w addr="009:2"><ana lex="тогъ" gr="APRO,sg,n,nom"></ana>то</w>
<w addr="009:2"><ana lex="за" gr="PR,gvrn:ins"></ana>за</w>
<w addr="009:2"><ana lex="и" gr="SPRO,sg,m,ins"></ana>нимь</w>
<w addr="009:2"><ana lex="а" gr="CONJ"></ana>а</w>
<w addr="009:2"><ana lex="нынѣ" gr="ADV" ctxt_comment="а теперь, потом, так что"></ana><ana lex="нынѣ" gr="ADV" ctxt_comment="а теперь, потом, так что"></ana>нынѣ</w>
<w addr="009:2"><ana lex="водити" gr="V,partcp,nonpast,sg"></ana>во<br/>да</w>
</line>
```

```

<line id="3">
<w addr="009:3"><ana lex="новыи" gr="A,sg,f,acc"></ana>новоую</w>
<w addr="009:3"><ana lex="жена" gr="S,f,sg,acc"></ana>женоу</w>
<w addr="009:3"><ana lex="а" gr="CONJ"></ana>а</w>
<w addr="009:3"><ana lex="язъ" gr="SPRO,1p,sg,dat,ton"></ana>мънѣ</w>
<w addr="009:3"><ana lex="не" gr="PART"></ana>не</w>
<w addr="009:3"><ana lex="вдати" gr="V,nonpast,sg,3p"></ana>въдасть</w>
<w addr="009:3"><ana lex="ничто же" gr="APRO,sg,acc"></ana>ничѣ</w>
то же</w>
</line>
<line id="4">
<w addr="009:4"><ana lex="избити" gr="V,partcp,act,past,sg,m,nom" ctxt_comment="совершив рукобитье"></ana>избивѣ</w>
<w addr="009:4"><ana lex="рука" gr="S,f,pl,acc" ctxt_comment="совершив рукобитье"></ana>роукы</w>
<w addr="009:4"><ana lex="пустити" gr="V,perf,sg,3p,m"></ana>поустиль</w>
<w addr="009:4"><ana lex="же" gr="PART,contrapos"></ana><ana lex="жь" gr="PART,contrapos"></ana>же</w>
<w addr="009:4"><ana lex="язъ" gr="SPRO,1p,sg,acc,cl"></ana>ма</w>
<w addr="009:4"><ana lex="а" gr="CONJ"></ana>а</w>
<w addr="009:4"><ana lex="иный" gr="APRO,sg,f,acc"></ana>иноу</w>
</line>
<line id="5">
<w addr="009:5"><ana lex="пояти" gr="V,perf,sg,3p,m"></ana>поалѣ</w>
<w addr="009:5"><ana lex="доѣхати" gr="V,imper,sg,2p"></ana>доеди</w>
<w addr="009:5"><ana lex="добрѣ" gr="ADV" ctxt_comment="формула вежливости"></ana>добрѣ</w>
<w addr="009:5"><ana lex="створити" gr="V,partcp,act,nonpast,sg,m,nom" ctxt_comment="формула вежливости"></ana>сѣтворѣ</w>
</line>
</page>
</se>
<se lang="ru">
От Гостяты к Василю. Что мне дал отец и родичи дали впридачу, то за ним.
А теперь, женись на новой жене, мне он не дает ничего. Ударив по рукам (в знак
новой помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость.
</se>
<se lang="en" variant_id="1">
From Gostiata to Vasilii. What was given to me by my father and added to by my kin
is in his hands. Now, having married a new wife, he gives me nothing. As soon as he
became betrothed, he chased me away and took the other as wife. Come, do a good thing.
</se>
<se lang="en" variant_id="2">

```

+ From Gostjata to Vasil'. What (my) father gave me and (my) relatives gave, that is with him. Now, taking a new wife, he won't give me anything. Having struck hands (in a new marriage contract), he has sent me away and has taken another. Please come!

</se>
</body>
</html>

В этом примере не показаны дополнительные (морфологический, а для русского — и семантический) слои разметки, накладываемые на перевод. При помощи параллелизации в корпусе можно будет искать (ограничимся примерами, которые можно проиллюстрировать при помощи грамоты № 9):

- древнерусские термины родства (через семантическую разметку русских слов *отец, родичи*; отметим разные семантические нюансы английских соответствий последнего *relatives* и *kin*);
- древнерусские конструкции со значением просьбы (через английское слово *please*). Отметим, что именно так Р. Ковалев трактует слово *добрѣмь* в грамоте 246 и *аже хоцьшии* в грамоте Ст. Р. 10, в то время как Й. Схакен в этих случаях выбирает более буквальные переводы: *in a proper way, if you so please*. Но как раз в грамоте 9 для формулы вежливости *добрѣ сътвори* переводчики поступают наоборот, ср. кальку *do a good thing* у американского исследователя и содержательную передачу *please* у нидерландского;
- соответствия древнерусского «презенса напрасного ожидания» в современных языках, имеющие и типологические проекции (футуральная конструкция *won't* в переводе Й. Схакена).

Поиск по параллелизованному корпусу спроектирован И. И. Виноградовой, С. А. Гладилиным, А. Д. Козеренко, Д. А. Морозовым, В. Г. Сизовым и автором настоящей статьи. Он устроен аналогично поиску по параллельному корпусу на нескольких языках, запущенному в составе НКРЯ в конце 2021 г. Используется форма поиска на трех языках, аналогичная ранее разработанному лексико-грамматическому поиску НКРЯ, но, чтобы избежать громоздкого интерфейса, для каждого языка по умолчанию открыто условие только на одно слово (с возможностью развернуть его вручную):

Original

Слово Грамм. признаки Толкование

Доп. признаки

Английский язык

Лексема Грамм. признаки Семант. признаки

Словформа Доп. признаки

Русский язык

Лексема Грамм. признаки Семант. признаки

Словформа Доп. признаки

Рис. 1. Форма поиска в параллельном корпусе берестяных грамот

Информация по каждому примеру выводится в два столбца, чтобы занимать меньше места на экране. Существенно, что после обновления корпуса берестяных грамот в 2021 г. полные тексты берестяных грамот (не в режиме KWIC и не в режиме «Расширение контекста») выводятся так же, как в базе gramoty.ru — строка в строку.

В первом столбце всегда дается оригинал грамоты. При выдаче по умолчанию во втором столбце дается один перевод — это русский перевод, если пользователь выбирал его в условиях поиска и перевод в корпусе имеется. Для английского языка поиск ведется в двух переводах одновременно, а для тех 57 грамот, для которых в корпусе доступны обе английские версии, пользователь может выбрать, какую из них показывать. От основной выдачи пользователь может перейти к режиму «Расширение контекста», где тексты оригинала и всех наличных в корпусе переводов будут расположены традиционным образом (без переноса строк, друг над другом). В таком виде параллельные тексты будут удобнее доступны для копирования пользователем и для использования в тексте научной работы.

Спроектированный в настоящее время поиск и интерфейс по параллельному корпусу берестяных грамот представляет собой пилотный механизм для параллелизации (хотя бы и частичной) других исторических корпусов, с задействованием разных современных языков, а также содержит задел для включения в исторические корпуса графической составляющей (фотографий и прорисей берестяных грамот, фотографий рукописей, надписей и др.). В будущем планируется создать в составе НКРЯ корпус текстов древнерусской эпиграфики, входящих в базу данных epigrafika.ru (о ней см. статью [Sitchinava, Dyshkant 2021]), устроенный также как параллельный, с участием введенных в эту базу русских переводов.

Литература

Архангельский Т. А., Пичхадзе А. А., Мишина Е. А. Система электронной грамматической разметки древнерусских и церковнославянских текстов // *Palaeobulgarica*, 2014. Vol. 38. № 4. С. 21–37.

Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002. № 26. Р. 63–126.

Гиппиус А. А., Сичинава Д. В. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот [XIII]: предварительная публикация // *Русский язык в научном освещении*, № 2, 2021. С. 178–259.

ДНД — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Яз. славян. культуры, 2004.

Ковалів П. К. Лексичний фонд літературної мови кївського періоду, т. 1–2, Н.-Й. 1962–1964.

Мишина Е. А., Пичхадзе А. А. Древнерусский подкорпус Национального корпуса русского языка // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2015. № 6. С. 99–115.

Назаренко А. В. Др.-русс. *отьчичь*: грани смысла династического термина // *Sub specie aeternitatis: сборник в честь В. Б. Крысько*. М.: Издательский центр «Азбуковник». С. 416–425.

НГБ-ХІ — В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.). Т. 11. М.: Русские словари, 2004. 288 с.

Петрухин П. В. К проблеме реконструкции и перевода Повести временных лет // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 232—249.

Сичинава Д. В. Параллельные тексты в составе Национального корпуса русского языка: Новые языки и новые задачи // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. № 21. С. 41–60.

Сичинава Д. В. Напис № 1 з Остерської божниці: уточнення транскрипції, лінгвістичної характеристики й датування // RUTHENICA, т. 17 (у друці).

Loiseau S., Sitchinava D., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M. Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian—French multivariant parallel corpus // Информатика и её применения. Том 7. 2013. № 2. С. 100—109

Mayer Thomas, Cysouw Michael. Creating a Massively Parallel Bible Corpus. Proceedings of the International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC). Reykjavik, 2014. P. 3158–3163.

Seržant Ilja A., Wiemer Björn, Bužarovska Eleni, Ivanová Martina, Makartsev Maxim, Savić Stefan, Sitchinava Dmitri, Skwarska Karolina, Uhlik Mladen, *forthc.* Areal and diachronic trends in argument flagging across Slavic // Eystein Dahl (ed.). Alignment and Alignment Change in the Indo-European Family. Oxford: OUP (to appear).

Schaeken Jos. Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia. Leiden: Brill, 2018.

Sitchinava Dmitri V. Parallel corpora within the Russian National corpus // Prace filologiczne, LXIII. 2012. P. 271–278.

Sitchinava D., Dyshkant A. Integration of the Old East Slavic Epigraphical Databases, Corpora and Indices // Scripta & E-Scripta. 2021. № 21. P. 95–108

Dmitri V. Sitchinava

*Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences*

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

mitrius@gmail.com

THE BIRCHBARK LETTERS CORPUS AS A PARALLEL CORPUS

The paper deals with the first experience of developing a parallel corpus featuring translation(s) of Old East Slavic resp. Middle Russian texts into a modern language. Within such corpus, a translation serves as a full-fledged searchable textual element with its own annotation. The resource can function as a tool for studying the OES lexicon, grammar and syntax through aligned parallel texts. Birchbark letters may serve as a pilot

example of such aligned corpus as linguistically founded translations are already available for them: birchbark letters were translated into Russian by Andrei Zalizniak and into English two alternative translations by Roman Kovalev and Jos Schaeken. The paper envisages some examples of how this mechanism can be applied.

Keywords: Old East Slavic, Middle Russian, birchbark letters, parallel corpus.

References

- Arhangel'skij T. A., Pichhadze A. A., Mishina E. A. [The system of electronic grammar markup for Old Russian and Church Slavonic texts]. *Palaeobulgarica*, vol. 38, 2014, no. 4, pp. 21–37. (In Russ.)
- DND — Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskij dialekt* [Ancient Novgorodian dialect]. 2-nd ed., Moscow, “Yazyki slavyanskoi kul'tury” Publ., 2004. (In Russ.)
- Gippius A. A. [On textual criticism and new translation-reconstruction of the Tale of Bygone Years] *Russian Linguistics*, 2002, no. 26, pp. 63–126. (In Russ.)
- Gippius A. A., Sitchinava D. V. [Corrections and remarks on reading the previously published birch-bark letters [XIII]: pre-publication]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian language and Linguistic Theory], 2021, no. 2, pp. 178–259. (In Russ.)
- Kovaliv P. K. *Leksichnij fond literaturnoi movi kiivs'kogo periodu* [Lexical fund of literary language of the Kiev period], vol. 1–2, N.-Y., 1962–1964.
- Loiseau S., Sitchinava D., Zalizniak Anna A., Zatsman I. M. Information technologies for creating the database of equivalent verbal forms in the Russian—French multivariant parallel corpus. *Informatika i ejo primenenija* [Informatics and applications], 2013, vol. 7, no. 2, pp. 100–109.
- Mayer Thomas, Cysouw Michael. Creating a Massively Parallel Bible Corpus. *Proceedings of the International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC)*, Reykjavik, 2014, 3158–3163.
- Mishina E. A., Pichhadze A. A. [Ancient Russian subcorpus of the National Corpus of the Russian language]. *Trudy Instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2015, no. 6, pp. 99–115. (In Russ.)
- Nazarenko A. V. [Old-Russian otchich: facets of the meaning of the dynastic term]. *Sub specie aeternitatis: sbornik v chest' V. B. Krysko* [Sub specie aeternitatis: collection in honor of V. B. Krysko]. Moscow, “Azbukovnik” Publ., 2021, pp. 416–425. (In Russ.)
- NGB-XI — Yanin V. L., Zalizniak A. A., Gippius A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000 godov)* [Letters on birch bark from Novgorod (from 1997–2000 excavations)], vol. 11. Moscow, “Pusskie slovari” Publ., 2004. 288 p. (In Russ.)
- Petrukhin P. V. [To the problem of reconstruction and translation of the Tale of Bygone Years]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii* [Russian language and Linguistic Theory], 2012, no. 1 (23), pp. 232–249. (In Russ.)
- Schaeken Jos. *Voices on Birchbark. Everyday Communication in Medieval Russia*. Leiden: Brill, 2018.

Seržant Ilja A., Wiemer Björn, Bužarovska Eleni, Ivanová Martina, Makartsev Maxim, Savić Stefan, Sitchinava Dmitri, Skwarska Karolína, Uhlik Mladen, forthc. Areal and diachronic trends in argument flagging across Slavic. Eystein Dahl (ed.). *Alignment and Alignment Change in the Indo-European Family*. Oxford: OUP.

Sitchinava D. V. [Parallel texts as part of the National Corpus of the Russian language: New languages and new challenges]. *Trudy Instituta ruskogo jazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian language Institute], 2019, no. 21, pp. 41–60. (In Russ.)

Sitchinava D. V. [The inscription No. 1 from the Oster church: clarification of transcription, linguistic characteristics and dating]. *RUTHENICA*, vol. 17 (in print).

Sitchinava Dmitri V. Parallel corpora within the Russian National corpus. *Prace filologiczne*, LXIII, 2012. pp. 271–278.

Sitchinava Dmitri, Dyshkant Anton. Integration of the Old East Slavic Epigraphical Databases, Corpora and Indices. *Scripta & E-Scripta*, 2021, no. 21, pp. 95–108.

¹А. Ц. Масевич, ²В. П. Захаров

¹Санкт-Петербургский государственный институт культуры

²Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)

²v.zakharov@spbu.ru, ¹andmasev@mail.ru

ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО *КРАСНЫЙ* В РУССКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Исследована семантика прилагательного *красный*. Исследование велось на базе подкорпусов Национального корпуса русского языка. Построена иерархическая классификация значений прилагательного, иллюстрированная примерами из текстов. При сопоставлении данных по поэтическому и по основному корпусам НКРЯ распределение значений в XVIII и XIX вв. существенно различается. В XX в. различия между подъязыками выражены меньше. Ранги значений по общей частоте имеют отличия от рангов значений прилагательного при ранжировании по частоте коллокаций. Отмечаются явления, типичные для любой классификации — один и тот же контекст может быть отнесен к более, чем одному классу значений. Прослеживаются случаи трансформации семантики некоторых коллокаций с прилагательным *красный*.

Ключевые слова: Корпусная лингвистика, диахрония, русский язык, прилагательные-колоративы

*Мне маки грезятся, согретые лучом,
Гвоздики алые, и, полные угрозы,
Махрово-алчные, раскрывшиеся розы.
Я вижу лилии над зыбкою волной:
Окровавленные багряною луной,
Они, забыв свой цвет, безжизненно-усталый,
Мерцают сказочно окраской ярко-алой,
...*

К. Д. Бальмонт «Красный цвет»

Введение

Материал для настоящей статьи собран в ходе исследования семантики и изменения частотности прилагательных цвета в русском языке в диахронии. Некоторые результаты этих исследований опубликованы в [Захаров, Масевич 2019; Масевич,

Захаров 2019; Masevich, Zakharov 2019]. Как известно, практически все основные прилагательные цвета, наряду со своими основными значениями — т. е. обозначениями цветов спектра, имеют различные переносные значения, зафиксированные в словарях русского языка [Василевич и др. 2005; Герасимов 1969]. Нас интересовало, каковы статистические соотношения употребляемости прилагательных цвета в разных значениях, и как меняется в течение времени частота употребляемости каждого значения. Работа проведена на примере прилагательного *красный*. Выбор обусловлен следующим: во-первых, лексема *красный* имеет очень богатую семантику, во-вторых, из основных двенадцати прилагательных цвета это третье по частотности и по хронологии [Berlin, Kay 1969] прилагательное цвета, уступающее лишь двум прилагательным, обозначающим ахроматические цвета — *белый* и *чёрный*. В наших работах, опубликованных ранее, было показано, что частота употребления прилагательных цвета в поэтических текстах значительно выше, чем в прозе различных жанров [Масевич, Захаров 2019].

В данной работе мы исследуем статистические характеристики использования прилагательного *красный* в русском языке в разрезе его значений в прозе и в поэзии на протяжении трех последних веков.

Материал и методика исследования

Исследование проводилось на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Репрезентативные и хорошо сбалансированные корпуса создают объективную и представительную основу для изучения языка в выбранном аспекте. В НКРЯ имеется возможность поиска по семантическим признакам, в т. ч. и по признаку «цвет» [Кустова и др., 2005]. Основной и поэтический корпусы в составе НКРЯ дают также возможность диахронических исследований. В ходе работы нами были созданы хронологические подкорпусы (Табл. 1).

Статистическому описанию подвергались отдельные значения прилагательного *красный*, перечень которых был сформирован на основе главных толковых словарей русского языка и в ходе работы уточнен. Результаты поиска в каждом из подкорпусов были проанализированы и проиндексированы по перечню значений. В качестве ассессоров выступали авторы статьи, анализ велся по контексту необходимой длины. Для решения задачи были выполнены следующие процедуры.

1. Выявлены все словарные значения прилагательного *красный*, зафиксированные в шести словарях русского языка:

- а) Большой Академический словарь (далее БАС),
- б) Малый Академический словарь (далее МАС),
- в) Викисловарь (далее Вики),
- г) Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова (далее Ушаков),
- д) Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля (далее Даль),
- ж) Словарь русского языка XVIII века (далее 18 в.)

2. На основе анализа словарных дефиниций составлена сводная иерархическая классификация значений прилагательного *красный*, которая была дополнена

Таблица 1. Подкорпусы основного (ОК) и поэтического (ПК) корпусов НКРЯ в разрезе по векам

Период	ОК (объем в с/у)	ПК (объем в с/у)
XVIII век (1700–1799 гг.)	6 217 905	910 585
XIX век (1800–1899 гг.)	64 681 301	3 636 000
XX век (1900–1999 гг.)	171 736 886	7 786 199

и уточнена в ходе дальнейших методических шагов при анализе контекстов, полученных из поэтического и основного корпусов НКРЯ. Каждому классификационному делению присвоен код, использовавшийся в дальнейшем для индексирования контекстов употребления прилагательного.

3. В основном и поэтическом корпусах НКРЯ созданы пользовательские подкорпусы, охватывающие массивы текстов за определенные временные периоды — 1700–1799 гг., 1800–1899 гг. и 1900–1999 гг. Средствами поиска НКРЯ в каждом из шести подкорпусов выявлены контексты прилагательного *красный*. Средствами выгрузки данных НКРЯ выявленные контексты выгружались в MS Excel (формат выгрузки KWIC).

4. Каждому контексту (точнее, каждому употреблению прилагательного *красный*) присвоен индекс составленной классификации. При просмотре массивов выявлялись значения, не зафиксированные в указанных выше словарях, что потребовало дополнения классификации. Средствами MS Excel в автоматическом режиме произведен подсчет относительной частоты употреблений каждого значения (IPM) и построены графики. Сделан сравнительный анализ употребления прилагательного *красный* в разных значениях в разные периоды времени.

Семантика прилагательного *красный*

Ниже описывается иерархическая классификация значений прилагательного *красный*, основывающаяся на совокупности словарных статей прилагательного *красный* в перечисленных выше толковых словарях и дополненная на основе анализа корпусных данных за три века. Каждое деление классификации проиллюстрировано примерами из НКРЯ.

На верхнем уровне классификации помещены общие значения, которые затем были детализированы.

1. Имеющий окраску одного из цветов спектра.

XVIII век	XIX век	XX век
<i>Увидел я, что гриб не гриб // Какой-то к пеньшкуну прилип; // Поганка красная и красная такая.// Что ни к чему ее нельзя и применить,</i> Н. А. Львов.	<i>Средь красных георгинов стояла стройно ты, // Как тополь молодой твоей родной Украйны,</i> П. Д. Бутурлин.	<i>Моя мама была комсомолочкой // в красной косынке // и кожаной куртке.</i> Е. А. Евтушенко.

2. Относящийся к революционной идеологии, имеющий определенные политические взгляды:

XIX век	XX век
Когда бы, красного исполнен изуверства, // Я революции для родины желал, // То, верно б, сделался иль членом министерства, // Иль с ребятами на каторгу попал. Н. Ф. Щербина.	Крепни // и славься // в битвах веков, // Красная // Армия // большевиков! // В. В. Маяковский.

3. Красивый, прекрасный.

XVIII век	XIX век	XX век
Он зрит подобно так, как зрел Парис в пустыни // Пришедшие к себе три красные богини,... В. И. Майков.	(Толпа без красных девушек // Что рожь без васильков). Н. А. Некрасов.	Бабка Клавка говорит: // Зашибает твой-то, Колька; // Красных девушек дарит, // Подарил, гляди, на сколько! Е. Л. Кропивницкий.

Здесь сделаем существенную ссылку. Н. Б. Бахилина описывает историю цветообозначения *красный* следующим образом: «Прилагательное *красный* — древнее общеславянское, в своем первоначальном значении ‘*красивый*’, ‘*прекрасный*’ известно во всех современных славянских языках, кроме русского, где сохранились лишь некоторые следы старого употребления. В русских памятниках слово известно с древнейших времен, широко употребительно и используется для характеристики очень многих и очень разных положительных качеств» и далее «...вряд ли даже в древнейших наших памятниках слово *красный* по отношению к человеку значит только ‘*красивый*’, скорее следует полагать, что уже здесь оно часто употребляется для общей положительной характеристики: ‘*хороший*’, ‘*красивый*’, ‘*привлекательный*’, ‘*приятный*’, ‘*достойный*’ и прочее...» [Бахилина 1975: 162–163]. Можно сказать, что утверждение Н. Б. Бахилиной вполне согласуется с нашими данными и по значениям, и по хронологии — ср. в данной статье пп. 3, 4 (применительно к человеку) и пп. 5, 6 (по отношению к другим реалиям).

4. Счастливый, комфортный.

XVIII век	XIX век	XX век
Коль счастлив, коль красен Елисаветин век! М. В. Ломоносов	И новым красным днем сменялся красный день? Л. А. Мей	А мне на редкость жизнь красна И — радость впереди. А. Т. Твардовский

5. Яркий, сияющий (о солнце, о времени года).

XVIII век	XIX век	XX век
Он дохнул, и зиму люту // Удалил Зефир с полей; // Он воззрел, — и солнце красно // Обратилося к весне; Г. Р. Державин.	Пахнет сеном в полях, а кругом благодать, // Лету красному все улыбаётся! С. Д. Дрожжин.	Страхи все свои отбрасывай, // Мы увидим солнце красное . // Мы такие ли увидим чудеса, // Долу склонятся дремучие леса, // Реки бросятся неведомо куда, // Покачнутся в удивленья города. А. А. Баркова.

6. Парадный, почетный.

XVIII век	XIX век	XX век
<i>К царице шлет больших бояр для уговору, // Чтоб брата и отца стрельцам дала без спору: // «Уже чинят приступ ко красному крыльцу: // Без выдачи не быть смятения концу». // М. В. Ломоносов.</i>	<i>Вошедши, на икону // Крестятся в красный кут, // А после по поклону // Хозяевам кладут. // А. К. Толстой.</i>	<i>Пусть иные в красном углу // приколотят свою икону // и приемлют свою хвалу. // Мне бы только что по закону. // Б. А. Слуцкий</i>

7. Часть имени, названия.

XVIII век	XIX век	XX век
Примеров не найдено	<i>Точно море в час прибоя, // Площадь Красная гудит. // Что за говор? Что там против // Места лобного стоит? И. З. Суриков.</i>	<i>Но вышли без задержки // Наутро, как всегда, // «Известия», и «Правда», // И «Красная звезда». // К. М. Симонов.</i>

Проиллюстрируем это значение данными из исследования российских ойконимов «Как называется это место? Населённые пункты на карте России», проведенного аналитиками Яндекс.Карт вместе с лингвистами [Как называется 2021]. Оказалось, что чаще всего названия отражают особенности места, в котором находится населённый пункт. Среди таких особенностей примерно 2,5% названий содержат колоративы.

Самые частотные прилагательные в названиях — это прилагательные, служащие для различения одноимённых населённых пунктов, — *большой, новый, малый* и так далее. Но среди них «почетное» четвертое место занимает прилагательное *красный* (табл. 2).

Таблица 2. Самые частотные прилагательные, входящие в русские топонимы

Прилагательное	Абсолютная частота встречаемости в названиях учтенных населенных пунктов
<i>Большой</i>	2068
<i>Новый</i>	1978
<i>Малый</i>	1837
<i>Красный</i>	1436
<i>Верхний</i>	1012
<i>Нижний</i>	955
<i>Старый</i>	871

8. Высоко ценящийся, лучшего качества, чистый (без примеси).

XVIII век	XIX век	XX век
<i>Ключи, источники, долины и цветы // Не могут дел его умножить красоты; // Собой они красны, собой они велики. М. В. Ломоносов.</i>	<i>Никак, по зверю красному // Погнали?.. улю-лю! // Лиси- ца чернобурая, // Пушистая, матерая // Летит, хвостом метет! Н. А. Некрасов.</i>	<i>Мол, к нашим дырявым овчинам // Пришьем драгоценны заплатки // И сбудем заморским купчинам // Мы красного меха в достатке. Л. Н. Мартынов.</i>

9. Славный, известный, замечательный (чем-либо).

XVIII век	XIX век	XX век
<i>Сыскать, приступил ко мне старик сановитый, // Седою красен брадой, брюхом знаменитый.</i> А. Д. Кантемир.	<i>Всем красны боярские конюшни: // Чистой, прислугой и конями; // Всем довольны добрые кони: // Кормом, стойлами и надзором.</i> А. С. Пушкин	<i>Полна, красна земля родная // Людьми надежных душ и рук.</i> А. Т. Твардовский.

10. В составе фразеологизмов, устойчивых словосочетаний, терминов.

XVIII век	XIX век	XX век
<i>Мужик не позабудет, // Как кушал толокно, // И посажен хоть будет // За красное сукно.</i> А. П. Сумароков.	<i>Аль набор рекрутский // Молодца кручинит — // Угодить боишься // Под красную шапку?</i> Н. А. Некрасов.	<i>все открыли тетради пишем с красной строки // смысл жизни</i> С. М. Гандлевский.

11. Другие значения

Нередко в процессе индексирования контекстов возникали проблемы отнесения значения прилагательного красный к одному из значений. В ряде случаев в тексте явно наблюдалось совмещение значений. Иногда можно говорить о появлении нового отдельного значения. Таково, например, значение прилагательного в выражении «красный цвет» в значении запрета.

*Мы преодолеем все просторы, // Недоступного на свете нет! // Предо мной бессильны светофоры — // Я всегда иду на **красный** свет.* М. А. Светлов

Здесь мы отнесли это употребление к значению № 10. Точно так же проиндексировали значение слова *красный* в следующем примере, а именно, как термин (масть в картах, жребий в рулетке).

*Но я, по какому-то странному своенравию, заметив, что **красная** вышла семь раз сряду, нарочно к ней привязался.* Ф. М. Достоевский.

Некоторые значения прилагательного *красный*, которые удалось выявить в разных источниках, не встретились в поэтических текстах и тогда выпадали из сопоставительного анализа, как, например:

крим. жарг. имеющий отношение к правоохранительным органам, режимный; обычно употребляется в выражении *красная зона* (Вики).

О человеке, в народе то же, что дикой, полоумный. *Что тебе тутотка доспелось, **красному**?* (Даль).

При детализации удалось выявить некоторые значения, правда, как правило, редко используемые и часто устаревшие, которые не нашли отражения в перечисленных словарях. Так, например, мы не нашли в словарях значения *красный* по отношению моральных качеств, взаимоотношений людей и т. п., например,

*Искусно хвалит везде **красну добродетель**, // И гнусное везде он злонравие хулит*
А. Д. Кантемир. Елисавете Первой

*Природу нежную младенческих умов, // Доброту **красную** естественных даров // противну сторону напрасно преклоняют:*

Н. Н. Поповский.

12. Индивидуально-ассоциативные значения.

Представляется существенным отметить, что в художественных и в первую очередь в поэтических текстах прилагательное *красный* (как, впрочем, и другие прилагательные цвета) часто сочетаются с непредметными существительными. Нижеследующие примеры показывают сочетания прилагательного *красный* с существительными, обозначающими, например, явления эмоциональной сферы человеческой психики.

1. *Темно-красная страсть —
вот что нас вовлекает в боль жизни.
Победи эту страсть
и с дороги желанья уйди.*
С. Г. Стратановский. Гэсэр и лама (2009)
2. *Свидетели моих печальных оргий,
поднимем, други, голубую чушь —
бокал эйфории за **красные восторги**,
за черную металлургию душ!*
А. Н. Миронов. «Свидетели моих печальных оргий...» (1975)
3. *И сам Самум,
Кидавшийся на караван
Своею **красной**
Яростью
То слово —
Пропускал;*
Андрей Белый. Сказание об Али-Бабе (.....)
4. *И обрушья пожаром на дом,
Огнедышащим дымным столбом,
Красным ужасом¹, черным стыдом
Справедливейшего приговора.*
И. В. Одоевцева. «Человек человеку бревно...» (1961)

¹ В поэтических текстах встречаются и другие «цвета» *ужаса*.

*Ветер, небо опрокинуть тужась,
Исключаявил мокрым поцелуем стекла.
Плащ дождя срывая, **синий ужас**
Рвет слепительно фонарь поблеклый.*
К. А. Большаков. (1914)

*Восходит ночь, **зеленый ужас** счастья
Разлит во всем, и лунный яд кипит.*
Б. Ю. Поплавский. Зеленый ужас (1931–1935)

Значение *красный* имеет в этих случаях исключительно индивидуальный, ассоциативный характер. Отметим, что такое использование прилагательного *красный* мы смогли обнаружить только в текстах XX века. Вообще характеристика состояний человеческой психики (или, если угодно, души) с помощью цвета нам представляется открытием поэзии XX века².

Детализация значений прилагательного *красный* по коллокатам

В толковых словарях нередко внутри одного значения выделяются подзначения. Обычно эти подзначения определяются сочетаемостью слов. Некоторые вопросы сочетаемости прилагательных цветообозначений и в целом семантика «мира цвета» подробно описана в монографии Е. В. Рахилиной [Рахилина 2008: 168–196].

В нашей статье мы только приводим примеры наиболее частых коллокатов прилагательного *красный*. Почти все приведенные выше значения можно детализировать по наиболее частым контекстам и семантическим категориям коллокатов в сочетаниях с прилагательным *красный*. Например, класс *цвет* (1) мы разбили на подклассы, которые можно назвать «цвет, относящийся к...». Далее идут названия этих объектов (Табл. 3).

Иногда значение цвета «совмещается» с другими значениями. Так, в коллокации «*красное солнце*» прилагательное *красный* в зависимости от контекста может иметь значение «*яркий, сияющий*», а сама коллокация быть устойчивым словосочетанием. Например:

*Поплясав напослед, солнцу **красному** вслед // Побрели вдоль ручьевых раки //
К тем пещерным жильям, за Робинот — Вильям... М. И. Цветаева. Робин Гуд
и маленький Джон (1939–1941).*

*Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь **желтый** ужас листьев
Уставилась зима.
Б. Л. Пастернак. Ложная тревога (1941)*

² Однако, это все же не совсем так. *Черный* цвет, пожалуй, исключение в наборе цветов. В поэтических текстах, уже с конца XVIII века, он окрашивает некоторые душевные состояния человека, правда, исключительно негативные — тот же *ужас, зависть, злобу, печаль*.

*Прочь ненависть, прочь зависть **черна**,
Коварства, лести, злобы яд!
А. Х. Востоков
Сердце покинет кручинушка **черная**,
Только разок обойму,...
Н. А. Некрасов
Завистью **черной**, насмешкой жестокою
Ожесточили они сердце нежное
А. Н. Апухтин*

Таблица 3. Подклассы значения ‘цвет’

1. Отвлеченное понятие	Свет, отблеск, пятно и т. п.	<i>Я шел к блаженству. Путь блеснул // Росы вечерней красным светом. А. А. Блок. «Я шел к блаженству. Путь блеснул...».</i>
2. Естественный объект	Части тела человека (чаще всего — лицо, глаза, губы, нос, руки и т. д.)	<i>Растрепан, безобразен, весь в меду, // Угрюмый, сонный, с красными глазами! // Мы думали, погибнет наш Сурмин! Н. М. Языков. Сержант Сурмин.</i>
	Природный объект	<i>Сегодня утром красный жук // На подоконник влез украдкой. М. Вега. Радость ...под абсолютно красным солнцем, по абсолютно желтой земле // абсолютно черные танки // идут уже третьи сутки К. М. Симонов.</i>
	Природное явление	<i>А красный закат осыпался кусками... В. Блаженный.</i>
3. Человек	Собственные имена	<i>Евдоксия, вся красная от выпитого вина, принялась пить. И. С. Тургенев. Отцы и дети.</i>
	Личные местоимения	<i>Я стал тяжел, как ты, свинина, // И красен я, как ветчина! Максим Горький.</i>
	Термины родства	<i>А рядом // Пасть разинул // Муж // Застыв // В классическом зевке // Весь красный // С рюмкою // В руке // И. С. Холин.</i>
	Социальные роли	<i>Сани мчатся. Кучер статный, // Окрылив младых коней, // Бодр и красен: кровь играет, В. Г. Бенедиктов</i>
4. Искусственный объект	Предметы одежды	<i>1. Рубли // завелись // у рабочей дочки, // у пролетарки // в красном платочке. В. В. Маяковский. 2. В нарядном красном сарафане, // Под блеском солнечного дня, // Еще пышней, еще румяней // Глядит красавица моя. П. А. Вяземский</i>
	Здания, части зданий	<i>Вот наш старый с колоннами серенький дом, // С красной крышей, с массивным балконом. С. Я. Надсон.</i>
	Геометрические фигуры	<i>Салфеткой в красных квадратах // Железный столик накрыт. // Яичница солоновата, // Зато, — какой аппетит! Н. В. Крандиевская.</i>
1.5. Субстантивированная форма		<i>1. Там был черным и красным вычерчен фронт // рваной дугой, с ужасною раной // Университетского городка. С. И. Кирсанов 2. Вот... негры вдали показались — все в красном — лакеи... Андрей Белый.</i>

Можно привести еще пример разных значений прилагательного в одной и той же коллокации:

значение ‘красивый’: У Ивана **красных** платьев, // Красных шапок, сапогов // Чуть не десять коробов; П. П. Ершов. Конек-горбунок (1834–1851);

значение ‘цвет’: Девушка в широком **красном** платье, // Как в объятьи пламени, пришла. И. Н. Голенищев-Кутузов. «Девушка в широком красном платье...» (1933–1938).

В некоторых случаях использование в одном контексте разных значений является художественным приемом

*Пусть кровь красна, любовь красней,
Линяло-бледны рядом с ней
И пурпур слав, и нож убийцы,
И даже ночь, что годы длится!*

В. Г. Шершеневич. «Нет слов короче, чем в стихах...»

Как отмечает Е. В. Рахилина «...они (цветообозначения — А. М., В. З.) живут жизнью «обычных» слов: например, претерпевают сдвиги значения, подвергаются метафоризации и т. п.» [Рахилина 2008: 195].

Приведенные нами примеры далеко не исчерпывают семантики коллокатов прилагательного *красный*, которую мы попытались описать. Для диахронических исследований, которые будут описаны ниже, мы ограничимся верхним уровнем классификации.

Частота прилагательного *красный* в основном и поэтическом корпусе НКРЯ в диахроническом аспекте

Рассмотрим частоту встречаемости прилагательного *красный* (во всех значениях) в текстах основного и поэтического корпусов НКРЯ за три временных периода (1700–1799 гг. — XVIII в., 1800–1899 гг., XIX в. и 1900–1999 гг. XX в.) (Табл. 4, Рис. 1).

Таблица 4. Число вхождений (словоупотреблений) и относительная частота (IPM) прилагательного *красный* во всех значениях

Корпус	XVIII век, число вхождений	XVIII век, IPM	XIX век, число вхождений	XIX век, IPM	XX век, число вхождений	XX век, IPM
Поэтический	276	303,10	1003	275,85	4945	635,10
Основной	964	155,04	13110	202,69	65 089	379,00

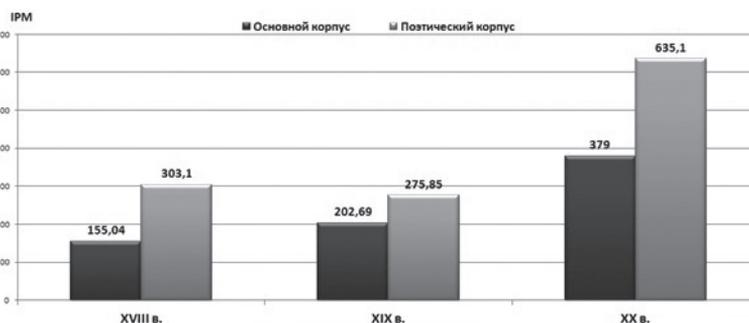

Рис. 1. Относительная частота встречаемости (IPM) прилагательного *красный* в текстах основного и поэтического корпусов в XVIII, XIX и XX вв.

Из табл. 4 и из графика на рис. 1 видно, что в во всех трех рассматриваемых периодах относительная частота встречаемости прилагательного *красный* в поэтических текстах выше, чем в прозаических текстах, что вполне согласуется с нашими ранее опубликованными данными [Масевич, Захаров 2019]. При этом обращает на себя внимание, что если относительная частота употребления в основном корпусе все время растет — хотя рост не очень значительный, то динамика ИРМ в поэтическом корпусе иная: относительная частота в XIX веке несколько ниже, чем ИРМ в XVIII веке, а в XX веке этот показатель возрастает более чем в 2 раза.

Любопытно показать соотношение относительной частоты встречаемости прилагательного *красный* в поэтических и прозаических текстах в XVIII, XIX и XX вв. (Табл. 5). Оно тоже характеризует подязыки соответствующих периодов.

Таблица 5. Отношение показателей частотности прилагательного *красный* в поэтическом корпусе к показателям в основном корпусе в XVIII–XX веке

Период, показатель	XVIII век	XIX век	XX век
Отношение ПК/ОК	1,96	1,36	1,68

Частота прилагательного *красный* в основном и поэтическом корпусе НКРЯ в диахроническом аспекте по значениям

Обратимся теперь к частотному поведению некоторых значений прилагательного *красный*.

На рис. 2 и 3 представлены диаграммы, показывающие частотное поведение отдельных значений в поэтических и прозаических текстах XVIII века.

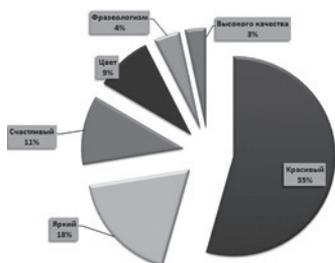

Рис. 2. Доля (%) значений прилагательного *красный* в отобранном массиве контекстов в поэтических текстах XVIII века (поэтический корпус НКРЯ)

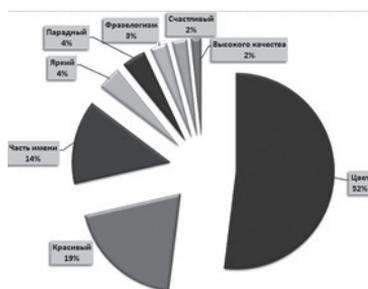

Рис. 3. Доля (%) значений прилагательного *красный* в отобранном массиве контекстов в прозаических текстах XVIII века (основной корпус НКРЯ)

Как видно на диаграммах, в поэтических текстах XVIII века преобладает значение ‘красивый’ (55%), а употребительность прямого значения — ‘цвет’ (9%) находится на четвертом месте, уступая значениям ‘яркий’ (18%) и ‘счастливый’ (11%). Соотношение употребительности значений в прозаических текстах совершенно иное — преобладает прямое значение ‘цвет’ (52%), а на третьем месте (14%) значение ‘часть имени’, которое в поэтическом корпусе составляет менее 1% и потому не отображается в приведенных диаграммах. Эти данные говорят о выраженных лексико-семантических различиях между прозаическими и поэтическими текстами XVIII века.

Соотношение значений прилагательного *красный* в текстах, написанных в XIX веке, как видим на рис. 4 и 5, заметно отличается от соотношения в XVIII веке. В поэтических текстах число употреблений значения ‘цвет’ примерно равно числу употреблений значения ‘красивый’ (36%). Сравнительно употребительны значения ‘яркий’ (15%) и ‘счастливый’ (7%). В этот же временной период появляется значение ‘революционный’, причем доля употребления этого значения в поэтических и в прозаических текстах примерно равна. В прозаических текстах в трех четвертях употреблений преобладает значение ‘цвет’. Как и в текстах XVIII века, значительную долю составляет значение ‘часть имени’. Значение ‘красивый’ в прозаических текстах употребляется существенно реже (доля 4%), чем в поэтических (36%).

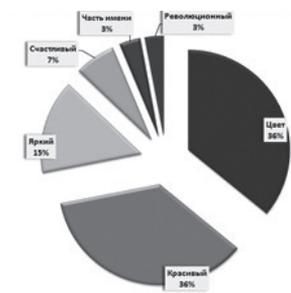

Рис. 4. Доля (%) значений прилагательного *красный* в отобранном массиве контекстов в поэтических текстах XIX века (поэтический корпус НКРЯ)

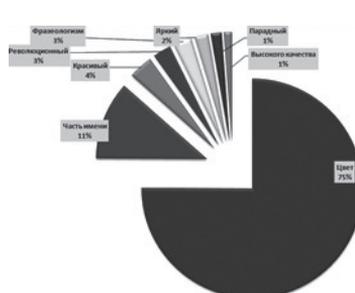

Рис. 5. Доля (%) значений прилагательного *красный* в отобранном массиве контекстов в прозаических текстах XIX века (основной корпус НКРЯ)

В поэтических текстах XX века (рис. 6 и 7) значительная доля принадлежит значению ‘революционный, советский’ (19%). Отметим, что в XX веке, как было показано выше значения *революционный* и *часть имени* сливаются, так как в советские времена существовало много названий, содержащих прилагательное *красный* именно в значении ‘революционный, советский’. В поэтических текстах сохраняются значения ‘красивый’ (6%), ‘яркий’ (3%). Значение ‘счастливый’ практически исчезает (менее 1%). В прозе при преобладании значения ‘цвет’ (68%), второе место занимает значение ‘часть имени’ (19%).

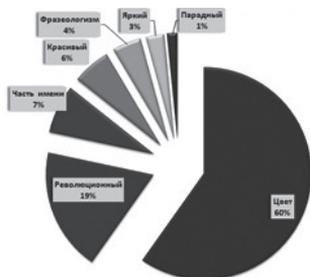

Рис. 6. Доля (%) значений прилагательного *красный* в отобранном массиве контекстов в поэтических текстах XX века (поэтический корпус НКРЯ)

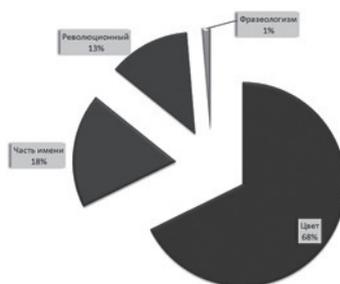

Рис. 7. Доля (%) значений прилагательного *красный* в отобранном массиве контекстов в прозаических текстах XX века (основной корпус НКРЯ)

Прослеживаются случаи семантической трансформации некоторых коннотаций. Так, если в текстах XVIII и XIX вв. название *Красная площадь* употреблялась как простой топоним (правда, во многих текстах ассоциирующийся с публичными казнями и потому имеющий несколько зловещую коннотацию), то в середине XX века это словосочетание превратилась в парадный символ, чуть ли не с метонимическими свойствами.

Словосочетание *красное сукно* в XVIII и начале XIX вв. использовалось как устойчивое метафорическое словосочетание, означающее бюрократические, прежде всего судебные институты (*сидеть за красным сукном, судить за красным сукном* и т. п.), в дальнейшем это значение было практически утрачено. Таких примеров можно привести достаточно много.

Заключение

Проанализирована семантика прилагательного *красный* путем сравнения словарных статей из шести словарей, а также наиболее частотных коллокаций с прилагательным *красный* из поэтического и основного корпусов НКРЯ.

Построена классификация значений прилагательного *красный*, включающая таблицу семантической сочетаемости, иначе говоря, наиболее частых контекстов употребления прилагательного в русском языке.

При довольно большом числе словарных значений, взятых из шести словарей русского языка и других источников, все значения прилагательного *красный* можно при предельном уровне обобщения разбить на две группы: прямое значение ‘*цвет, окраска объектов*’, и переносные значения. Оттенки значения первой группы в некоторой степени определяются контекстами употребления. Вторая группа может быть разбита на две подгруппы, первая из которых состоит из ряда устоявшихся переносных значений, зафиксированных словарями, в ряде случаев архаичных, а вторая представляет собой группу коллокаций, основанных на свободных индивидуальных авторских ассоциациях.

В некоторых случаях мы наблюдаем слияние и взаимопроникновение значений прилагательного, а в других некоторый род омонимии — т. е. различия плана содержания при одном плане выражения.

Прилагательное *красный* входит в число двенадцати основных прилагательных цвета. Как было показано в наших работах, его частотность в поэтических текстах выше, чем в прозаических текстах. Относительная частота словоупотреблений (IPM) в текстах XX в. выше, чем в текстах XVIII и XIX вв. При этом употребляемость прилагательного *красный* в XIX в. несколько меньше чем в XVIII в.

В XVIII веке более высокая употребляемость в поэтических текстах отмечается у переносных значений (*'красивый', 'счастливый', 'яркий'*). В прозаических текстах того же периода преобладает прямое значение (*'цвет'*). В текстах XIX в. частотность переносных значений снижается, а прямого значения растет. В XX в. доля употребляемости устойчивых переносных значений в прозаических текстах составляет менее одного процента. Несколько снижается и доля значения *'цвет'*, но при этом растет доля значений *'часть имени'*, и *'революционный, советский'*. В поэтических текстах XX в. при росте употреблений прямого значения сохраняются, хотя и значительно уменьшаются, переносные значения. Кроме того, в XX веке *красный* используется в индивидуальных ассоциативных коллокациях.

При сопоставлении данных по поэтическому и по основному корпусам во все рассматриваемые периоды между распределением значений в текстах основного и поэтического корпусов в XVIII и XIX вв. отмечаются существенные различия. Однако различия между распределением значений в поэтических и прозаических текстах XX в. выражены намного меньше. Возможно, это отражает тенденцию сближения языка русских поэтических и прозаических текстов.

Следует, по-видимому, отметить и рост употребления субстантивированных форм прилагательного *красный*. Он происходит не только за счет значения *'революционный'* (*наступление красных*), но и за счет значения *'цвет'* (*подчеркнуто красным, красное на белом* и т. д.).

Можно предположить, что примененная методика окажется эффективной и в других диахронических исследованиях, что позволит взглянуть на языковые явления с новой точки зрения.

Литература

Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: «Наука», 1975. 288 с.

Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А. П. Василевича. М.: Ком Книга, 2005. 216 с.

Герасимов Г. И. Прилагательные, обозначающие цвет // Русский язык за рубежом. 1969. № 3. С. 26–35.

Захаров В. П., Масевич А. Ц. Категоризация прилагательных цвета в русских поэтических текстах (корпусное исследование) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 165–181. URL: <http://ruslang.ru/doc/trudy/vol21/9-zacharova.pdf>

Как называется это место? Населённые пункты на карте России [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/company/researches/2021/oikonyms> (дата последнего доступа 13.09.2021)

Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. М., 2005. С. 155–174.

Масевич А. Ц., Захаров В. П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 1. С. 21–48.

Масевич А. Ц., Захаров В. П. Семантические поля обозначений цвета в русском языке // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 3 (Труды XXII Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество, IMS-2019, Санкт-Петербург, 19–22 июня 2019 г. Сборник научных статей). СПб.: Университет ИТМО, 2019. С. 61–76.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с.

Berlin B., Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.

Masevich Andrey, Zakharov Victor. Quantitative Analyses of Using Adjectives of Color in Russian Poetic Texts // R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics: Proceedings of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019) Saint Petersburg, Russia, November 27, 2019. P. 121–139. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2552/Paper11.pdf>

¹Andrey Masevich, ²Victor Zakharov

¹ Saint-Petersburg State Institute of Culture
andmasev@mail.ru

² Saint-Petersburg State University
v.zakharov@spbu.ru
(Russia, St. Petersburg)

THE DIACHRONIC ASPECT OF THE SEMANTICS OF THE ADJECTIVE 'RED' IN RUSSIAN POETIC TEXTS: A CORPUS STUDY

The semantics of the Russian adjective *красный* (red) is analyzed. The study was performed on the base of subcorpora of the Russian National Corpus (RNC). We built hierarchic classification scheme of the meanings of the adjective which are illustrated with examples from the corpus. The juxtaposition of frequency of usage of meanings in the main and poetry corpora showed the significant differences in frequencies in

18th and 19th centuries. The differences between poetical and prosaic text in 20th are less noticeable. The ranks of general frequencies of meanings are different from ranks when grading to frequencies of collocations of adjective. We also revealed features, which are typical in any classification scheme, a context of the usage can be assigned to more than one class. We can trace some cases of semantic transformations of some collocations of adjective *красный* (red).

Keywords. Corpus linguistics, diachrony, Russian language, adjectives-coloratives, adjective *красный* (red).

References

Bakhilina N. B. *Istoriya tsvetooboznachenii v russkom yazyke* [The history of color designations in Russian]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 288 p. (In Russ.)

Berlin B., Kay P. *Basic Color Terms: Their Universality and Evolution*. Berkeley: University of California Press, 1969.

Gerasimov G. I. [Snow-white, emerald-green: on complex adjectives denoting color]. *Russkaya rech'* [Russian Speech]. 1978, no. 2, pp. 79-84. (In Russ.)

Gerasimov G. I. [Adjectives denoting color]. *Russkij yazyk za rubezhom* [Russian language abroad]. 1969, no. 3, pp. 26-35. (In Russ.)

Kak nazyvaetsja jeto mesto? Naseljonnye punkty na karte Rossii [What is the name of this place? Localities on the map of Russia]. Available at: <https://yandex.ru/company/researches/2021/oikonyms> (accessed 13.09.2021). (In Russ.)

Kustova G. I., Lyashevskaya O. N., Paducheva E. V., Rakhilina E. V. [Semantic mark-up of vocabulary in the national corpus of the Russian language: principles, problems, prospects]. *Nacional'nyj korpus russkogo yazyka: 2003–2005. Rezul'taty i perspektivy* [The National corpus of the Russian language: 2003–2005. Results and prospects]. Moscow, 2005, pp. 155-174. (In Russ.)

Masevich A. Ts., Zakharov V. P. [Frequency behavior of adjectives of color in Russian poetic texts]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: linguistics and intercultural communication]. 2019, vol. 17, no. 1, pp. 21-48. (In Russ.)

Vasilevich A. P., Kuznecova S. N., Mishchenko S. S. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and colour names in Russian]. Ed. A. P. Vasilevich. Moscow, Kom Kniga Publ., 2005. 216 p. (In Russ.)

Masevich A. Ts., Zakharov V. P. [Semantic field of color designations in Russian]. *Computational linguistics and computational ontologies: Issue 3*. Proceedings of the XXII International Joint Scientific Conference “Internet and Modern Society”, IMS-2019, St. Petersburg, June 19–22, 2019. St. Petersburg, ITMO Publ., 2019. (In Russ.)

Masevich Andrey, Zakharov Victor. Quantitative Analyses of Using Adjectives of Color in Russian Poetic Texts. *R. Piotrowski's Readings in Language Engineering and Applied Linguistics: Proceedings of the III International Conference on Language Engineering and Applied Linguistics (PRLEAL-2019)* St. Petersburg, Russia, November 27, 2019, pp. 121-139. Available at <http://ceur-ws.org/Vol-2552/Paper11.pdf>

Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow, Russian dictionaries Publ., 2008. 416 p. (In Russ.)

Vasilevich A. P., Kuznecova S. N., Mishchenko S. S. *Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke* [Color and colour names in Russian]. Ed. A. P. Vasilevich. Moscow, Kom Kniga Publ., 2005. 216 p. (In Russ.)

Zakharov V. P., Masevich A. Ts. [Categorization of adjectives of color in Russian poetic texts (corpus study)]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of Vinogradov's Institute of the Russian Language]. 2019, vol. 21, p. 165–181. (In Russ.) URL: <http://ruslang.ru/doc/trudy/vol21/9-zacharova.pdf> (In Russ.)

Б. В. Орехов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Россия, Москва)

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

(Россия, Санкт-Петербург)

nevmenandr@gmail.com

РЕЦЕПЦИЯ КЛАССИЧЕСКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ФОРМУЛ У НАИВНЫХ АВТОРОВ В АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКОМ КОРПУСЕ НКРЯ¹

В статье рассматривается потенциал акцентологического корпуса русского языка для исследования наивной поэзии, размещенной авторами на сайте stihl.ru. Богатый инструментарий корпусного поиска позволяет на широком материале более 100 млн словоупотреблений проследить особенности языка наивных авторов и приблизиться к реконструкции стоящей за их текстами концепции поэтического. Детальный анализ реализации традиционных поэтических формул в наивной поэзии показывает, что ее авторы отдают предпочтение поэтическим новациям, а не традиционным элементам, освященным каноничными авторами. Это проявляет себя и в воспроизведении поэтических формул пушкинской эпохи, которые либо модернизируются, либо употребляются значительно реже, чем можно было бы предположить, и в активном использовании сниженной лексики, вошедшей в поэтическую культуру только в XX столетии.

Ключевые слова: наивная поэзия, поэтическая формула, язык поэзии, генитивные конструкции.

Важной методологической составляющей для научной системы такого бесспорного авторитета в области стиховедения, как М. Л. Гаспаров, была его позиция по отношению к невершинным авторам. Писатели второго (а также третьего и далее) ряда представляют для литературоведческого исследования не меньший интерес, чем те, которые вошли в канон. Эта позиция была отрефлектирована и неоднократно эксплицирована Гаспаровым, например, в программной книге «Записи и выписки»:

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

«Я уже филолог, словесность — моя специальность. И тут — парадокс! — я теряю право на всякое “нравится”, на всякий голос вкуса. Я могу и должен описать, как построена вот эта поэма, из каких тонких элементов и каким сложным образом она организована, но мое личное отношение к ней я должен исключить. “Если для вас Эсхил дороже Манилия, вы — не настоящий филолог”, — говорил А. Э. Хаусмен, английский поэт и сам филолог, больше всего любивший Эсхила, но жизнь посвятивший именно всеми забытому Манилию» [Гаспаров 2001: 308]. Такой подход, очевидно, давался М. Л. Гаспарову не просто и был результатом волевого рационального усилия, как об этом свидетельствуют его прямые признания [Гаспаров 2001: 308].

Отвлекаясь от собственно стиховедческих авторитетов, стоит упомянуть интерес к фоновым авторам и со стороны Ю. М. Лотмана, отмеченный тем же Гаспаровым: «Именно потерянные возможности культуры и привлекали Лотмана в незаметных писателях и незамеченных произведениях — с тех самых пор, когда он писал об Андрее Тургеневе, Мамонове и Кайсарове, и до последних лет, когда он читал лекции о неосуществленных замыслах Пушкина. Но, конечно, не только это: уважение к малым именам всегда было благородной традицией филологии — в противоположность критике, науки — в противоположность идеологии, исследования — в противоположность оценочничеству. Особенно когда это были безвременные кончины и несбывшиеся надежды. А в официальном литературоведении, экспроприировавшем классику, как мы знаем, все больше чувствовалась тенденция подменять историю процесса медальонной галереей литературных генералов» [Гаспаров 1999: 422]. Представление истории литературы как «медальонной галереи» было для Гаспарова очевидным искажением, к тому же идеологически нагруженным.

При этом чуждая М. Л. Гаспарову и Ю. М. Лотману парадигма постмодерна также ориентирована на институциализацию бывшего «мусора культуры». И если для философов и культурологов в качестве такого выступают главным образом артефакты массовой культуры (например, комиксы), то описывающие эту ситуацию формулировки во всяком случае никак не противоречат возможности говорить и о массовой поэзии, но массовой не в смысле ее потребителя, а в смысле порождающей ее среды, то есть поэзии непрофессиональной. «Массовая культура ныне изначально воспринимается как профанная, кичевая, тривиальная, ненормативная, невыразительная, некрасивая, плоская. Однако априорно ироничное отношение к ней позволяет эстетизировать ее как оригинальную, альтернативную, “другую” по отношению к классической культуре. Таким образом, обесценивание традиционных ценностей компенсируется эстетизацией неценного “мусора культуры”, а также импортированием ценностей других культур, воспринимаемых как инновационные благодаря своей инакости» [Маньковская 1995: 111–112].

В то же время приходится признать, что несмотря на свой интерес к второстепенной поэзии, филологи прошлого в силу своих ограниченных возможностей привлекали ее в качестве исследовательского материала очень выборочно. Сейчас мы можем анализировать огромный пласт непрофессиональной поэзии, не считаясь

с теми ограничениями, которые накладывали на исследовательский процесс связанные с ним издержки.

Теоретики цифровых гуманитарных наук тоже говорят о том, что если традиционная история культуры строится на учете исключительных текстов, шедевров, то digital humanities позволяет переосмыслить предмет, включив в область видимости те произведения, которые были недоступны для оптики науки прошлого.

Подходящим инструментом для изучения массива невершинных русских поэтических текстов современности может служить акцентологический подкорпус в составе Национального корпуса русского языка. Об изучении стихотворных произведений с помощью поэтического корпуса написано уже сравнительно много: [Сичинава 2012; Орехов 2015; Корчагин 2019]. Преимущества корпуса и его поисковых возможностей теперь доступны и для наивной поэзии — в составе альтернативного, акцентологического корпуса. О подготовке текстов наивных авторов для акцентологического корпуса сказано в [Гришина, Зеленков, Орехов 2015], о собственно акцентологических перспективах — в [Орехов, Савчук 2019]. Там же говорится о релевантных в контекстах нашей темы ошибках разметки. Существенно и то, что объем поэтического корпуса составляет около 13 млн слов, а акцентологического — в 10 раз больше, около 133 млн, из них наивная поэзия представлена 112 млн словоупотреблений.

Одной из центральных проблем в исследовании наивной поэзии является ее соотнесенность с поэзией высокой [Бонч-Осмоловская, Орехов 2014]. Считается, что наивная поэзия запаздывает на несколько культурных циклов, двигаясь вслед за «официальной» поэтической традицией, успевшей войти в канон [Неклюдов 2001]. Но очевидно также, что в наивной поэзии находит отражение не весь канон. Непрофессиональные авторы производят свой отбор поэтических тем и приемов, руководствуясь собственной концепцией поэтического. Таким образом, уточнение механизмов этого отбора ведет к более полному пониманию этой концепции, оказывающей мощное влияние не только на авторов, но и на читателей за пределами профессионального сообщества литераторов.

Несколько традиционных поэтических формул (то есть регулярно воспроизводимых в поэтических текстах сочетаний слов) описано в статье [Пильщиков 2004]. Проследим их судьбу у наивных авторов.

Займствованное из французской поэтической культуры и обработанное Пушкиным («Руслан и Людмила», «Евгений Онегин») сочетание «кипящая младость» отмечено И. А. Пильщиковым как воспринятое еще в классическую эпоху «противоречащим духу русского языка». Поэтический корпус не фиксирует других вхождений этой формулы. В наивной поэзии мы его также не находим. Наиболее близким оказывается пример: «Любовью пусть кипит работа / Беспечной младости моей» (angelo «В минутной встрече наших глаз...», 2006). При этом речь идет всё же о *кипящей работе*, а «младость» просто оказывается в одном контекстуальном окне с этой коллокацией. «Работа кипит» — это сочетание, которое ощущается как речевой штамп советской печати, но, как показывает корпус, оно имеет достаточно вхождений и в языке XIX века.

При этом отсутствующий в поэтическом корпусе модернизированный вариант «кипит молодость» находит несколько реализаций у наивных авторов: «Кипит в вас молодости блажь» (ksuhomlinov «Ромео», 2006); «И кипела молодость в слившихся сердцах» (valrijzakat «из прошлого», 2009); «Страстью кипит в венах молодость» (kizabkru «Страстью кипит в венах молодость», 2012). Так, наивные поэты, адаптируя поэтические формулы классической эпохи, могут обновлять их лексику, подстраивая под менее архаизированное звучание.

Ограниченное распространение в русской поэтической культуре находит формула «роща неприютная», отраженная в «Падении листьев» Е. А. Баратынского и «Наталии Долгоруковой» К. Ф. Рылеева. Наивные авторы ее также игнорируют. Это позволяет сделать предположение, что критериям наивной концепции поэтического из всего объема поэтического языка классической эпохи удовлетворяют только частотные формулы. Даже каноничность авторов (Пушкин, Баратынский), использовавших в своем наследии коллокации разово, не стимулирует непрофессиональных авторов репродуцировать употребление этих коллокаций в своем языке. Такую схему взаимодействия канона и наивной поэзии можно описать как принятие зашумленного сигнала. Сигналом в данном случае выступают элементы поэтического языка, наивная поэзия — приемником, а дистанция между каноническими текстами и непрофессиональными литераторами — средой, через которую сигнал должен быть передан. Уловить сигнал в этих условиях возможно только в том случае, если его отправление будет дублировано. Очевидно, наивные литераторы не являются внимательными читателями классических текстов, и воспринимают из них только устойчивые и характерные речевые формулы. Проверим это предположение на более частотных сочетаниях.

Так, гораздо более широкое хождение в русской поэзии получила формула «светило дня», несмотря на стилистическую окраску, от которой поэзия XX века стремилась избавиться, фиксируемая вплоть до 1970-х годов (77 вхождений в поэтическом корпусе): «Так повелел Господь гасить светило дня» (И. А. Бунин «Иаков», 1914); «Или когда светило дня / На дальнем западе сияло» (И. С. Никитин «Лес», 1849) и т. д.

В наивной поэзии этот поэтический перифраз также нашел свое место, хотя и гораздо более скромное: 19 вхождений при десятикратно большем объеме корпуса: «Король: пока ещё светило дня в зените» (klimigorisk «Мой дед был шут, в мои молодые годы», 2012); «Незримо гасит звезды небо, / светило дня встречая уже слепо» (fl1kathegreat «Рассвет кидает золото на плечи», 2009) и т. д. Действительно, частотные поэтические формулы более уверенно адаптируются наивными авторами. В то же время частотность архаизирующих сочетаний оказывается ниже ожидаемой, что заставляет считать эту составляющую поэтического в языке наивных авторов второстепенной, несмотря на ее номинальный высокий статус.

Важную роль для поэтического языка играют генитивные конструкции [Коженикова 2009]. Входящие в них опорные слова становятся своего рода сигналом эпохи, маркируя эстетические установки авторов. Так, обновление поэтики в начале XX в. выводит из употребления часть опорных слов, ассоциирующихся

с традиционным изводом поэтического языка: *бездна, венец, луч, яд, жало* [Кожевникова 2009: 512]. Таким образом, генитивные конструкции с этими словами дают наблюдателю возможность различать темпоральные и стилистические ориентиры автора поэтического текста.

Действительно, из 53 примеров генитивной конструкции Gen + *жало* абсолютное большинство в поэтическом корпусе приходится на период до 1930-х годов. В последующие годы примеры таких вхождений единичны и имеют очевидную цель стилизации: «Пожалуй — жалость, “грусти жало”» (И. В. Чиннов «Вдохновение», 1965). Однако неверно было бы говорить, что к 1920-м годам эта конструкция из поэзии полностью исчезает. Такому утверждению противоречило бы достаточное число примеров: «И боль, и страх, и скорби жала / Ушли бы с чистою слезой» (Н. С. Поздняков «Матери», 1920); «Ужасно ранит страсти жало!» (Н. Я. Агнивцев «Екатерининский канал», 1921–1923); «О, жизни жало!» (Ю. Н. Верховский «Душа устала...», 1921–1926) и пр.

Генитивная конструкция Gen + *жало* в текстах наивной поэзии проявляет себя достаточно широко, встречаясь в более чем 200 контекстах: «А мести жало / Так горло сжало / Что захотелось / В петлю залезть» (bogdan15 «А мести жало», 2013); «Ох, степь кругом, как в песне — смерти жало, / Не вырвать чтоб...» (georges1 «Последний снег», 2012); «Невозмутима трепетная нить, / Вонзающая в сердце жизни жало» (innasotnik «Невозмутима трепетная нить», 2012) и т. д.

Напротив, генитивная конструкция с опорным словом «бубен» описывается как специфическая для поэтического языка XX века [Кожевникова 2009: 513]. В самом деле, поэтический корпус показывает только два примера, и оба приходятся на последнее столетие: «К прибою, чайкам, солнца бубну!» (Н. А. Клюев «Россия была глуха, хрома...», 1933); «В пляске молота бубен сталь» (С. М. Рафальский «Планетарит», 1925). При этом из 16 контекстов, в которых эта конструкция встретилась в наивной поэзии, ровно половина (8) повторяет метафору Клюева: «Ни свет луны, ни солнца бубен» (ugumchi «Миледи, подана карета», 2008); «Я видела: кровавый солнца бубен» (silverko «Я видела: кровавый солнца бубен», 2006) и т. д.

Таким образом, для конструкции, генетически связанной с поэтическим языком XIX века, мы видим отношение встречаемости в поэтическом vs. акцентологическом корпусе 1:4, а для конструкции, ориентированной на XX век, отношение составляет 1:8. Закономерно, что язык последнего столетия наивным поэтам ближе, чем классическая эпоха. В то же время именно язык XIX века как самый широко представленный в национальном каноне должен был бы формировать матрицу предпочтений непрофессиональных литераторов. Но это последнее предположение корректируется рядом уже приведенных примеров (ср. распределение «кипящей младости» и «кипящей молодости», «светила дня»).

Чтобы четче отследить границы концепции поэтического в наивной поэзии, следует сделать замеры, детектирующие средства радикального разрыва с традиционным строем языка. Речь идет о «низком» словесном материале, отражающем демократизацию поэтической речи [Григорьева, Иванова 1985], невозможном в поэзии классической эпохи: «алкаш», «брехня», «быдло», «вшивота», «вякнуть»,

«дубасить», «когдаतोшний», «навалом», «нахрапистый», «позарез», «скукотища», «химичить», «шарахнуть», «шпана».

Сравнительные показатели частотности для такого типа лексики приведены в табл. 1.

Таблица 1. Сравнительные частоты стилистически сниженной лексики в поэтическом корпусе и в наивной поэзии в составе акцентологического корпуса, ipm

Лексема	Поэтический корпус	Наивная поэзия
алкаш	19	965
брехня	11	183
быдло	13	816
вшивота	0	0
вякнуть	1	99
дубасить	19	66
когдатошний	0	3
навалом	16	440
нахрапистый	3	57
позарез	5	119
скукотища	0	1
химичить	7	28
шарахнуть	18	88
шпана	56	452

Тест хи-квадрат в сочетании с критерием Крамера по всем значениям, приведенным в таблице 1, показывают, что неравномерность распределения можно объяснить случайными влияниями, и никакого специального эффекта частотности в наивной поэзии по сравнению с канонем, для этих слов не наблюдается.

Концепция поэтического в наивной поэзии, как это следует из корпусного анализа ее языка, формируется как неустойчивое равновесие двух разнонаправленных факторов.

С одной стороны, она должна поддерживаться авторитетом традиционных, характерных для языка классической эпохи, поэтических формул и слов, имеющих поэтическую окраску. Такие слова и формулы в языке наивных авторов действительно есть, но встречаются они в гораздо меньшем объеме, чем этого следовало бы ожидать, и перетекают из канона в непрофессиональную литературу только в том случае, если в канонических текстах имеют достаточное распространение.

С другой стороны, авторы наивной литературы стремятся звучать более современно, и могут не считаться при этом с теми рамками, которые задает классическая эпоха русской поэзии. Эмпирический материал показывает, что концепция поэтического в наивной литературе подразумевает употребление и откровенно сниженной, и бранной лексики.

Наивная литература демонстрирует известную свободу самовыражения, не замкнутую внутри стилистических ориентиров, заданных школьным набором текстов. По всей видимости, непрофессиональная поэзия представляет собой результат более сложных преобразований канона, нежели простое повторение с запаздыванием, и отзывается на актуальные языковые и тематические запросы.

Литература

Бонч-Осмоловская А. А., Орехов Б. В. Корпусно-статистические подходы к наивной поэзии // Корпусный анализ русского стиха: Сборник научных статей. Вып. 2 / Отв ред. В. А. Плунгян, Л. Л. Шестакова. М: Издательский центр «Азбуковник», 2014. С. 20–36.

Гаспаров М. Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.

Гаспаров М. Л. Лотман и марксизм // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 415–426.

Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык поэзии XIX–XX вв. Фет. Современная лирика. М.: Наука, 1985. 232 с.

Гришина Е. А., Зеленков Ю. Г., Орехов Б. В. Наивная поэзия в акцентологическом корпусе // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Вып. 6. С. 257–271.

Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы. М.: Знак, 2009. 896 с.

Корчагин К. М. Зачем нужен поэтический корпус и как его использовать // Русская речь. 2019. № 6. С. 113–127.

Маньковская Н. Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику постмодернизма). М.: ИФРАН, 1995. 220 с.

«Наивная литература»: исследования и тексты / Сост. С. Ю. Неклюдов. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. 246 с.

Орехов Б. В. Еще раз об исследовательском потенциале поэтического корпуса: метр, лексика, формула // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. № 6. С. 449–463.

Орехов Б. В., Савчук С. О. Акцентологический корпус как инструмент для исследования русского ударения // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки. 2019. С. 61–82.

Пильщиков И. А. Язык классической элегии: лексика, фразеология, формулы и клише (предварительные замечания) // Славянский стих, [вып. VII]: Лингвистика и структура стиха М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 296–306.

Сичинава Д. В. Поэтический подкорпус Национального корпуса русского языка: несколько примеров поиска стиховедческой информации // Славянский стих. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 482–491.

B. V. Orekhov

National Research University Higher School of Economics

(Russia, Moscow)

Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), Russian Academy of Sciences

(Russia, St. Petersburg)

nevmenandr@gmail.com

**THE RECEPTION OF CLASSICAL POETIC FORMULAS
BY NAÏVE AUTHORS
IN THE ACCENTOLOGICAL CORPUS OF THE RNC**

The paper deals with the potential of the accentological corpus of the Russian language for the study of naïve poetry, posted by the authors on the website *stihi.ru*. The rich toolkit of the corpus search allows us to trace the features of the language of naïve authors on a wide data set of more than 100 million words and to approach the reconstruction of the poetic concept behind their texts. A detailed analysis of the implementation of traditional poetic formulas in naïve poetry shows that its authors give preference to poetic innovations rather than traditional elements sanctified by the tradition of canonical authors. This also manifests itself in the reproduction of poetic formulas of the Pushkin era, which are either modernized or used much less frequently than one might assume, and in the active use of reduced vocabulary, which entered the poetic culture only in the 20th century.

Key words: naïve poetry, poetic formula, language of poetry, genitive constructions.

References

Bonch-Osmolovskaya A. A., Orekhov B. V. [Corpus-statistical approaches to naïve poetry] *Korpusnyj analiz russkogo stikha* [Corpus analysis of Russian verse]. Vol. 2. V. P. Plungian, L. L. Shestakova (Eds.). Moscow, Azbukovnik Publ., 2014. pp. 20–36. (In Russ.)

Gasparov M. L. *Zapisi i vypiski* [Notes and extracts]. Moscow, New Literary Review Publ., 2001, 416 p.

Gasparov M. L. [Lotman and Marxism] Lotman Yu. M. *Vnutri mysliaščikh mirov. Čelovek — tekst — semiosfera — istoriya* [Inside Thinking Worlds. Man — Text — Semiosphere — History]. Moscow, Languages of the Russian culture Publ., 1999, pp. 415–426. (In Russ.)

Grigorieva A. D., Ivanova N. N. *Jazyk poezii 19–20 vv. Fet. Sovremennaja lirika* [Language of poetry of the 19–20th centuries. Fet. Modern Lyrics]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 232 p.

Grishina E. A., Zelenkov Yu. G., Orekhov B. V. [Naïve poetry in an accentological corpus] *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. 2015, no. 6, pp. 257–271. (In Russ.)

Kozhevnikova N. A. *Izbrannye raboty po jazyku hudozhestvennoj literatury* [Selected works on the language of fiction]. Moscow, Znack Publ., 2009, 896 p.

Korchagin K. M. [Why we need a poetic corpus and how to use it]. *Russkaya rech'* [Russian speech]. 2019, no. 6, pp. 113–127. (In Russ.)

Mankovskaya N. B. “*Parizh so zmeyami*” (*Vvedenie v estetiku postmodernizma*). [“Paris with snakes” (Introduction to the aesthetics of postmodernism)]. Moscow, Philology Institute Publ., 1995, 220 p. (In Russ.)

“*Naivnaya literatura*”: *issledovaniya i teksty* [“Naïve Literature”: Studies and Texts]. S. Yu. Neklyudov (Ed.). Moscow, Moscow Social Scientific Fund Publ., 2001, 246 p.

Orekhov B. V. [Once more about the research potential of the poetical corpus: metre, lexis, formula] *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. 2015, no. 6, pp. 449–463. (In Russ.)

Orekhov B. V., Savchuk S. O. [Accentological corpus as a tool for the study of the Russian accent]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language]. 2019, no. 21, pp. 61–82. (In Russ.)

Pilshchikov I. A. [The language of the classical elegy: lexis, phraseology, formulas and clichés (preliminary remarks)] *Slavyanskii stikh* [Slavic verse]. VII: Linguistics and the Structure of Verse. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 296–306. (In Russ.)

Sichinava D. V. [Poetic subcorpus of the National corpus of the Russian language: a few examples of verse study relevant information]. *Slavyanskii stikh* [Slavic verse]. Moscow, Old Russian Manuscripts Publ., 2012, pp. 482–491. (In Russ.)

¹С. О. Савчук, ²А. А. Махова

¹Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

²Институт проблем передачи информации

им. А. А. Харкевича РАН, НП «НКРЯ»

(Россия, Москва)

¹savsvetlana@mail.ru, ²discourse@yandex.ru

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ КОРПУС: ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕТКИ¹

В статье представлен новый тип корпуса в составе мультимедийного модуля НКРЯ, в котором содержатся не только расшифровки звучащих текстов, но и аудио- / видеозаписи их произнесения. В настоящее время мультимедийный модуль включает в себя основной Мультимедийный корпус (МУРКО), предназначенный для изучения устных текстов разных жанров, и два Мультимедийных параллельных корпуса (МультиПАРКа), которые дают возможность сопоставительного изучения одной и той же реплики, произнесенной разными говорящими в одинаковых или сходных обстоятельствах. Русский МультиПАРК — в разных постановках и экранизациях одной и той же пьесы на русском языке, англо-русский МультиПАРК — в постановках пьес на русском и на английском языке, либо в оригинальной и дублированной версии фильмов.

Мультимедийный поэтический корпус предназначен для изучения особенностей звучащего стихотворного текста. Он объединяет в себе особенности мультимедийного, параллельного и поэтического корпусов. В нем собраны образцы поэтических текстов в авторском, профессиональном (актерском) и непрофессиональном исполнении. Обсуждается состав и структура корпуса и перспективы его использования. Корпус позволяет сравнивать письменный текст с его звучанием, сопоставлять разные интерпретации звучащего стиха, что представляет интерес для изучения фонетических и просодических явлений, открывает большие возможности для стиховедческих исследований, исследований поэтического синтаксиса и семантики и др.

Ключевые слова: мультимедийный поэтический корпус, принципы аннотации, звучащая художественная речь, варианты исполнения стихов.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на реализацию крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технического развития (соглашение № 075-15-2020-793).

1. Введение

Мультимедийный русский корпус (МУРКО), в котором представлены не только расшифровки звучащих текстов, но и аудио-/видеозаписи их произнесения, в настоящее время является одним из самых больших открытых мультимедийных корпусов в мире. Корпус был создан под руководством Е. А. Гришиной (1958–2016) в 2009–2010 гг., первоначально как корпус кино, в дальнейшем осуществлялось пополнение корпуса и включение в него образцов звучащей речи, функционирующей в различных речевых сферах. Цели и задачи создания корпуса, принципы отбора материала, система аннотации описаны в работах Е. А. Гришиной ([Гришина 2009a], [Grishina 2009b], [Grishina 2009c], [Grishina 2010a], [Кудинов, Гришина 2009], [Гришина 2015] и др.). Корпус успешно используется для изучения различных аспектов устной речи ([Гришина 2009d], [Гришина 2010b], [Гришина 2011], [Кобозева и др. 2019], [Бычкова и др. 2019] и др.). На основе МУРКО построен фундаментальный труд Е. А. Гришиной о системе русской жестикуляции [Гришина 2017].

Дальнейшим развитием МУРКО было создание Мультимедийного параллельного корпуса (МультиПАРКа), который предназначен для сопоставительных исследований ([Grishina et al 2012], [Гришина 2015], [Гришина 2016], [Савчук 2018]). В настоящее время оба корпуса составляют две части мультимедийного модуля НКРЯ, общий объем которого превышает 5 млн словоупотреблений.

Основной Мультимедийный корпус (МУРКО) предназначен для изучения устных текстов разных жанров. В его состав входят следующие разделы (подкорпусы).

1. *Речь кино* включает советские и российские кинофильмы 1930–2000-х годов.

2. *Устная публичная речь* представлена текстами, относящимися к устной научной речи (доклады и дискуссии на конференциях, учебные и популярные лекции, теле- и радиопередачи), устной политической речи (интервью, пресс-конференции, выступления на митингах, собраниях и съездах, ток-шоу на радио и ТВ), публицистике (интервью и беседы на разные темы, документальное кино и др.), рекламе (рекламные ролики).

3. *Устная непубличная речь* включает тексты повседневного бытового общения — диалоги и микродиалоги, разговоры в дружеском и семейном кругу, телефонные разговоры и мн. др.

4. *Театральная речь* представлена аудио- и видеозаписями театральных постановок на сцене, радио- и телеспектаклей.

5. *Авторское и художественное чтение* — эти два раздела содержат озвученную письменную речь (written-to-be-spoken), которая интересна в плане изучения фонетических особенностей звучащего текста, орфоэпии и акцентологии, интерпретации текста. В разделе собраны записи прозаических текстов в авторском исполнении и в исполнении мастеров художественного слова.

Назначение Мультимедийного параллельного корпуса — предоставить материал для изучения особенностей одного и того же текста, воспроизведенного в разных коммуникативных условиях, например, на театральной сцене (разные постановки

пьесы), в учебных ситуациях (чтение или пересказ разными учащимися), в ритуальных типах дискурса (формулы этикета, военные команды, гражданские и церковные обряды). На фоне того, что вербальная составляющая в разных версиях произнесения совпадает, наглядно выступают различия между ними на невербальном уровне — фонетические, ритмико-интонационные, мимико-жестикационные — что дает простор для изучения вариантов невербального оформления высказываний и поиска смысловых различий между ними, для определения диапазона интерпретаций письменного текста, различий между письменным и устным текстом. Помимо вариантов текста на одном языке можно сравнивать интерпретации одного и того же текста на разных языках — оригинального текста и его перевода на иностранный язык.

В настоящее время в составе МультиПАРКа функционируют два модуля. Русский МультиПАРК включает постановки пьес в виде аудио- и видеозаписей театральных спектаклей, фильмов, радиоспектаклей, при этом каждая пьеса представлена в нескольких постановках. Пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор» представлена в 9 постановках, пьесы А. П. Чехова «Вишневый сад» и «Дядя Ваня» — в 4 и 5 постановках соответственно. Составлен архив записей авторского и актерского исполнения прозы. Русский МультиПАРК дает возможность сопоставительного изучения одной и той же реплики, произнесенной разными говорящими в одинаковых обстоятельствах. В результате таких исследований могут быть установлены пределы варьирования различных аспектов звучащей речи и ее жестового сопровождения в зависимости от факторов, связанных с личностью актера, временем и стилем постановки, замыслом режиссера т. д.

Англо-русский МультиПАРК включает фрагменты сериалов и фильмов на английском языке с закадровым русским переводом или дубляжем, а также разные постановки пьес — на русском языке и в англоязычной интерпретации. Он дает возможность сравнивать и изучать речевое поведение людей, относящихся к разным культурам, говорящим на разных языках, при этом оказавшихся в сходных ситуациях.

Третий модуль в архитектуре МультиПАРКа — корпус звучащей поэзии, пилотный проект которого представлен в настоящей статье. Идея создания Мультимедийного поэтического корпуса принадлежит Е. А. Гришиной [Grishina et al. 2012], которая начала собирать архив записей для этого корпуса и использовала видеоматериал при работе над монографией в главе о моргани [Гришина 2017: 16].

Развитие проекта в этом направлении приведет к тому, что в мультимедийном модуле будут представлены все виды художественной словесности — драма, эпос, лирика (см. табл. 1).

2. Состав корпуса

Мультимедийный поэтический корпус построен на тех же принципах, что и остальные разделы, однако имеет некоторые особенности в разметке. По составу авторов корпус предполагается сделать максимально открытым. Это означает, что

Таблица 1. Формы представления художественного слова в мультимедийном модуле НКРЯ

Виды словесности	МУРКО	Мультимедийный поэтический	МультиПАРК	
			русский	англо-русский
<i>Драма</i>	Кино, театр	—	Варианты театральных постановок и экранизаций	Оригинальные фильмы и их дублированные переводы, варианты постановок на разных языках
<i>Проза</i>	Авторское и художественное чтение	—	Варианты авторского и художественного чтения прозы	—
<i>Лирика</i>	—	Варианты авторского и художественного чтения стихов	—	—

решение о включении или не включении какого-либо автора в состав корпуса будет определяться наличием аудио-/видеозаписей исполнения его стихов и качеством записей. Предпочтение будет отдаваться авторам, произведения которых присутствуют в поэтическом корпусе НКРЯ и, как правило, имеют несколько вариантов исполнения. На первом этапе используются открытые источники, доступные в сети Интернет, в дальнейшем надеемся привлечь архивные материалы из фондов Гостелерадио, музейных коллекций и т. д.

Согласно разработанной концепции, Мультимедийный поэтический корпус включает в себя стихотворные тексты в разных вариантах исполнения. По составу исполнителей эти варианты могут быть отнесены к трем типам: 1) авторское чтение своих стихов, 2) профессиональное чтение в исполнении мастеров художественного слова (актеров, чтецов, дикторов радио и телевидения), 3) непрофессиональное чтение людьми разных возрастов и профессий, не обученными специальными приемами декламации.

В состав пилотного корпуса вошли стихотворения А. А. Ахматовой в исполнении автора, актеров (С. Н. Крючковой, А. С. Демидовой, М. Б. Тереховой, О. Л. Белявской, Е. А. Ниловой, И. В. Кваши и др.), а также непрофессиональных чтецов. Включены стихи С. А. Есенина в исполнении актеров (О. В. Басилашвили, С. В. Безрукова, Б. С. Галкина, И. Ю. Ильина, М. М. Козакова и др.), профессиональных чтецов (В. Н. Аксенова, В. С. Левашева), других поэтов (Б. А. Ахмадулиной, А. А. Вознесенского, Е. М. Винокурова, Е. А. Евтушенко и др.). Стихи А. С. Пушкина исполняют актеры (И. В. Кваша, М. М. Козаков, Э. Е. Марцевич, Е. В. Миронов, И. М. Смоктуновский); стихи М. Ю. Лермонтова — актеры (В. И. Качалов, В. А. Барин, Н. П. Бурляев, Э. Е. Марцевич) и непрофессиональные исполнители. В архиве корпуса — уникальные записи авторского чтения П. Г. Антокольского, И. А. Бунина, А. Е. Кручёных, О. Э. Мандельштама, Б. Л. Пастернака, А. А. Тарковского, М. Н. Цветаевой, а также видеозаписи современных поэтов.

Исследователи звучащей речи 1920–1930-х годов установили ряд особенностей, различающих авторское исполнение стихов от профессионального чтения ([Эйхенбаум 1969], [Бернштейн 1977], [Золотухин 2010]). Авторское исполнение стремится передать прежде всего фонетическую сторону стиха, его мелодику, в то время как исполнительское чтение ориентировано на синтаксическую структуру, передачу смысла стиха, поэтому в интонационном отношении оно более «прозаическое», ближе к практической речи [Бернштейн 1977: 212]. Для сценического исполнения характерна драматизация, как и при исполнении прозы, актер «разыгрывает» стихотворение, сопровождает чтение жестами, мимикой, сменой поз [Бернштейн 1977: 213]. Что касается непрофессионального исполнения, то оно изучено меньше, но можно предположить, что любительское чтение будет тяготеть либо к авторской, либо к сценической манере исполнения.

Создаваемый корпус аккумулирует большое количество записей чтения и разнообразие исполнителей-чтецов — поэтов, профессиональных чтецов, актеров, любителей поэзии разных возрастов. Анализ этих записей, возможно, позволит определить какие-то ключевые показатели, отличающие один тип чтения от другого, установить вариативность внутри каждого типа, переходные, гибридные варианты. В частности, поможет исследовать вопрос о том, к какому типу отнести чтение поэтом стихов другого поэта — авторскому, актерскому или непрофессиональному (например, исполнение стихов С. Есенина поэтами Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенским и др.). Результаты, полученные с помощью корпусных инструментов, было бы интересно сравнить с результатами исследований звучащей стихотворной речи 1920–1930-х годов [Звучащая 2018], что поможет проследить изменение манеры чтения в диахронической перспективе и установить факторы, влияющие на изменения.

3. Организация базы данных и поисковый интерфейс

В архитектуре базы данных Мультимедийного поэтического корпуса использован принцип параллельного корпуса, реализованный в «театральной» части МультиПАРКа, при котором сопоставляются разные исполнительские версии одного и того же текста. Одна версия — печатная публикация по авторитетному изданию — служит каноническим инвариантом. Остальные версии — это записи чтения стихотворения разными исполнителями, представленные в двух модусах — в виде аудио-/видеозаписи и в виде текстовой расшифровки.

Вопрос о том, нужно ли каждую исполнительскую версию сопровождать ее текстовой расшифровкой, является дискуссионным. С одной стороны, читается одно и то же стихотворение, поэтому можно было бы ограничиться одним каноническим, печатным текстом и к нему «привязать» видео- / аудиозаписи с разными версиями исполнения. С другой стороны, как известно из описаний других коллекций (см., например, [Валиева 2015: 154–155]), в разных исполнительских версиях могут присутствовать не только просодические, интонационные, жестикуляционные и пр. различия, которые зафиксированы в видео-/аудиозаписи, но могут встречаться трансформации текста и на вербальном уровне (перестановки, пропуски,

замены слов и др.). Подобные случаи вариативного исполнения могут представлять известный интерес для исследователей устного стиха. Как показало предварительное исследование нашего материала, в пилотной коллекции случаи трансформаций текста на вербальном уровне нередки, особенно в записях чтения наизусть [Савчук 2022]. Поэтому было принято решение сопровождать каждую видеозапись чтения точным транскриптом с соответствующей разметкой.

4. Технология подготовки данных

Технология подготовки базы данных мультимедийных корпусов в составе НКРЯ опирается на две процедуры — фрагментирование и выравнивание. Звучащий текст в Мультимедийном корпусе представлен в виде аудио- и видеофайлов, разрезанных на небольшие фрагменты (клипы) длительностью 10–30 сек., каждому из которых поставлен в соответствие фрагмент текстовой расшифровки. Пара «клип + текст» (или *кликст*, по терминологии Е. А. Гришиной), представляет собой, как правило, относительно законченный в смысловом отношении коммуникативный фрагмент. Как показал многолетний опыт подготовки и использования мультимедийного корпуса, способ деления материала на фрагменты оказался оптимальным выбором и для выравнивания фрагментов при формировании корпуса, и для обеспечения скорости и надежности поиска по корпусу, и для удобства сохранения результатов.

В МультиПАРКе пары «клип + текст» каждой исполнительской версии дополнительно сопоставлены и выровнены с «каноном», или инвариантом — текстом стихотворения по печатной публикации, при этом нумерация фрагментов канона и нумерация текстовых фрагментов и клипов каждой исполнительской версии должны совпадать. Таким образом, выдача по запросу пользователя обязательно включает фрагмент «канона» и некоторое количество (в зависимости от количества версий) соответствующих фрагментов из разных исполнительских версий, которые сопровождаются клипами.

5. Аннотация и поисковый интерфейс

В аннотации корпуса сочетаются разные виды разметки:

- 1) разметка, общая для всех корпусов в составе НКРЯ (метатекстовая, морфологическая, семантическая аннотация);
- 2) разметка, используемая в поэтическом корпусе (метрические признаки, рифма), которая содержится в каноническом инварианте;
- 3) разметка, используемая в корпусах устной речи (акцентная, социологическая аннотация);
- 4) специфическая разметка просодического членения [Кривнова и др. 2016], которая наряду с акцентной и социологической аннотацией представлена в исполнительских версиях.

Метатекстовая аннотация в Мультимедийном поэтическом корпусе имеет некоторые особенности: помимо сведений о тексте она содержит информацию о метрических признаках стихотворения (см. п. 2).

Просодическая разметка, а также разметка различных отклонений от канонического инварианта, о которых было сказано выше, различает разные версии исполнения. Аннотированный текст выглядит следующим образом².

- (1) `<p class="verse"><line meter="X5ж">У меня сегодня много <rhyme-zone/> дѣла:
 <line meter="X5"/>Надо память до конца <rhyme-zone/>убить,
 <line meter="X5"/>Надо, чтоб душа <rhyme-zone/> окаменѣла,
 <line meter="X5"/> Надо снова научиться <rhyme-zone/> жить.</p>`
- (2) `<speech actor="А. Ахматова">У меня сегодня много дѣла: ||
 На́до па́мять до конца́ уби́ть, ||
 На́до, чтоб ду́ша́ окаменѣла, ||
 На́до сно́ва научи́ться жи́ть.||
`
- (3) `<speech actor="С. Крючкова"> У меня́ сегодня́ мно́го дѣла: ||
 На́до па́мять | до конца́ уби́ть, ||
 На́до, чтоб ду́ша́ | окаменѣла, ||
 На́до сно́ва | научи́ться | жи́ть.||
`
- (4) `<speech actor="К. Москаленко">У меня́ сегодня́ мно́го дѣла: ||
 На́до | па́мять до конца́ уби́ть, ||
 На́до, чтоб | ду́ша́ окаменѣла, ||
 На́до сно́ва | научи́ться | жи́ть.||
`
- (5) `<speech actor="Е. Погребижская">У меня́ сегодня́ мно́го дѣла: ||
 На́до | па́мять | до конца́ уби́ть, ||
 На́до, чтоб ду́ша́ | окаменѣла, ||
 На́до | сно́ва научи́ться жи́ть.||
`

Как видно уже по транскриптам, все четыре варианта исполнения четверостишия отличаются друг от друга. Просодическое членение первого стиха одинаково во всех четырех вариантах исполнения, второй и третий стих во всех четырех версиях произносится по-разному, а членение четвертого стиха совпадает в чтении К. Москаленко и С. Крючковой и отличается от двух остальных.

Однако размеченный транскрипт — лишь один из источников информации для исследователя. Мультимедийный корпус дает возможность услышать или увидеть реальное исполнение стихотворения. Поисковый интерфейс позволяет по запросу на какое-либо слово, конструкцию или признак получить содержащий соответствующую единицу фрагмент текста в нескольких вариантах исполнения. При этом каждый текстовый фрагмент будет сопровождаться видео- или аудиоклипком,

² (1) — канонический инвариант с размеченными сильными долями (´), зоной рифмовки (<rhyme-zone/>), типом рифмы и размера (в данном случае X5ж — пятистопный хорей, женская рифма). (2) — транскрипт авторского чтения, (3) — транскрипт актерского исполнения, (4) и (5) — транскрипты непрофессионального исполнения, | и || — границы просодических швов.

который можно прослушать, повторить, сохранить с целью дальнейшего анализа с помощью внешних программ.

В корпусе организован поиск по метатекстовым признакам, на основе которых можно отбирать свой собственный подкорпус, наиболее подходящий для решения исследовательских задач. По признаку «автор» (фамилия, пол, год рождения) можно выбрать все тексты какого-либо конкретного поэта, либо разных поэтов определенного пола или возраста во всех вариантах исполнения. По «названию» можно отобрать все исполнительские версии определенного стихотворения и сравнивать разные трактовки между собой. Признак «исполнитель» (фамилия, пол, год рождения) собирает в один подкорпус все тексты в чтении конкретного исполнителя (автора, актера или чтеца) или исполнителей, подобранных по какому-нибудь социологическому признаку (полу, возрасту). Признак «тип исполнения» дает возможность отбора в подкорпус всех стихотворений в авторском чтении, в профессиональном или непрофессиональном исполнении, что облегчает поиск общих особенностей и различий в разных типах чтения. Метрическая разметка позволяет отбирать тексты, написанные определенным стихотворным размером, имеющие определенный тип рифмовки и др. Если использовать сочетание разных признаков, можно предельно сузить и конкретизировать поиск нужного материала.

6. Использование корпуса

Описанная выше организация материала и поисковый интерфейс дают возможность сопоставительного изучения стихотворного текста. Создаваемый корпус предназначен для научных исследований в области лингвистики и лингвистической поэтики, фоностилистики, мультимодальной коммуникации, искусствоведения и т. д., а также для проведения междисциплинарных исследований.

Приведем несколько примеров. Сравним два варианта чтения стихотворения С. Есенина «Спит ковыль»: в исполнении актера Б. Галкина (6) и профессионального чтеца И. Ильина (7)³.

(6) <speech actor="Б. Галкин"> Знать, [у нас] у всех у нас такая участь. ||
И, пожалуй, ~~всякого~~ [каждого] | спреси — ||
Радуясь, свирепствуя и мучась, |
Хорошо живётся на Руси? ||

(7) <speech actor="И. Ильин"> Знать, у всех у нас такая участь. ||
И, пожалуй, | ~~всякого~~ спреси — ||
Радуясь, свирепствуя и мучась, ||
Хорошо | живется на Руси. ||

В исполнении Б. Галкина видим перестановку слов в первом стихе (*у нас у всех* вм. *у всех у нас*) и замену слов во втором стихе (*каждого спреси* вм. *всякого спреси*). Просодическое членение второго и четвертого стихов отличается в двух

³ Видеозаписи фрагментов см. по ссылке <https://disk.yandex.ru/d/3imKXt0hPwztjA>

версиях, значительно расходится и интонационное оформление четвертого стиха. В исполнении И. Ильина четвертый стих произносится с эмфазой на слове *хорошо* (ИК-7). В интерпретации Б. Галкина второй стих произносится с побудительной интонацией (ИК-2), а четвертый стих звучит как вопрос (ИК-3). В результате в целом строфа С. Есенина в двух версиях исполнения интерпретируется по-разному. В одном случае (у И. Ильина) автор уверен в ответе на вопрос о том, хорошо ли живется на Руси: «*всякого спроси*» — [и получишь ответ]: «*Радуясь, свирепствуя и мучась, / Хорошо живет на Руси!*». Во втором случае Б. Галкин как бы обращается к каждому слушателю-зрителю и предлагает задать вопрос «*Хорошо ли живется на Руси?*». Таким образом, письменный текст стихотворения может реализоваться в широком диапазоне интонационного оформления.

Наличие видеозаписей в мультимедийном поэтическом корпусе дает возможность изучения жестового сопровождения стихотворной речи. Имеет ли оно специфические особенности по сравнению с прозаической речью — сценической и произносимой в естественных условиях? Если да, то какими факторами они обусловлены? Рассмотрим транскрипт отрывка стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино» в исполнении В. Баринова⁴.

- (8) [⊙] Ну ж был денек! || ^{2Н ОЛ↓} {Сквозь дым летучий} ||
[↻] {Французы} | ^{2Н ОЛ ↗} {двинулись} | ^{2Н ОЛ} {как тучи}, ||
^{2Н↑} {И всё на наш редут.} ||
^{ПГ RH▲} Уланы с пестрыми значками, ||
Драгуны | ^{RH↙} {с конскими хвостами}, ||
^{2Н↑} {Все промелькнули перед нами}, ||
^{RH↑↗} {Все} | побывали | тут. ||

В жестикуляции актера преобладают изобразительные и указательные жесты, которые участвуют в передаче тематической информации, сопровождая динамичный рассказ. Жест ^{2Н ОЛ↓} «две руки с открытыми ладонями, ориентированными вниз» связан с идеей плоскости и большого пространства, лежащего ниже точки зрения наблюдателя, которая совмещена с точкой зрения рассказчика. Действительно, рассказчик-наблюдатель находится на возвышении (редуте), следовательно, в поле его зрения попадает большое количество объектов. Идея большого количества объектов передается жестами [↻] «симметричная окружность» (*французы*), ^{2Н↑} {«разведение рук в стороны»} (*как тучи, и всё на наш редут, все промелькнули*), ^{RH↑↗} «радикальное пересечение» (*все побывали*). Жест ^{2Н ОЛ ↗} «движение двух рук вперед» наглядно иллюстрирует смысл глагола *двинулись*, ^{ПГ RH▲} «поворот головы» вправо и движение правой рукой указывают направление, откуда двигались *уланы*, а движение правой рукой над головой по дуге назад ^{RH↙} «выгнутая дуга» изображает головной убор драгун (*с конскими хвостами*).

⁴ В транскрипте использована система обозначений и интерпретация жестов, предложенная в работах Е. А. Гришиной [Гришина 2017]. Видеозапись фрагмента см. по ссылке <https://yadi.sk/i/2ru7AF8HvYko2A>

Помимо изобразительных жестов исполнитель использует прагматические жесты для передачи аксиологической информации: «головные» жесты \wedge «кивок сверху вниз» подчеркивает эмфазу (*французы*), жест $\textcircled{\text{R}}$ «качать головой» сопровождает восклицание с отрицательной оценкой *Ну ж был денек!* [Гришина 2017: 455].

Как видим, при исполнении эпического по содержанию стихотворного фрагмента жестикуляция исполнителя близка к той, которой сопровождается прозаический рассказ. Можно предположить, что жестикуляционное оформление нарратива не зависит от формы — стихотворной или прозаической, однако для проверки этого предположения нужен большой материал, который и может предоставить корпус.

7. Заключение

В Мультимедийном поэтическом корпусе собран уникальный материал, который не представлен ни в одном из корпусов НКРЯ. Благодаря многофункциональной разметке и оригинальной архитектуре корпус соединяет в себе возможности поэтического, параллельного и мультимедийного корпусов. Новый ресурс, как кажется, может стать полезным инструментом при изучении

- вариантов ритмической и интонационной организации стиха в соотношении с его синтаксической и логической организацией;
- вариантов жестового сопровождения стихотворной речи в зависимости от разной манеры исполнения и в сопоставлении с прозаической речью;
- особенностей непрофессионального исполнения в сопоставлении с авторской и актерской манерой чтения; произносительных тенденций, собственных стихотворной речи вообще;
- особенностей сценической речи, приемов актерского исполнения в зависимости от индивидуальных качеств исполнителя, принадлежности к актерской школе и мн. др.

Особо следует отметить возможность использования нового корпуса в образовательных целях. Корпус содержит большую коллекцию русской классической поэзии в устном исполнении, в которой значительное место занимают образцы высокого исполнительского мастерства, а также оригинального авторского исполнения. Все это делает Мультимедийный поэтический корпус, так же как и русский МультиПАРК, ценным ресурсом при изучении филологических и искусствоведческих дисциплин, актерского мастерства, искусства художественного слова.

Литература

Бернштейн С. И. Голос Блока. / Публикация А. Ивича и Г. Суперфина // Блоковский сборник. II. Труды Второй научной конференции, посвященной жизни и творчеству А. А. Блока. Тарту, 1977. С. 454–525.

Бычкова П. А., Рахилина Е. В., Слепак Е. А. Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21. С. 256–283.

Валиева Ю. М. О звуковом архиве «Лица петербургской поэзии: 1950–1990» // Живое слово: логос, голос, движение, жест. М.: НЛО. 2015. С. 151–158.

Гришина Е. А. Мультимедийный русский корпус (МУРКО): проблемы аннотации // Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы. СПб.: Нестор-история, 2009а. С. 175–214.

Гришина Е. К вопросу о соотношении слова и жеста: вокальный жест *О* в устной речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»). Вып. 8 (15). М.: РГГУ, 2009d. С. 80–90.

Гришина Е. Вокальный жест *А* в устной речи. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2010»). Вып. 9 (16). М.: РГГУ, 2010b. С. 102–112.

Гришина Е. Да в русском устном диалоге // Russian Linguistics. 2011. № 35 (2). С. 169–207.

Гришина Е. А. Мультимодальный модуль в составе Национального корпуса русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2015. Вып. 6. С. 65–88.

Гришина Е. А. Мультимедийный параллельный корпус (МультиПАРК): новый тип корпуса для сопоставительных исследований // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 20–24 июня 2016 г. / Отв. ред. Ю. И. Александров, К. В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 720 с.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК, 2017. 744 с.

Звучащая художественная речь: Работы Кабинета изучения художественной речи (1923–1930) / Сост.: В. Золотухин, В. Шмидт. М.: Три квадрата, 2018. 516 с.

Золотухин В. Колодец и колокол. О влиянии авторской декламации на исполнительскую (1905–1929) // Вопросы театра. Prosaenium. Сборник статей. 2010. № 3–4. С. 205–231.

Кобозева И. М., Иванова О. О., Захаров Л. М. К мультимодальному моделированию верификативных дискурсивных маркеров в русском диалоге // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21. С. 284–299

Кривнова О. Ф., Князев С. В., Моисеева Е. В. Исследования просодического членения звучащего текста на материале русского языка // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. № 4. С. 7–33.

Кудинов М. С., Гришина Е. А. Инструменты полуавтоматической разметки для Мультимедийного русского корпуса (МУРКО) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 248–261.

Савчук С. О. Мультимедийный параллельный корпус: перспективы развития // Восьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Светлогорск, 18–21 октября 2018 г. / Отв. ред. А. К. Крылов, В. Д. Соловьев. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 1320–1322.

Савчук С. О. Мультимедийный поэтический корпус: общая структура и перспективы использования // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2022 (в печати).

Эйхенбаум Б. М. О камерной декламации // О поэзии. М.: Советский писатель, 1969. С. 512–541.

Grishina E. Multimodal Russian Corpus (MURCO): Types of annotation and annotator's workbenches // Proceedings of the Corpus Linguistics Conference CL2009, University of Liverpool, UK, 20–23 July 2009. [Электрон. ресурс]. 2009b. URL: <http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/cl2009/#papers>, #165

Grishina E. Multimodal Russian Corpus (MURCO): general structure and user interface. // NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research. Fifth International Conference, Smolenice, Slovakia, 25–27 November 2009. Proceedings. Bratislava: Tribun, 2009c. P. 119–131.

Grishina E. Multimodal Russian Corpus (MURCO): First Steps. // Calzolari, N., Choukri, K., Maegaard, B., Mariani, J., Odijk, J., Piperidis, S., Rosner, M. & Tapias, D. (Eds), 7th Conference on Language Resources and Evaluation LREC'2010. Valetta, Malta: ELDA, 2010a. P. 2953–2960.

Grishina E., Savchuk S., Sichinava D. Multimodal Parallel Russian Corpus (MultiPARC): Main Tasks and General Structure // LREC 2012 Workshop on Best Practices for Speech Corpora in Linguistic Research. Istanbul, Turkey, May 21, 2012. ELRA. P. 13–16.

¹S. O. Savchuk, ²A. A. Makhova

*¹V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences*

*²A. A. Kharkevich Institute
for Information Transmission Problems,
Russian Academy of Sciences,
Nonprofit Partnership 'Russian National Corpus'
(Russia, Moscow)*

¹savsvetlana@mail.ru, ²discourse@yandex.ru

MULTIMODAL POETIC CORPUS: PRINCIPLES OF CONSTRUCTION AND MARKUP FEATURES

The article presents a new type of corpus within the Multimodal module of the RNC, which contains not only transcripts of audio texts, but also audio/video recordings of their pronunciation. The multimodal module presently includes the main Multimodal Corpus (MURCO) for the study of oral texts of different genres, and two Multimodal Parallel Corpora (MultiPARC), which allow the comparative study of the same utterance spoken by different speakers in the same or similar circumstances. Russian MultiPARC —

in different productions and adaptations of the same play in Russian, English-Russian MultiPARC — in productions of plays in Russian and in English, or in the original and dubbed versions of films.

The Multimodal Poetry Corpus is designed to explore the features of a sounding poetic text. It combines the features of multimedia, parallel and poetry corpus. It contains the poetic texts in author's, professional (actor's) and non-professional performance. The composition and structure of the corpus and the prospects for its use are discussed. The corpus allows to compare the written text with its sound, to compare different interpretations of the sounding verse, which is of interest for the study of phonetic and prosodic phenomena. It also opens up many possibilities for verse studies, research of poetic syntax and semantics, etc.

Keywords: multimodal poetic corpus, annotation principles, sounding poetic speech, variety of interpretations.

References

Bernshtein S. I. [Blok's Voice / Publication by A. Ivich and G. Superfin]. *Blokovskii sbornik. II. Trudy Vtoroi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi zhizni i tvorchestva A. A. Bloka* [Blok's Collection. II. Proceedings of the 2nd scientific Conference dedicated to the life and work of A. A. Blok]. Tartu, 1977, pp. 454–525 (In Russ.)

Bychkova P. A., Rakhilina E. V., Slepak E. A. [Discourse formulae, polysemy and gesture marking]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute], 2019, no. 21, pp. 256–283. (In Russ.)

Eikhenbaum B. M. [On Chamber Recitation]. *O poezii* [On Poetry]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1969, pp. 512–541 (In Russ.)

Grishina E. A. [Multimodal Russian Corpus (MURCO): Problems of annotation]. Plungian V. A. (Ed.), *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka: 2006–2008. Novye rezul'taty I perspektivy* [The Russian National Corpus: 2006–2008. New results and perspectives]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2009a, pp. 175–213. (In Russ.)

Grishina E. Multimodal Russian Corpus (MURCO): Types of annotation and annotator's workbenches. Proceedings of the Corpus Linguistics Conference CL2009, University of Liverpool, UK, 20–23 July 2009. Available at: <http://ucrel.lancs.ac.uk/publications/cl2009/#papers,#165> (accessed 22.09.2021)

Grishina E. Multimodal Russian Corpus (MURCO): general structure and user interface. *NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research. Fifth International Conference*, Smolenice, Slovakia, 25–27 November 2009. Proceedings. Bratislava, Tribun, 2009c, pp. 119–131.

Grishina E. Multimodal Russian Corpus (MURCO): First Steps. Calzolari, N., Choukri, K., Maegaard, B., Mariani, J., Odijk, J., Piperidis, S., Rosner, M. & Tapias, D. (Eds), *7th Conference on Language Resources and Evaluation LREC'2010*. Valetta, Malta: ELDA, 2010a, pp. 2953–2960.

Grishina E. [The Multimodal module as part of the Russian National Corpus]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the Vinogradov Russian language Institute], 2015, no. 6, pp. 65–88. (In Russ.)

Grishina E. [On gesture–word correlation (vocal gesture *Oh* in spoken Russian)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii (Mezhdunarodnaya konferentsiya "Dialog 2009")* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue 2009"]. Issue 8 (15). Moscow, RSUH Publ., 2009d, pp. 80–90. (In Russ.)

Grishina E. [Vocal Gesture *Ah* in Spoken Russian]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii (Mezhdunarodnaya konferentsiya "Dialog 2010")* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2010)]. Issue 9 (16). Moscow, RSUH Publ., 2010b, pp. 102–112. (In Russ.)

Grishina E. [Yes in Russian oral dialogue]. *Russian Linguistics*, 2011, no. 35 (2), pp. 169–207. <https://doi.org/10.1007/s11185-011-9073-z> (In Russ.)

Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya (korpusnye issledovaniya)* [Russian gestures from a linguistic perspective: A collection of corpus studies]. Moscow, Yazyki slav'anskoj kul'tury Publ., 2017, 744 p. (In Russ.)

Grishina E. A. [Multimodal parallel corpus (MultiPARC): a new type of corpus for comparative studies]. Yu. I. Aleksandrov, K. V. Anokhin (Eds.). *7 mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov* [7th International Conference on Cognitive Science: Abstracts of reports]. Svetlogorsk, 20–24 June 2016. Moscow, "Institute of Psychology RAS" Publ., 2016. 720 s. (In Russ.)

Grishina E., Savchuk S., Sichinava D. Multimodal Parallel Russian Corpus (MultiPARC): Main Tasks and General Structure. *LREC 2012 Workshop on Best Practices for Speech Corpora in Linguistic Research*. Istanbul, Turkey, May 21, 2012. ELRA. pp. 13–16.

Kobozeva I., Ivanova O., Zakharov L. [Towards multimodal modelling of verificational discourse markers in Russian dialog]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. 2022 [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2019, no. 21, pp. 284–299. (In Russ.)

Krivnova O. F., Knyazev S. V., Moiseeva E. V. [Studies of prosodic division of a sounding text on the material of the Russian language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 9. Philology, 2016, no. 4. pp. 7–33. (In Russ.)

Kudinov M. S., Grishina E. A. [Tools for semi-automatic markup for Multimodal Russian corpus (MURCO)]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii "Dialog"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference "Dialogue 2009"]. Issue 8 (15). Moscow, RSUH Publ., 2009, pp. 248–261. (In Russ.)

Savchuk S. O. [Multimodal parallel corpus: prospects of development]. A. K. Krylov, V. D. Solov'ev (Eds.). *8 mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov* [8th International Conference on Cognitive Science: Abstracts of reports]. Svetlogorsk, 18–21 October 2018. Moscow, "Institute of Psychology RAS" Publ., 2018, pp. 1320–1322. (In Russ.)

Savchuk S. O. [Multimodal poetic corpus: general structure and prospects of use]. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*. [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2022 (in print) (In Russ.)

Valieva Yu. M. [About the sound archive “Faces of St. Petersburg poetry: 1950–1990”]. *Zhivoe slovo: logos, golos, dvizhenie, zhest* [The living word: logos, voice, movement, gesture.]. Moscow, NLO, 2015, pp. 151–158 (In Russ.)

Zolotukhin V. [The well and the bell. On the influence of the author's recitation on the performance one (1905–1929)]. *Voprosy teatra. Prosaenium. Sbornik statei* [Theatre issues. Prosaenium. Collection of articles], 2010, no. 3–4, pp. 205–231. (In Russ.)

Zvuchashchaya khudozhestvennaya rech': Raboty Kabineta izucheniya khudozhestvennoi rechi (1923–1930) [Sounding artistic speech: The works of the Cabinet for the Study of Artistic Speech (1923–1930)] / Comp. by V. Zolotukhin, V. Shmidt. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2018, 516 p. (In Russ.)

Л. Л. Шестакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

lara.shestakova@mail.ru

«СЛОВАРЬ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»: ОТ ПРОБНОГО ВЫПУСКА ДО VIII ТОМА

Представлен опыт описания поэтического языка в многотомном авторском «Словаре языка русской поэзии XX века». Рассматриваются история создания этого лексикографического труда, реализованная в нем модель сводного контекстного словаря комментирующего типа, особенности словника и структуры словарной статьи. Также показаны возможности использования словарных материалов в исследованиях лингвопоэтической и иной направленности.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэтический язык, сводный словарь поэтического языка, словник, словарная статья, контекст.

Введение

Современная русская авторская (писательская) лексикография представлена немалым числом словарей разной типологической и жанровой принадлежности [Шестакова 2011]. Значительный их массив составляют монографические, «одно-авторские», словари, создаваемые по произведениям отдельно взятого писателя, поэта, драматурга и нацеленные, прежде всего, на описание индивидуальных лексиконов и стилей. Другую группу образуют сводные, «многоавторские», словари, в основе которых лежит творчество ряда писателей. Такие справочники ориентируют исследователей на изучение истории художественного языка как части национального языка, на широкое сопоставление наследия авторов одной и разных эпох.

Многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века» (СЯРП) [Словарь 2001–2019], работа над которым ведется в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, относится ко второй группе авторских справочников. Идея Словаря принадлежит известному специалисту в области лингвистической поэтики В. П. Григорьеву, развивает представления ученого о поэтической лексикографии, выраженные в работах [Григорьев 1965, Григорьев (ред.) 1973, Григорьев 1979] (подробнее см. [Словарь 2001–2019]). СЯРП содержит описание совокупного лексикона десяти крупнейших поэтов, принадлежавших разным литературным

направлениям: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова и М. Цветаевой. Соединение в этом Словаре элементов регистрирующего и объяснительного справочников, а конкретно — конкорданса и толкового словаря, позволяет определить его как контекстный (цитатный) словарь комментирующего типа, который может быть отнесен к авторским словарям нового поколения.

Из истории создания «Словаря языка русской поэзии XX века»

У «Словаря языка русской поэзии XX века» уже сложилась своя история, в которой можно выделить несколько этапов.

На рубеже 1993–1994 гг. началась, в соответствии с общим замыслом СЯРП как словаря языка поэзии конкретной эпохи, работа по определению состава его источников, переводу источников в электронную форму.

В 1995–1997 гг. была создана база данных Словаря, включившая более полу-миллиона контекстов из произведений выбранных поэтов. В это же время были подготовлены специализированные компьютерные программы, позволившие автоматизировать многие виды словарных работ. Это программы UNILEX-T Ж. Г. Аношкиной и UNILEX-D Л. И. Колодяжной.

Поворотным моментом стал 1998 г., когда издательство «Русские словари» опубликовало, в приложении к журналу «Русистика сегодня», пробный выпуск Словаря (ПВ) с материалами на букву «А» [Григорьев (ред.) 1998]. Тем, кто был занят тогда в проекте, очевидно, что это событие произошло исключительно благодаря поддержке и прямой помощи Елены Александровны Гришиной. И дальше, с ее легкой руки, продолжилась планомерная работа над Словарем, с выходом, раз в два-три года, его отдельных томов. К настоящему времени опубликовано восемь томов — от буквы «А» до слова «Голщь» (более 40 тыс. словарных статей).

Следует сказать о некоторых особенностях ПВ, и в первую очередь о том, что он вышел под первоначальным названием Словаря, в которое было вынесено хлебниковское определение — «самовитое» слово («слово вне быта и жизненных польз»): «Самовитое слово. Словарь русской поэзии XX века». Позднее, для простоты и краткости, авторы Словаря отказались от первой части названия, а вторую уточнили, включив в нее слово *язык*: Словарь языка русской поэзии XX века.

На титуле ПВ не вполне традиционно, вслед за названием, приводились в качестве эпиграфа выразительные строки О. Мандельштама:

*Народу нужен стих таинственно-родной,
Чтоб от него он вечно просыпался
И льнянокудрою, каштановой волной —
Его звучаньем — умывался.*

О. Мандельштам («Я нынче в паутине световой...», 1937)

Им были соположены два эпитафия, предшествовавшие введению, — строки из Гумилева и Ахматовой:

Что делать нам с бессмертными стихами?

Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать...

Н. Гумилев («Шестое чувство», 1919)

Шиповник так благоухал,

Что даже превратился в слово...

А. Ахматова («Шиповник цветет», 7; 1956?)

При небольшом общем объеме ПВ (около 160 страниц) в него вошли, кроме введения и собственно корпуса словарных статей, раздел «Как пользоваться словарем»¹, списки условных сокращений, условных знаков, источников Словаря, а также подготовленные по букве «А» приложения: Алфавитно-частотный словник, Частотно-алфавитный словник, Список «слов-собственников» (каждое из которых встретилось только у одного из выбранных поэтов) и таблицы отношений числа «слов-собственников» к числу слов данного автора и числу его словоупотреблений в книге-источнике. Отметим, что этими приложениями сразу задавались возможные направления в использовании материалов Словаря, в исследовании представленного в нем лексического массива.

Во введении к ПВ, которое затем вошло в первый том Словаря, В. П. Григорьев так характеризовал СЯРП: «Наш Словарь — это прежде всего доступный всем “очерк” поэтического мира XX века². Мы стремились не упустить (в кругу наших источников) ни одного случая красоты слова, созданной поэтами. Они испытывают настоящее “восхищение словом” <...> — нашим читательским чувствам есть чему поучиться у них. Лишь бы была хоть крохотная охота услышать их слова — слова, в которых и воплощена особая эстетическая реальность поэзии, красота ее образов. <...> Вас интересуют не бесконечные споры о красоте, а конкретные факты? Как ведут себя в поэзии такое обычное слово, как *ветер*, или, наоборот, редкое и даже специальное, как *адажио*; высокое <...>, как *ангел*, или просторечное вроде *айда*? В Словаре вы найдете посильные для него ответы» (в цитате подчеркивание и курсив В. П. Григорьева. — *Л. Ш.*) [Григорьев (ред.) 1998: 3–4]³.

Особенности устройства Словаря и его информационный потенциал

Замыслу — дать в Словаре «доступный» очерк поэтического мира XX в. — соответствует выработанная и реализованная в нем лексикографическая модель. В ее основе два принципа: с одной стороны, полнота словника (без изъятия каких-либо

¹ Введение было написано В. П. Григорьевым, раздел «Как пользоваться словарем» — В. П. Григорьевым, Л. И. Колодяжной, Л. Л. Шестаковой.

² Определением «очерк» В. П. Григорьев отсылал читателя к строкам Боратынского из стихотворения «В дни безграничных увлечений...» (1831): *И поэтического мира Огромный очерк я узрел.*

³ См. также предшествовавшую ПВ статью [Григорьев 1994].

единиц, в том числе имен собственных и служебных слов), с другой — разумное соотношение текстового и комментирующего материала в словарных статьях.

Говоря о словнике СЯРП, необходимо отметить одну его особенность. В качестве единиц словника выступают, кроме стандартных, отдельные грамматические формы — краткие прилагательные, прилагательные в простой сравнительной и превосходной степени; причастия — полные и краткие; деепричастия и некоторые другие [Словарь 2001: 12]. Это связано не столько со значительным объемом лексики, собранной в Словаре, сколько с большей самостоятельностью таких форм в поэтическом языке. При отсутствии в материале, например, начальной формы слова они выдвигаются на первый план, выполняя функцию его репрезентантов. В тех случаях, когда речь идет о формах-новообразованиях (*развоскресенен, развозмолев* и под. у Маяковского), возведение их к начальным формам, как правило, искусственно, затушевывает саму специфику созданной поэтом единицы. Отметим, что в словнике СЯРП немало грамматических форм (из числа названных) общеупотребительных слов, не требующих специального комментария. Это, к примеру, такие единицы на букву «А», как *ал, алее, алчущий, аляповат, арестован, арестованный, ароматней, артачась, атакующий, аукая, ахнув* и др. В то же время в словнике представлены формы слов устаревших, областных, имеющих омонимы и др., которые могут вызвать затруднения у современного носителя языка и поэтому требуют пояснений — например, такие краткие формы страдательных причастий, как *огра-ян, развожен, размучен* (соответствующие словарные статьи приводятся ниже).

Структура словарной статьи включает в себя обязательные и факультативные зоны. К первым относятся зоны: заголовочного слова (оно дается в своей начальной форме), контекстов, шифров, ко вторым — зона значения, дополняющая заголовки, и зона комментариев, сопровождающая контексты [Словарь 2001: 14–15]. Две последние зоны, оформляемые, по необходимости, после анализа контекстов, факультативны, но значимы, поэтому мы к ним еще обратимся. Здесь же заострим момент, особенно важный в концепции Словаря: центральную часть каждой словарной статьи образуют, в отличие от статей в общезыковых словарях, сами поэтические строки. Это контексты разного объема, но всегда семантически полноценные, завершенные, выстроенные по хронологии и по авторам, сопровождаемые шифрами. Ранжирование контекстов по хронологии позволяет писать своеобразную «биографию» поэтического слова, проследить историю его употребления. Это хорошо видно по многим статьям, особенно среднего и большого объема, входящим как в первые, так и в последующие тома: **БРАТ, БУДУЩЕЕ, ВОДА, ВОЗДУХ, ГЛУБИНА, ЖИЗНЬ, ЗВЕЗДА, ЗОЛОТОЙ, ИГЛА, КТО, ЛЮБЕЗНЫЙ, МУЗА, НАВЕК, НЕБО, НО, ОБЛАКО, ОТКУДА, ПЕВЕЦ, РАДУГА, СМЕРТЬ, СНЕГ, СОН, ТАЙНА, ТЁМНЫЙ, ТИШИНА** и др.

Материалы статей рассматриваются составителями и предлагаются пользователям Словаря как основа для исследований разной направленности. Каждая описываемая лексическая единица и совокупности единиц могут анализироваться в контексте истории литературного, и шире — национального языка XX в. (в составе СЯРП, например, немало слов областных, стилистически сниженных), истории

поэтического языка, в аспектах лингвистической поэтики, лингвостилистики и т. д. Важно сказать, что алгоритм первичного анализа материала конкретной статьи заложен в самой форме его подачи. Она позволяет сразу получить ответы на вопросы: в каком году слово впервые употреблено и кем из описываемых поэтов, в какое 10-летие оно было наиболее востребованным, у кого из поэтов частотно, прослеживается на протяжении всего творчества, у кого носит единичный характер, встречается ли слово в сильных текстовых позициях и т. д. Сказанное касается и тех статей, в которых заполнены только обязательные зоны (или обязательные и частично зона комментариев), и тех, в которых заполнены все названные зоны. К первым можно отнести статьи к словам: *аллея, барабан, взрывать, госпиталь, долго, европейский, желтоватый, зонт, извне, канарейка, лисий, мычать, немало, ощутимо, палуба, равнина, сельский, табун* и т. п. См. ниже статью среднего объема **ТАБУН** из восьмого тома Словаря в ее начальном и конечном фрагментах (вся статья содержит 36 контекстов). Уточним, что в этой и других словарных статьях используются условные обозначения СЯРП — в первую очередь шифры, указывающие на автора (*Анн* — Анненский, *Ахм* — Ахматова, *АБ* — Блок, *Ес* — Есенин, *Куз* — Кузмин, *ОМ* — Мандельштам, *М* — Маяковский, *П* — Пастернак, *Хл* — Хлебников, *Цв* — Цветаева) и год создания произведения; в словарной статье описываемая вокабула сокращается до одной буквы в той словоформе, которая совпадает с заглавной формой вокабулы.

ТАБУН Сквозь туман чародейный и редкий Невидимкой т. проскакал. *АБ902 (I,241)*; Из долины мандолины Чу! звенящая струна, Далеко из-за плотины Слышно ржанье табуна. *Куз907 (39.2)*; Умчались, пропали без вести Степных кобылиц табуны, Развязаны дикие страсти Под игом ущербной луны. *АБ908 (III,251)*; Что сердце? огород неполотый, Помят, что диким табуном. И как мне жизнью жить расколотой, Когда все мысли об одном? *Куз909 (90.1)*; <...> Покоем полно Тушино. Огни потушены. Храпят ночные табуны, Дружья в час мира и войны. *Хл[912-13] (237)*; «Дворяне! Руку на держак!» — Лишь только крикнул Ляпунов, Русь подняла тесак, Сев на крупы табунов. *ib.*⁴; И опечалилась земля, Завету страшному внемля, И с верховыми табунами Смешались резвые пехотники. С отчизны верными сынами Здесь были воду жечь охотники. *ib.*; Т. скакал, лелея гривы, Его вожак шел впереди. *Хл913 (245)*; Топчут лапти по полю кукольной, Где-то ржанье и храп табуна, И зовет их с большой колокольни Гулкий звон, словно зык чугуна. *Ес914 (I,136)*;

<...> Мои стихи — как добровольцы К тебе стекались под шатер. ^{1/5} Следя полные наезды, Бдил добровольческий т., Пока беседовали звезды С Единодержицею струн. [обращ. к А. А. Ахматовой] *Цв921 (II,54.1)*; Медновскипающие табуны — В благовест мы — как в битву! Какое дело нам до той слюны,

⁴ *ib.* — *ibidem* (там же).

⁵ В контекстах две косые черты обозначают границу строфы, одна косая черта — границу стихотворной строки (одна черта дается в тех случаях, когда стих начинается со строчной буквы).

Названной здесь молитвой?! Цв921 (II, 76); Чтоб не́ жил — кто стар, Чтоб нежил — кто юн! Богиня Иштар, Стреми мой т. В тридевять лун! Цв923 (II, 166); Перерытые — как битвой Взрыхленные небеса. Рывинами — небеса. Битвенные небеса. // Перелетами — как хлѣстом Хлѣстанные табуны. Взблестывающей Луны Вдовствующей — табуны! Цв923 (II, 192.2); Побледневший курильщик Выходит На воздух, Во тьму. Хорошо б отдышаться! Бабах... И — как лошади прерий — Табуном, Врассыпную — И сразу легчает ему. П925-26 (I, 301); В горах, средь табуна, Холодной ночью лунной Встречаешь чабана. Он — как дольмен валунный. П936 (II, 19.1)

Как видно, строки, образующие статью, относятся к периоду 1902–1936 гг.; наибольшее их число (по данным полной статьи) соотносится с 1910-ми годами. Слово *табун* фиксируется у семи поэтов: Блока, Кузмина, Есенина, Мандельштама, Пастернака, Хлебникова, Цветаевой, из которых чаще других к нему обращался Хлебников (19 раз); оно не представлено у Анненского, что вполне ожидаемо, а также у Ахматовой и Маяковского. Даже беглый просмотр статьи показывает, что рассматриваемое слово употребляется преимущественно в прямом значении (*табун проскакал, ржанье табуна, ржанье и храп табуна, степных кобылиц табуны*), вместе с тем некоторые поэты склонны использовать это слово в образном контексте, тем самым эстетизируя его: *Что сердце? огород неполютый, Помят, что диким табуном* (Кузмин), *Медновскипающие табуны — В благовест мы — как в битву!* (Цветаева). Ср. и другие строки Цветаевой, в которых стихи сравниваются с добровольцами, уподобляются добровольческому табуну: *Мои стихи — как добровольцы К тебе стекались под шатер. // Следя полночные наезды, Бдил добровольческий табун, Пока беседовали звезды С Единодержницею струн*. Эти строки обращены к Ахматовой, что и отражает в статье комментарий к контексту [обращ. к А. А. Ахматовой]. Добавим также, что у нескольких поэтов отмечается постановка слова *табун* в сильную позицию рифмы: *струна — табуна* (Кузмин), *табуны — луны* (Блок) и др.

Проиллюстрируем сказанное об алгоритме первичного анализа материала конкретной словарной статьи еще одним примером. Это статья **СИЗЫЙ** из шестого тома Словаря, в которой заполнены все зоны. Она также относится к статьям среднего объема, содержит 40 контекстов. В сжатом виде статья выглядит так:

СИЗЫЙ [*тж* в сочет.: с. голубь (голубочек)]⁶ Перестал холодный дождь, С. пар по небу вьется, Но на пятна нив и роц Точно блеск молочный льется. *Анн900-е (64.1)*; СИЗЫЙ ЗАКАТ *Загл. Анн900-е (98.2)*; Близился с. закат. Воздух был нежен и хмелен, И отуманенный сад Как-то особенно зелен. *ib.*; <...> Пospешно оделась. Уходит. Ушла. Оглянулась пугливо На сизые окна мои. // И нет ее. В сизые окна Вливается вечер ненастный, <...> *АБ910 (III, 58)*; Приподняться бы над подушками, Снова видеть широкий пруд, Снова видеть, как над

⁶ Формула «*тж* в сочет.» используется в Словаре для указания на устойчивые сочетания с заголовочным словом, которые встретились в текстах-источниках.

верхушками Сизых елей тучи плывут. *Ахм911 (308.1)*; В руках плетеные корзинки, Служанки спорят с продавцами, Воркуют голуби на рынке И плещут сизыми крылами. *ОМ912 (286.3)*; <...> Плакучий Харьковский уезд, Русалочки начесы лени, И ветел, и плетней, и звезд, Как сизых свечек шевеленье. *П915,28 (I,98)*; <...> С. дым, клубясь, летел. <...> *Хл[915] (94.1)*; <...> Громадой рубцов напружась, От жару грязен и наг, Был одинок, как ужас, Ее восклицательный знак. // Проставленный жизнью по сизой Безводной Сахаре небес, Он плыл, оттянутый книзу, И пел про удельный вес. *П917 (I,481)*; <...> Что, голубчик, дрожат поджилки? Все как надо: канат — носилки. // Разлетается в ладан с. Материнская антреприза. [обращ. к дочери Але (А. С. Эфрон)] *Цв919 (I,485)*; <...> Как кровь сочится под целебной ватой, Яснеет отрок на гранитной глыбе, И мглой истомною в медвяном лете Пророчески подернут с. взор. *Куз922 (239.3)*; <...> Пела рана в груди у князя. Или в ране его — стрела // Пела? — к милому не поспеть мол, Пела, милого не отпеть — Пела. Та, что летела степью Сизую. — <...> *Цв924 (II,252.1)*; <...> В результате / вещь / ясней помидора / обволакивается / туманом сизым, / и эти / горы / нехитрого вздора / некоторые / называют марксизмом. *М926 (243)*; <...> В необъятность неба, ввысь Вихрем сизых пятен Стаей голуби неслись, Снявшись с голубятен. <...> Жизнь ведь тоже только миг, <...> Только свадьба, в глубь окон Рвущаяся снизу, Только песня, только сон, Только голубь с.. *П953 (III,519)*

Просмотр этой статьи демонстрирует широкий временной диапазон употребления прилагательного, которое можно считать принадлежностью общепозитического словаря⁷. Первый из представленных в статье контекстов относится к 1900-м гг. (автор Анненский), последний — к 1953 (Пастернак), причем наибольшее число употреблений связано с периодом 1911–1920 гг. Слово отмечается у всех выбранных авторов, однако чаще других к нему обращаются Анненский и Цветаева, реже — Есенин, Мандельштам и Маяковский. Как видно из содержания статьи, у символиста Анненского слово использовано в составе заглавия стихотворения (что маркируется пометой *Загл.*): «*Сизый закат*» (1900-е). Заглавие воспроизводится и в самом тексте (см. шифр *ib.* при следующем контексте): *Близился сизый закат. Воздух был нежен и хмелен, И отуманенный сад Как-то особенно зелен.* Слово встречается и в другой сильной позиции — рифменной. Кроме ожидаемых созвучий (в первую очередь со словом *риза*: *сизый* — *ризы*, *сизой* — *ризой*, ср. у Анненского: *пышиноризый* — (глины) *сизой*, *сизой* — *темноризой*), встречаются и нетривиальные; например, у Маяковского прилагательное рифмуется с актуальным в то время политическим термином: *сизым* — *марксизмом* (1926). Обратим внимание и на широкую сочетаемость прилагательного *сизый*. В материалах статьи встречаются не только повторяющееся у разных поэтов устойчивое сочетание *сизый голубь* (*голубочек*), что специально отмечено в зоне значения, функционально близкие ему

⁷ Первые употребления слова в русской поэзии относятся, по данным поэтического корпуса Национального корпуса русского языка (<https://ruscorpora.ru>), к концу XVIII в. (в произведениях Капниста, Державина, Сумарокова и др. встречаются *сизый гром*, *сизые облака*, *сизые голубки* и т. д.).

сизый дым, сизый туман, но и единичные сочетания: *сизый взор* (Кузмин), *сизые окна* (Блок), *сизые воды* (Цветаева). См. также строки Пастернака из стихотворения «APPASSIONATA» (1917), в которых прилагательное вовлекается в образный строй стихотворения, конкретизирует (как и слово *безводный*) генитивную метафору *Сахара небес: Проставленный жизнью по сизой Безводной Сахаре небес, Он [восклицательный знак] плыл, оттянутый книзу, И пел про удельный вес.*

В полной статье к прилагательному *сизый* содержатся и комментарии к контекстам, один из которых представлен в приведенном фрагменте: *Что, голубчик, дрожат поджилки? Все как надо: канат — носилки. // Разлетается в ладан сизый Материнская антреприза.* [обращ. к дочери Але (А. С. Эфрон)] (Цветаева).

Отталкиваясь от первичного анализа словарного материала, привлекая корпусные и другие данные, можно, очевидно, проводить глубокие разноаспектные исследования в рамках литературного языка, языка русской поэзии.

Рассмотрим подробнее факультативные зоны словарной статьи — зоны значения и комментариев к контекстам, подчеркнув сначала, что тактика дозированной подачи в них дополнительных сведений (лингвистических, энциклопедических, историко-культурных и иных) соответствует общему стремлению дать читателю в первую очередь сам язык поэзии.

В зоне значения, как правило, не отражаются общеизвестные сведения, очевидная для пользователя информация. Ее роль в СЯРП иная — зафиксировать конкретные особенности слова, и тем самым не просто обратить на них внимание читателя, а направить это внимание в определенное русло. Само название «зона значения» условно, ибо она носит многофункциональный характер: здесь дается, в случае необходимости, не только семантическая информация (при словах устаревших, областных, специальных и т. п., при многозначных лексемах и омонимах), но и графическая, орфографическая, акцентологическая, грамматическая, стилистическая и т. д.; здесь же приводятся энциклопедические сведения об именах собственных, а также отсылки к другим вокабулам Словаря. В этом видится нетрадиционный подход к выбору самой формы лексикографирования единиц поэтического языка. Объем информации в зоне значения варьируется, поэтому в одних статьях она минимальна, проста, содержит сведения одного-двух порядков (как в приведенной выше статье к слову *сизый*), в других — достаточно сложна, многоаспектна. Приведем примеры словарных статей с разным объемом и характером информации в зоне значения:

АЛАВАСТРОВЫЙ [*устар.*; *вар. к [АЛЕБАСТРОВЫЙ]*] Я жизнь свою, дойдя до края, Как а. сосуд, Перед Тобою разбиваю. [о Магдалине и Иисусе Христе] РП П949 (III,536)

БУДУЩЕЕ [б. и Б.; *субст. прил.*] Я знаю дальнее былое, Но в близком будущем не жду Волненье страсти. Молодое — Оно прошло, — АБ900 (I,72); Будет день — и свершится великое, Чую в будущем подвиг души. АБ901 (I,142); Но, прекрасному прошлому радо, — Пусть о будущем сердце не плачет. АБ904 (II,57); <...>

ИЛИ [*союз; см. тж ИЛЬ*] О чем поешь ты, птичка в клетке? О том ли, как попалась в сетку? // <...> Или о счастья твоём В милом гнездышке своём? *Хл897 (41)*; Ночь ли спускалась, утро ль свежело, день ли в сверкании Радостных красок всходил, или вечер бойницу багрянил. *АБ898 (I,374)*; Но в тенистом окошке звучала любовь... Или, может быть, грезилось мне?... *АБ898 (I,380.2)*; Наша любовь обманулась, Или стезя увлекла — *АБ899 (I,26)*; <...>

ЛЮБОВЬ [л. и Л.; *тж* в назв.; *род., дат., предл. ед.* любви *АБ899, АБ905, Куз906, АБ909, ОМ909, АБ912, Ес914, Ахм916, Цв920, Ахм921, Цв921, Цв922, Ахм940-60; тв. ед.* любовью *АБ898, Ахм913; род. мн.* любовью *М914-15, М927; тж* в сочет.: тайная л., совет да л.] Гений первой любви надо мной, Встал он тихий, дождями омытый, *АБ897-909 (III,183.2)*; Воздух весь ароматом любви напоен, *АБ897 (I,370.1)*; В моей душе любви весна Не сменит бурного ненастья. *АБ898 (I,3)*; <...>

МЕСТЬ [действие в отплату за причиненное зло] Душа стремится к жалкой мести, А ум, сознав, не сознает. [*рфм. к чести*] *АБ899 (I,440.1)*; Не забывай, что беспощадно, За каждый жалости порыв, Тебе отплатят мезью жадной, *АБ899 (I,442.2)*; Вот она — в налетевшей волне Распылалась последнею мезью, [*рфм.: везью*] *АБ902 (I,251)*; <...>

МЕСТЬ [*прост.; вар. к МЕСТИ*] Буран не месяц будет м., Концы, начала заметет. Внезапно вспомню: солнце есть; Увижу: свет давно не тот. *П917 (I,110.1)*; Что хотите, буду делать даром — / чистить, / мыть, / стеречь, / мотаться, / м.. / Я могу служить у вас / хотя б швейцаром. / Швейцары у вас есть? *М923 (449)*; <...>

ОХУЛКА [*устар. и прост.*; хула, осуждение; *тж* в сочет.: охулки на руку не класть (не упускать своей выгоды)] Ценители не смыслят ни бельмеса, Враги уйдут, не взявши ни шиша. Ежеминутно можно глупость ляпнуть, Тогда прощай о. и хвала! *П929 (I,551)*; Опять к обеду на прогулке Наступит темень, просто страсть. Опять научит переулки Охулки на руки не класть. *П931 (I,375)*

ПЕСНОПЕВЕЦ [*поэт.*] И у жен и у вод: Грудь — волною встает, Волна — грудью встает. // П., в плену! Наша летопись: льну... Не Царевич к челну — Лебедь к лебедю льнет. *Цв920 (III,227)*; Простотой своей — тревожа — Королевской, Солнце Вечера — дороже Песнопевцу! *Цв921 (II,14)*

РУБЕЦ [*нов.; боец*] Ох и рубцы ж у нас пошли калеки! — Алешеньки-то кровь, Ильи! — Ох и красны ж у нас дымятся реки, Малиновые полыньи. *Цв922 (II, 94.1)*

ТАБЛЬДОТ [франц. table d'hôte букв. хозяйский стол; *устар.*; назв. общего обеденного стола с единым меню в пансионатах, курортных столовых и ресторанах нек-рых стран] Но это ж, / наверно, / красные роты. / Шаганья знакомая разноголосица. / Сейчас на табльдотчиков, / сейчас на табльдоты / накинутся, / врежутся, / ринутся, / бросятся. *М923 (113)*

В общем корпусе словарных статей выделяются такие, которые однотипны по характеру заполнения рассматриваемой зоны. См., например, несколько статей,

в которых заголовком выступает краткая форма страдательного причастия, и эта грамматическая характеристика является основой пояснения, даваемого в зоне значения:

ОГРАЯН [обл.; кр. ф. прич. ограянный (ср. у Даля: ограять — окаркать, подняться криком со всех сторон, окричать)] В те дни у сыромятницких окраин Был полудеревенский аромат, Пластался снег и, галками о., Был только этим карканьем примят. *П925-31 (I,368)*

РАЗМУЧЕН [кр. ф. прич. размученный (от устар. размучить (измучить, истомить))] Всё р. я тобою, Подколотная змея! Синечерною косою Мила друга оплетая, Ты моя и не моя! *АБ908 (III,173)*

РАЗВОЖЕН [кр. ф. прич. развоженный (возм., аномальная форма от разводить (несов. к развести — разбавить))] У Палаги-шинкачерихи На меду вино развожено, Кумачовые кумашницы Душниками занавешены. *Ес912 (I,306.2)*

Приведем и примеры словарных статей к именам собственным, которые составляют немалую часть всего корпуса статей СЯРП⁸. В зоне значения многих из них дается энциклопедическая справка:

АНТОНИЙ [св. А. (III–IV вв.) — христианский отшельник] «Горят твои ладони, В ушах пасхальный звон, Ты, как святой А., Виденьем искушен». *РП Ахм915 (55.2)*

ИЗРАМИСТИЛ [нов.; услов. имя избавителя и преобразователя Руси; составлено поэтом из слов *изографство* и *мистическое*] Радуйся, Земля! Деве твоей Руси Новое возвестил я Рождение. Сына тебе Родит она... // Имя ему — И. *Ес918 (II,50)*

КАРАМАЗОВЫ [герои романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»] В нем [в Достоевском] Совесть сделалась пророком и поэтом, И К. и бесы жили в нем, — Но что для нас теперь сияет мягким светом, То было для него мучительным огнем. *Анн900-е (183.1)*

НОТР-ДАМ [собор Парижской Богородицы] И — в капоре пурги тогдашней, Сквозь мглу распахивались нам Объятыя Сухаревой башни Простертыя, как Н.-Дам. *П924 (I,559)*

ОНЕГА [р. в Архангельской области] И воин в северной броне Вставал из волн, ракушек полн, Давал письмо для северной Онеги. *Хл922 (363)*

ПЕТРАРКА [Франческо П. (1304–1374) — итал. поэт] *Все двери заперты, и отданы ключи Тюремщиком твоей безжалостной царице. Петрарка Энгрф.*

⁸ Это побудило составителей СЯРП подготовить на основе его базы данных малый (или производный) Словарь личных имен в русской поэзии XX века [Григорьев и др. 2005], а позже — Словарь имен собственных в составе Информационно-поисковой системы «Словари русской поэзии Серебряного века» [Григорьев (ред.) 2008].

АБ901 (I,146); НАДПИСЬ НА КНИГЕ «СОНЕТОВ» ПЕТРАРКИ *Загл. П914 (I,505); <...>*

РЕШТ [гор. в Иране, столица Гилянской республики] Люди открытий, Люди отплытий, Режьте в Реште Нити событий. *Хл921 (142);* Полночь. Р.. Рыжие прыжками кошек И двойкой зеленой кладбищенских глаз скачут в садах, Дразнят собак. *Хл921,22 (353.2)*

СЕЛЕКТ [назв.; «С.» – ресторан в Петербурге 1910-х гг.] Звякая / шпорами / довоенной выковки, / аксельбантами / увешанные до пупов, / говорили — / адьютант / (в «Селекте» на Лиговке) / и штабс-капитан / Попов. *М927 (534)*

Далеко не всегда слова, употребленные поэтами, можно найти в словарях (в том числе имеющихся авторских), энциклопедиях, комментариях к собраниям сочинений, в исследовательской литературе. В некоторых случаях существующие комментарии вызывают сомнения, требуют дополнительной проверки. Разыскания, проводимые составителями, редакторами СЯРП, как правило, дают результат, но иногда не вполне точный, поэтому в зоне значения словарных статей могут использоваться знак вопроса (в списке условных знаков он определяется как «знак сомнения», указывающий на неполную уверенность составителей в даваемых ими характеристиках), слова с предположительной модальностью, помета *ср.* и под. Примерами здесь могут служить статьи к словам, которые, как можно предположить, относятся, к новым или областным (в Словаре сопровождаются пометами *нов., обл.*):

ПЕРЕКЛАДКА [*нов.;* возм., перекладаина] Столбам с перекладкою Никто не плох! Хватай мертвой хваткою, А там — как Бог! *Цв920 (III,238)*

ПРИТЧИНА [*нов.;* возм., от ПРИТЧА] Для тебя я, Русь, Эти сказы спел, Потому что был И правдив и смел. Был мастак слагать Эти притчины, Не боясь ничьей Зуботычины. *Ес924 (III,145)*

РЕУН [*обл.?*; *вар.* к ревуn — сентябрь (месяц гона у животных (от реветь))] Девы с воплем притворным Хоронят бога мух, Запекши с малиной в пирог. В месяц р. слушаешь сов, Урожая знахарок. *Хл921 (159)*

СПЛАМЕНЕТЬ [*нов.?*; *ср.* у Н. С. Лескова: *Я это смеюсь, а она, смотрю, пыльных, да и спламенела.* («Воительница», 1866) и др.] Полюбим осенью златую Еще нежней, еще сильней. Скорее, солнце, спламеней И кроткой засветись порою! Не вешних дней мы ждем с тобою. *Куз909 (113.2)*

ТЕЛЕНЬКАТЬ [*обл.?*; *ср.* ТЕНЬКАТЬ] С утра над осенницею Я слышу зов трубы. Теленькает синицею Он про глагол судьбы. *Ес917 (II,14)*

ТИХОМУДРЫЙ [*нов.?*; *ср.* у Н. А. Клюева: *Соберемся-ка мы, други-братолюбцы, Тихомудрой, тесною семейкой, Всяк с своей душевною жилилкой.* («Усладный стих», 1912)] Ни друга, ни думы о бабьих губах Не зреет в ее тихомудрых словах, Но есть в ней, как вера, живая мечта К незримому свету приблизить уста. *Ес917 (I,271)*

Эти слова (как и некоторые из приведенных ранее) относятся к особому корпусу слов, описываемых в СЯРП с заполнением зоны значения. Они редкие, т. е. низкочастотные (как правило, использованные одним поэтом один раз) и обычно семантически непрозрачные. Выше отмечалось, что уже в пробном выпуске Словаря были даны списки «слов-собственников» на букву «А» по отдельным поэтам, например, *алмея* (танцовщица-певица в странах востока, Анненский), *аграф* (нарядная пряжка или застежка, Ахматова), *апсида* (алтарный выступ храма, ориентированный на восток, Мандельштам), *аплике* как вариант *аплике* (изделие с накладным орнаментом, Пастернак), *ашиать* (обл.; есть (кушать), Хлебников), *афронт* (устар.; неудача, позор, Цветаева) и т. д. Вот некоторые слова такого рода из других томов СЯРП: *брамсель* (самый верхний парус судна, Маяковский), *веттуруино* (итал. извозчик, кучер, Цветаева), *горжа* (устар.; задняя часть укрепления, свободная от оборонительной ограды, Пастернак), *декалькомани* (вар. к декалькомания — способ изготовления переводных изображений и переноса их на бумагу, дерево и т. п., Мандельштам), *лайм-лайт* (англ. *limelight* — друммондов свет (применяемый для освещения сцены в театре), Ахматова), *небрида* (или небрис; оленья шкура, одеяние Бахуса, Блок), *ожин* (обл.; жатва, Хлебников), *пард* (устар.; леопард, Кузмин), *пацишний* (обл.; пригодный для выпаса скота, Есенин), *свичадо* (польск. *zwierciadło* — зеркало, Хлебников).

В целом же массив таких слов, по наблюдениям составителей СЯРП (см., например, [Шестакова, Кулева 2013; Шестакова, Кулева 2016]), чрезвычайно велик и разнообразен, расширяет тематическое, семантическое, стилистическое пространство поэтического языка XX в., демонстрирует его соизмеримость с общенациональным языком.

Вторая факультативная зона — комментарии к контекстам — обогащает словарную статью дополнительной информацией, важной, прежде всего, для понимания приводимых строк — уточняющей, о каком событии идет в них речь, какое географическое место имеется в виду, кому посвящено или к кому обращено стихотворение и т. д. Составителями Словаря выведены специальные формулы для таких комментариев, например: [о ком-л.], [о чем-л.], [посв. кому-л.], [посв. чему-л.], [обращ. к кому-л.]. Так, в весьма объемной статье **СМОТРЕТЬ** комментарии сопровождают строки разных поэтов: ...*Он смотрит долго и любовно, И крепко руку жмет не раз, И молвит: «Поздравляю вас С побегом, Соня... Софья Львовна! Опять – на смертную борьбу!»* [о С. Л. Перовской и С. М. Степняке-Кравчинском] (Блок); *Дети, точно во сне, Точно на светлого мира видение, Восхищенные, смотрят большими глазами, Святыми от голода, Правде не верят.* [о голоде в Поволжье] (Хлебников); *Я смотрю, / и злость меня берет / на укrywшихся / за каменный фасад. / Я стремился / за 7000 верст вперед, / а приехал / на 7 лет назад.* [об Америке] (Маяковский); *Киями / вскопаны / воды холодные. / Смотрят / перископами / лодки подводные. / Плывут крейсера, / снаряды соря.* [об иностранной военной интервенции в России (1918–1921)] (Маяковский); *Я чувствовала смутный страх Пред этой девушкой воспетой. <...> И как могла я ей простить Восторг твоей хвалы влюбленной... Смотри, ей весело грустить, Такой*

нарядно обнаженной. [посв. Н. В. Недоброво] (Ахматова); *Ах, недаром лучше хлеба Жадным глазкам балаган. Темнокудрый мальчуган, Он недаром смотрит в небо!* [посв. С. Я. Эфрону] (Цветаева); *Пускай хоть в небе — Вера с нами. Смотри сквозь тучи: там она — Развернутое ветром знамя, Обетованная весна.* [посв. памяти В. Ф. Комиссаржевской] (Блок); *Прозрачно я смотрю вокруг И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль, Что ты одна, сестра и друг, Могла быть спутницей поэта.* [обращ. к А. Л. Миклашевской] (Есенин).

Частью зоны комментариев являются так называемые «послепометы» — пометы не к словам, а к целым контекстам (первые вводятся, как можно было видеть, в зону значения). Они маркируют сильные текстовые позиции — заглавия (используется помета *Загл.*, см. выше пример в статье **СИЗЫЙ**), подзаголовок (*Подзаг.*), эпиграфа (*Эпгрф.*), указывают на включение слова в речь персонажа (*РП*), в несобственно авторскую речь (*НАР*), на эмоционально-экспрессивную окраску контекстов, например, шутивную (*Шутл.*) или ироническую (*Ирон.*), на цитатный, аллюзийный характер поэтических строк (*Цит.*, *Аллюз.*) и т. д. Например, в статье **ТАЙНА** единичные контексты сопровождаются пометами *Загл.*, *Подзаг.*, *Цит.* и множество — пометой *РП*: [*Первый голос:*] *Что мне тайна кровавых цветов! Что мне лик господина — скажи! РП* (Блок); «Кто путь открыл, куда всем путь заказан, Тот должен стать достойным тайну знать. <...>» *РП* (Кузмин); [*Печальный леший* (с свирелью):] *Нега Снега, О, не у тех! В опаине клеста, В рядне снегиря Тайна утех. РП* (Хлебников); *Я помню — Она говорила: «Простите... Была не права... <...> Но вас Оскорбила случайно... Жестокость была мой суд... Была в том печальная тайна, Что страстью преступной зовут. <...>» РП* (Есенин).

Послепометы, выполняя свою основную функцию, дифференцируют типы контекстов, в которых один поэт или разные поэты используют конкретное слово. Изучение контекстов в таком аспекте может высветить новые стороны в поэтическом словоупотреблении.

Заключение

В «Словаре языка русской поэзии XX века» реализована новая модель авторского справочника — сводного контекстного словаря комментирующего типа. Принятая в нем структура словарной статьи, включающая обязательные и факультативные зоны, может быть использована при расширении состава описываемых поэтов. Ее легко применить (в существующем или в модифицированном виде) и к художественному наследию отдельных авторов⁹.

Интерес для пользователя СЯРП представляют прежде всего совокупности хронологически выстроенных контекстов, иллюстрирующих вокабулы Словаря. Они позволяют не только проследить «внешнюю» историю употребления слова, но и, по выражению Ю. Н. Караулова, «выявить и даже измерить степень самовитости» [Караулов 1999] слова, увидеть его контекстные и межконтекстные связи на фоне

⁹ Например, в «Словаре перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака» форма словарной статьи разработана с опорой на «Словарь языка русской поэзии XX века» [Хизниченко, Крюкова 2018].

общей картины поэтического словоупотребления эпохи. Детализации представления о слове способствуют и включаемые в СЯРП разные виды комментариев.

Последние два тома Словаря подготавливаются в соответствии с его общей концепцией. Вместе с тем составителям предстоит уточнить уже выработанные принципы описания слов по отношению к иноязычным вкраплениям, которые составляют весьма интересную часть общего лексикона выбранных поэтов. Единицы в иноязычной графике будут представлены отдельным блоком в десятом томе Словаря.

Литература

Григорьев В. П. Словарь языка русской советской поэзии: Проспект. Образцы словарных статей. Инструктивные материалы. М.: Наука, 1965. 223 с.

Григорьев В. П. (ред.). Поэт и слово. Опыт словаря / Под ред. В. П. Григорьева. М.: Наука, 1973. 455 с.

Григорьев В. П. Поэтика слова / Отв. ред. А. Д. Григорьева. М.: Наука, 1979. 343 с.

Григорьев В. П. Самовитое слово и его словарное представление // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53. № 4. С. 69–74.

Григорьев В. П. (ред.). Самовитое слово / Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А — А-ю-рей / Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Гик А. В., Колодяжная Л. И., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А., Шестакова Л. Л. М.: Русские словари, 1998. 156 с.

Григорьев В. П. (ред.). Информационно-поисковая система «Словари русской поэзии Серебряного века: Словарь имен собственных» / Сост. В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова [Электрон. ресурс]. 2008. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5369> (дата обращения: 15.09.2021).

Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2005. 448 с.

Караулов Ю. Н. [Рец.] «Самовитое слово. / Словарь русской поэзии XX века». Пробный выпуск: А — А-ю-рей. Сост.: Григорьев В. П. (отв. ред.), Гик А. В., Колодяжная Л. И., Реутт Т. Е., Фатеева Н. А., Шестакова Л. Л. Автор идеи Словаря, руководитель проекта и ответственный редактор выпуска В. П. Григорьев. М.: Русские словари, 1998 // Русистика сегодня. 1999. № 1–2. С. 158–163.

Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–VIII / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М.: Языки славянской культуры, 2001–2019–.

Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова, В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Л. И. Колодяжная, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М.: Языки славянской культуры, 2001. 896 с.

Хизниченко А. В., Крюкова Л. Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б. Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 44–57.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 463 с.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Редкие слова в поэзии Маяковского // Русский язык в школе. 2013. № 6. С. 63–68.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Слова редкого употребления в поэзии О. Мандельштама (из опыта наблюдений) // Русский язык в школе. 2016. № 3. С. 13–18, 53.

L. L. Shestakova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
lara.shestakova@mail.ru*

**“DICTIONARY OF THE XXTH CENTURY
RUSSIAN POETRY LANGUAGE”:
FROM THE TRIAL ISSUE TO VOLUME VIII**

The experience of describing the poetic language in the multivolume author “Dictionary of the XXth century Russian Poetry Language” is presented. The history of the creation of this lexicographic work, the model of the composite contextual dictionary of the commenting type implemented in it, the peculiarities of the vocabulary and the structure of the dictionary entry are considered. The possibilities of using of the dictionary materials in linguopoetic and other studies are also shown.

Keywords: author lexicography, poetic language, composite dictionary of poetic language, vocabulary, dictionary entry, context.

References

Grigor’ev V. P. *Slovar’ yazyka russkoi sovetskoi poezii: Prospekt. Obraztsy slovarnykh statei. Instruktivnye materialy.* [Dictionary of the Language of Russian Soviet Poetry: Prospect. Samples of dictionary entries. Instructional materials]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 223 p. (In Russ.)

Grigor’ev V. P. (ed.). *Poet i slovo. Opyt slovarya* [The poet and the word. Dictionary experience] / ed. by V. P. Grigor’ev. Moscow, Nauka Publ., 1973. 455 p.

Grigor’ev V. P. *Poetika slova* [Poetics of the word] / ed. by A. D. Grigor’eva. Moscow, Nauka Publ., 1979. 343 p. (In Russ.)

Grigor’ev V. P. [The self-word and its vocabulary representation]. *Izvestiya RAN. Ser. lit. i yaz.* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 1994, vol. 53, no. 4, pp. 69–74. (In Russ.)

Grigor’ev V. P. (ed.). *Samovitoe slovo / Slovar’ russkoi poezii XX veka. Probnii vypusk: A — A-yu-rei* [A self-written word / Dictionary of Russian Poetry of the 20th century. Trial issue: A — A-u-ray] / comp.: Grigor’ev V. P. (resp. ed.), Gik A. V.,

Kolodyazhnaya L. I., Reutt T. E., Fateeva N. A., Shestakova L. L. Moscow, “Russkie slovari” Publ., 1998. 156 p. (In Russ.)

Grigor’ev V. P. (red.). *Informatsionno-poiskovaya sistema “Slovari russkoi poezii Serebryanogo veka: Slovar’ imen sobstvennykh”* [Information retrieval system “Dictionaries of Russian Silver Age Poetry: A Dictionary of Proper Names”] / comp.: V. P. Grigor’ev, L. I. Kolodyazhnaya, L. L. Shestakova. 2008. Available at: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=5369> (accessed: 15.09.2021).

Grigor’ev V. P., Kolodyazhnaya L. I., Shestakova L. L. *Sobstvennoe imya v russkoi poezii XX veka: Slovar’ lichnykh imen* [A Proper Name in Russian Poetry of the 20th Century: A Dictionary of Personal Names]. Moscow: Azbukovnik Publishing Centre, 2005. 448 p. (In Russ.)

Karaulov Yu. N. [Review] “The Self-Helpful Word. / Dictionary of Russian Poetry of the 20th Century”. Trial issue: A — A-yu-ray. Compiled by: Grigoriev V. P. (ed.), Gik A. V., Kolodyazhnaya L. I., Reutt T. E., Fateeva N. A., Shestakova L. L. The author of the Dictionary idea, project manager and responsible editor of the issue is V. P. Grigoriev. Moscow: “Russian Dictionaries” Publ., 1998. *Rusistika segodnya* [Russian Language Studies Today]. 1999, no. 1–2, pp. 158–163. (In Russ.)

Slovar’ yazyka russkoi poezii XX veka [Dictionary of the XXth century Russian Poetry Language]. Vol. I–VIII– / Comp. by V. P. Grigor’ev (resp. ed.), L. L. Shestakova (resp. ed.), L. I. Kolodyazhnaya (ed.), A. S. Kuleva (ed.), V. V. Bakerkina, A. V. Gik, T. E. Reutt, N. A. Fateeva. Moscow: “Yazyki slavyanskoi kul’tury” Publ., 2001–2019–. (In Russ.)

Slovar’ yazyka russkoi poezii XX veka [Dictionary of the XXth century Russian Poetry Language]. Vol. I / Comp. by: V. P. Grigor’ev (resp. ed.), L. L. Shestakova, V. V. Bakerkina, A. V. Gik, L. I. Kolodyazhnaya, T. E. Reutt, N. A. Fateeva. Moscow: “Yazyki slavyanskoi kul’tury” Publ., 2001. 896 p. (In Russ.)

Khiznichenko A. V., Kryukova L. B. [The project of the dictionary of perceptual images of Pasternak’s poetry]. *Voprosy leksikografii*. 2018, no. 13, pp. 44–57. (In Russ.)

Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremenost’* [Russian Author Lexicography: Theory, History, Modernity]. Moscow: “Yazyki slavyanskikh kul’tur” Publ., 2011. 463 p. (In Russ.)

Shestakova L. L., Kuleva A. S. [Rare words in Mayakovsky’s poetry]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2013, no. 6, pp. 63–68. (In Russ.)

Shestakova L. L., Kuleva A. S. [Rare words in Mandelstam’s poetry (from observation experience)]. *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2016, no. 3, pp. 13–18, 53. (In Russ.)

II. СЛОВО И ЖЕСТ: ВОПРОСЫ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О. В. Федорова

МГУ имени М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

olga.fedorova@msu.ru

КООРДИНАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ГОВОРЯЩЕГО И СЛУШАЮЩЕГО В МОНОЛОГИЧЕСКОЙ БИМОДАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

В настоящей работе, выполненной в рамках бимодальной коммуникации, рассматривается окуломоторное поведение говорящего и слушающего в ходе монологической коммуникации. В работе Бавелас с коллегами (2002) был выявлен следующий паттерн окуломоторного поведения. В процессе монологического дискурса говорящий смотрит на слушающего относительно редко, а слушающий, наоборот, отвечает частыми взглядами. Когда их взгляды встречаются, возникает взаимный взгляд, или открывается глазное окно. Через некоторое, обычно небольшое, время слушающий подает говорящему маркер обратной связи, вскоре после чего говорящий закрывает глазное окно, отводя взгляд в сторону. Данный паттерн был выявлен Бавелас с коллегами в результате анализа видеозаписей, поэтому нуждался в проверке при помощи более точного метода регистрации движений глаз. В данной работе в результате качественного комплексного микроанализа одного монологического фрагмента записей корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» нам удалось подтвердить предложенный Бавелас паттерн, что еще раз демонстрирует важность изучения бимодальной коммуникации при помощи высокоточных методов окулографии.

Ключевые слова: бимодальная коммуникация, движения глаз, айтрекинг, фиксация, взгляд, зрительное внимание, монолог, маркер обратной связи.

1. Бимодальная лингвистика

Данная работа выполнена в русле бимодальной лингвистики. Бимодальная (мультимодальная, мультиканальная) лингвистика — это новое (и в то же время одно из старейших, см. ниже) направление исследований языка в широком смысле слова, которое изучает все реальное многообразие «живого» общения между людьми: слова, интонацию, жестикуляцию, направление взгляда. Термины «бимодальный» и «мультимодальный» опираются на принятое в психологии и нейрофизиологии

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00626).

понимание модальности как принадлежности ощущения или сигнала к определенной сенсорной системе. В настоящее время более других распространен термин «мультимодальный», однако корректнее говорить о «бимодальной» или «мультиканальной» лингвистике, так как в рамках этого направления в основном изучаются только две модальности (и множество каналов): вокальная (или слуховая, если смотреть со стороны слушающего) и кинетическая (или зрительная), а остальные, напр., обоняние или осязание, остаются за пределами рассмотрения. См., однако, работу [Mondada 2019], в которой наравне с этими двумя модальностями также изучается осязание. Вокальная модальность далее подразделяется на два канала — вербальный и просодический; кинетическая модальность (язык тела) имеет много каналов и сложную структуру, которая включает как динамический компонент — жесты лица, головы, рук и туловища, так и статический — выражение лица и позы, подробнее см. ниже. О «мультиканальности» см. [Кибрик 2018]; см. также работы сотрудников Когнитивной лаборатории полимодальной коммуникации МГЛУ под рук. А. Ченки.

В отличие от уникальных (письменных, основанных на вербальном канале) и унимодальных (речевых, основанных на вербальном и просодическом каналах, принадлежащих к вокальной модальности) исследований, имеющих более долгую историю, бимодальная лингвистика стала популярной только в XXI в.: см., среди многих других, работы [Kendon 2004; McNeill 2005; Adolphs, Carter 2013; Goldin-Meadow 2014; Müller et al. (eds.) 2013; Church et al. (eds.) 2017; Кибрик 2018].

Для современного бимодального подхода характерно представление о том, что в ходе естественной коммуникации собеседники одновременно обрабатывают информацию, поступающую из разных коммуникативных каналов, то есть и слова, и мимику, и жестикуляцию, и взгляды. Вся эта информация интегрируется в целостное представление о коммуникативной ситуации. Это представление отличается от доминирующих взглядов XX в., которые исходили из примата вербального канала. Корни этих взглядов уходят еще в античность; например, Квинтилиан, римский ритор I в. н. э., автор самого полного учебника ораторского искусства, дошедшего до нас из античности, писал: «А поелику Действие (лат. actio, прим. авторов), как я сказал, разделяется на две части, на голос (лат. vox) и телодвижение (лат. motum, позднее gestus), из которых первый действует на слух, а другое на зрение, чрез которые два чувства все страсти проникают в душу: то прежде будем говорить о голосе, к коему приспособляется и телодвижение» [Квинтилиан 1834: XI].

Более того, в работах последних лет обнаруживаются еще более тесные связи между слуховой и зрительной модальностями. В частности, в работе [Biau et al. 2016] авторы, проведя исследование при помощи метода функциональной магнитно-резонансной томографии, обнаружили, что жесты рук определенного типа, так называемые биты или ритмические жесты (beat), функционируют в естественной коммуникации как зрительная просодия (visual prosody) в дополнении к обычной речевой просодии (speech prosody), выделяя наиболее значимую информацию. Таким образом, для получения полной и объективной картины естественной бимодальной коммуникации необходимо изучение всей доступной собеседникам слуховой и зрительной информации.

Большая часть современных исследований естественной коммуникации посвящена изучению диалогической речи. Для традиционного унимодального подхода (метафорично называемого когнитивным сэндвичем, см. [Hurley 2008; Pickering, Garrod 2013], характерно четкое чередование этапов говорения (порождения речи) и слушания (понимания речи), однозначное распределение ролей и редкие наложения реплик; см., в частности, многочисленные работы, выполненные в парадигме анализа бытового диалога (см., напр., пионерскую работу [Sacks et al. 1974]). При бимодальном подходе эти понятия неизбежно становятся менее жесткими. В ходе коммуникации каждый коммуникант является одновременно как адресантом, так и адресатом сообщения, см. схему на рис. 1. Например, говорящий собеседник одновременно отслеживает кинетическую реакцию слушающего, обращая внимание на движения его головы или рук, а также направление его взгляда.

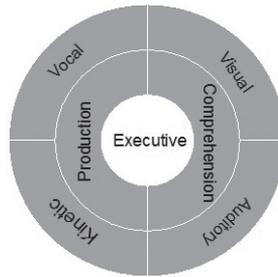

Рис. 1. Схема бимодальной коммуникации: собеседник как адресат и адресант

Посмотрим на схему на рис. 1 более внимательно; «солнечная» диаграмма (диаграмма «солнечные лучи», sunburst) подчеркивает одновременность ролей адресанта и адресата для каждого собеседника. Исполнитель (executive) — это центральный контролирующий компонент системы (ср. аналогичные компоненты в моделях из работ [Baddeley 2007; Levelt 1989; McNeill 1992]). Как и в других моделях когнитивной обработки, исполнитель контролирует процессы внимания и позволяет системе избирательно реагировать на одни стимулы и игнорировать другие. Когда мы говорим о процессе порождения речи (production), мы используем термины «вокальная» (vocal) и «кинетическая» (kinetic) модальности. Когда мы говорим о понимании речи (comprehension), мы используем термины «слуховая» (auditory) и «зрительная» (visual) модальности². Далее в настоящей работе мы будем использовать термины «вокальный» и «кинетический». Более подробно

² В более ранних бимодальных исследованиях часто использовались термины «вербальный» и «невербальный» (см., напр., [Горелов 1980; Крейдлин 2002]). Однако устная «словесная» коммуникация всегда включает не только слова, но и просодию, поэтому термин «вербальный» не точен. Что касается термина «невербальный», то в данном случае более важно, на наш взгляд, подчеркнуть, чем данная коммуникация является (кинетической, то есть связанной с движением, или зрительной, то есть связанной с восприятием посредством зрения), а не дать определение, отрицающее ее вербальный характер.

о переплетении (interweaving) механизмов порождения и понимания речи в бимодальной коммуникации см. работу [Kibrik, Fedorova 2018].

Рассмотрим теперь другую «солнечную» диаграмму, см. рис. 2. На ней более подробно с точки зрения порождения речи отмечены те вокальные и кинетические каналы, которые будут использованы в настоящей работе. Кроме вербального (Verb) и просодического (Pros) канала, которые не существуют один без другого в рамках вокальной модальности, мы будем различать четыре кинетических канала. Окуломоторный канал (Ocul) включает в себя саккады (быстрые перемещения глаз, средняя длительность 30–60 мс) и фиксации (относительно короткие остановки длительностью в среднем 200–500 мс, но бывает и в несколько раз длиннее). Мимический канал (Face) состоит из мимических поз (выражений лица) и мимических движений губ, глаз, носа и под. В цефалическом канале (канал движений головы, Ceph) и в мануальном канале (канал движений рук, Manu) жестовый поток также делится на периоды неподвижности и движения, которые в свою очередь подразделяются на жесты, смены поз и адапторы — физиологически мотивированные движения (self-adaptors [Ekman, Friesen 1969]).

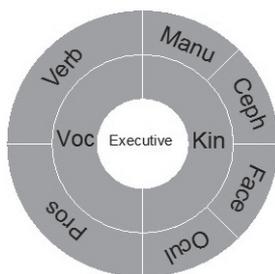

Рис. 2. Схема бимодальной коммуникации с точки зрения порождения речи

Настоящая работа посвящена анализу монологической речи. Мы покажем, что несмотря на то, что в анализируемом нами фрагменте не происходит чередования реплик, то есть в роли говорящего выступает один и тот же собеседник, вклад второго собеседника в бимодальную коммуникацию не менее важен и, в некотором смысле, даже более разнообразен.

2. Монологическая бимодальная коммуникация: роль слушающего

В отличие от большинства исследований монологической речи XX в. во многих современных исследованиях серьезное внимание уделяется роли слушающего, то есть, на первый взгляд, «пассивному» участнику коммуникации. В частности, в работе [Schober, Clark 1989] авторы описали два типа слушающих: адресата — такого слушающего, к которому говорящий обращается непосредственно и кто может реагировать и взаимодействовать с говорящим в диалоге, и остальных слушающих,

которые воспринимают информацию (через телевидение, радио, лекционные залы, судебные залы, парламенты), но не могут непосредственно взаимодействовать с говорящим, таких участников коммуникации Шобер и Кларк назвали «подслушивающими» (overhearers). В некоторых других работах подчеркивается активная роль слушающего, см., например, название книги Д. Найт “Multimodality and active listenership” [Knight 2011].

Рассмотрим более подробно Совместную модель Кларка, которая лежит в основе многих подобных исследований. Эта модель была впервые предложена Кларком и Уилкс-Гиббс в 1986 г. [Clark, Wilkes-Gibbs 1986], а затем получила дальнейшее развитие в двух книгах Кларка [Clark 1992, 1996]. Можно выделить четыре ключевых положения данной модели:

1. основой любого взаимодействия является принцип совместной активности (joint activity);
2. координация совместных действий собеседников достигается благодаря наличию у них общей позиции (common ground);
3. минимальное количество совместных усилий по добавлению новой информации к уже существующей у собеседников общей позиции (grounding) определяется ими в соответствии с совместно выработанным критерием (grounding criterion);
4. максимальное количество совместных усилий по добавлению новой информации к уже существующей у собеседников общей позиции определяется принципом минимальных совместных усилий (least collaborative efforts).

Согласно Кларку, любое речевое общение представляет собой совместную активность и состоит из последовательности коммуникативных актов, каждый из которых, в свою очередь, является совместным действием (joint action). По определению Кларка, совместное действие «осуществляется несколькими людьми, которые действуют в координации друг с другом» ([Clark 1996: 3], *перевод мой — О. Ф.*). Кларк подчеркивает, что совместные действия складываются из индивидуальных действий собеседников, которые, однако, для достижения поставленной коммуникативной цели должны осуществляться именно в координации.

Понятие общей позиции является одним из важнейших понятий модели Кларка, так как именно благодаря наличию этой «суммы общих (common), совместных (joint) и взаимных (mutual) знаний (knowledge), мнений (beliefs) и допущений (suppositions)» собеседники имеют возможность координировать свои совместные действия ([Clark 1996: 93], *перевод мой — О. Ф.*).

Обратимся теперь непосредственно к роли слушающего. Ключевым понятием данной работы будет понятие «маркер обратной связи» (backchannel), которое было введено Ингве в работе [Yngve 1970]. Ингве писал: «когда два человека вовлечены в разговор, они говорят, как правило, по очереди, но на самом деле они оба одновременно занимается и говорением, и слушанием благодаря тому, что я называю маркерами обратной связи» ([Yngve 1970: 568], *перевод мой — О. Ф.*). Кроме этого термина для обозначения похожих явлений использовались также и многие

другие, в том числе: “accompaniment signals” [Kendon 1967], “listener responses” [Dittman, Llewellyn 1968], “assent terms” [Schegloff 1972], “receipt tokens” [Heritage 1984], “hearer signals” [Bublitz 1988], “minimal responses” [Fellegly 1995], “reactive tokens” [Clancy et al. 1996].

Маркеры обратной связи включают как вокальный (в первую очередь, подтверждения *да, ага, угу* и под.), так и кинетические сигналы — кивки, улыбки и другую мимику. Гудвин разделил маркеры обратной связи на два типа: первые происходят в короткие паузы между словами говорящего, а вторые накладываются на его слова [Goodwin 1986]. С другой стороны, в работе [Bavelas et al. 2000] авторы разделили маркеры обратной связи на общие (*ага* или кивки) и специфические, при помощи которых слушающий реагирует на некоторый конкретный момент в повествовании, например, поднимает брови, удивляясь какой-то неожиданной подробности рассказа. Они показали также, что слушающий реагирует на повествование говорящего очень часто, каждые 3,5 секунды [Bavelas et al. 2000].

3. Бимодальная коммуникация: роль взглядов собеседников

Направление взгляда — еще одна важная составляющая бимодальной коммуникации, взгляды дают нам возможность исследовать зрительное внимание собеседников. Основы изучения распределения зрительного внимания в ходе естественного общения были заложены более 50 лет назад классиком невербальной коммуникации А. Кендоном в работе [Kendon 1967]. Проанализировав пятиминутное общение 7 пар испытуемых, Кендон заключил следующее.

1. Испытуемый чаще смотрит на собеседника, когда слушает его, чем когда сам говорит.
2. Фиксации на собеседнике длиннее, когда испытуемый молчит, чем когда говорит.
3. Когда испытуемый молчит, его фиксации на собеседнике длиннее, чем его фиксации в пространство.
4. Когда испытуемый говорит, его фиксации на собеседнике короче, чем фиксации в пространство.
5. Наблюдаются сильные индивидуальные различия. Так, испытуемые-слушатели фиксировали взгляд на собеседнике от 32% до 81% всего времени, а испытуемые-говорящие смотрели на собеседника от 20% до 68% всего времени [Kendon 1967].

Эти результаты, однако, были получены методом кинорегистрации с частотой 2 к/с. В рамках проекта «Язык как он есть» (подробнее см. раздел 4 ниже) при помощи технологии айтрекинга были получены более точные данные с частотой 50 к/с.

Большой вклад в изучение распределения зрительного внимания в бимодальной коммуникации внесли работы известной канадской исследовательницы Дж. Бавелас, которая также с 1967 г. занимается этой проблематикой [Watzlawick et al. 1967]. В своих работах Бавелас вводит понятие, на которое мы будем опираться в данном исследовании — так называемый «взаимный взгляд» (*mutual*

gaze), когда собеседники (в самом простом случае, два собеседника — говорящий и слушающий) смотрят друг на друга. Такие моменты регулярно возникают в ходе как диалогической, так и монологической коммуникации. Синонимичный термин, который Бавелас использует, когда делает акцент на динамике окуломоторного взаимодействия — «глазное окно» (gaze window). Глазное окно открывается, когда взгляды собеседников встречаются, и закрывается, когда один из них отводит взгляд в сторону [Bavelas et al. 2002]. Бавелас отмечает, что взаимный взгляд часто случается в ситуации смены реплик в диалоге.

Более подробно вопрос о чередовании реплик в диалоге с точки зрения взглядов собеседников был описан в главе «Грамматика взгляда» в монографии Е. А. Гришиной [Гришина 2017]. В ней автор представила исследование направления взгляда собеседников на границах реплик, анализируя кинокомедии «Бриллиантовая рука» Гайдая (1968) и «День выборов» Фомина (2007). Выборка включала 527 случаев, когда очередь хода переходит от говорящего к слушающему и 538 случаев — от слушающего к говорящему; все рассмотренные случаи включали речь только двух персонажей. Е. А. Гришина обнаружила существенные отличия в распределении взглядов говорящего и слушающего при переходе реплики. В частности, оказалось, что если говорящий обращается непосредственно к слушающему (так называемый «провоцирующий взгляд»), то на границе реплики он смотрит на собеседника, контролируя процесс передачи реплики. Если же говорящий осуществляет нейтральный речевой акт, не требующий от собеседника немедленной реакции, его взгляд обычно направлен не на слушающего, а в пространство [Гришина 2017].

Наиболее значимыми для настоящей работы представляются исследования Бавелас с коллегами, выполненные при анализе монологической речи [Bavelas, Chovil 2000; Bavelas et al. 2002; Bavelas, Gerwing 2011]. В самых общих чертах паттерн, введенный в этих работах, выглядит следующим образом. В процессе монологического дискурса говорящий смотрит на слушающего относительно редко, а слушающий, наоборот, отвечает частыми взглядами. Когда их взгляды встречаются, возникает взаимный взгляд, или глазное окно. Через определенное время слушающий подает тот или иной сигнал обратной связи, вскоре после чего говорящий закрывает глазное окно, отводя взгляд в сторону [Bavelas et al. 2002].

В данной работе мы проверим этот паттерн на небольшом фрагменте из корпуса бимодальной коммуникации «Рассказы и разговоры о грушах», проведя микроанализ одного монолога, см. раздел 4.

4. Микроанализ одного монолога

4.1. Корпус «Рассказы и разговоры о грушах»

В ходе работы проекта «Язык как он есть» (см. сайт <https://multidiscourse.ru>) был создан корпус «Рассказы и разговоры о грушах», включающий 40 записей длительностью 15 ч. При сборе материала были использованы шестиканальный рекордер Zoom, промышленные видеокамеры Jai с частотой 100 к/с, видеокамера

общего плана GoPro с частотой 50 к/с и две пары очков-айтрекеров Tobii Glasses II с частотой 50 Гц.

Для сбора данных была разработана оригинальная методика. В каждой записи принимали участие четыре человека с заранее распределенными ролями. Три участника — Рассказчик, Комментатор и Пересказчик — участвовали в основной части записи, последний — Слушатель — присоединялся в конце. Сначала Рассказчик и Комментатор смотрели «Фильм о грушах» У. Чейфа [Chafe (ed.) 1980] и старались его запомнить. Затем к ним присоединялся Пересказчик. Задача Рассказчика состояла в том, чтобы рассказать сюжет фильма Пересказчику, это был этап рассказа в режиме монолога. Следующий этап разговора происходил в режиме диалога: Комментатор дополнял рассказ Рассказчика, а Пересказчик уточнял у обоих детали. Наконец, на этапе пересказа Пересказчик опять в режиме монолога пересказывал сюжет фильма Слушателю. После этого Слушатель записывал услышанный пересказ. Таким образом, задача каждого участника состояла в том, чтобы максимально понятно донести до других полученную информацию, минимизировав эффект «испорченного телефона».

Аннотирование осуществлялось по всем основным каналам, включая вербальный, просодический, окуломоторный, мимический, цефалический и мануальный. Вокальная аннотация в программе PRAAT (www.fon.hum.uva.nl/praat) состояла в членении речевого потока на значимые фрагменты (элементарные дискурсивные единицы (ЭДЕ), слова, (не)заполненные паузы), а также в приписывании свойств ЭДЕ и отдельным их частям (основы этого подхода см. в [Кибрик, Подлеская (ред.) 2009]). В ходе окуломоторного аннотирования был произведен экспорт данных на видеосцену и с помощью программы Tobii Analyzer извлечены данные о временной развертке фиксации, на которые потом в ручном режиме была наложена аннотационная схема (подробнее см. [Федорова 2019]). Для мимической, цефалической и мануальной аннотации были разработаны новые аннотационные схемы в программе ELAN (<https://tla.mpi.nl/tools/tla-tools/elan/>), подробнее см. на сайте проекта <https://multidiscourse.ru/annotation/>. При аннотировании были использованы следующие медиафайлы: аудиофайлы в формате wav с параметрами записи 48 kHz / 16 bit; видеофайлы в формате mjpeg (разрешение 1024×736, частота 100 к/с) с фронтальным планом каждого из основных собеседников, см. рис. 4 и 5, левая картинка; видеофайлы в формате mjpeg (разрешение 1024×576, частота 50 к/с) с общим планом всех собеседников, см. рис. 3; видеофайлы с очков-айтрекеров в формате mp4 (разрешение 1024×576, частота 25 к/с), см. рис. 4 и 5, правая картинка.

4.2. Распределение зрительного внимания в корпусе «Рассказы и разговоры о грушах»

Распределение зрительного внимания собеседников в монологической и диалогической речи мы рассмотрим на материале эталонного подкорпуса «Рассказов и разговоров о грушах», который состоит из трех записей (№№ 04, 22 и 23) общей длительностью около 1 ч. Распределение длительностей записей по этапам представлено в табл. 1.

Таблица 1. Распределение записей эталонного подкорпуса по длительности этапов

№	запись целиком	рассказ	разговор	пересказ
04	24:36.240	05:22.640 (21,9%)	12:37.920 (51,3%)	06:35.680 (26,8%)
22	18:04.960	03:37.960 (20,1%)	08:48.280 (48,7%)	05:38.700 (31,2%)
23	16:26.520	03:52.400 (23,5%)	07:41.240 (46,8%)	04:52.880 (29,7%)

Как можно видеть из табл. 1, несмотря на то, что мы не устанавливали для испытуемых временных ограничений, распределение записей по длительности этапов очень похоже между собой: на первый этап рассказа приходится около 20% от времени всей записи, на этап разговора — примерно 50%, а на этап пересказа — 30%.

Очки-айтрекеры были надеты на двух основных участников коммуникации — Рассказчика и Пересказчика. Ниже в табл. 2 и 3 представлено распределение зрительного внимания этих двух участников по трем записям эталонного подкорпуса.

Таблица 2. Распределение зрительного внимания Рассказчика по этапам, приведены данные анализа суммарной длительности фиксаций, в %

Фиксации на / Этап		Пересказчик	Комментатор	Окружение (включая Слушателя)
Рассказ	№ 04	61	0	39
	№ 22	21	0	79
	№ 23	72	0	28
Разговор	№ 04	68	5	27
	№ 22	34	56	10
	№ 23	21	57	22
Пересказ	№ 04	91	0	9
	№ 22	99	0	1
	№ 23	82	0	18

Таблица 3. Распределение зрительного внимания Пересказчика по этапам, приведены данные анализа суммарной длительности фиксаций, в %

Фиксации на / Этап		Рассказчик	Комментатор	Окружение / Слушатель
Рассказ	№ 04	98	1	1
	№ 22	100	0	0
	№ 23	95	1	4
Разговор	№ 04	47	40	13
	№ 22	41	59	0
	№ 23	45	48	7
Пересказ	№ 04	0	0	47 / 53
	№ 22	2	0	38 / 60
	№ 23	4	1	61 / 32

Приведенные цифры в целом подтверждают данные из работы Кендона [Kendon 1967] и также демонстрируют большие индивидуальные различия между испытуемыми. Так, например, Рассказчик записи № 23 на этапе рассказа смотрел на Пересказчика 72% всего времени, а Рассказчик записи № 22 — всего лишь 21%. Однако были выявлены и некоторые общие закономерности, в том числе:

1. Рассказчик чаще смотрит на собеседника, когда слушает его, чем когда сам говорит;
2. независимо от степени вовлеченности Комментатора в процесс обсуждения, фиксации на его лице короче, чем фиксации на лице Пересказчика;
3. на этапе пересказа Рассказчик большую часть времени смотрит на Пересказчика, подробнее о закономерностях см. [Федорова, Жердев 2019].

4.3. Координация взглядов говорящего и слушающего в монологической речи

В качестве образцового фрагмента для микроанализа мы взяли этап рассказа записи № 22, см. на рис. 3 скриншот фрагмента видеозаписи с камеры общего плана (Рассказчик сидит справа в глубине, Пересказчик слева, Комментатор справа на переднем плане). Длительность фрагмента составила 3 мин 38 с (или 188 с). Напомним, что на этом этапе задача Рассказчика состоит в том, чтобы донести до Пересказчика основное содержание фильма о грушах; мы анализируем вокальную (слова и интонацию) и кинетическую (мимику, жестикуляцию и взгляды) составляющие его речи. Пересказчик, являясь не пассивным слушателем, а активным адресатом, вносит свой вклад при помощи разнообразных маркеров обратной связи³.

Рис. 3. Видео с камеры общего плана, запись №22; 27-я секунда этапа рассказа

³ Вокальная аннотация фрагмента была подготовлена Н. А. Коротаяевым и В. И. Подлеской, мануальная аннотация — А. О. Литвиненко и Ю. В. Николаевой, см. сайт проекта <https://multidiscourse.ru/annotation/>. Мимическая и цефалическая аннотации были подготовлены автором настоящей статьи. О подготовке окуломоторной аннотации см. ниже. Необходимо подчеркнуть, что все аннотации были выполнены независимо друг от друга, то есть кинетические аннотации были произведены с выключенным звуком, а вокальная аннотация — без опоры на видеоряд. Таким образом мы избегаем порочного круга в дальнейшей интерпретации бимодального поведения собеседников.

Как можно видеть из табл. 2, на этом этапе Рассказчик смотрел на лицо Пересказчика 21% от длительности всех фиксаций, а остальное время смотрел на окружение. Пересказчик (см. табл. 3) все 100% времени смотрел на говорящего Рассказчика; подавляющее большинство фиксаций Пересказчика приходились на лицо собеседника; суммарное время фиксаций на руки составляет меньше 1 с, так что мы можем считать, что в этом фрагменте Пересказчик постоянно смотрел на лицо Рассказчика. Таким образом, взаимные взгляды (и, соответственно, глазное окно) Рассказчика и Пересказчика составили 21% от всех остальных фиксаций.

В приведенных выше табл. 2 и 3 единицей окулоmotorной активности мы считали фиксации — наиболее простую и однозначную метрику. Однако исследования последних двух десятилетий показывают, что часто анализ количества и/или продолжительности взглядов — последовательности фиксаций и саккад, находящихся в одной области интереса — оказывается более значимым, чем анализ количества и/или продолжительности отдельных фиксаций, подробнее об этом см. [Федорова 2019]. Считается, что именно информация о направлении взгляда собеседников дает нам информацию о распределении их зрительного внимания [Smith, Schenk 2012]. По этой причине мы переаннотировали существующую разметку фиксаций Рассказчика № 22, объединив в один взгляд фиксации и саккады, направленные в одну область интереса. В результате вместо 301 фиксации Рассказчика мы получили 46 взглядов — 23 взгляда на лицо Пересказчика и 23 взгляда на окружение⁴. Таким образом, предметом нашего дальнейшего микроанализа будет 23 взаимных взгляда, или глазных окна, между Рассказчиком и Пересказчиком.

Проводя микроанализ этого фрагмента, мы постараемся найти ответы на следующие вопросы.

1. Как часто в этом фрагменте встречаются маркеры обратной связи?
2. Как часто маркер обратной связи приходится на глазное окно?
3. Как часто Пересказчик, находясь в глазном окне, использует маркер обратной связи?
4. Как часто взаимодействие собеседников в глазном окне развивается по «классическому» сценарию Бавелас, то есть вскоре после получения маркера обратной связи Рассказчик закрывает глазное окно, отводя взгляд в сторону?

Распределение маркеров обратной связи в этом фрагменте см. в табл. 4. Всего в этом фрагменте встретилось 16 маркеров обратной связи; в трех случаях Пересказчик реагировал двухканальным маркером обратной связи, одновременно говоря *угу* и кивая или кивая и улыбаясь; в среднем Пересказчик подавал Рассказчику маркеры обратной связи 1 раз в 12 с, однако распределение маркеров по рассказу было неравномерным. Большинство маркеров обратной связи Пересказчика — 14 из 16 —

⁴ Пересчет фиксаций Пересказчика не имеет смысла, так как все его фиксации были направлены на лицо Рассказчика.

были общими (по терминологии Бавелас) и только 2 — специфическими, когда Пересказчик улыбкой реагировал на конкретный момент в повествовании.

Таблица 4. Распределение маркеров обратной связи Пересказчика в данном фрагменте

Канал	цеф.	мим.	вок.	цеф. + вок.	цеф. + мим.	всего
Тип	кивок	улыб.	<i>ага</i>	кивок + угу	кивок + улыб.	
Все маркеры	8	4	1	1	2	16
Общие маркеры	8	2	1	1	2	14
«Классические» случаи	7	0	0	1	2	10

Два специфических маркера обратной связи пришлись на те моменты рассказа, когда Рассказчик не смотрел на Пересказчика. Все 14 общих маркеров обратной связи по времени пришлись именно на моменты взаимного взгляда, причем в 10 из 14 случаев мы действительно наблюдаем «классический» сценарий, при котором через некоторое время после открытия глазного окна Пересказчик отвечает Рассказчику маркером обратной связи, вскоре после чего Рассказчик отводит взгляд в сторону.

Рассмотрим два характерных примера, в обоих в качестве маркеров обратной связи будут представлены наиболее частотные кивки. В вокальном транскрипте (1) Рассказчик описывает момент, когда садовник на дереве собирает груши:

(1) ⁵	время	ЭДЕ	транскрипт
	26.92	N-vE019	(\вот,)
	27.29	N-vE020	и он с такой –с-силой-й ==
	28.48	N-vE021	–↓чувствуется,
	28.94	N-vE022	что груши /крепкие,
	29.87	N-vE023	он их с \силой отрывает.
	31.17	N-vN007	(ц 0.36)
	31.53	N-vE024	/–И-и потом кладёт в такие б= /глубокие \корзины.

⁵ Условные обозначения в этом и следующем вокальных примерах. Время дается в секундах с точностью до сотых долей. Во второй колонке пронумерованы отдельно ЭДЕ, отдельно паузы между ЭДЕ. В третьей колонке приводится транскрипт. В скобках указывается время пауз хезитации, как заполненных, так и незаполненных; знаком ц обозначен шумный вдох; знаком э — пауза, заполненная эканьем. Знаком равенства = обозначен обрыв слова; двойным знаком равенства == обозначен «сильный фальстарт» (точка прерывания при самоисправлении на границе ЭДЕ); || обозначен «слабый фальстарт» (точка прерывания при самоисправлении внутри ЭДЕ); знаками /, \, — и ∨ обозначены движения тона; знаками ↑ и ↓ обозначены коммуникативно значимые движения тона вне ударного слога акцентированного слова; подчеркиванием выделяется ударный гласный акцентированного слова; через дефис обозначена удлинённая реализация фонем; серым цветом выделяется редуцированное произношение; знаком ³ обозначен гласный призвук в конце слова.

В (2) можно видеть окулomotorный транскрипт этого фрагмента с аннотацией маркеров обратной связи:

(2) ⁶	№ фикс.	время	длит.	на кого	на что	№ взгляда	тип	комм.
	48	24.784	220	Surround.	Surround.			
	49	27.384	280	R	Face	9		
	50	27.684	220	R	Face			
	51	27.944	140	R	Face			
	52	28.104	2940	R	Face		кивок	классика
	53	31.163	700	Surround.	Surround.	10		

На рис. 4 изображен скриншот этого глазного окна из программы ELAN:

Рис. 4. Скриншот глазного окна из программы ELAN для примера 1⁷

Как можно видеть на этих иллюстрациях, глазное окно открывается на 49-й фиксации на 27-й секунде рассказа (глазное окно выделено серой заливкой в (1) и (2)); в этот момент Рассказчик произносит слова *и он с такой –с-силой-й* ==. Глазное окно держится четыре фиксации; во второй половине четвертой фиксации Пересказчик кивает, это хорошо видно на рис. 4, на котором кивок отмечен серой заливкой. Как только Рассказчик видит кивок Пересказчика, он отводит взгляд в сторону, одновременно делая небольшую паузу в 360 мс в своем повествовании.

⁶ Условные обозначения в этом и следующем окулomotorных примерах. Время дается в секундах с точностью до тысячных долей. Длительность указана в мс. Surround. в аннотационной схеме обозначает окружение, R — Пересказчика, Face — лицо.

⁷ Условные обозначения на этом и следующем рисунках. В данном случае аннотирование происходило с использованием двух видеофайлов: видео фронтального плана Пересказчика (слева) и айтрекерного видео Рассказчика с наложенным движением взгляда в виде небольшой окружности (справа). Была использована окулomotorная аннотация с добавлением маркеров обратной связи. Other соответствует Surround.

Рассмотрим второй пример, в котором короткие глазные окна открываются быстро друг за другом. В вокальном транскрипте этот фрагмент выглядит таким образом:

(3)	время	ЭДЕ	транскрипт
	117.63	N-vE080	(ə 0.14) (\vот,)
	118.06	N-vE081	они едут навстречу друг /другу,
	119.72	N-vE082	и когда они-и ⁹ значит с= \ну-у (0.39) п= /равняются,
	123.22	N-vE083	(\как ↑бы,)
	123.62	N-vE084	он \↑оборачивается,
	124.48	N-vE085	(на \неё,)
	125.00	N-vE086	и у /него падает \шляпа.
	126.24	N-vN026	(ц 0.47)
126.71	N-vE087	Из-за того что он /оборачивается,	

Окуломоторный транскрипт этого фрагмента представлен в (4):

(4)	№ фикс.	время	длит.	на кого	на что	№ взгляда	тип	комм.
	173	122.900	980	Surround.	Surround.			
	174	123.960	820	R	Face	31	кивок	классика
	175	125.000	460	Surround.	Surround.	32		
	176	125.540	840	R	Face	33	кивок	классика
	177	126.520	220	Surround.	Surround.	34		

На рис. 5 изображен скриншот из программы ELAN этого глазного окна:

Рис. 5. Скриншот глазного окна из программы ELAN для примера 2

Во втором фрагменте Рассказчик описывает встречу на дороге мальчика и девочки, которые едут на велосипедах навстречу друг другу, мальчик теряет шляпу и падает, см. вокальный транскрипт в (3). В конце 123-й секунды Рассказчик переводит взгляд на Пересказчика, начиная говорить *на* \неё, Пересказчик тут же кивает в ответ и Рассказчик отводит взгляд в сторону. В середине следующей ЭДЕ *и у* /него *падает* \шляпа Рассказчик опять открывает глазное окно и уже через 300 мс после этого Пересказчик опять кивает в ответ (этот момент обозначен на рис. 5 серой заливкой), сразу после чего Рассказчик закрывает глазное окно и одновременно делает паузу в 470 мс в повествовании.

Заключение

В настоящей работе, выполненной в рамках бимодальной коммуникации, мы рассмотрели окуломоторное поведение говорящего и слушающего в ходе монологической коммуникации. Основная идея данного исследования состояла в том, чтобы проверить выводы Бавелас о существовании определенного окуломоторного паттерна поведения собеседников в монологическом общении. Данный паттерн был выявлен Бавелас (в частности, в работе [Bavelas et al. 2002]) на основе анализа видеозаписей, поэтому нуждался в подтверждении более точным методом регистрации движений глаз собеседников.

Данный паттерн состоит в следующем. В процессе монологического дискурса говорящий смотрит на слушающего относительно редко, а слушающий, наоборот, отвечает частыми взглядами. Когда их взгляды встречаются, возникает взаимный взгляд, или открывается глазное окно. Через некоторое, обычно небольшое, время слушающий подает говорящему маркер обратной связи, вскоре после чего говорящий закрывает глазное окно, отводя взгляд в сторону [Bavelas et al. 2002].

В данной работе в результате качественного микроанализа одного монологического фрагмента записей корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» нам удалось подтвердить предложенный Бавелас паттерн окуломоторного поведения собеседников. В этом фрагменте у Пересказчика встретилось 16 маркеров обратной связи (в среднем 1 раз в 12 с), из них два специфических и 14 общих. Большинство маркеров обратной связи были представлены кивками; кроме кивков встретились вокальные подтверждения *ага* и *угу*, а также улыбки. Все общие маркеры обратной связи пришлись именно на моменты взаимного взгляда, причем в 10 из 14 случаев мы наблюдаем «классический» сценарий Бавелас, при котором вскоре после открытия глазного окна Пересказчик отвечает Рассказчику маркером обратной связи, после чего Рассказчик сразу отводит взгляд в сторону.

Настоящий анализ еще раз показывает, что бимодальная коммуникация устроена не случайным образом, а подчиняется определенным закономерностям, которые почти не знают исключений. Разумеется, проведенный качественный анализ небольшого фрагмента не является достаточным для фундаментальных выводов, он должен быть в будущем подкреплён количественным анализом, выполненным на материале большого бимодального корпуса.

Литература

- Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: Наука, 1980.
- Гришина Е. А. Русская жестикация с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: ЯСК, 2017.
- Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. № 39(1). С. 70–80.
- Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: ЯСК, 2009.
- Крейдли Г. Е. Невербальная семиотика. М.: НЛЮ, 2002.
- Квинтилиан Марк Фабий. Марка Фабия Квинтилиана Двенадцать книг риторических наставлений / Пер. с лат. А. Никольского. Ч. 2. Санкт-Петербург, 1834.
- Федорова О. В. О коммуникативной функции взгляда // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2019. Вып. 21. С. 222–241.
- Федорова О. В., Жердев И. Ю. Следы за руками собеседника (о стратегиях распределения зрительного внимания) // Экспериментальная психология. 2019. № 12 (1). С. 98–118.
- Adolphs S., Carter R. Spoken corpus linguistics: From monomodal to multimodal. N.-Y.: Routledge, 2013.
- Baddeley A. D. Working memory, thought, and action. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Bavelas J. B., Coates L., Johnson T. Listener responses as a collaborative process: The role of gaze // Journal of Communication. 2002. 52. P. 566–580.
- Bavelas J. B., Gerwing J. The listener as addressee in face-to-face dialogue // International Journal of Listening. 2011. 25 (3). P. 178–198.
- Bavelas J. B., Chovil N. Visible acts of meaning: An integrated message model of language in face-to-face dialogue // Journal of Language and Social Psychology. 2000. 19. P. 163–194.
- Biau E., Moris Fernández L., Holle H., Avila C., Soto-Faraco S. 2016. Hand gestures as visual prosody: BOLD responses to audio-visual alignment are modulated by the communicative nature of the stimuli // Neuroimage 2016. 132. P. 29–137.
- Bublitz W. Supportive fellow-speakers and cooperative conversations. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Chafe W. (ed.). The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production. Norwood, 1980.
- Church R. B., Alibali M. W., Kelly S. D. (eds.) Why gesture? How the hands function in speaking, thinking and communicating. Amsterdam: John Benjamins, 2017.
- Clancy P. M., Thompson S., Suzuki R., Tao H. The conversational use of reactive tokens in English, Japanese and Mandarin // Journal of Pragmatics. 1996. 26. P. 355–387.
- Clark H. H., Wilkes-Gibbs D. Referring as a collaborative process // Cognition. 1986. 22 (1). P. 1–39.
- Clark H. H. Arenas of language use. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Clark H. H. Using language. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Dittman A., Llewellyn L. Relationships between vocalizations and head nods as listener responses // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968. 9. P. 79–84.

Ekman F., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding // *Semiotica*. 1969. 1 (1). P. 49–98.

Fellegy A. M. Patterns and functions of minimal response // *American Speech*. 1995. 70 (2). P. 186–199.

Goldin-Meadow S. Widening the lens: What the manual modality reveals about language, learning, and cognition // *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2014. 369.

Goodwin C. Between and within: Alternative sequential treatments of continuers and assessments // *Human Studies*. 1986. 9. P. 205–217.

Heritage J. A change-of-state token and aspects of its sequential placement // J. M. Atkinson, J. Heritage (eds.) *Structures of social interaction: Studies in conversation analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. P. 299–345.

Hurley S. The shared circuits model (SCM): How control, mirroring, and simulation can enable imitation, deliberation, and mindreading // *Behavioral and Brain Sciences*. 2008. 31 (01). P. 1–22.

Kendon A. *Gesture. Visible action as utterance*. Cambridge, 2004.

Kendon A. Some functions of gaze-direction in social interaction // *Acta Psychologica*. 1967. 26. P. 22–63.

Kibrik A. A., Fedorova O. V. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // *Психология. Журнала Высшей школы экономики*. 2018. 15 (2). P. 191–200.

Knight D. *Multimodality and active listenership: A corpus approach*. London: Bloomsbury, 2011.

Levelt W. J. M. *Speaking: From intention to articulation*. MIT Press, 1989.

McNeill D. *Gesture and thought*. Chicago, 2005.

McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Mondada L. Contemporary issues in conversation analysis: Embodiment and materiality, multimodality and multisensoriality in social interaction // *Journal of Pragmatics*. 2019. 145. P. 47–62.

Müller C., Fricke E., Cienki A., McNeill D. (eds.) *Body — Language — Communication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.

Pickering M. J., Garrod S. An integrated theory of language production and comprehension // *Behavioral and Brain Sciences*. 2013. 36 (04). P. 329–347.

Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation // *Language*. 1974. 50. P. 696–735.

Schober M. F., Clark H. H. Understanding by addressees and overhearers. *Cognitive psychology*. 1989. 21, P. 211–232.

Schegloff E. Notes on a conversational practice: formulating place // D. N. Sudnow (ed.) *Studies in social interaction*. New York: Free Press, 1972.

Smith D. T., Schenk T. The premotor theory of attention: time to move on? // *Neuropsychologia*. 2012. 50. P. 1104–1114.

Watzlawick P., Beavin J. (Bavelas), Jackson D. D. *Pragmatics of Human Communication*. A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes. New York: Norton, 1967.

Yngve V. H. On getting a word in edgewise // *Papers from the Sixth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 1970. P. 567–577.

Olga Fedorova

M. V. Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

olga.fedorova@msu.ru

A SPEAKER AND LISTENER GAZE COORDINATION IN MONOLOGICAL BIMODAL COMMUNICATION

This paper, written in the framework of bimodal communication, describes the oculomotor behavior of the speaker and listener during monologue communication. In the Bavelas and colleagues' paper (2002), the following pattern of oculomotor behavior was proposed. In the process of monologue discourse, the speaker looks at the listener relatively rarely, and the listener, on the contrary, responds with frequent gazes. When their eyes meet, there is a mutual gaze, and a gaze window opens. After some — usually a short — time, the listener gives the speaker a backchannel marker, shortly after which the speaker closes the gaze window and looks away. This pattern was identified by Bavelas and colleagues as a result of analyzing video recordings, so it needed to be verified using a more accurate method of eyetracking. In this paper, as a result of performing a qualitative complex microanalysis of a monologue fragment of the corpus “Russian Pear Chats and Stories” recordings, we confirmed the pattern proposed by Bavelas, which once again demonstrates the importance of studying bimodal communication with the help of the eyetracking methodology.

Keywords: bimodal communication, eye movements, eyetracking, fixation, gaze, visual attention, monologue, backchannel marker.

References

Adolphs S., Carter R. *Spoken corpus linguistics: From monomodal to multimodal*. N.-Y.: Routledge, 2013.

Baddeley A. D. *Working memory, thought, and action*. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Bavelas J. B., Coates L., Johnson T. Listener responses as a collaborative process: The role of gaze. *Journal of Communication*. 2002, no. 52, pp. 566–580.

Bavelas J. B., Gerwing J. The listener as addressee in face-to-face dialogue. *International Journal of Listening*. 2011, no. 25 (3), pp. 178–198.

Bavelas J. B., Chovil N. Visible acts of meaning: An integrated message model of language in face-to-face dialogue. *Journal of Language and Social Psychology*. 2000, no. 19, pp. 163–194.

Biau E., Morís Fernández L., Holle H., Avila C., Soto-Faraco S. Hand gestures as visual prosody: BOLD responses to audio-visual alignment are modulated by the communicative nature of the stimuli. *Neuroimage*. 2016, no. 132, pp. 29–137.

Bublitz W. *Supportive fellow-speakers and cooperative conversations*. Amsterdam: John Benjamins, 1988, 308 p.

Chafe W. (ed.). *The pear stories: Cognitive, cultural, and linguistic aspects of narrative production*. Norwood, 1980, 323 p.

Church R. B., Alibali M. W., Kelly S. D. (eds.) *Why gesture? How the hands function in speaking, thinking and communicating*. Amsterdam: John Benjamins, 2017.

Clancy P. M., Thompson S., Suzuki R., Tao H. The conversational use of reactive tokens in English, Japanese and Mandarin. *Journal of Pragmatics*. 1996, no. 26, pp. 355–387.

Clark H. H., Wilkes-Gibbs D. Referring as a collaborative process. *Cognition*. 1986, no. 22 (1), pp. 1–39.

Clark H. H. *Arenas of language use*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Clark H. H. *Using language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

Dittman A., Llewellyn L. Relationships between vocalizations and head nods as listener responses. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1968, no. 9, pp. 79–84.

Ekman F., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding. *Semiotica*. 1969, no. 1 (1), pp. 49–98.

Fedorova O. V. [On the communicative function of the gaze] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute]. 2019, no. 21, pp. 222–241. (In Russ.).

Fedorova O. V., Zherdev I. Yu. [Watch the hands of the interlocutor (about strategies for distributing visual attention)] // *Ekspierimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. 2019, no. 12 (1), pp. 98–118. (In Russ.).

Fellego A. M. Patterns and functions of minimal response. *American Speech*. 1995, no. 70 (2), pp. 186–199.

Goldin-Meadow S. Widening the lens: What the manual modality reveals about language, learning, and cognition. *Philosophical Transactions of the Royal society*. 2014, 369.

Goodwin C. Between and within: Alternative sequential treatments of continuers and assessments. *Human Studies*. 1986, no. 9, pp. 205–217.

Gorelov I. N. *Neverbal'nye komponenty kommunikatsii* [Nonverbal components of communication.]. Moscow, “Nauka” Publ., 1980. (In Russ.)

Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya (korpusnye issledovaniya)* [Russian gestures from a linguistic perspective: A collection of corpus studies]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2017, 744 p. (In Russ.)

Heritage J. A change-of-state token and aspects of its sequential placement // J. M. Atkinson, J. Heritage (eds.) *Structures of social interaction: Studies in conversation analysis*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984, pp. 299–345.

Hurley S. The shared circuits model (SCM): How control, mirroring, and simulation can enable imitation, deliberation, and mindreading. *Behavioral and Brain Sciences*. 2008, no. 31 (01), pp. 1–22.

Kendon A. *Gesture. Visible action as utterance*. Cambridge, 2004.

Kendon A. Some functions of gaze-direction in social interaction // *Acta Psychologica*. 1967. 26. P. 22–63.

Kibrik A. A. [Russian multichannel discourse. Part I. Statement of the problem] // *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. 2018, no. 39 (1), pp. 70–80. (In Russ.)

Kibrik A. A., Fedorova O. V. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. [Psychology. Journal of the Higher School of Economics.]. 2018, no. 15 (2), pp. 191–200.

Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about dreams: a corpus study of oral Russian discourse.]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2009. (In Russ.)

Knight D. *Multimodality and active listenership: A corpus approach*. London: Bloomsbury, 2011.

Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika* [Nonverbal semiotics]. Moscow, NLO Publ., 2002. (In Russ.)

Kvintilian Mark Fabii. *Marka Fabiya Kvintiliana Dvenadtsat' knig ritoricheskikh nastavlenii* [Marcus Fabius Quintilian's Twelve books of rhetorical instructions] / Trans. from Latin by A. Nikolsky. Part 2. St. Petersburg, 1834. (In Russ.)

Levelt W. J. M. *Speaking: From intention to articulation*. MIT Press, 1989.

McNeill D. *Gesture and thought*. Chicago, 2005.

McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Mondada L. Contemporary issues in conversation analysis: Embodiment and materiality, multimodality and multisensoriality in social interaction // *Journal of Pragmatics*. 2019, no. 145, pp. 47–62.

Müller C., Fricke E., Cienki A., McNeill D. (eds.) *Body — Language — Communication*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2013.

Pickering M. J., Garrod S. An integrated theory of language production and comprehension // *Behavioral and Brain Sciences*. 2013, no. 36 (04), pp. 329–347.

Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking in conversation. *Language*. 1974, no. 50, pp. 696–735.

Schober M. F., Clark H. H. Understanding by addressees and overhearers. *Cognitive psychology*. 1989, no. 21, pp. 211–232.

Schegloff E. Notes on a conversational practice: formulating place. D. N. Sudnow (ed.) *Studies in social interaction*. New York: Free Press, 1972.

Smith D. T., Schenk T. The premotor theory of attention: time to move on? *Neuropsychologia*. 2012, no. 50, pp. 1104–1114.

Watzlawick P., Beavin J. (Bavelas), Jackson D. D. *Pragmatics of Human Communication. A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes*. New York: Norton, 1967.

Yngve V. H. On getting a word in edgewise. *Papers from the Sixth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. 1970, pp. 567–577.

¹А. А. Евдокимова, ²Ю. В. Николаева

¹Институт языкознания РАН, ²МГУ имени М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)

¹arochka@gmail.com, ²julianikk@jmail.com

КИНЕТИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ И ИХ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ

Статья посвящена жестам головы и рук, сопровождающим устную речь. Предлагается рассматривать движения этих двух кинетических каналов как комплексные кластеры; вводятся понятия вертикальных жестовых кластеров (для жестов, в которых задействованы разные части тела, например, голова и руки) и горизонтальных (объединяющих движения разных типов для одной части тела). Также рассматриваются функциональные типы жестов в этих двух каналах.

Ключевые слова: мультимодальная коммуникация, движения головы, жесты рук, мануальный канал, цефалический канал, мультиканальные кластеры, кластеризация.

Введение

В коммуникации лицом к лицу задействованы разные модальности: помимо вербальной информации, собеседники передают и получают информацию, опираясь на просодию и движения собеседника, включая мимику, движения головы, жесты рук и т. д. Таким образом, использование языка в повседневном общении предполагает мультимодальность (использование одновременно вокальной и кинетической модальностей). При этом в рамках кинетической модальности можно выделить несколько каналов, таких как цефалический (жесты головы), мануальный (жесты рук), а также жесты лица (мимика), движения плеч, ног, локтей и корпуса [Кибрик 2018].

Традиционно кинетические каналы изучаются по отдельности, при этом основное внимание уделяется мануальному и, в гораздо меньшей степени, цефалическому. Остальные кинетические каналы практически не изучены с лингвистической точки зрения. Мы предлагаем понятие кинетического кластера, который представляет собой более крупную, чем отдельный жест, единицу членения жестового потока. Традиционно говоря о кинетических каналах, прежде всего имеют в виду мануальный канал и через призму происходящего в нем оценивают движения других частей тела. Однако мы исходим изначально из равной значимости каналов,

при этом в зависимости от целей или общей направленности исследования тот или иной канал может быть выделен как основной. В результате исследователи, сравнивая полученные данные, получают многостороннее и полное представление о кинетическом поведении собеседников.

Кластеризация может служить также методом анализа жестового потока в рамках одного канала и при анализе нескольких каналов. Такой подход при различных вариантах разбиения на кластеры дает возможность описывать поведение коммуникантов с учетом взаимосвязей между единицами разных каналов — так, как видят друг друга собеседники в реальном общении.

1. Функциональные типы жестов

Согласно самой распространенной классификации жестов Д. Макнилла [McNeill 1992], выделяются следующие функции мануальных жестов: указательные (указания рукой на присутствующего или воображаемого референта либо на точку в пространстве), иконические (представляющие собой буквальную иллюстрацию словам), метафорические (иллюстрирующие абстрактные понятия) и ритмические (короткие простые по форме движения, обычно направленные вниз). Как показали дальнейшие исследования, разделение жестов на иконические и прагматические неочевидно. Однако можно заметить, что существуют жесты, явно отличающиеся от коротких ритмических (для которых характерна расслабленная конфигурация руки и двухфазная простая траектория, например, вниз-вверх) и устроенных похожим образом указательных (которые отличаются, в первую очередь, узнаваемой конфигурацией и однозначно понимаемой семантикой). Так в рассказе можно выделить две основные группы жестов: 1) те, которые иллюстрируют события из мира дискурса и соотносятся, следуя признакам Д. Макнилла, с конкретными событиями и референтами, легко допускающими визуальную иллюстрацию, и 2) те, которые относятся к описанию структуры дискурса, оценке говорящим излагаемых событий, его уверенности в точности упоминаемых фактов и т. д. Мы предлагаем жесты первого типа называть изобразительными, а второго — прагматическими [Николаева 2017; Nikolaeva 2017]. Следует заметить, что однозначное разделение на функциональные типы в реальности едва ли возможно, поскольку один жест может выполнять несколько функций. Например, говорящий, указывая, как один из героев рассказа проехал мимо другого, использует вытянутый указательный палец (указательный жест) и при этом рисует в воздухе траекторию его движения (изобразительный жест). Если одновременно с рассказом о траектории говорящий будет делать короткие ритмические движения вниз, здесь можно отметить также ритмические жесты. Другой вариант наложения нескольких функций: описывая траекторию движения персонажа, говорящий использует открытую ладонь вверх, пальцы направлены в сторону адресата, что представляет собой пример жеста, который называют «метафора передачи» (*conduit metaphor* [McNeill 1992]), который выполняет прагматическую функцию, акцентируя внимание на процессе передачи сообщения от говорящего к слушающему, и является примером прагматического жеста [Николаева 2017]. Однако в каждом конкретном случае обычно можно

сказать, какая функция является более выраженной. В рамках проекта «Язык как он есть» (multidiscourse.ru, [Кибрик 2018]) мы использовали двумерную систему, в которой указательные, изобразительные или ритмические функции могли сочетаться с прагматической (либо последняя могла встретиться отдельно). В данной работе мы использовали для мануального канала только четыре этих типа, оценивая каждый жест в соответствии с иерархией: если присутствовал изобразительный компонент (сложная траектория, сложная конфигурация руки, иконически отображающая свойства референта или какие-то характеристики движения), жест считался изобразительным; если конфигурация руки распознавалась как указательная (без дополнительных изобразительных значений), это был указательный жест; если присутствовали формальные и семантические признаки, связанные с прагматическими значениями (см. например, [Bressem 2014]), жест относился к прагматическим. При этом взаимодействие с собеседником, как в примере с жестом «метафора передачи», в мануальном канале не является важным параметром, по крайней мере для изученного нами материала.

Перечисленного арсенала функций достаточно для описания жестов рук, однако в случае цефалического канала добавляется категория интерактивных жестов или регуляторов, а также аккомодаторов, связанных с особенностями функционирования шеи.

2. Модификация функциональной классификации жестов в цефалическом канале

В целом, жесты головы, связанные со структурой дискурса и взаимодействием между собеседниками, устроены сложнее, чем жесты рук. Так, поворот головы маркирует адресата сообщения или того из возможных собеседников, на которого направлено внимание слушающего (это и есть типичный пример жеста-регулятора). Таким образом, на движения головы в большой степени влияет взаимное расположение собеседников. Недаром Е. А. Гришина в своей книге, описывая необходимые условия для понимания, например, указательных жестов головы, вводит как необходимые инструменты анализа понятия *зона коммуникации*, *зона видимости* и *зона невидимости* [Гришина 2017], и предлагает все жесты головы анализировать с учетом этих зон. В нашем эксперименте в каждой записи «Рассказов и разговоров о грушах» участвовало 4 человека, их роли определялись заранее. В первой части, в монологическом фрагменте, Рассказчик (Р) пересказывал содержание фильма, который он и Комментатор (К) посмотрели перед этим. Затем следовал диалогический фрагмент, когда Комментатор мог что-то добавлять или уточнять, а Пересказчик (П) задавать вопросы, чтобы как можно лучше понять содержание видео. На последнем этапе появлялся Слушатель, и Пересказчик излагал ему содержание фильма. В результате такого дизайна записей нашего корпуса для многих из них характерна такая особенность, что у каждого из участников записей есть две зоны коммуникации до появления Слушателя. На рис. 1 показаны зоны коммуникации Р и П (красным) Р и К (черным) и К и П (белым).

Рис. 1. Зоны коммуникации

Как мы видим на рис. 1, две зоны коммуникации у Пересказчика пересекаются в большей степени, чем у Комментатора. Кроме того, по условиям эксперимента Рассказчик начинает разговор, обращаясь к Пересказчику, поэтому эта пара коммуникантов и, соответственно, их зона коммуникации оказываются первичными по сравнению с зонами Комментатора, который только дополняет первый монолог. Следствием такого расположения оказывается следующая выявленная особенность при описании использования типов жестов головы у участников: жесты-регуляторы головы Пересказчика имеют меньшую амплитуду, чем у Рассказчика и Комментатора, и часто накладываются на жесты-аккомодаторы. У других участников жесты-регуляторы отличаются от аккомодаторов и представлены поворотами головы большей амплитуды.

При анализе и типологизации жестов в цефалическом канале мы пользуемся пониманием прагматических жестов, которое приведено в работах Ю. В. Николаевой для мануального канала [Николаева 2017, Nikolaeva 2017] и Е. А. Гришиной для жестов головы [Гришина 2017]. В результате было выявлено, что большая часть жестов в этом канале являются прагматическими. Такое распределение жестовых типов отчасти обусловлено положением головы по отношению к другим кинетическим каналам. При этом для головы, в отличие от рук, возможен переход функционального типа внутри фаз одного жеста, так мах может быть указательным, а подготовка или ретракция прагматической. Сочетание функциональных типов может быть и в любой другой последовательности внутри одного жеста. В то же время некоторые из жестов головы часто соединяют в себе несколько функций и могут быть одновременно и прагматическими, и указательными, или прагматическими с побудительным смыслом и регуляторами. Поэтому для классификации и категоризации жестов при анализе движений головы можно опираться на предложение Д. Макниллы [McNeill 1992] различать характеристики жестов вместо типов. В результате

анализа корпуса RUPEX А. А. Евдокимовой [Евдокимова 2020] были выявлены и описаны на примере 22-й записи два новых типа жестов головы: Pragmatic center и Pragmatic away, которые отличаются по своему функционированию от других прагматических жестов и характерны именно для цефалического канала.

3. Горизонтальные и вертикальные жестовые кластеры

При кластеризации как методе и при маркировании кластеров как единиц мы по типу функционирования разделяем горизонтальные и вертикальные кластеры. Горизонтальные кластеры выделяются в рамках одного кинетического канала и состоят из представленных в нем явлений разного порядка, так в голове они чаще всего возникают при объединении движений типа А, движений типа Б и перемещений (различие этих единиц описано нами в [Sukhova 2020]), а в руках при соединении жестов, выполненных разными руками.

Вертикальные кластеры представлены сочетанием движений разных частей тела, но поскольку мы в данной статье рассматриваем движения головы и рук, далее мы представим пример, когда один жест состоит из движений в этих двух каналах. Так как в обсуждаемом фильме у одного персонажа были усы, а у нескольких — шляпы, то многие испытуемые используют описательные жесты разного вида, показывая эти элементы руками у головы. Поскольку в таких примерах наличие вертикальных кластеров ожидаемо, то можно предсказать наиболее частотную структуру такого кластера: в руках будет изобразительный жест, а в голове сочетание изобразительного с прагматическим или указательным. Мы же приведем здесь пример другого описательного жеста, где в руках предваряющий лексему «слез» мануальный изобразительный жест, а в голове будет сочетание жестов разного типа, изобразительного и Pragmatic away.

(1)

N-vE153-154¹

А как так получ¹²и²лось³, ч⁴то⁵ ког⁶да⁷ он⁸ сл⁹ез¹⁰ с дерева

Пример (1) и рис. 2.1–2.10 показывают, как жест, соответствующий словам «он слез с дерева», реализован в мануальном канале (движение руки вниз и к себе) и цефалическом (сочетание жестов кивок и потом малой амплитуды сочетание поворотов вправо-влево).

Рис. 2.1–2.10 показывают кластер движений, когда мануальный жест к себе и затем вниз частично накладывается на движение головы вниз, затем вверх и потом малой амплитуды сочетание поворотов вправо-влево. Скриншоты сделаны с шагом в 100 мс. Разберем, из каких частей состоит этот кластер. На рис. 2.1–2.7 представлен мануальный жест к себе и вниз. Затем идет так называемое «удержание» — рука застывает на месте. Эта часть жеста, как предполагается, необходима для того, чтобы

¹ Указаны номера элементарных дискурсивных единиц, как они аннотированы в используемом корпусе.

² Верхние индексы соответствуют номерам иллюстрации (рис. 2.1–2.10).

Рис. 2.1–2.10. Вертикальный кластер жестов в мануальном и цефалическом каналах

жесты были синхронизированы с соответствующими им словами. На этих рисунках (рис. 2.1–2.7) мы наблюдаем именно такой случай: жест, иллюстрирующий, что садовник спустился вниз, закончился раньше, чем прозвучало слово «слез», и остановка руки в воздухе показывает, что соответствующее движение сохраняет актуальность и адресат должен связать жест со словами, которые произносятся во время удержания.

На рис. 2.4–2.7 наблюдаем движение головы вниз и затем вверх. Таким образом, со словом «слез» мы наблюдаем опережающую иллюстрацию в виде мануального жеста, поддержанную начавшимся до его окончания цефалическим иллюстративным жестом. На словах «с дерева» голова делает как раз малой амплитуды сочетание поворотов вправо-влево, которое характеризуется нами, как жест Pragmatic away. Тем самым в конце рассматриваемого кластера голова выключает себя из коммуникации, акцентируя внимание на руках.

Число таких наложений, по нашим предварительным подсчетам, составляет от 0,2 до 5% от всех мануальных жестов и от 0,5 до 15% для мануальных адапторов, у разных говорящих это соотношение очень сильно различается (табл. 1). Однако основания для сопоставления движений разных каналов еще предстоит пересмотреть и уточнить.

Приведем еще примеры типологических вариантов вертикальных кластеров и распределения ролей в них в зависимости от особенностей функционирования кинетических каналов. Голова делает указательный жест на руки, либо передавая

Таблица 1. Вертикальные кластеры, состоящие из мануальных и цефалических жестов и адапторов

Номер записи	Количество жестов рук	Количество иллюстративных мультимодальных кластеров		Количество адапторов рук	Количество мультимодальных кластеров адапторов	
		абсолютное количество	% от всех жестов рук		абсолютное количество	% от всех жестов рук
4N	504	3	0,6	185	3	1,6
4C	97	5	5,2	167	5	3,0
4R	470	1	0,2	177	3	1,7
22N	350	11	3,1	43	7	16,3
22C	175	5	2,9	111	2	1,8
22R	142	1	0,7	201	1	0,5
23N	351	15	4,3	76	3	3,9
23C	167	5	3,0	89	13	14,6
23R	297	4	1,3	135	1	0,7

очередь в жестикуляции рукам, либо подчеркивая движения в мануальном канале, который оказывается ведущим. В первом варианте такой жест оказывается одновременно и указательным, и регуляторным в рамках общего кластера. Тип жеста рук при этом может быть любым. Голова совершает жест, который маркируется как Pragmatic away или Pragmatic center (примеры см. [Евдокимова 2020]), или объединение этих жестов в любой последовательности, что составляет с руками вертикальный кластер, где мануальный канал оказывается ведущим, а цефалический как бы убирает себя из коммуникации или минимизирует свое влияние на нее. Вот другой пример типичного вертикального кластера для жестов головы и рук. В одном из каналов появляется изобразительный жест, одновременно в другом — жест любого другого типа, в некоторых случаях вспомогательный к изобразительному первого канала, который в таком кластере оказывается ведущим. Кроме этого, возможны сочетания изобразительных жестов в двух каналах. Голова и руки совершают однонаправленные движения, усиливая жестикуляцию друг друга, обычно в таких кластерах нет ведущего канала, они равноправны. В цефалическом и мануальном канале типы жестов совпадают, в таком кластере каналы также играют равные роли.

4. Примеры жестикуляционных портретов

Для более наглядного описания особенностей функционирования горизонтальных кластеров в цефалическом канале обратимся к жестикуляционным портретам. Вопрос о портретах активно разрабатывается в лингвистических и мультимодальных исследованиях [Kibrik, Fedorova 2018; Кибрик 2009]. Так, предполагается, что в любом кинетическом канале у каждого участника обнаруживается определенный набор индивидуальных черт, которые отличают его от других участников коммуникации. Это выражается в «приверженности» к каким-то одним и тем же паттернам

невербального поведения. Совокупность характеристик кинетического поведения и составляет **жестикуляционный портрет**.

Обратимся к трем участникам исследуемого корпуса. Цефалический (жестикуляционный) портрет участника **22N** можно описать следующим образом: на движения-эхо — вперед и назад, — которые вызваны движением корпуса, накладываются жесты разных типов: прагматические, аккомодаторы, изобразительные и т. п. Чаще всего сопровождаются кивками обоих базовых типов, выделяемых по последовательности входящих в них движений (вверх-вниз (jerk в английской терминологии) или вниз-вверх (nod)). Эти кивки могут быть как прагматическими жестами, так и аккомодаторами, если амплитуда их небольшая. Иногда прагматические жесты нагружены и дополнительными значениями, как в приведенном примере на рис. 3а–3б, где движение головы вверх сопровождается поднятием век вверх, свидетельствующим о смене декораций в рассказе.

Рис. 3а

Рис. 3б

Цефалический (жестикуляционный) портрет участника **23С** характеризуется подъемами головы, вызванными движением шеи, которые продолжаются отклонением корпуса назад или, наоборот, смещением корпуса вперед, при этом возникает эхо в цефалическом канале, и их также можно считать одним жестом. Другие типичные сочетания для этого испытуемого — это поворот вправо, который продолжается движением головы вниз, вызванным уже не мышцами шеи, а движением корпуса. Возможна и обратная картина, когда отклонение корпуса назад предшествует движению шеи для опускания головы вниз. Таким образом, один кивок головой, как он воспринимается собеседниками, представляет собой горизонтальный кластер, поскольку в нем задействованы движения корпуса и шеи, зафиксированные в разных категориях, но одного цефалического канала.

Вот пример такого кластера (см. рис. 4а–4б): участник **23С** поднимает голову вверх и каждый его такой подъем головы продолжается отклонением назад, осуществляемым не столько самой головой, сколько корпусом и являющимся в цефалическом канале движением-эхо.

Последующие подъем и движение вперед также выглядят логичным продолжением друг друга. Возможна и другая картина, когда движению назад предшествует

Рис. 4а

Рис. 4б

движение вниз. Кроме того, мы отметили случаи «портретного» (типичного для данного говорящего) образования кивка. Так, единый кивок состоит из движений вверх-вниз и сопровождающего их движения назад. Еще один пример горизонтального кластера, отличающий данного участника — движение головы вверх перетекает в движение вниз, которое было «инициировано» в области ног.

Особенность цефалического (жестикуляционного) портрета участника **4R** — маркирование говорения увеличением амплитуды движений. Другой особенностью является сочетание жестов головы и последующих движений корпуса, не затрагивающих мышцы шеи (т. е. движения аннотируются в слое Displacement), эти движения объединяются в один жестовый кластер (см. рис. 5а–5в).

Рис. 5а

Рис. 5б

Рис. 5в

Похожим образом из разных цефалических слоев у этого испытуемого собираются и адапторы.

Для анализа горизонтальных кластеров в мануальном канале также использовались **жестикуляционные портреты**, при этом мы обращали внимание на различные варианты сочетания движений двух рук. Нами были выделены следующие общие тенденции, свойственные горизонтальным кластерам в руках: 1) обе руки осуществляют один жест в одном направлении, 2) соединение разнонаправленных жестов, выполняемых с одной целью, 3) соединение разнофункциональных жестов, которые могут быть как однонаправленными, так и разнонаправленными. Возможно также и комбинирование этих тенденций в рамках одного кластера.

Рассмотрим указанные тенденции на примерах, характеризующих мануальные жестовые портреты разных участников.

Для **22N** наиболее частотным является кластер, когда обе руки начинают движение в одном направлении, потом левая рука останавливается на полпути, а правая продолжает жестикуляцию. При этом тип жестов у правой руки может быть разным, он может быть как серией указательных, так и серией прагматических или соединять разные типы жестов в рамках одного из кластеров (рис. 6а и 6б, 7а и 7б).

Рис. 6а

Рис. 6б

Рис. 7а

Рис. 7б

Другой вариант характерный для этого участника, это равноправное использование двух рук, чаще в изобразительных жестах. Например, она показывает усы, и обе руки указательными пальцами чертят их вдоль линии рта, переходя к подбородку (рис. 8а и рис. 8б).

Для мануального портрета **23С** характерны следующие особенности для горизонтальных кластеров. Чаще всего руки двигаются друг к другу, осуществляя жест одного типа (см. рис. 9а и рис. 9б). И, как следствие, после могут вернуться на исходную позицию, двигаясь в противоположном положении друг от друга.

Другой частотный вариант горизонтального кластера у этого участника — параллельное движение обеих рук для выполнения одного жеста, обе руки становятся

единым целым, хотя в деталях (например, в положении пальцев) могут отличаться, что хорошо видно на рисунках 10а и 10б.

Мануальный портрет **4R** имеет две следующие тенденции: 1) руки делают совместный жест небольшой амплитуды, при котором соединяются обе руки и одна из них стартует для серии своих собственных жестов, чаще всего иллюстративных.

Рис. 8а

Рис. 8б

Рис. 9а

Рис. 9б

Рис. 10а

Рис. 10б

При этом продолжающей жестикуляцию рукой может быть как правая (рис. 11а и 11б), так и левая (рис. 11в и 11г).

Рис. 11а

Рис. 11б

Рис. 11в

Рис. 11г

2) Руки движутся в противоположных направлениях, выполняя единый жест. При этом по типам эти жесты могут быть как прагматические, так и изобразительные.

Рис. 12а

Рис. 12б

Выводы

Исходя из описанных выше различий между каналами, можно сказать, что **горизонтальные кластеры** по-разному устроены в разбираемых кинетических каналах, и это обусловлено особенностями как самих каналов, так и методики их описания. В цефалическом канале мы сталкиваемся с наложениями движений разного типа или с последовательными их переходами друг в друга, как с частичным наложением, так и без него. В мануальном канале мы анализируем особенности взаимодействия обеих рук, как при наложении, так и последовательном переходе. В обоих кинетических каналах при выделении горизонтальных кластеров и их классификации с точки зрения функций или типов жестов мы можем говорить как об однофункциональных горизонтальных кластерах, так и о разнофункциональных. При процессе кластеризации горизонтальных кластеров существенным становится вопрос границ, в некоторых случаях одни и те же движения могут объединяться в разные кластеры и в этих точках происходит условное наложение кластеров, что затрудняет процесс автоматической разметки кластеров.

Особенность выделения **вертикальных кластеров** в том, что мы вынуждены учитывать происходящее в обоих кинетических каналах и определять, является ли какой-то из каналов ведущим или в кластер собираются два независимых компонента, входящих в разные кинетические каналы. В нашем случае примеры были приведены из цефалического и мануального каналов. Следует заметить, что речь здесь идет о том, что такой кластер воспринимается не как сочетание жестов (или более широко, движений) рук и головы, а как единое целое — «жест» в более широком смысле слова, имеющий одно ведущее коммуникативное или какое-либо другое значение. В этом заключается принципиальная разница с известными понятиями в области жестовой композиционности [Гришина 2017; Крейдлин 2002].

Одним из эффектов изучения кластеров стало описание **жестикуляционного портрета** коммуниканта. Наше исследование показало, что в цефалическом канале тоже есть индивидуальные предпочтения, описывать которые можно в терминах горизонтальных кластеров.

Другим важным аспектом стал сам процесс кластеризации, который мы предлагаем считать новым методом анализа жестового потока. В каком-то смысле он по своей вариативности напоминает использование графов линейного деления при распознавании текста. В дальнейших исследованиях мы предполагаем выделить наиболее частотные вариации кластеров и описать их типологический состав, что, возможно, позволит в будущем сделать сам процесс кластеризации более автоматизированным и даст возможность компьютеру самому предлагать вероятные жесты головы или рук при аннотировании.

Литература

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 744 с.

Евдокимова А. А. Новые типы прагматических жестов головы — Pragmatic center и Pragmatic away // Лингвистика и методика преподавания иностранных

языков. Периодический сборник научных статей (электронное научное издание). 2020. № 1 (12).

Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. № 39 (1). С. 70–80.

Кибрик А. А. Русский мультимедийный дискурс. Часть II. Разработка корпуса и направления исследований // Психологический журнал. 2018. № 39 (2). С. 79–90.

Кибрик А. А. Просодические портреты говорящих // А. А. Кибрик, В. И. Подлесская (ред.). Рассказы о сновидениях: корпусное исследование русского устного дискурса. М.: Издательский дом ЯСК, 2009. С. 478–487.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: НЛЮ, 2002. 581 с.

Николаева Ю. В. Жесты, которые оформляют устный рассказ // Когнитивная наука в Москве: новые исследования. Материалы конференции 15 июня 2017 г. / отв. ред. Е. В. Печенкова, М. В. Фаликман. М.: БукиВеди; ИППиП, 2017. С. 545–549.

Bressem J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions // *Body — Language — Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction.* / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem (Eds.). Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1575–1592.

Kibrik A. A., Fedorova O. V. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics.* 2018. № 15 (2). P. 191–200.

Litvinenko A. O., Kibrik A. A., Fedorova O. V., Nikolaeva J. V. Annotating hand movements in multichannel discourse: gestures, adaptors and manual postures. *The Russian Journal of Cognitive Science.* 2018. № 5 (2). P. 4–17.

McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought.* Chicago: University of Chicago Press, 1992. 416 p.

Nikolaeva J. V. Pragmatic Gestures in Russian Retellings of “The Pear Stories” // *The Russian Journal of Cognitive Science.* 2017. № 4 (2–3). P. 6–12.

Sukhova N. V., Evdokimova A. A. Annotating the cephalic channel // Kibrik A. A., Fedorova O. V. (eds.) *The MCD handbook: A practical guide to annotating multichannel discourse.* Moscow, 2020.

¹*A. A. Evdokimova, ²Yu. V. Nikolaeva*

¹*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,*

²*M. V. Lomonosov Moscow State University*

(Russia, Moscow)

¹*arochka@gmail.com, ²julianikk@jmail.com*

KINETIC CLUSTERS AND THEIR FUNCTIONAL TYPES

Hand gestures in face-to-face dialogue perform many functions, and their number and character depend on characteristics of a text. Most frequent in narration are depictive gestures (also called iconic, [McNeill 1992]). Pointings and beats are used too, along with the type we call pragmatic [Nikolaeva 2017]. We distinguish two main groups of gesture functions: intra-discursive (this group includes depictives and most part of pointings) and meta-discursive (pragmatic and rhythmic gestures).

Given that a gesture can perform a few functions, choosing only one of them can be done by defining a hierarchy of meanings and a formal procedure for choosing the function. We used formal features of the movement, such as complex trajectory and/or hand form for depictives, two-direction movement of flax hand for beats, recognizable iconic hand form for pointings and recurrent features combined with the repeating meaning for pragmatics. Alternative approach is seeing each gesture as a combination of two or more functions (which is partly implemented in the RUPEX corpus, see [Litvinenko et al. 2018]).

Taking other kinetic channels (movements of the body, legs or the head) into account, the choosing a particular function for every gesture becomes more complicated. In addition, other channels may highlight hand movements of low amplitude as gestures, while without this support from other channels they were classified as self-adaptors. The share of manual gestures “found” with the help of other channels is up to 6%.

After the complex analysis of the speaker’s kinetic behavior, it can be seen that some channels (manual, but also elbows movements) mostly convey intra-discursive meanings and illustrate the events being described; some gestures (head and especially shoulders movements) are associated with meta-discursive information. Thus, in the studied sub-corpus (30 min, recording #22 from the RUPEX corpus) manual gestures are mostly depictive and pragmatic (35% and 29% respectively). Head gestures are mostly pragmatic and depictive (57% and 20% respectively). Pointing gestures account for 14% of hand movements and 4% of head movements.

For head gestures, their formal features can be a basis for their functional classification, too. Among depictives, there are up, down, back or forth movements as gestures with the spatial meaning, while turns, head rotations, shifts, head shakes can perform pragmatic, depictive or pointing functions. Head tilts usually refer not to gestures, but to posture changes driven by the speaker’s comfort and not by their communicative intention.

Key words: multimodal communication, head movements, hand gestures, manual channel, cephalic channel, multichannel clusters, clustering.

References

Bressemer J., Müller C. A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions. *Body — Language — Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction.* / C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S. H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressemer (Eds.). Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1575–1592.

Evdokimova A. A. [New types of pragmatic head gestures — Pragmatic center and Pragmatic away]. *Lingvistika i metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov. Periodicheskiy sbornik nauchnykh statei* [Linguistics and Foreign Language Teaching Methodology. Periodical collection of scientific articles (electronic scientific edition)]. 2020, no. 1 (12). (In Russ.)

Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya (korpusnye issledovaniya)* [Russian gestures from a linguistic perspective: A collection of corpus studies]. Moscow, “Yazyki slavyanskoi kul'tury” Publ., 2017, 744 p. (In Russ.)

Kibrik A. A. [Russian multichannel discourse. Part I. Statement of the problem]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal.]. 2018, no. 39 (1), pp. 70–80. (In Russ.)

Kibrik A. A. [Russian multichannel discourse. Part II. Development of the corpus and directions of research]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal.]. 2018, no. 39 (2), pp. 79–90. (In Russ.)

Kibrik A. A. [Prosodic portraits of speakers]. A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaya (Eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie russkogo ustnogo diskursa* [Tales of Dreams: A Case Study of Russian Oral Discourse]. Moscow: YASK Publishing House, 2009, pp. 478–487. (In Russ.)

Kibrik A. A., Fedorova O. V. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics.* 2018, no. 15 (2), pp. 191–200.

Kreidlin G. E. *Neverbal'naya semiotika: Yazyk tela i estestvennyi yazyk* [Non-verbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, NLO, 2002. 581 p. (In Russ.)

Litvinenko, A. O., Kibrik, A. A., Fedorova, O. V., and Nikolaeva, J. V. Annotating hand movements in multichannel discourse: gestures, adaptors and manual postures. *The Russian Journal of Cognitive Science.* 2018, no. 5 (2), pp. 4–17.

McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought.* Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Nikolaeva Yu. V. [Gestures that frame an oral narrative]. E. V. Pechenkova, M. V. Falikman (Eds.). *Kognitivnaya nauka v Moskve: novye issledovaniya* [Cognitive Science in Moscow: New Research]. Proceedings of the conference on 15 June 2017. Moscow, BukiVedi Publ.; IPPiP Publ., 2017, pp. 545–549. (In Russ.)

Nikolaeva J. V. Pragmatic gestures in Russian retellings of “The Pear Stories”. *The Russian Journal of Cognitive Science.* 2017, no. 4 (2–3), pp. 6–12.

Sukhova N. V., Evdokimova A. A. Annotating the cephalic channel. Kibrik A. A., Fedorova O. V. (eds.) *The MCD handbook: A practical guide to annotating multichannel discourse.* Moscow, 2020.

А. А. Гагарин, М. А. Леутина, Ю. В. Николаева
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
julianikk@gmail.com

ПРОКСЕМНОЕ И ЖЕСТОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СИТУАЦИЯХ КОНКУРЕНЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА¹

Жестикуляция, сопровождающая речь, выполняет очень разные функции; помимо прочего, невербальный компонент коммуникации в существенной степени отвечает за выражение отношений между участниками, позиции говорящего касательно сообщаемой информации, места данного сообщения в целом дискурсе и т. д. В двух исследованиях поведения в ситуациях конкуренции и сотрудничества участники взаимодействовали в парах (эксперимент 1) и в тройках (эксперимент 2). В первом случае изучались движения рук и изменение расстояния между участниками на разных этапах взаимодействия, а также частота пересечения границ социальных дистанций; во втором были проверены выводы относительно проксемино поведения и было проведено исследование вербальных маркеров, соотносимых с коммуникативной дистанцией.

Результаты исследований показывают, что в ситуациях сотрудничества и конкуренции, как и следовало ожидать, дистанция между участниками различается: люди склонны сближаться, чтобы сотрудничать, и отдаляться, если они конкурируют. При этом движения рук в первом случае будут чаще пересекать границу между интимной зоной говорящего и общим пространством коммуникантов, во втором — между общим пространством и интимной зоной собеседника. Кроме того, в ситуациях сотрудничества жестов рук будет больше. Речь собеседников тоже отражает эти тенденции, и некоторые маркеры (такие как формальные просьбы вместо прямых императивов и использование местоимений 3 лица вместо имен) чаще используются в контексте конкуренции.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, проксемика, конкуренция, сотрудничество, жестикуляция.

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Проксемика как канал коммуникации

Интерес к тому, как люди используют пространство при взаимодействии лицом к лицу, возник сравнительно недавно: сам термин «проксемика» был введён в употребление лишь в 1963 году [Hall 1963]. Предметом проксемики является как сама организация пространства, так и способы его восприятия и использования людьми. Так, антрополог Э. Холл относил к частным задачам проксемики следующие: (1) изучение структуры естественной или специально построенной коммуникативной среды; (2) построение типологии коммуникативных пространств; (3) описание значений и функций различных характеристик коммуникативной среды и семиотических средств их выражения в акте коммуникации; это прежде всего дистанции, так или иначе реализуемые во взаимодействиях людей [Hall 1966]. Поведение человека во время коммуникации, при котором задействовано окружающее говорящего или слушающего пространство, принято называть проксемным.

Э. Холлом также была предложена классификация, согласно которой коммуникативное пространство делится на пять типов или дистанций: дальнюю, публичную, социальную, личную, интимную.

Для исследования общения лицом к лицу особый интерес представляют социальная, личная и интимная дистанции, которые представляют собой следующие расстояния (цифры являются приблизительными из-за особенностей перевода футов в метры):

- социальная дистанция (1,2–3,7 м) служит скорее для разделения людей во время формальных встреч и приветствий в общественных местах;
- личная дистанция (0,5–1,2 м) также может являться межличностной, определяющей отношения людей друг к другу. На этой дистанции возможно помимо визуального контакта использование других сенсорных каналов коммуникации, в частности тактильного и ольфакторного;
- интимная дистанция (0–0,2 м) представляет собой расстояние особой человеческой близости в случаях высокой коммуникативной значимости и допускает меньшее использование вербального канала, выводя на первый план такие невербальные сигналы, как тембр и интонация, взгляд, касание или даже дыхание.

Э. Холл отмечает, что эти категории должны восприниматься не как строгие принципы, которые точно и досконально описывают поведение человека, а скорее как система измерения влияния расстояния на общение в зависимости от культурных или иных особенностей.

В данной работе, следуя подходу [Biel 2010], коммуникативное пространство будет пониматься как обобщенный ментальный конструкт, включающий в себя психологическую, физическую и социальную дистанции. Центральной для коммуникативного пространства является метафора ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — ЭТО ФИЗИЧЕСКОЕ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ СОБЕСЕДНИКАМИ; она мотивируется, в частности, тем фактом, что люди склонны приближаться к тем, кто им нравится, и сохранять большее расстояние от тех, кого они оценивают отрицательно

[Argyle 1994]. Физическая дистанция является наиболее измеримым компонентом такого конструкта — это реальная дистанция между телами говорящих. Психологическая дистанция также соотносится с метафорой ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ — ЭТО ФИЗИЧЕСКОЕ РАССТОЯНИЕ МЕЖДУ СОБЕСЕДНИКАМИ и отображает степень знакомства и близости с собеседником; эта дистанция является наиболее непостоянной и изменчивой, так как зависит от внутренних ощущений говорящего.

Учитывая, что использование коммуникативного пространства может проявляться также в направлении жеста [McNeill 1992], можно прицельно посмотреть на указательные жесты в контексте использования пространства. Кроме того, указательные жесты могут нести дополнительную прагматическую информацию. В работе [Kendon 2017] говорится о разных формах указательных жестов с точки зрения дискурсивных действий: так, если для указания используется открытая ладонь, развернутая вверх, то это следует интерпретировать как желание говорящего предложить для рассмотрения то, о чем говорится; в случае, если ладонь развернута под углом, объект предьявляется как пример чего-то. Указательный палец вместо открытой ладони следует интерпретировать как подчеркивание уникальности или контраста с другими объектами. Можно предположить, что в разных контекстах будет различаться также число указательных жестов.

Вербальные способы выражения коммуникативного расстояния

В работе [Vandelanotte 2013] приводится пример, когда в языке концепты пространства и времени используются для выражения социальных отношений и социальной дистанции (напр. *I was wondering if you could help; The country house <...> lay at an immense remove, in language and manners, from the village that provided its postal address*). Для выражения коммуникативной дистанции говорящий может использовать определенные слова или конструкции, чтобы выразить большую коммуникативную отдаленность от собеседника; редкое использование таких конструкций можно интерпретировать как свидетельство меньшей коммуникативной дистанции и большей расположенности к собеседнику. Среди таких конструкций можно отметить:

- Условные выражения с отсылкой к словам собеседника ('hearsay' conditionals) и «пр процитированные предсказания» в качестве эвиденциальных конструкций [Dancygier 1993, 1998, Dancygier, Sweetser 2005] (напр. *If, as you say, his daughter married the High Commissioner to Malta, then once again we have a whole new set of leads to follow to get a modern day descendant* [Vandelanotte 2013]).
- Металингвистические условные конструкции [Dancygier 1998, Dancygier, Sweetser 2005] (напр. *<...> but their efforts to make hay of Obama's putative socialism proved unedifying, if not outright comic* [Vandelanotte 2013]).
- Металингвистические отрицания [Horn 1985, 1989] (напр. *A: No, it's okay. B: No, no, Meg. It's not just okay, it's huge* [Vandelanotte 2013]).
- Переспросы (echo-questions) [Blakemore 1994, Noh 1998].

В лексическом плане для выражения коммуникативного расстояния может использоваться эмоционально окрашенная лексика, сленг или ругательства; негативно окрашенные выражения могут служить маркером увеличения коммуникативной дистанции или желания к таковым изменениям [Talbot 1998, Biel 2007]. Важную роль в разграничении близких и не очень отношений могут играть и личные местоимения 1 и 2 лица, по крайней мере, для русского и других языков, где эти местоимения противопоставлены (для английского в таком случае *you* не будет являться индикатором коммуникативного расстояния, так как оно может быть использовано и в качестве *вы*, и в качестве *ты*) [Biel 2007]. Предполагается, что то же самое можно отнести к полным и кратким формам имени собеседника. К. Гирц также сравнивает уровни регистров со стенами, которые защищают говорящего и слушателя от взаимных посягательств на неприкосновенность частной жизни [Geertz 1972]. Формальный регистр содержит в себе больше языкового материала, функция которого — защищать слушателя от идей говорящего таким же образом, каким этот слушатель защищен физической дистанцией от других проявлений личности говорящего [Haiman 1983]. В результате получается, что чем длиннее сообщение, тем оно вежливее. Неформальный регистр обычно связан с прямыми, а формальный регистр — с косвенными способами выражения какого бы то ни было смысла. Такие косвенные, не прямые способы передачи информации могут включать в себя преуменьшение, обобщение и опущение деталей, хеджирование, эвфемизмы, разделительные вопросы [Biel 2007]. В данном контексте хеджирование понимается как использование в высказываниях хеджей (*hedges*), то есть таких слов, которые способствуют скрытию и размытию смысла высказывания, либо смягчая значение некоторых выражений, либо, наоборот, усиливая. Такими словами и выражениями могут являться *немного*, *довольно*, *достаточно*, *чрезвычайно*, *очень*, и т. д. [Lakoff 1972] (подробнее о разнице между преуменьшением (*understatement*) и хеджированием см. [Hübler 1983]). Разделительные вопросы — это вопросы такого плана, как *Она придет сегодня, не так ли?*, содержащие своего рода уточнение, выражение вежливости и/или неуверенности. Эвфемизмы как способ избежать прямой передачи смысла, как правило, длиннее и формальнее, чем обычные выражения [Biel 2007].

Типы жестов

По классификации Д. Эфрона [Efron 1941/1972] жесты можно разделить на три основных семиотических типа: эмблематические жесты, иллюстративные жесты и регулятивные жесты. Под эмблематическими понимаются те жесты, которые имеют самостоятельное лексическое значение и способны восприниматься независимо от сопровождаемой речи. К классу иллюстративных жестов относятся жесты, выделяющие речевой или иной фрагмент коммуникации, и жесты, так или иначе зависящие от вербального контекста. В класс регулятивных жестов входят жесты, контролирующие ход коммуникации, то есть те жесты, которые устанавливают, поддерживают и завершают обмен информацией. Жесты-регуляторы могут использоваться как вместе с речевым сопровождением, так и без него. Примером

регулятивного жеста может послужить, как уже было сказано выше, кивок, указывающий на то, что слушающий всё ещё вовлечён в разговор.

Классификация Д. Макнилла [McNeill 2005] основывается на четырёх категориях жестов:

- 1) Иконические жесты служат для изображения конкретных объектов или действий. Чаще всего иконические жесты дополняют вербальное описание, а не замещают его.
- 2) Метафорические жесты используются для изображения абстрактных, а не конкретных объектов. Например, в качестве метафоры «удержания» какой-либо важной идеи, имеющей отношение к дискурсу.
- 3) Указательные жесты используются для указания на какой-либо объект или расположение какого-либо референта в пространстве.
- 4) Ритмические жесты — чаще всего ритмичные движения рук, используемые для указания на речевые высказывания, которым придаётся особое значение.

Особенность данной классификации состоит в том, что жест может обладать всеми четырьмя характеристиками: иконичностью, метафоричностью, указательностью и ритмичностью по шкале от нуля до максимума. Такой подход решает проблему отнесения сложного жеста к одной категории, а также даёт гораздо более детальное описание каждого жеста.

Кроме жестов в данном исследовании будет уделено отдельное внимание адапторам [Ekman, Friesen 1969] — движениям, направленным на поддержание физического комфорта говорящего. В большинстве случаев такие движения не связаны с речью и используются для заполнения пауз между жестами или снятия напряжения. Примерами адапторов могут послужить: почёсывания, кручение в руках мелких предметов, поправление фрагментов одежды.

Эксперимент 1: метод

Для изучения того, как используется пространство в коммуникации, было решено сравнить поведение собеседников в контексте конкуренции и сотрудничества. Для первого исследования были выбраны задания с вознаграждением, которое обеспечивает стимул либо соперничать с партнёром по эксперименту, либо, наоборот, сотрудничать. В десяти случаях моделировалась ситуация конкуренции, а на других десяти — ситуация сотрудничества.

В исследовании приняли участие 20 русскоговорящих студентов 1–3 курсов в возрасте от 18 до 22 лет: 8 участников мужского пола и 12 женского. Суммарная длительность полученных записей составила 2 часа 15 минут.

Испытуемым зачитывалась инструкция, затем каждый из участников подписывал согласие об обработке персональных данных и возможности публикации изображений, на которых он присутствует. В эксперименте использовались четыре карточки с заданиями: двумя короткими (приблизительно 400 знаков с пробелами) текстами на английском языке уровня А1, в двух экземплярах каждый, в которые намеренно были внесены ошибки разного рода (по 17 ошибок в каждом тексте).

Ошибки состояли в неверном выборе грамматической формы слова или неверное написание слова (буквы могли быть переставлены местами, удвоены, заменены на другую, пропущены или добавлены лишние).

Сам эксперимент проходит в паре. Оба участника сидят за столом друг напротив друга. По команде экспериментатора испытуемые переворачивают листы и в течение 1,5 минут ищут и исправляют ошибки в представленном им тексте. Затем испытуемые меняются листами и действуют по одной из двух стратегий, предполагающих конкуренцию или сотрудничество: в первом случае каждый участник старается в индивидуальном порядке найти как можно больше пропущенных или неверно исправленных ошибок в тексте партнёра, указывая ему на такие пропуски; во втором случае участникам засчитывается общее количество найденных друг у друга пропусков. В обоих случаях время выполнения задания ограничено тремя минутами.

В первой части эксперимента участники быстро подчеркивают ошибки в собственных листах; во второй части, являющейся непосредственно заданием, участники находят ошибки в листах партнера или конкурента, указывают на ошибку и кратко поясняют ее суть; в части, обозначенной нами как «обсуждение», участникам предлагается ответить на ряд вопросов, таких как:

- Легко или сложно было выполнять задание? Почему?
- Легче было выполнять задание в первый раз или во второй? Почему?
- Что вызвало у вас особенные сложности?
- Заметили ли вы различия в текстах по уровню сложности или по наполненности ошибками?
- Довольны ли вы в целом работой индивидуально и в команде?
- Помогает или мешает вам работа в паре с другим человеком?
- Что бы могло помочь вам более эффективно выполнить задание?

Для видеозаписи использовалась видеокамера Panasonic HC-X800 с частотой 50 к/с и разрешением 1920*1080, записи сохранялись в формате MPEG-4.

Для исследования проксемного поведения была использована разметка, основанная на системе Э. Холла [Hall 1963], адаптированная таким образом, чтобы она отражала данные эксперимента более корректно и детально.

В данной работе было изучено пять параметров, а именно:

1. Расстояние:

1.1. Расстояние между телами собеседников (берется точка, соответствующая середине грудины): измеряется (1) исходное положение до начала эксперимента, (2) расстояние в начале, в конце и в середине каждой из двух частей эксперимента, из этих трех значений вычисляется (3) усеченное среднее и (4) межквартильный размах; для определения расстояния использована масштабная сетка, которая накладывается на изображение, см. рис. 1 (эталоном расстояния является ширина стола, во всех экспериментах равная 54 см).

1.2. Расстояние между руками собеседников: измеряется по той же методике, что и расстояние между телами.

1.3. Расстояние между головами собеседников: измеряется по той же методике, что и расстояние между телами и руками.

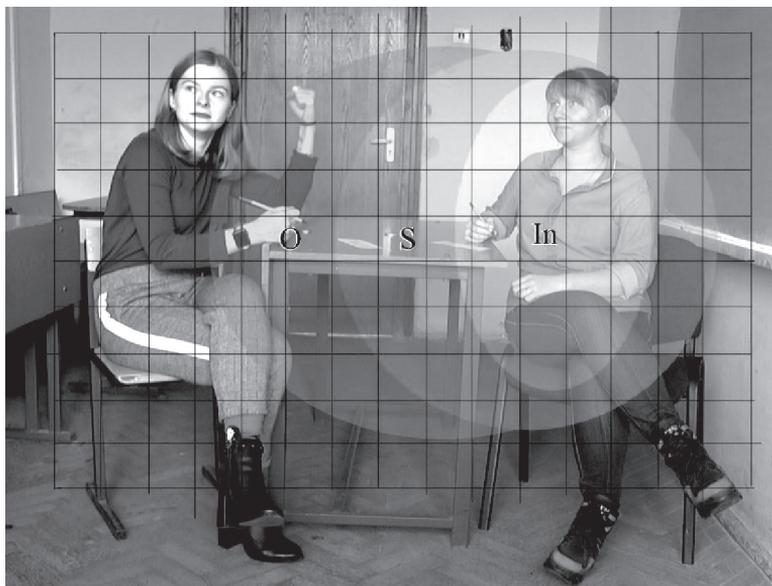

Рис. 1. Границы социальных дистанций. Эксперимент 1

2. Пересечение рукой или руками границ социальной дистанции: пространство перед говорящим делится на три зоны (**In**(timate), **S**(hared), **O**(ther's)), в соответствии с примерными границами личной и интимной дистанции; при этом расстояние от 0,2 м до 0,5 м помечается как зона **S**(hared). Затем фиксируется любое нарушение границ этих зон; в случае пересечения двух границ отмечается только пересечение наиболее дальней от говорящего границы. Для анализа берется количество вхождений каждого типа в общее число пересечений.

Данные о числе пересечений границ и жестов приведены в таблицах 2 и 4.

Эксперимент 1: результаты

1. Проксемика

Большее расстояние, как можно было предположить, чаще встречается в ситуациях конкуренции, особенно это верно для расстояний между руками (см. табл. 1 и рис. 2 и 3).

Исходя только из этих данных, мы можем заключить, что в целом в ситуации конкуренции собеседники находятся на большем расстоянии друг от друга, чем в ситуации сотрудничества. Наибольшая разница заметна для расстояния между руками собеседников.

При выполнении основного задания наблюдается большая разница в зависимости от ситуации (конкуренции или сотрудничества): в ситуации выполнения задания на сотрудничество расстояния минимальны (см. рис. 3). Наибольшее расстояние наблюдается при обсуждении заданий, при этом здесь в контексте сотрудничества уменьшается только расстояние между руками.

Таблица 1. Разница в расстояниях по видам деятельности
(по столбцам показано число пар)

Расстояние между	Деятельность	Больше в конкуренции	Больше в сотрудничестве
головами	Письмо	5	5
	Задание	7	3
	Обсуждение	5	5
руками	Письмо	7	3
	Задание	7	3
	Обсуждение	8	2
телами	Письмо	6	4
	Задание	8	2
	Обсуждение	4	6

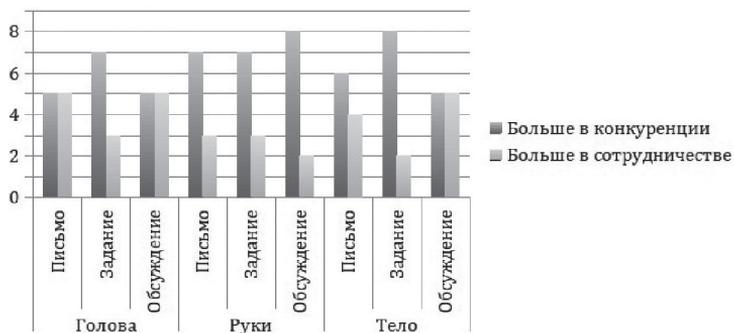

Рис. 2. Разница расстояний по видам деятельности

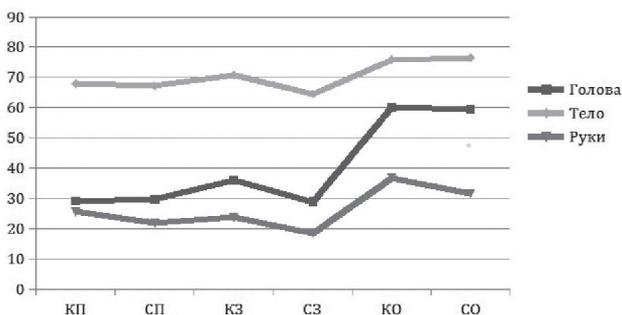

Рис. 3. Усеченные средние расстояний
(К — ситуация конкуренции, С — ситуация сотрудничества,
П — этап «письмо», З — этап «задание»,
О — этап «обсуждение»)

Что касается пересечений границ социальных дистанций, данные об их числе представлены в табл. 2.

Таблица 2. Количество пересечений границ в различных ситуациях

Тип ситуации	Пересеченная граница		Всего
	In/S	S/O	
Конкуренция	136	79	215
Сотрудничество	155	94	249
Всего	291	173	464

Заметно, что в целом и в случае конкуренции, и в случае сотрудничества количество пересечений границы S/O значительно меньше, чем количество пересечений границы In/S (см. табл. 2), при этом в целом пересечений границ больше в случае сотрудничества. Интересно также отметить: чем чаще испытуемый из пары, начинающий эксперимент, пересекает границу In/S и S/O, тем чаще второй испытуемый из пары пересекает эту же самую границу.

Кроме того, наблюдения показывают, что отклонение корпуса назад наблюдается в похожих точках эксперимента. Можно предположить, что отклонение корпуса назад может служить маркером:

1. Прекращения совместной или индивидуальной деятельности;
2. Прекращения разговора;
3. Передачи инициативы собеседнику;
4. Перехода от деятельности к обсуждению.

2. Жесты рук

Согласно критерию Уилкоксона однозначно подтверждается предположение, что количество жестов зависит от типа ситуации, в которой находится испытуемый: в ситуации сотрудничества будет больше жестов, чем в ситуации конкуренции (см. табл. 3 для данных о средних значениях).

Таблица 3. Среднее число жестов на участника в ситуациях конкуренции и сотрудничества

	Конкуренция	Сотрудничество
Среднее	14,9	23,05

При этом число жестов зависит от пола собеседника: в среднем испытуемый жестикулирует больше и более открыто, если работает в паре с человеком одного пола, чем с человеком противоположного (см. табл. 4).

Таблица 5 показывает среднее число жестов в разных условиях. При применении к исходным данным Т-критерия Уилкоксона получается, что иллюстративных и регуляторных жестов в ситуации сотрудничества будет больше, чем в ситуации

Таблица 4. Число жестов в парах в зависимости от пола собеседников

	М	Ж	Всего
М	229	126	355
Ж	126	141	267
Всего	355	267	622

Таблица 5. Среднее число разных типов жестов у одного участника

	Конкуренция	Сотрудничество
Иллюстраторы	5,2	11,2
В т. ч. указательные жесты	0,75	2,8
Регуляторы	2	5,1
Эмблемы	2,7	4,05
Адапторы	5,15	3,4

конкуренции. Для эмблем и адапторов статистическая значимость этой разницы не подтверждается. Если отдельно рассмотреть только указательные жесты, то их тоже будет значительно больше в ситуации сотрудничества.

Эксперимент 2: метод

Во втором исследовании приняли участие 18 русскоговорящих студентов в возрасте от 20 до 23 лет: 9 участников мужского пола и 9 участников женского пола. В качестве вспомогательного материала для проведения эксперимента была выбрана настольная игра «Манчкин» с дополнениями. Эксперимент проходил в тройках. Пробный этап длился около 10–15 минут, после него наступал этап непосредственно самой игры продолжительностью в среднем 40 минут. В данной игре, наряду с необходимой для выигрыша конкуренцией, существует возможность объединяться с другими игроками и помогать друг другу. Однако выиграть может только один игрок, и это означает проигрыш для остальных участников.

В работе [Arnold, Winkielman 2020] была отмечена возможная роль имитации или согласованности (бессознательной или автоматической имитации речи и движений, жестов, мимики и взгляда собеседника, см. [Chartrand, van Baaren 2009]) как механизма социальной адаптации. Предполагая, что приспособливание будет проявляться в общении с другим человеком в целях установления контакта и получения выгоды, было принято решение в аннотации разделять участников в каждой коммуникативной ситуации на «инициатора» и «продолжающего» — инициаторами считаются те испытуемые, которые запускают ту или иную ситуацию, вербально об этом сигнализируя. Такими сигналами чаще всего являются просьбы о помощи, предложения объединиться или заявление о конфронтации с каким-либо другим участником.

В данной работе анализировались пять параметров, а именно:

1. Сами ситуации конкуренции и сотрудничества. Началом ситуации конкуренции может служить попытка помешать другому игроку выиграть схватку

с монстром или попытка лишить другого игрока имеющихся у него преимуществ с помощью карты «Проклятие». Такие ситуации сопровождаются вербальными маркерами, такими как *возражаю, не так быстро, посмотри на это!, а что скажешь на такой расклад?, ах ты!,* и т. д. Началом ситуации сотрудничества может служить просьба о помощи от активного игрока при вступлении в бой с более сильным монстром или предложение помочь от наблюдающего за действием игрока, а также предложение кооперации для лишения более сильного противника его преимуществ. Вербальные маркеры для данных ситуаций могут быть такими: *помоги, мне нужна помощь, кто хочет мне помочь?, давай я тебе помогу, нужна помощь?, хочешь обменяться?, нам нужно объединиться, давай вместе* и т. п.

2. Расстояние между телами собеседников (берется точка, соответствующая середине грудины, так как она является центром наиболее подвижной части туловища): измеряется (1) исходное положение до начала эксперимента, (2) расстояние в начале, в конце и в середине определенной коммуникативной ситуации, из этих трех значений вычисляется (3) среднее расстояние для каждой коммуникативной ситуации; для определения расстояния использована масштабная сетка, которая накладывается на изображение, как показано на рисунке 4 (эталоном расстояния является длина стола, равная 110 см).

3. Пересечение рукой или руками границ социальной дистанции: пространство перед каждым говорящим делится на две зоны (**In**(timate) и **Sh**(ared)), как на рисунке 4. Затем на отдельном слое разметки фиксируется любое нарушение границ этих

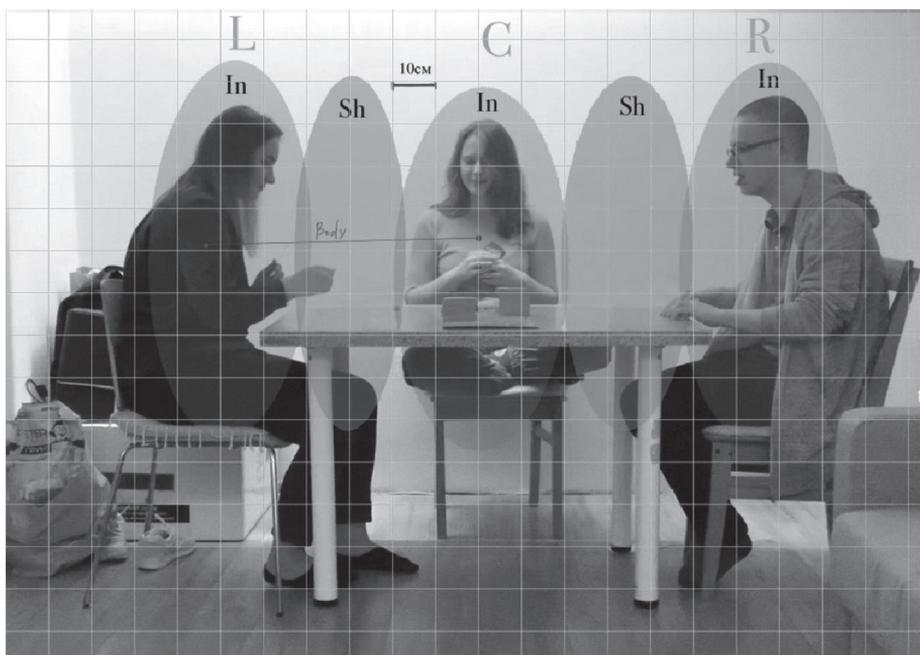

Рис. 4. Масштабная сетка и границы дистанций в эксперименте 2

зон (то есть движение рук в соответствующем направлении); в случае пересечения двух границ отмечается только пересечение дальней от говорящего границы.

4. Пересечение телом или телами границ социальной дистанции (наклон в направлении другого участника): размечается по той же методике, что и пересечение границ руками.

5. Положение участника эксперимента относительно камеры: отмечается буквами L(eft), R(ight) и C(enter).

6. Вербальная составляющая размечается для каждой коммуникативной ситуации, отдельно отмечается использование формальной просьбы или императива, местоимений 3 лица или имен собственных, разделительных вопросов, хеджирования и металингвистических конструкций, а также средняя длина высказывания (в словах).

Всего было обработано около 4 часов видеозаписей, из которых на долю анализируемого нами материала приходится 2 часа 38 минут. Всего было отмечено 86 коммуникативных ситуаций: 41 ситуация сотрудничества и 45 ситуаций конкуренции. Для упрощения задачи статистической обработки в работе рассматривается по 40 ситуаций каждого типа — суммарно было рассмотрено 80 коммуникативных ситуаций. Проанализировано 136 случаев пересечения границ телом и 149 случаев пересечения границ руками. Пересечения не включались в анализ, если являлись следствием того, что испытуемый брал или клал на стол игровую карточку.

Эксперимент 2: результаты

1. Проксемика

Данные о средних расстояниях между телами обобщены в таблице 6 и на рис. 5.

Таблица 6. Средние расстояния между телами участников коммуникации в двух типах ситуаций

	L/C	R/C	R/L
Конкуренция	64	63	91
Сотрудничество	53	48	87

Проверка по Т-критерию Уилкоксона подтверждает первичные предположения: статистически значимой оказывается разница расстояний при нахождении в ситуациях конкуренции и сотрудничества, хотя в ситуации с участниками, сидящими по бокам стола, эта разница менее выражена. Предполагается, что такие результаты получены из-за несоразмерности расстояний: участникам, сидящим по противоположные стороны стола, сложнее сблизиться друг с другом. Такие результаты объясняются скорее дизайном эксперимента, а не некоторыми общими законами, касающимися дистанций.

Можно заметить из данных в табл. 7, что отдаление тела от собеседника преувеличивает в случае конкуренции. В большинстве случаев при пересечении собеседником-инициатором второй границы происходит отклонение тела собеседника-продолжающего назад, при этом средняя длительность задержки отдаления

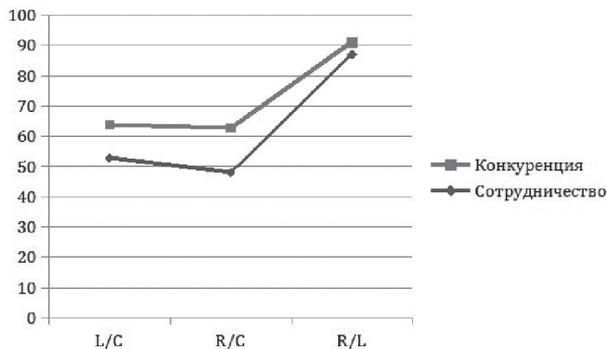

Рис. 5. Средние расстояния между телами участников коммуникации

Таблица 7. Количество пересечений границ для тел с учетом отклонений назад

Тип ситуации	Пересеченная граница		Отдаление назад второго участника	
	Первая	Вторая	Первая	Вторая
Конкуренция	7	21	1	20
Сотрудничество	92	16	0	8
Всего	99	37	1	28

(то есть, разница во времени между пересечением чужой границы **In** одним испытуемым и началом восстановления исходной дистанции другим испытуемым) составляет около 0,3 секунды. Это может свидетельствовать о том, что вторжение другого человека в интимную дистанцию считается некорректным и воспринимается как угроза, однако для считывания такого угрожающего сигнала должно пройти некоторое время.

Количество пересечений границ телом в ситуации сотрудничества в целом больше, чем в ситуации конкуренции (то есть испытуемые чаще наклоняются друг к другу, изменяя положение тела относительно исходных границ двух областей **In** и **Sh**), для рук распределение примерно одинаковое.

Проверка по критерию хи-квадрат Пирсона подтверждает статистическую значимость этих наблюдений, т. е. тип ситуации влияет на число пересечений границ. Первая граница (ближайшая к говорящему) пересекается чаще в ситуации сотрудничества, вторая — в ситуации конкуренции.

2. Вербальный компонент проксемики

Для каждой коммуникативной ситуации отмечались любые проявления хеджирования (*Ну... тут в целом довольно понятно уже, что делать*), разделительных вопросов, металингвистических конструкций, формальных просьб (*Не мог бы ты,*

пожалуйста, не смотри в мои карты?) и прямых императивов (Помоги мне с этим, а?), местоимений 3 лица (Смотрите-ка, как он ходит! Она сейчас выиграет, надо что-то делать!) и имен собственных (Юля же мне сейчас поможет? А вот у Саши тоже есть такая штука, сейчас мы их сложим), цитирований с предсказанием. Данным явлениям присваивались числа от 1 до 3, где 0 — конструкция отсутствует (не использована вовсе), 1 — конструкция присутствует 1 раз, 2 — конструкция присутствует 2–3 раза, 3 — конструкция присутствует более 3 раз за всю коммуникативную ситуацию (табл. 8).

Таблица 8. Вербальные маркеры коммуникативной дистанции

	Всего, число таких явлений		Балл 3 (максимальный), число ситуаций		0 вхождений, число ситуаций	
	Конкуренция	Сотрудничество	Конкуренция	Сотрудничество	Конкуренция	Сотрудничество
Хеджирование	75	23	12	3	7	24
Разделительные вопросы	19	15	0	0	17	13
Металингвистические конструкции	28	36	6	10	9	14
Формальные просьбы	65	39	22	6	4	18
Императивы	41	70	3	11	17	8
Местоимения 3 лица	56	22	7	1	4	18
Имена собственные	41	15	7	1	4	18
Цитирования с предсказанием	10	13	0	2	8	12

Результаты статистической проверки подтвердили значимость различий для хеджирования, разделительных вопросов, формальных просьб, императивов, местоимений 3 лица, имен собственных и для средней длины высказывания и не подтвердили для металингвистических конструкций и цитирований с предсказанием.

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае конкуренции более характерно хеджирование, формальные просьбы, употребление местоимений 3 лица применительно к адресату и большая длина высказывания в среднем. Для ситуаций сотрудничества, наоборот, характерны малый процент хеджирования, императивы, употребление имени собственного собеседника и меньшая длина высказывания в целом.

Заключение

Выводы из эксперимента 1: проксемика

Перед обобщением выводов следует оговорить, что результаты исследований по проксемному поведению могут быть верны в большей степени для людей, находящихся в культурном пространстве России или стран с похожими культурными особенностями.

Гипотеза о том, что расстояние между телами, руками и/или головами собеседников изменяется в зависимости от типа выполняемого задания подтвердилась на самом показательном этапе, когда участники находились непосредственно в ситуациях конкуренции и сотрудничества. Для второй из них характерно поддержание меньшего расстояния, чем для первой, при этом, что предсказуемо, участники пересекают ближнюю границу между зонами социальных дистанций (между своей интимной и общей зонами) чаще, чем дальнюю (между общей и интимной зоной другого участника). Это можно интерпретировать следующим образом: при взаимодействии двух малознакомых людей предпочтительней будет такая стратегия, в которой собеседник нарушает границы чужой интимной дистанции минимально.

Характерно, что количество пересечений границ социальных дистанций изменяется у пары участников совместно, при этом для пересечения дальней границы корреляция более сильная, чем для пересечения ближней границы. Это можно интерпретировать таким образом: существует тенденция к адаптации для более эффективного взаимодействия с собеседником, и участники подстраиваются друг под друга, при этом особенно в плане нарушения границ интимной дистанции друг друга. Помимо этого, следует отметить следующие закономерности: при взаимодействии двух малознакомых людей друг с другом предпочтительней будет такая стратегия поведения, в которой собеседник нарушает границы чужой социальной дистанции минимально; два малознакомых человека склонны подстраиваться друг под друга в плане количества нарушения границ социальных дистанций; однократное и продолжительное увеличение расстояния, то есть отклонение корпуса назад, может являться указанием на прекращение какого-либо вида деятельности или же смену вида деятельности.

Выводы из эксперимента 2: проксемика

Разница в расстояниях между телами собеседников для разных типов ситуаций подтверждается, несмотря на ограничение для боковых участников в виде длины стола: для ситуации конкуренции в целом характерно поддержание большего расстояния между телами собеседников, чем в ситуации сотрудничества.

Помимо этого, подтвердилось влияние типа ситуации на количество пересечений границ дистанций участниками коммуникации. Обнаружено, что для ситуаций сотрудничества больше характерно пересечение ближней границы (между собственным интимным пространством и общим), а для ситуаций конкуренции — пересечение дальней границы (между общим пространством и чужим интимным). Эти результаты можно трактовать так: в ситуациях сотрудничества наиболее распространена модель поведения, при которой участники используют невербальные сигналы в нейтральном общем пространстве — это может выражать доброжелательный настрой и желание психологического сближения, в то время как вторжение в чужое интимное пространство признается нежелательным и излишним. В ситуации же конкуренции, наоборот, говорящий либо минимально пересекает чужие границы, поддерживая большую дистанцию, либо агрессивно вторгается в чужое интимное пространство, выражая намерения в соперничестве — при этом продолжающий

участник коммуникации отклоняется назад (с небольшой задержкой около 0,3 секунды), стремясь восстановить дистанцию, приемлемую для повседневного взаимодействия. Задержка в восстановлении приемлемой дистанции может быть обусловлена временем, необходимым для осознания текущей дистанции.

Выводы: жесты

В подавляющем большинстве случаев количество жестов, используемых человеком, находящимся в ситуации сотрудничества, будет значительно больше, чем в ситуации конкуренции. Это может быть объяснено тем, что в ситуации соперничества у человека появляется стимул вести себя более закрыто, с целью получить преимущество над своим непосредственным соперником.

Анализ данных показал, что в обоих типах ситуаций человек жестикулирует значительно больше, если его собеседником является человек одного с ним пола. Причиной этому может служить то, что с людьми противоположного пола, особенно малознакомыми, человек ведёт себя более скованно и закрыто, что распространяется в том числе и на жесты.

Предположение о большем количестве жестов в ситуациях сотрудничества подтвердилось для иллюстраторов и регулирующих жестов. В случае иллюстраторов это может объясняться тем, что на этапе сотрудничества испытуемые ведут себя с собеседником более расслабленно и стремятся как можно лучше иллюстрировать свою речь с целью достижения общей цели. Регулирующие жесты, в дополнение к этому, помогают обоим собеседникам лучше наладить контакт для более эффективного сотрудничества. Так как в ситуациях конкуренции у испытуемых не было такой цели, количество таких жестов значительно уменьшается. Для эмблем выраженных различий не наблюдается, возможно, из-за малого числа таких жестов.

В результате анализа адапторов видно, что в разных ситуациях их количество сопоставимо; возможное объяснение этому следующее: хотя в ситуациях сотрудничества испытуемые были более расслаблены, адапторы всё ещё служили заполнению пауз между жестами.

Указательные жесты для ситуаций сотрудничества используются гораздо чаще и служат для того, чтобы поделиться информацией с собеседником, указывая ему на те или иные элементы задания. В ситуациях конкуренции стимула делиться информацией с соперником нет, соответственно, указательные жесты почти не используются.

Выводы: слова

Относительно вербального способа выражения коммуникативного пространства также можно сделать некоторые выводы. В ситуациях конкуренции характерными особенностями являются хеджирование, формальные просьбы вместо прямых императивов и употребление местоимений 3 лица применительно к адресату вместо полных имен. В ситуациях сотрудничества, соответственно, результаты получились прямо противоположными. Для ситуаций конкуренции оказалась характерна большая средняя длина высказывания, чем для ситуаций сотрудничества.

Для металингвистических конструкций, разделительных вопросов и процитированных предсказаний статистически значимых различий по типам ситуаций не выявлено, что, однако, не может означать, что такой зависимости нет, но — лишь то, что в данной работе она доказана не была.

Литература

- Argyle M.* The psychology of interpersonal behaviour. Penguin press, 1994.
- Arnold A. J., Winkelman P.* The mimicry among us: Intra- and inter-personal mechanisms of spontaneous mimicry // *Journal of Nonverbal Behavior*, 2020, no. 44, pp. 195–212.
- Biel L.* Communicative distance in interaction: Verbal and nonverbal expression in English // *Language, Literature, Culture and Beyond*, 2007, no. 50, pp. 175–183.
- Biel L.* Proxemic motivation in language: relational metaphors and registers // *Lingua Terra Cognita II. A Festschrift for Professor Roman Kalisz / D. Stanulewicz, T. Z. Wolański, J. Redzimska (Eds.)*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010, pp. 183–203.
- Blakemore D.* Echo questions: A pragmatic account // *Lingua*, 1994, no. 94 (4), pp. 197–211.
- Chartrand T. L., van Baaren R.* Human mimicry // *Advances in experimental social psychology*, 2009, no. 41, pp. 219–274.
- Dancygier B.* Conditionals and Prediction: Time, Knowledge, and Causation in Conditional Constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- Dancygier B.* Interpreting conditionals: Time, knowledge, and causation // *Journal of Pragmatics*, 1993, no. 19 (5), pp. 403–434.
- Dancygier B., Sweetser E.* Mental spaces in grammar: Conditional constructions. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Efron D.* Gesture, Race and Culture. The Hague: Mouton, 1972.
- Ekman P., Friesen W. V.* The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding // *Semiotica*, 1969, no. 1 (1), pp. 49–98.
- Geertz C.* Linguistic Etiquette // *Sociolinguistics: selected readings / J. B. Pride, J. Holmes (Eds.)*. Harmondsworth & Baltimore: Penguin Books, 1972, pp. 167–179.
- Haiman J.* Iconic and economic motivation // *Language*, 1983, no 59 (4), pp. 781–819.
- Hall E. T.* A system for the notation of proxemic behavior // *American anthropologist*, 1963, no. 65 (5), pp. 1003–1026.
- Hall E. T.* The hidden dimension. Garden City, NY: Doubleday, 1966.
- Horn L. R.* A natural history of negation, 1989.
- Horn L. R.* Metalinguistic negation and pragmatic ambiguity // *Language*, 1985, 61 (1), pp. 121–174.
- Hübler A.* Understatements and hedges in English. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1983.
- Kendon A.* Pragmatic functions of gestures. Some observations on the history of their study and their nature // *Gesture*, 2017, no. 16:2, pp. 157–175.
- Lakoff R.* Language in context // *Language*, 1972, no. 48 (4), pp. 907–927.

McNeill D. Gesture and thought. Chicago: University of Chicago press, 2005.

McNeill D. Hand and mind: What gestures reveal about thought. Chicago: University of Chicago press, 1992.

Noh E. J. Echo questions: Metarepresentation and pragmatic enrichment // *Linguistics and philosophy*, 1998, no. 21 (6), pp. 603–628.

Talbot M. M. Language and Gender. An Introduction, Cambridge: Polity Press, 1998.

Vandelanotte L. Constructing stories: Three case studies of contemporary novels // *Cognition and Poetics*, 25–27 April 2013, Universität Osnabrück.

A. A. Gagarin, M. A. Leutina, Yu. V. Nikolaeva

M. V. Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

julianikk@gmail.com

PROXEMIC BEHAVIOR AND GESTICULATION IN COMPETITIVE AND COLLABORATIVE TASKS

Gesticulation accompanying speech performs a lot of functions; inter alia, the non-verbal component of communication reveals the relationship between the participants, their attitude to the information being reported, the role of the clause in the discourse, etc. In two studies regarding competitive and collaborative tasks the participants were in pairs (experiment 1) and in threes (experiment 2). The first experiment examined gesticulation and proxemic behavior of participants at different stages of the task, the second one tested the conclusions of the first one and also studied verbal markers related to communicative distance.

In competitive tasks participants more often cross the boundary between the shared space and the intimate area of the interlocutor with their hands while gesturing compared to cooperative conditions, when they more often cross the boundary between their own intimate zone and the shared space. In addition, in the context of cooperation, the hand gesticulation is more active. The speech of the interlocutors also reflects uses these tendencies as third person pronouns instead of participants' names, indirect requests instead of imperatives and hedging are more often used in competitive contexts.

Key words: non-verbal communication, proxemics, competition, cooperation, gesticulation.

References

Argyle M. *The psychology of interpersonal behaviour*. Penguin press, 1994.

Arnold A. J., Winkielman P. The mimicry among us: Intra- and inter-personal mechanisms of spontaneous mimicry. *Journal of Nonverbal Behavior*, 2020, no. 44, pp. 195–212.

Biel L. Communicative distance in interaction: Verbal and nonverbal expression in English. *Language, Literature, Culture and Beyond*, 2007, no. 50, pp. 175–183.

Biel L. Proxemic motivation in language: relational metaphors and registers. *Lingua Terra Cognita II. A Festschrift for Professor Roman Kalisz / D. Stanulewicz, T. Z. Wolański, J. Redzimska* (Eds.). Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010, pp. 183–203.

Blakemore D. Echo questions: A pragmatic account. *Lingua*, 1994, no. 94 (4), pp. 197–211.

Chartrand T. L., van Baaren R. Human mimicry. *Advances in experimental social psychology*, 2009, no. 41, pp. 219–274.

Dancygier B. *Conditionals and Prediction: Time, Knowledge, and Causation in Conditional Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Dancygier B. Interpreting conditionals: Time, knowledge, and causation. *Journal of Pragmatics*, 1993, no. 19 (5), pp. 403–434.

Dancygier B., Sweetser E. *Mental spaces in grammar: Conditional constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

Efron D. *Gesture, Race and Culture*. The Hague: Mouton, 1972.

Ekman P., Friesen W. V. The repertoire of nonverbal behavior: categories, origins, usage and coding // *Semiotica*, 1969, no. 1 (1), pp. 49–98.

Geertz C. Linguistic Etiquette // *Sociolinguistics: selected readings / J. B. Pride, J. Holmes* (Eds.). Harmondsworth & Baltimore: Penguin Books, 1972, pp. 167–179.

Haiman J. Iconic and economic motivation. *Language*, 1983, no. 59 (4), pp. 781–819.

Hall E. T. A system for the notation of proxemic behavior. *American anthropologist*, 1963, no. 65 (5), pp. 1003–1026.

Hall E. T. *The hidden dimension*. Garden City, NY: Doubleday, 1966.

Horn L. R. *A natural history of negation*. Chicago: University of Chicago Press, 1989.

Horn L. R. Metalinguistic negation and pragmatic ambiguity. *Language*, 1985, 61 (1), pp. 121–174.

Hübler A. *Understatements and hedges in English*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1983.

Kendon A. Pragmatic functions of gestures. Some observations on the history of their study and their nature. *Gesture*, 2017, no. 16:2, pp. 157–175.

Lakoff R. Language in context. *Language*, 1972, no. 48 (4), pp. 907–927.

McNeill D. *Gesture and thought*. Chicago: University of Chicago Press, 2005.

McNeill D. *Hand and mind: What gestures reveal about thought*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Noh E. J. Echo questions: Metarepresentation and pragmatic enrichment. *Linguistics and philosophy*, 1998, no. 21 (6), pp. 603–628.

Talbot M. M. *Language and Gender. An Introduction*. Cambridge: Polity Press, 1998.

Vandelanotte L. Constructing stories: Three case studies of contemporary novels. *Cognition and Poetics*, 25–27 April 2013, Universität Osnabrück.

К. А. Аксенов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

(Россия, Москва)

kirill-ax@yandex.ru

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ В ЖЕСТОВЫХ ЯЗЫКАХ: ЧАСТЬ ЯЗЫКА ИЛИ ЖЕСТИКУЛЯЦИЯ?

В нашей статье мы рассматриваем личные местоимения в жестовых языках с точки зрения их сходства с указательными жестами, сопровождающими звучащую речь. Сходство достаточно очевидно. И те, и другие прототипически сводятся к движению руки. И те, и другие служат для привлечения внимания к определённом месту или предмету. И те, и другие усваиваются детьми и начинают активно использоваться ими примерно в одном возрасте. И те, и другие — жесты, правда, разной природы: в первом случае естественно считать их частью языка и в этом качестве причислять к знакам (signs), а во втором (в звучащих языках) — приписывать им дополнительную, сопровождающую основные знаки функцию (gestures). Однако формальное сближение и даже отождествление местоимений в жестовых языках с указательными сопровождающими жестами может поставить под сомнение их чисто лингвистический статус. Мы показываем, что основной причиной, по которой местоимения в жестовых языках могут относить к жестикуляции, является зависимость ориентации этих жестов от положения их референтов в пространстве, что представляет трудности для их фонологического описания. В остальном, однако, местоимения в ЖЯ проявляют себя именно как часть языка, демонстрируя высокую степень конвенционализации и являясь носителями грамматических значений. В связи с этим уподобление местоимений ЖЯ жестикуляции, несмотря на их формальные сходства, представляется нам не совсем корректным.

Ключевые слова: указательные жесты, жестовые языки, жестикуляция, личные местоимения.

Вводные замечания

Указательные жесты регулярно используются при общении как на жестовых, так и на звучащих языках, и в обоих случаях одна из главных функций указательных жестов заключается в привлечении внимания к определённому месту или предмету [Fenlon et al. 2019]. В жестовых языках (ЖЯ), однако, указательные жесты напрямую

включены в систему языка, выступая, помимо прочих, в функции личных местоимений [Cormier 2012], что отличает их от указательных жестов, сопровождающих звучащую речь, поскольку последние не являются носителями чистых грамматических значений. Тем не менее исследователи отмечают, что указательные жесты, сопровождающие звучащую речь, во многом похожи на местоимения в жестовых языках, что может поставить под сомнение чисто лингвистический статус последних [Cormier 2013; Meier, Lillo-Martin 2013]. В настоящей статье мы рассказываем о существующих подходах к местоимениям в жестовых языках и анализируем причины, по которым ряд исследователей соотносят их с указательными жестами, сопровождающими звучащую речь.

В англоязычной литературе (см., например, [Pfau et al. 2012]) для жестов, сопровождающих речь, используют термин *gestures*, а жесты из жестовых языков называют *signs*. В русскоязычной же литературе, несмотря на наличие противопоставления между *жестикულიацией* и *жестовыми языками*, само слово *жест* является многозначным. Чтобы избежать терминологической путаницы, в дальнейшем мы будем называть жесты, сопровождающие речь, СР-жестами, а жесты жестовых языков ЖЯ-жестами.

Под указательными СР-жестами в настоящей статье мы будем понимать коммуникативное движение руки, направленное в сторону некоторого человека или объекта. Такое определение, по нашему мнению, соответствует пониманию прототипического указательного жеста в [Kita 2003]. При этом мы отдаём себе отчёт в том, что:

- а) Не все указательные СР-жесты мануальные (см., например, [Гришина 2013а])
- б) Функции указательных жестов (как СР-жестов, так и ЖЯ-жестов) не ограничиваются указанием на внешние по отношению к говорящему объекты или на самого говорящего (см., например [Meier, Lillo-Martin 2013; Гришина 2013б]).

Личные местоимения в жестовых языках

Как уже было сказано выше, личные местоимения в жестовых языках обычно принимают форму указательного жеста. Если референт присутствует в месте речевого акта, указательный жест будет направлен на него. Если же референт физически отсутствует, говорящий размещает его в пространстве перед собой (жестовом пространстве) с помощью указательного жеста. Таким образом за отсутствующим референтом закрепляется определённый локус, и далее этот локус может быть использован для упоминания данного референта [Cormier 2012; Sandler, Lillo-Martin 2006; Киммельман 2011], как это показано на иллюстрации 1, взятой из [Koulidobrova, Lillo-Martin 2016].

Типичной формой руки при реализации личных местоимений в большинстве ЖЯ является вытянутый указательный палец (конфигурация 1). Прочие местоимения (например, посессивные) имеют другую конфигурацию [Cormier 2012; Sandler,

Рис. 1. Местоимение третьего лица в американском жестовом языке, отсылающее к (а) присутствующему и (б) отсутствующему референту

Рис. 2. Местоимения первого лица в (а) британском, (б) русском и (в) американском жестовых языках

Lillo-Martin 2006]. Носители ЖЯ, однако, проявляют вариативность при использовании личных местоимений, поэтому возможны и иные конфигурации, такие как открытая ладонь (конфигурация *B*) [Bayley et al. 2002; Fenlon 2019].

Существенным является тот факт, что в разных, в том числе не связанных между собой исторически, ЖЯ личные местоимения реализуются практически одинаково: набор конфигураций в большинстве языков ограничен конфигурациями *B* и *I*. Это отличает личные местоимения не только от прочих местоимений в ЖЯ (так, форма руки для посессивных местоимений в разных ЖЯ могут значительно варьироваться), но и от личных местоимений в звучащих языках [Meier, Lillo-Martin 2013]. Например, на иллюстрации 2 представлены местоимения первого лица в британском [Cormier et al. 2013], русском [Корпус 2012–2015] и американском [Koulidobrova, Lillo-Martin 2016] ЖЯ: во всех случаях используются указательные жесты в конфигурации 1, направленные на грудь говорящего.

Указательные СР-жесты и личные местоимения в ЖЯ

Указательные СР-жесты и ЖЯ-жесты существуют в одной и той же визуально-жестовой модальности и реализуются за счёт схожих конфигураций руки (см. иллюстрацию 3, взятую из [Fenlon et al. 2019]).

ЖЯ-жесты образуют систему. Например личные, посессивные и бенефактивные местоимения в русском жестовом языке противопоставлены друг другу по конфигурации руки. Однако и указательные СР-жесты в разных языках также демонстрируют определённую системность: разные конфигурации и разные движения руки имеют определённые функции [Fenlon et al. 2019]. Так, например, в русских

Рис. 3. Местоимения первого, второго и третьего лица в британском жестовом языке (верхний ряд) и указательные СР-жесты у носителей американского английского (нижний ряд)

указательных СР-жестах выбор между открытой ладонью и указательным пальцем может быть обусловлен единичностью или множественностью объекта указания, его определённости и другими факторами [Гришина 2012]. При этом существенно, что СР-жесты прочно интегрированы в систему языка. Так, в русском языке противопоставление объекта и ситуации оказывается релевантным для выбора конфигурации руки при частицах *вон* и *вот*, но не местоимениях *тот* и *этот* [Гришина 2012].

Другим фактором, который роднит указательные СР-жесты и местоимения в ЖЯ, является их способность реферировать не только к реально находящимся в поле зрения говорящего объектам, но и к отсутствующим. При жестикуляции говорящий может реферировать к абстрактному локусу, ассоциированному с некоторым объектом, ровно так же, как это делают носители ЖЯ [Cormier et al. 2013].

И СР-жесты, и местоимения в ЖЯ могут быть культурно обусловлены. Так, в большинстве западных культур автодейктические СР-жесты (т.е. жесты, указывающие на себя) направлены в район груди. Местоимения первого лица в соответствующих ЖЯ также оказывается направлены в район груди. В то же время и японские автодейктические СР-жесты, и местоимение первого лица в японском жестовом языке оказываются направлены в район носа [Fenlon et al. 2019; Cormier et al. 2013; Meier, Lillo-Martin 2013].

Стоит, однако, отметить, что личные местоимения являются не единственной культурно-обусловленной лексикой в ЖЯ. Так, например, слышащие итальянцы угадывали значение ряда жестов итальянского жестового языка успешнее, чем слышащие представители других европейских культур [Braem et al. 2002].

Ричард Майер и Диана Лилло-Мартин [Meier, Lillo-Martin 2013] высказали идею, что для того, чтобы доказать, что указательные ЖЯ-жесты являются частью языка, а не жестикуляцией, нужно показать, что они (а) являются конвенциональной

частью лексикона и (б) интегрированы в грамматику языка. Степень интегрированности указательных ЖЯ-жестов в грамматику жестовых языков мы рассмотрим в следующем разделе, сконцентрировавшись сейчас на степени их конвенционализированности.

Если местоимения в ЖЯ являются частью лексикона, они должны иметь высокую степень конвенционализированности, то есть вариативность в форме указательных ЖЯ-жестов как между разными носителями, так и в речи каждого конкретного носителя, должна быть заметно ниже, чем вариативность в использовании СР-жестов при жестикуляции у носителей звучащих языков. Чтобы проверить эту гипотезу, Джордан Фенлон с коллегами [Fenlon et al. 2019] провели корпусное исследование и сопоставили использование личных местоимений носителями британского жестового языка (BSL) и использование указательных СР-жестов носителями американского английского. Результаты их исследования показывают, что в целом конфигурация руки при использовании местоимений в BSL действительно в большей степени конвенционализирована, чем конфигурация руки у носителей американского английского при использовании указательных СР-жестов.

Как уже было сказано выше, при артикуляции местоимений в ЖЯ обычно используется конфигурация *I*. Так, в BSL при употреблении местоимений третьего лица она встречается с вероятностью более 95%, а при употреблении местоимений второго лица — с вероятностью более 99%. В то же время носители американского английского, во-первых, предпочитали использовать указательные жесты с конфигурацией *B*, а во-вторых, были менее последовательны в выборе конфигурации. При указании на адресата вероятность того, что СР-жест примет форму открытой ладони была в районе 88%, а при указании на не-участника речевого акта — чуть больше 66%.

Интересно, что случаи автодейксиса отличались от остальных указательных жестов как у носителей BSL, так и носителей американского английского. И те, и другие чаще, чем в случае других указательных жестов, использовать конфигурацию *B*: вероятность употребления этой конфигурации достигала 93% в случае СР-жестов и доходила почти до 35% в случае ЖЯ-жестов. Заметим, что в Американском жестовом языке (ASL) вероятность использования конфигурации *B* также выше всего именно при употреблении местоимений первого лица [Bauley et al. 2002]. В [Fenlon et al. 2019] была предложена следующая интерпретация этого факта: указание пальцем задаёт более точный вектор, чем указание ладонью. Однако в случае с указанием на себя точность вектора, задаваемого указательным жестом, не важна, поскольку объект указания в любом случае будет однозначно интерпретирован.

В выборке [Fenlon et al. 2019] практически не встретилось двуручных ЖЯ-жестов. Однако они встретились среди СР-жестов и, что существенно, наибольшее количество двуручных жестов было замечено именно среди автодейктических СР-жестов: почти половина всех автодейктических СР-жестов была двуручной, в то время как вероятность употребления неавтодейктического двуручного СР-жеста не превышала 23%.

Автодейктические СР-жесты и ЖЯ-жесты также различались по признаку контакта. Так, в подавляющем большинстве случаев автодейктические ЖЯ-жесты происходили с контактом груди, в то время как вероятность контакта в случае СР-жестов не превышала 15%.

СР-жесты и ЖЯ-жесты были также сопоставлены в [Fenlon et al. 2019] по признаку длительности. Выяснилось, что СР-жесты в целом реализуются дольше, чем ЖЯ-жесты. Так, длительность ЖЯ-жестов в среднем не превышала 262 мсек, в то время как длительность СР-жестов была как минимум 752 мсек. Одно из возможных объяснений заключается в том, что указательные ЖЯ-жесты, будучи частотными, претерпели редукцию и стали в целом короче, чем прочие ЖЯ-жесты [Börstell et al. 2016]. Альтернативное объяснение состоит в том, что на скорость реализации СР-жестов влияет скорость речевого потока, который СР-жесты сопровождают. Заметим, что предложенные объяснения не являются взаимоисключающими.

Таким образом, местоимения в ЖЯ демонстрируют меньше вариативности, чем СР-жесты, что можно считать аргументом в пользу того, чтобы считать их частью лексикона, а не жестикуляцией. Однако нельзя не отметить, что местоимения первого лица в ЖЯ и автодейктические жесты имеют ряд сходств. Во-первых, для обоих типов жестов конфигурация *B* характерна в большей степени, чем для жестов, указывающих не на говорящего. Во-вторых, оба типа жестов имеют строгие, хотя и противоположные, предпочтения относительно признака контакта с телом: местоимения первого лица обычно касаются тела, в то время как автодейктические СР-жесты обычно контакта избегают.

Как анализируют личные местоимения в жестовых языках

Традиционно в ЖЯ выделяли местоимения первого, второго и третьего лица [Cormier 2012]: местоимения первого лица при таком подходе выражаются с помощью указания на говорящего, второго лица — с помощью указания на адресата, а третьего — с помощью указания на реально присутствующего референта или (в случае физического отсутствия референта) на ассоциированный с ним локус в жестовом пространстве.

Очевидная проблема такого описания заключается в том, что направление движения указательного жеста обусловлено реальным положением референта в пространстве. Учитывая, что положение в пространстве адресата и не-участников речевого акта относительно говорящего не детерминировано, количество локусов, в направлении которых реализуются указательные ЖЯ-жесты, потенциально бесконечно. Это создаёт проблему для описания местоимений ЖЯ как части лексикона. Движение и локализация (наряду с конфигурацией руки, её ориентацией и немануальными маркерами) являются фонологическими характеристиками ЖЯ-жеста [Sandler, Lillo-Martin 2006]. Зависимость ряда фонологических характеристик личных местоимений в ЖЯ от экстралингвистических параметров (то есть от положения референта в пространстве) ставит под сомнение их фонологическую композициональность [Meier, Lillo-Martin 2013]: для того, чтобы считать местоимения второго и третьего лица частью лексикона, придётся допустить, что в нём хранится бесконечное количество аллофонов таких жестов (т.н. ‘listability problem’).

Один из подходов к данной проблеме, представленный, среди прочих, в [Liddell 2000], заключается в том, что местоимения в ЖЯ состоят из собственно морфемных элементов (конфигурация руки) и элементов жестикуляции (локализация/направление указательного жеста).

Стоит отметить, что подобный анализ применяется в жестовой лингвистике не только к местоимениям. Так, у целого класса лексики ЖЯ, называемого классификаторами, часть фонологических характеристик непредсказуема и зависит от контекста [Sandler, Lillo-Martin 2006]. Для анализа подобных явлений было предложено разделить всю жестовую лексику на ядерную и периферийную. Формы жестов, относящихся к ядерной лексике, остаются неизменными во всех контекстах, в то время как жесты, относящиеся к периферийной лексике, могут значительно изменять свою форму в зависимости от контекста. Периферийная лексика состоит из лексической части, которая хранится в лексиконе, и нелексической части [Кюсева 2017а, Кюсева 2017б].

Ричард Майер [Meier et al. 1990] предложил альтернативный анализ местоимений в ЖЯ. Его работа была посвящена ASL, но позже его подход был применён и к другим ЖЯ [Cormier 2012]. Майер, принимая аргумент о том, что существует бесконечное количество направлений, в которых могут быть реализован указательный жест, замечает, что местоимение первого лица в ASL всегда направлено в одну точку: на грудь говорящего. Таким образом все фонологические компоненты для местоимения первого лица оказываются предсказуемыми и не зависят от контекста. Также Майер указывает, что не всегда указательный ЖЯ-жест, направленный на говорящего, является индексом: местоимения первого лица множественного числа в ASL (см. иллюстрацию 4, взятую из [Cormier 2012]) ориентировано на грудь говорящего, но реферирует оно не только к нему. В [Cormier et al. 2013] указано, что такое поведение местоимения первого лица множественного числа в ASL может объясняться тем, что в его семантике важнее оказывается не перечисление референтов, а выражение идеи ассоциированности некоторого множества с говорящим (ср. категорию ключивности в ряде звучащих языков).

Также Майер обращает внимание на использование местоимения первого лица в цитатных конструкциях — в литературе для обозначения таких конструкций в ЖЯ обычно используют термин 'role shift'. В цитатных конструкциях в ЖЯ говорящий принимает на себя роль цитируемого им человека, передавая не только

Рис. 4. Местоимение первого лица множественного числа в ASL

его мысли и слова, но и действия, и эмоции [Киммельман, Христофорова 2018]. Таким образом, указывает Майер, в цитатных конструкциях говорящий, указывая на себя, реферирует не к себе, а к автору цитации. Однако как замечают [Cormier et al. 2013], подобное возможно и при жестикуляции. Несложно представить ситуацию, в которой произнесённая носителем русского языка фраза *А он такой «вы про меня говорили?»* будет сопровождаться автодейктическим СР-жестом.

Добавим, что аргумент Майера о цитатных конструкциях можно также использовать для определения того, существует ли у местоимений в ЖЯ категория второго лица. Так, нам представляется уже куда менее вероятной ситуация, при которой в звучащих языках фразы типа *А он такой: «Вот вы мне и скажите!»* регулярно сопровождалась бы СР-жестами, направленными на адресата. Если бы при этом носители ЖЯ в цитатных конструкциях регулярно использовали указательные ЖЯ-жесты, направленные на адресата своего сообщения, имея при этом в виду адресатов автора цитации, это могло бы быть аргументом в пользу наличия в ЖЯ грамматически выраженного второго лица. Однако мы ожидаем, что при описываемом нами сценарии носители ЖЯ скорее будут использовать указательные ЖЯ-жесты, ориентированные на локусы, ассоциированные адресатами автора цитации, а не на адресатов собственного сообщения.

Ещё один аргумент в пользу отсутствия у местоимений в ЖЯ категории лица можно найти в [Zwitzerlood, Gijn 2006]. Представим, что у нас есть два участника коммуникации: Петя и Вася. Если они общаются на звучащем языке, то вне зависимости от того, кто в данный момент будет говорить, местоимение со значением ‘я’ будет всегда отсылать к говорящему, а местоимение со значением ‘ты’ — к адресату. Если же они будут общаться на жестовом языке, указательный жест, направленный на Петю (неважно, использует ли его Вася или сам Петя) будет значить “Петя”.

Таким образом, в литературе по жестовым языкам главный аргумент в пользу того, чтобы считать личные местоимения ЖЯ жестикуляцией, а не частью языковой системы, основан на том, что их ориентация зависит от реального положения референтов в пространстве. Нам представляется, однако, что из того факта, что мы не можем описать, как все компоненты ЖЯ-жеста хранятся в лексиконе, не следует напрямую, что этот жест относится к жестикуляции. По крайней мере этот логический переход не выглядит для нас самоочевидным.

По всем прочим признакам местоимения являются частью жестовых языков. Во-первых, они выступают в качестве глагольных аргументов. Во-вторых, во многих ЖЯ они принимают на себя категорию числа. В-третьих, они подчиняются существующим в языке синтаксическим ограничениям. Так, например, в Нидерландском жестовом языке копирование подлежащего (subject-pronoun copying) возможно внутри вложенной клаузы при подчинении, но невозможно во втором конъюнкте при сочинении [Sandler, Lillo-Martin 2006; Meier, Lillo-Martin 2013].

Другая проблема с анализом местоимений в ЖЯ связана с тем, что у них отсутствует категория лица. Учитывая, что у местоимений в звучащих языках эта категория является центральной [Harley, Ritter 2002], может возникнуть вопрос, в какой степени вообще правомерно называть местоимения в ЖЯ “местоимениями”.

Существенно, однако, что местоимения в ЖЯ, как и местоимения в звучащих языках, являются дейктическими единицами; только вместо категории лица они опираются на пространственные локусы. И эти пространственные локусы, как кажется, наделены в ЖЯ грамматическим значением. Так, во многих (если не в подавляющем большинстве) жестовых языках существует особый подкласс глаголов, которые способны согласовываться со своими субъектом и объектом по их локусу [Sandler, Lillo-Martin 2006]. Такие глаголы, называемые “согласующимися” обычно начинают своё движение в локусе субъекта, а заканчивают его в локусе объекта (подробнее об особенностях согласования в ЖЯ см. в [Pfau et al. 2018]). Например, на иллюстрации 5, взятой из [Sandler, Lillo-Martin 2006], глагол со значением ‘спрашивать’ согласуется со своими субъектом и объектом по локусу. Соответственно, локус в ЖЯ играет важную роль в грамматике.

Рис. 5. Согласующийся глагол СПРАШИВАТЬ в ASL
 а. ‘Я спрашиваю его/ее’;
 б. ‘Он/она спрашивает его/ее’;
 в. ‘Он/она спрашивает меня’

Заметим, что вообще локус как дейктическая единица может способствовать успешной коммуникации в большей степени, чем категория лица. Так, фраза *Петя и Вася решили, что ему лучше не приходиться на вечеринку* является многозначной: антецедентом местоимения третьего лица *ему* могут быть и Петя, и Вася, и некоторый неназванный участник. В то же время местоимения в жестовых языках не способствуют появлению такого рода многозначности: так, в приведённом выше примере и за Петей, и за Васей, и за любым другим референтом будет закреплён отдельный локус в жестовом пространстве, на который говорящий сможет однозначно сослаться. В связи с этим мы не считаем удивительным тот факт, что у местоимений в ЖЯ отсутствует категория числа: локус как грамматическая категория может успешно её заменять.

Усвоение указательных СР-жестов и местоимений в ЖЯ

Дети начинают употреблять указательные жесты раньше, чем слова [Colonnesi et al. 2010]. Они распознают указательные жесты, которые используют их родители, начиная с 8 месяцев [Matthews et al. 2012] и начинают указывать на предметы примерно с 11–12 месяцев. Считается, что указательные жесты — это первая попытка намеренной коммуникации, предпринятая ребёнком [Tomasello et al. 2007].

При этом исследователи отмечают [Colonnesi et al. 2010], что первая функция, в которой дети начинают использовать указательные местоимения — декларативная (то есть направленная на то, чтобы привлечь внимание другого к некоторому

объекту), а не императивная (то есть направленная на то, чтобы попросить у другого некоторый объект).

Жестикуляция играет важную роль в усвоении речи [Leroy et al. 2009]. Лонгитюдные исследования показывают, что чем больше указательных жестов использует ребёнок на ранних стадиях своего развития, тем быстрее он будет овладевать языком в более позднем возрасте [Colonnesi et al. 2010]. Связь между использованием указательных жестов и языковым развитием у ребёнка становится особенно сильной между 15 и 20 месяцами, когда ребёнок начинает порождать свои первые предложения [Colonnesi et al. 2010].

Глухие дети, усваивающие жестовый язык, начинают использовать указательные жесты начиная примерно с 10 месяцев. В этом возрасте их попытки использовать указательные жесты ничем не отличаются от аналогичных попыток слышащих детей [Lillo-Martin 1999]. Таким образом, и глухие, и слышащие дети впервые употребляют указательные жесты примерно в одно время и используют их в одних и тех же функциях. Использовать указательные жесты в качестве местоимений глухие дети начинают после 20 месяцев [Mauberry, Squires 2006]. На этом этапе дети путают местоимения со значением 'я' и 'ты', ровно так же, как это делают слышащие дети при усвоении местоимений, что позволяет заключить, что именно в это время указательные жесты становятся частью языковой системы [Lillo-Martin 1999].

Заметим, что именно к 20 месяцу жизни использование указательных СР-жестов наибольшим образом влияет на скорость усвоения языка слышащими детьми. В связи с параллелизмом усвоения указательных ЖЯ-жестов и СР-жестов можно предположить, что указательные жесты своим появлением способствует появлению языка, чтобы потом так или иначе интегрироваться в языковую систему: либо напрямую, как в случае с жестовыми языками, либо более сложным образом, становясь частью параллельной, но в то же время интегрированной в язык системы, как в случае с жестами, сопровождающими речь.

Заключение

В нашей работе мы рассмотрели то, как анализируют личные местоимения в жестовых языках. Мы приходим к выводу, что основная причина, по которой их в ряде работ уподобляют указательным СР-жестам, заключается в невозможности описать, как все их компоненты хранятся в лексиконе. Тем не менее мы не считаем, что сложности, возникающие при описании ЖЯ-жестов, служат достаточным основанием для того, чтобы описывать их в терминах жестикуляции. Кроме того, высокая степень конвенционализированности местоимений в ЖЯ и их включенность в грамматические процессы языка указывают на то, что они являются именно частью языковой системы.

Литература

Гришина Е. А. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса) // Вопросы языкознания. 2012. № 3. С. 3–50.

Гришина Е. А. Указания головой как система // Вопросы языкознания. 2013а. № 3. С. 119–159.

Гришина Е. А. Темпоральные дейктические жесты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013b. Т. 72. № 1. С. 3–31.

Киммельман В. И., Христофорова Е. А. Цитационные конструкции в русском жестовом языке: корпусное исследование // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2018. Т. 14. № 3. С. 337–356.

Киммельман В. И. Теория связывания и жестовые языки // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2011. Т. 7. — № 3. С. 88–92.

Корпус русского жестового языка [Электронный ресурс] / Руководитель проекта С. И. Буркова. Новосибирск 2012–2015. URL: <http://rsl.nstu.ru/> — Загл. с экрана (дата обращения: 1.11.2021).

Кюсева М. В. Признаковая лексика в русском жестовом языке в типологической перспективе // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017a. № 3. С. 97–114.

Кюсева М. В. Жесты формы и размера в русском жестовом языке // Rhema. Рема. 2017b. № 1. С. 41–60

Bayley R., Lucas C., Rose M. Phonological variation in American Sign Language: The case of 1 handshape // Language Variation and Change. 2002. Vol. 14. № 1. P. 19–53.

Braem P. B., Pizzuto E., Volterra V. The interpretation of signs by (hearing and deaf) members of different cultures // Progress in sign language research: in honor of Siegmund Prillwitz. Signum, 2002. P. 187–219.

Börstell C., Hörberg T., Östling R. Distribution and duration of signs and parts of speech in Swedish Sign Language // Sign Language & Linguistics. 2016. Vol. 19. № 2. P. 143–196.

Colonnaesi C. et al. The relation between pointing and language development: A meta-analysis // Developmental Review. 2010. Vol. 30. № 4. P. 352–366.

Cormier K. Pronouns // Sign Language. An International Handbook // Mouton de Gruyter, 2012. P. 227–244.

Cormier K., Schembri A., Woll B. Pronouns and pointing in sign languages. // Lingua. 2013. № 137. P. 230–247.

Fenlon J., Cooperrider K., Keane J., Brentari D., Goldin-Meadow S. Comparing sign language and gesture: Insights from pointing. // Glossa: a journal of general linguistics. 2019. № 4 (1). P. 2.

Harley H., Ritter E. Person and number in pronouns: A feature-geometric analysis // Language. 2002. P. 482–526.

Kita S. (Ed.). Pointing: Where language, culture, and cognition meet. Psychology Press, 2003. 339 p.

Koulidobrova E., Lillo-Martin D. A ‘point’ of inquiry: The case of the (non-) pronominal IX in ASL // The impact of pronominal form on interpretation. 2016. Vol. 221. P. 221–250.

Leroy M., Mathiot E., & Morgenstern A. Pointing gestures, vocalizations and gaze: Two case studies // Studies in language and cognition / ed. by J. Zlatev, M. Andren, M. J. Falck, C. Lundmark. Cambridge Scholars Publishing. 2009. P. 261–275.

Liddell S. K. 16 Blended spaces and deixis in sign language // *Language and gesture*. 2000. Vol. 2. P. 331.

Lillo-Martin D. Modality effects and modularity in language acquisition: The acquisition of American Sign Language // *Handbook of child language acquisition*. 1999. P. 531–567.

Matthews D., Behne T., Lieven E., Tomasello M. Origins of the human pointing gesture: a training study // *Developmental science*. 2012. Vol. 15. № 6. P. 817–829.

Mayberry R. I., Squires B. Sign language acquisition // *Encyclopedia of language and linguistics*. 2006. Vol. 11. P. 739–43.

Meier R. P., Lillo-Martin D. The points of language // *Humanamente*. 2013. Vol. 24. P. 151–176.

Meier R. P. et al. Person deixis in American sign language // *Theoretical issues in sign language research*. 1990. Vol. 1. P. 175–190.

Pfau R., Steinbach M., Woll B. (Eds.). *Sign language: An international handbook*. — Walter de Gruyter, 2012. Vol. 37. P. 1.

Pfau R., Salzmann M., Steinbach M. The syntax of sign language agreement: Common ingredients, but unusual recipe // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2018. Vol. 3. № 1. P. 1–46.

Sandler W., Lillo-Martin D. *Sign language and linguistic universals*. Cambridge University Press, 2006.

Tomasello M., Carpenter M., Liszkowski U. A new look at infant pointing // *Child development*. 2007. Vol. 78. № 3. P. 705–722.

Zwitserslood I. E. P., Gijn I. V. Agreement phenomena in Sign Language of the Netherlands // *Arguments and Agreement* / ed. by P. Ackema, P. Brandt, M. Schoorlemmer. 2006. P. 195–229.

K. A. Aksyonov

National Research University Higher School of Economics

Russia, Moscow

kirill-ax@yandex.ru

PERSONAL PRONOUNS IN SIGN LANGUAGES: PART OF A LANGUAGE SYSTEM OR GESTURES?

This article is an overview of different approaches to personal pronouns in sign languages (SLs). Namely, I concentrate on similarities and differences between SLs pronouns and pointing gestures. These items are of different nature: the first are considered as part of the language (signs), and the second (gestures) belong to the sound languages and have an additional function of accompanying the main signs. At the same time, the similarities between them are quite obvious. Both SLs pronouns and pointing gestures are prototypically reduced to hand movement and both of them serve to draw attention

to a particular place or object. They have similar configurations and their orientation depends on the position of their referents. Both are acquired by children at about the same age. However, identification of pronouns in sign languages with gestures may call into question their purely linguistic status. The paper argues, that SLs pronouns are more conventionalized, as compared to pointing gestures, and they bear grammatical meaning, thus proving to be part of a language system, but not gestures.

Keywords: pointing gestures, pointing signs, sign languages, personal pronouns.

References

- Bayley R., Lucas C., Rose M. Phonological variation in American Sign Language: The case of 1 handshape. *Language Variation and Change*, 2002, vol. 14, no. 1, pp. 19–53.
- Börstell C., Hörberg T., Östling R. Distribution and duration of signs and parts of speech in Swedish Sign Language. *Sign Language & Linguistics*, 2016, vol. 19, no. 2, pp. 143–196.
- Braem P. B., Pizzuto E., Volterra V. The interpretation of signs by (hearing and deaf) members of different cultures. *Progress in sign language research: in honor of Siegmund Prillwitz*. Signum, 2002, pp. 187–219.
- Colonnesi C. et al. The relation between pointing and language development: A meta-analysis. *Developmental Review*, 2010, vol. 30, no. 4, pp. 352–366.
- Cormier K. Pronouns. *Sign Language. An International Handbook*. Mouton de Gruyter, 2012, pp. 227–244.
- Cormier K., Schembri A., Woll B. Pronouns and pointing in sign languages. *Lingua*, 2013, no. 137, pp. 230–247.
- Fenlon J., Cooperrider K., Keane J., Brentari D., Goldin-Meadow S. Comparing sign language and gesture: Insights from pointing. *Glossa: a journal of general linguistics*, 2019, no. 4 (1), p. 2.
- Grishina E. A. [Hand indications as a system (according to the Multimedia Russian corpus)]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2012, no. 3, pp. 3–50. (In Russ.)
- Grishina E. A. [Head indications as a system]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2013a, no. 3, pp. 119–159. (In Russ.)
- Grishina E. A. [Temporal deictic gestures]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2013b, vol. 72, no. 1, pp. 3–31. (In Russ.)
- Harley H., Ritter E. Person and number in pronouns: A feature-geometric analysis. *Language*, 2002, pp. 482–526.
- Kimmel'man V. I., Khristoforova E. A. [Citational constructions in Russian sign language: corpus research]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Institute of Linguistic Research]. 2018, vol. 14, no. 3, pp. 337–356.
- Kimmel'man V. I. [Binding theory and sign languages]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy* [Proceedings of the Institute of Linguistic Research]. 2011, vol. 7, no. 3, pp. 88–92.
- Kita S. (Ed.). *Pointing: Where language, culture, and cognition meet*. Psychology Press, 2003. 339 p.

Korpus russkogo zhestovogo yazyka [Russian Sign Language Corpus] [Electronic resource] / Project leader S. I. Burkova. Novosibirsk State Technical University, 2014–2021. Available at: <http://rsl.nstu.ru/> (accessed 1.11.2021). (In Russ.)

Koulidobrova E., Lillo-Martin D. A ‘point’ of inquiry: The case of the (non-) pronominal IX in ASL // *The impact of pronominal form on interpretation*. 2016, vol. 221, pp. 221–250.

Kyuseva M. V. [The lexicon of qualities in Russian sign language in a typological perspective]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, 2017a, no. 3, pp. 97–114. (In Russ.)

Kyuseva M. V. [Gestures of form and size in Russian sign language]. *Rhema. Rema*, 2017b, no. 1, pp. 41–60. (In Russ.)

Leroy, M., Mathiot, E., & Morgenstern, A. Pointing gestures, vocalizations and gaze: Two case studies. J. Zlatev, M. Andren, M. J. Falck, C. Lundmark (Eds.). *Studies in language and cognition*. Cambridge Scholars Publishing, 2009, pp. 261–275.

Liddell S. K. 16 Blended spaces and deixis in sign language. *Language and gesture*, 2000, vol. 2, p. 331.

Lillo-Martin D. Modality effects and modularity in language acquisition: The acquisition of American Sign Language. *Handbook of child language acquisition*. 1999, pp. 531–567.

Matthews, D., Behne, T., Lieven, E., Tomasello, M. Origins of the human pointing gesture: a training study. *Developmental science*, 2012, vol. 15, no. 6, pp. 817–829.

Mayberry R. I., Squires B. Sign language acquisition. *Encyclopedia of language and linguistics*, 2006, vol. 11, pp. 739–743.

Meier R. P., Lillo-Martin D. The points of language. *Humanamente*, 2013, vol. 24, pp. 151–176.

Meier R. P. et al. Person deixis in American sign language. *Theoretical issues in sign language research*. 1990, vol. 1, pp. 175–190.

Pfau R., Steinbach M., Woll B. (Eds.). *Sign language: An international handbook*. Walter de Gruyter, 2012, vol. 37, pp. 1.

Pfau R., Salzmann M., Steinbach M. The syntax of sign language agreement: Common ingredients, but unusual recipe. *Glossa: a journal of general linguistics*, 2018, vol. 3, no. 1, pp. 1–46

Sandler W., Lillo-Martin D. *Sign language and linguistic universals*. Cambridge University Press, 2006.

Tomasello M., Carpenter M., Liszkowski U. A new look at infant pointing. *Child development*, 2007, vol. 78, no. 3, pp. 705–722.

Zwitserlood I. E. P., Gijn I. V. Agreement phenomena in Sign Language of the Netherlands. Ackema P.; Brandt P.; Schoorlemmer M. (eds.), *Arguments and Agreement*. 2006, pp. 195–229.

А. А. Демина, Ю. В. Николаева
МГУ им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
julianikk@gmail.com

ЖЕСТЫ И ЭМОЦИИ: ЖЕНСКИЙ И МУЖСКОЙ СТИЛЬ ПОВЕДЕНИЯ¹

В данном исследовании был использован Мультимедийный русский корпус, из которого были получены данные о жестовом поведении мужчин и женщин при выражении той или иной эмоции. Для 16 эмоций было найдено и обработано 377 фрагментов с участием женщин и 959 — мужчин. Результаты выдачи МУРКО были отсортированы по убыванию для каждого пола и проанализированы с точки зрения совпадения частотных жестов у людей обоих полов, присутствия каких-либо жестов только в выдаче по одному полу и т. д. Среди главных закономерностей можно выделить следующие факты: жестовое поведение мужчин в целом разнообразнее и может в некоторых ситуациях отличаться от женского степенью экспрессивности жестов или типом жеста.

С помощью критерия Манна-Уитни удалось выявить статистическую значимость различий по полу только для 3 эмоций, а именно для испуга, недовольства и удивления.

Отсутствие различий в остальных случаях можно объяснить тем, что сейчас происходит нивелирование гендерных различий, в том числе в невербальном поведении, поэтому мужские и женские способы выражения эмоций совпадают или приобретают много общих черт. Эти результаты опровергают стереотипы о повышенной женской эмоциональности и мужской логичности, но подтверждают предположения о том, что мужчины разнообразнее и энергичнее проявляют эмоции, связанные с гневом, а женщины более экспрессивны в выражении радости и привязанности.

Ключевые слова: эмблематические жесты, эмоциональные жесты, гендерные различия, мужской и женский стиль поведения.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Введение

Цель данного исследования — изучение различий в жестовом поведении мужчин и женщин, а также различий в наборе жестов, которые используют люди различных по гендеру стилей невербального поведения, и в частоте их использования.

Среди русскоязычных работ на эту тему можно упомянуть статью Г. Е. Крейдлина «Мужчины и женщины в невербальной коммуникации» [Крейдлин 2005], в которой в качестве методов использовались в первую очередь наблюдения. В данной работе используется корпусный метод анализа невербального поведения мужчин и женщин с использованием данных Мультимедийного корпуса — подкорпуса Национального корпуса русского языка.

Г. Е. Крейдлин в своей докторской диссертации [Крейдлин 2000] называет основные функции жестов:

- управление вербальным поведением говорящего и слушающего;
- отображение в коммуникативном акте актуальных речевых действий;
- передача адресату некоторой порции смысловой информации;
- **репрезентация внутреннего психологического состояния жестикулирующего или его отношения к партнеру по коммуникации;**
- дейктическая функция;
- жестовое изображение физических действий человека;
- риторическая функция.

В данной работе будет изучаться выделенная полужирным шрифтом функция, так как будут рассмотрены жесты, исполненные при выражении какой-либо эмоции.

В устоявшейся классификацией отмечаются три основных семиотических класса, на которые разделяются все жесты:

- (1) жесты, имеющие самостоятельную семантику и не зависящие от своего вербального контекста;
- (2) жесты, которые выделяют и сопровождают высказывание;
- (3) жесты, которые управляют ходом коммуникации [Крейдлин 2005: 59–60].

В данной работе будет подробно рассмотрен первый класс, в который входят эмблемы. Для них характерны неиконичность (отсутствие формального сходства с обозначаемым явлением) и постоянство значения в разных лингвистических и психологических контекстах, т. е. неизменная форма и неизменное значение; «жесты-слова» [Efron 1941]. Их значение может быть описано словами (имеет прямой перевод); они понятны людям, принадлежащим данной группе или культуре. Эмблемы в свою очередь распадаются на две группы в соответствии со своей семантикой:

- коммуникативные, то есть те, которые несут в себе информацию, которую говорящий передает намеренно (например, такие жесты, как *подмигнуть*, *показать пальцем* и *покачать головой*);
- и симптоматические — эти жесты выражают внутреннее эмоциональное состояние человека.

Исследованию последних и посвящена данная работа. Стоит отдельно сказать, что симптоматические эмблемы, несмотря на явно присутствующую у них связь между означаемым и означающим, близки к физиологическим движениям, потому что внешнее выражение эмоций в своей основе физиологично [Григорьева, Григорьев, Крейдлин 2001: 20].

Гендер и гендерные стереотипы. Два стиля невербального поведения

Пол — это термин, который объединяет анатомо-биологические особенности (по большей части относящиеся к репродуктивной системе), на основе которых люди делятся на мужчин и женщин. Зачастую понятие «гендера» употребляется как синоним понятию «пол», однако изначально оно было введено как противопоставленное биологическому полу [World Health Association]. Гендер (от лат. *genus* «род») или, как его иногда кратко определяют, «социальный пол» — совокупность речевых, поведенческих, личностных особенностей, отличающих мужчин и женщин, подвергающихся влиянию культуры, в духовном плане [Современный философский словарь]. Этот термин вошел в обиход благодаря развитию феминистского течения и теории социального конструктивизма, которая видит причину различия людей не в физиологии, а в социальных процессах, которые порождают определенные социальные конструкты — гендеры.

Гендерные стереотипы — сложившиеся в обществе представления об особенностях мужского и женского поведения и о предполагаемых нормах поведения людей разных полов. Применительно к коммуникации говорят не о половых различиях, а о маскулинном или феминном стиле жестового поведения [Badinter 1986: 15]. Эти различия считаются практически неизбежными: у людей «с необходимостью проявляются половые различия, которые обнаруживают себя в позах, телодвижениях и в выражениях лица» [Birdwhistell 1970: 42], при этом они затрагивают все аспекты поведения человека: «Гендерные различия в употреблении эмблематических жестов рук, ног и головы особенно заметны. Помимо очевидных расхождений в форме реализации одних и тех же невербальных знаков, противопоставленными оказываются также некоторые мужские и женские невербальные формы выражения одного и того же смысла в пределах данного жестового языка. Например, выражая смысл ‘смущение’, русские мужчины чаще потирают рукой подбородок или нос, а женщины потирают щеки или область непосредственно перед шеей» [Крейдлин 2005: 61].

В последние десятилетия и у мужчин, и у женщин появились (и сейчас продолжают появляться) новые качества и поведенческие характеристики, которые до этого считались присущими противоположному полу [Badinter 1986: 15]. Именно поэтому гендерные стереотипы сейчас проходят своеобразное обновление и переосмысление.

Таким образом, в коммуникации имеет смысл говорить не о половых различиях, а о разных стилях невербального поведения — маскулинном (мужском) и феминном (женском) [Крейдлин 2005: 42]. Далее для простоты будут использоваться формулировки «для женщин/мужчин характерно...», что будет подразумевать

отнесение того или иного жеста или паттерна к одному из двух стилей жестового поведения.

Н. Хэнли, которая была одним из первых американских специалистов в сфере невербальной семиотики и гендера, изучала гендерные различия в контексте доминирования одного пола над другим и различий женщин и мужчин в их социальных статусах. В своих работах, ключевой из которых является труд 1977 года с названием “Body politics: power, sex and nonverbal communication” [Hanley 1977], Н. Хэнли обосновывает замеченные особенности гендерного поведения тем, что мужчины стоят выше женщин, будучи сильнее и властнее. Этот подход позже подвергался критике за субъективность и скудость анализа при следовании лишь одной теории и игнорировании других [Hall 1985: 196].

В течение нескольких десятилетий исследований были сформулированы следующие общие принципы расхождения маскулинного и феминного стилей невербального поведения:

- (1) женщины более эмоциональны, чем мужчины, для которых характерна рациональность, и в целом более чувствительны в коммуникации;
- (2) в то время как мужчины больше внимания уделяют когнитивным моментам ситуации, женщины тяготеют к более сильной экспрессии в психологическом и эмоциональном плане (что близко первому положению);
- (3) склонность женщин использовать инсайт (озарение) и интуицию противопоставляется мужской логике и аналитическому мышлению;
- (4) мужчины считаются менее терпимыми, чем женщины, поэтому они проявляют большую коммуникативную агрессивность;
- (5) женщины сильнее сочувствуют партнерам по коммуникации, не раздражаясь, а, наоборот, как бы «перенимая» часть эмоций своего собеседника.

Подробнее обо всех негласно принятых в европейской культуре невербальных гендерных стереотипах см. [Крейдлин 2005: 26–36]. В работе утверждается, что мужчины и женщины расходятся не только в форме выражения одних и тех же невербальных знаков, но зачастую и в формах выражения одного и того же смысла (например, одной эмоции). Также автор отмечает, что во всех исследованных языках жестов обнаруживаются не только общие для мужчин и женщин жесты, но и типичные мужские и типичные женские жесты [Крейдлин 2005: 61–62].

Е. А. Гришина также исследовала русскую жестикуляцию с помощью корпусных исследований, обрабатывая данные МУРКО. Однако ее работа практически не затрагивает проблематику гендерных различий, хотя следует упомянуть доказанное утверждение о том, что жест *указать большим пальцем* свойственен мужчинам, а не женщинам [Гришина 2017: 122–123].

Материал исследования

Поиск в Мультимедийном корпусе осуществлялся среди жестов внутреннего состояния. Результаты были отсортированы по полу и по определенной эмоции, сопровождающей тот или иной жест. При этом были выбраны не все жесты внутреннего

состояния, а только те, по которым было достаточное число примеров (в итоге оно составило порядка тридцати примеров суммарно по обоим полам на одну эмоцию). Например, значение жеста внутреннего состояния «гордость» не было включено в рассмотрение, так как по данному запросу в корпусе существует лишь три кликта. Таким образом, для анализа были взяты 16 основных эмоций, по которым как раз и нашлось наибольшее число фрагментов (от 30 для «радости» до 194 для «недовольства»), всего 377 фрагментов женских и 959 мужских жестов).

Следует отметить, что примеров жестов, исполненных представительницами женского пола, в Мультимедийном корпусе намного меньше, чем представителями мужского. Именно из-за разницы в количестве фрагментов по женскому и мужскому полу было принято решение считать не только число примеров по каждому жесту, который встретился в данной категории, но и их долю в процентах от общего числа примеров, и соотносить именно проценты.

Подсчет числа различных жестов и их распределения в процентах для удобства осуществлялся в программе Microsoft Excel, и результаты заносились в таблицы, представленные ниже. Серым цветом были выделены варианты, набравшие более 10% от общего числа примеров. После каждой пары таблиц приведены обобщения для результатов сравнения выдачи по полу и выведены основные закономерности жестового поведения людей разных полов в том или ином эмоциональном состоянии.

Результаты

Далее будут рассмотрены 6 эмоций, для которых обнаружались самые заметные различия.

1. «Возмущение»

В Мультимедийном русском корпусе по данному запросу было найдено 22 фрагмента для женского пола и 61 фрагмент для мужского. Количество фрагментов и количество примеров в последней строчке таблицы почти всегда не совпадают, так как в одном фрагменте могут быть представлены несколько жестов с одним и тем же значением.

Несмотря на то, что примеров мужского стиля жестикуляции для передачи возмущения почти в три раза больше, чем женского (это же будет справедливо и для многих разделов ниже), можно выявить следующие закономерности:

- 1) Житейское представление о том, что мужчины резче и грубее женщин, подтверждается тем, что в данных примерах именно у мужчин чаще встречаются агрессивные жесты, такие как, например, *стукнуть по чему-либо, оттолкнуть кого-либо* или *отшвырнуть что-либо*; подобные жесты составляют 25,62% от мужских примеров (по сравнению с 8,7% от женских).
- 2) При этом в выдаче только у мужчин встретились такие жесты рук, как *сжать кулак, трясти кулаками, ударить себя кулаками в грудь*. Их отсутствие среди женских примеров подтверждает их традиционное отнесение к мужским жестам.

Таблица 1. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «возмущение» у женщин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
качать головой	5	21,74
встать	4	17,40
широко раскрыть глаза	4	17,40
махать руками	2	8,70
развести руками	2	8,70
стукнуть по чему-либо	1	4,35
всплеснуть руками	1	4,35
оттолкнуть кого-либо	1	4,35
закрыть глаза	1	4,35
рубануть воздух рукой	1	4,35
двинуть головой назад	1	4,35
Итого: 11	23	100

Таблица 2. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «возмущение» у мужчин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
широко раскрыть глаза	15	18,30
сжать кулак	8	9,76
развести руками	8	9,76
встать	7	8,54
вскинуть руку (руки)	7	8,54
стукнуть по чему-либо	4	4,88
качать головой	4	4,88
махать руками	3	3,66
хлопнуть дверью	2	2,44
трясти кулаками	2	2,44
сменить собеседника	2	2,44
посмотреть в сторону	2	2,44
броситься к кому-либо	2	2,44
отшвырнуть что-либо	2	2,44
всплеснуть руками	1	1,22
стучать кистями друг о друга	1	1,22
улыбка сбежала с лица	1	1,22
хлопнуть руками по бедрам	1	1,22
ударить себя кулаками в грудь	1	1,22
пнуть кого-либо	1	1,22
топнуть ногой	1	1,22

Окончание табл. 2

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
рубануть воздух рукой	1	1,22
отвести руку в сторону	1	1,22
закрывать глаза	1	1,22
мять что-либо	1	1,22
обводить глазами окружающих	1	1,22
бросить что-либо	1	1,22
двинуть головой назад	1	1,22
Итого: 28	82	100

В целом можно заключить, что женщины предпочитают более нейтральное невербальное поведение в данном случае: они используют спокойные жесты головы (*качать головой, широко раскрыть глаза*) и корпуса (*встать*). В то же время мужчины тяготеют к более маркированным симптоматическим эмблемам и к жесту кулак для активного выражения возмущения по поводу какой-либо ситуации или действия собеседника.

Критерий Манна-Уитни подтвердил статистическую значимость этих различий.

2. «Испуг»

В Мультимедийном русском корпусе по данному запросу было найдено 14 фрагментов для женского пола и 41 фрагмент для мужского.

Таблица 3. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «испуг» у женщин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
отпрянуть	5	22,73
сморщиться	3	13,64
широко раскрыть глаза	3	13,64
прижать руку к груди	1	4,55
отвернуться	1	4,55
заслониться рукой	1	4,55
втянуть голову в плечи	1	4,55
поднять брови	1	4,55
зажмуриться	1	4,55
подпрыгнуть	1	4,55
схватиться за голову	1	4,55
закрывать глаза	1	4,55
прикрыть рот рукой	1	4,55
отступить	1	4,55
Итого: 14	22	100

Таблица 4. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «испуг» у мужчин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
широко раскрыть глаза	15	23,08
отпрянуть	6	9,23
сморщиться	5	7,69
зажмуриться	5	7,69
втянуть голову в плечи	4	6,15
подпрыгнуть	3	4,62
заслониться	3	4,62
улыбка сбежала с лица	3	4,62
заслониться	3	4,62
отмахиваться	2	3,08
отступить	2	3,08
поднять брови	2	3,08
закрывать глаза	2	3,08
отвернуться	2	3,08
закрывать лицо руками	2	3,08
смерить глазами	1	1,54
отдернуть руки	1	1,54
отпрыгнуть	1	1,54
накрыться с головой	1	1,54
схватиться за голову	1	1,54
прижать руки ко рту	1	1,54
Итого: 21	65	100

Результаты говорят о том, что женщины активнее реагируют на возможную опасность, так как имеют склонность «пугаться» всем телом, а именно с помощью жеста *отпрянуть*, в то время как среди примеров мужских жестов в данном случае превалирует вариант *широко раскрыть глаза*. Это можно объяснить и с позиции того, что у женщин чаще фиксируется «состояние подавленности, угнетенности и депрессии», поэтому «выражение страха, подозрительности, а также жалобы» у женщин представлены ярче [Крейдлин 2005: 35]. Критерий Манна-Уитни подтвердил статистическую значимость этих различий.

3. «Недовольство»

В Мультимедийном русском корпусе по данному запросу было найдено 57 фрагментов для женского пола и 137 фрагментов для мужского.

Для этой негативной эмоции есть совпадения в превалирующих жестах у обоих полов (за исключением жеста *нахмуриться*, который оказался часто используемым мужчинами (20 примеров, 11,56%), но почти не свойственным женскому жестовому поведению (есть всего 1 пример).

Таблица 5. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «недовольство» у женщин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
отвернуться	18	24,66
сжать губы	11	15,07
качать (качнуть) головой	8	10,96
потупиться	6	8,22
поморщиться	3	4,11
закрывать глаза	3	4,11
отодвинуться от собеседника	3	4,11
прищуриться	3	4,11
опустить глаза	2	2,74
повести подбородком вбок	2	2,74
оттолкнуть кого-либо	2	2,74
пожать плечами	2	2,74
улыбка сбежала с лица	1	1,37
посмотреть исподлобья	1	1,37
махнуть рукой	1	1,37
смерить глазами	1	1,37
склонить голову	1	1,37
нахмуриться	1	1,37
дать пощечину кому-либо	1	1,37
выпятивать губу	1	1,37
оскалиться	1	1,37
поднять брови	1	1,37
Итого: 23	73	100

При этом обнаружилось следующие различия в жестовом выражении «недовольства».

- 1) Такие агрессивные жесты, как *сжать кулаки* и *махнуть рукой* встречаются или исключительно у мужчин (в первом случае), или у людей обоих полов, но при этом у женщин — в минимальном количестве. Это можно связать с тем же представлением о том, что женщины намного тактичнее и мягче, и именно поэтому сдержаннее в своих жестах (см. также подраздел 1 «Возмущение»).
- 2) Еще одно заметное отличие — это выражение мужчинами недовольства какой-либо ситуацией путем жестикуляции губами. В корпусе не встретилось ни одного примера жестов *закусить/надуть/облизнуть губу(губы)*, которые бы исполняла женщина (но эмблема *сжать губы*, конечно, характерна

Таблица 6. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «недовольство» у мужчин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
сжать губы	24	13,87
отвернуться	21	12,14
нахмуриться	20	11,56
потупиться	18	10,40
качать (качнуть) головой	11	6,36
махнуть рукой	8	4,62
отодвинуться от собеседника	8	4,62
поморщиться	7	4,05
смерить глазами	6	3,47
посмотреть исподлобья	6	3,47
повести подбородком вбок	4	2,31
улыбка сбежала с лица	4	2,31
поднять брови	4	2,31
положить руки на бедра	3	1,73
дернуть уголком рта	3	1,73
сжать кулаки	3	1,73
скривиться	3	1,73
закрыть глаза	3	1,73
посмотреть в сторону	3	1,73
опустить глаза	2	1,16
выпятив губу	2	1,16
прищуриться	2	1,16
закусить губу	1	0,58
сбросить чью-либо руку	1	0,58
склонить голову	1	0,58
надуть губы	1	0,58
облизнуть губы	1	0,58
оскалиться	1	0,58
посмотреть искоса	1	0,58
пожать плечами	1	0,58
Итого: 30	173	100

для феминного стиля, более того, для выражения недовольства она преобладает в нем). Можно сделать предположение, что эти жесты используются женщинами в других значениях (например, жест *закусить губу* ранее встречался в женском исполнении при выражении значения «задуматься»).

Критерий Манна-Уитни подтвердил статистическую значимость этих различий.

4. «Привязанность»

В Мультимедийном русском корпусе по данному запросу было найдено 20 фрагментов для женского пола и 34 фрагмента для мужского.

Таблица 7. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «привязанность» у женщин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
обнять кого-либо	7	25,00
гладить кого-либо по какой-либо части тела	4	14,29
положить руку на плечо	4	14,29
поцеловать кого-либо	3	10,71
коснуться кого-либо	3	10,71
поправлять чужую одежду	2	7,14
взять кого-либо под руку	1	3,57
прижаться к кому-либо	1	3,57
тереться носом	1	3,57
тереться лбом	1	3,57
поправлять кому-либо галстук	1	3,57
Итого: 11	28	100

Таблица 8. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «привязанность» у мужчин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
гладить кого-либо по какой-либо части тела	13	27,66
обнять кого-либо	12	25,53
коснуться кого-либо	4	8,51
положить руку (руки) на плечо (плечи)	3	6,38
поцеловать кого-либо	3	6,38
поправлять чужую одежду	2	4,26
положить голову кому-либо на грудь	2	4,26
трепать кого-либо по щеке	2	4,26
сжать руками чью-либо голову	1	2,13
притянуть к себе чью-либо голову	1	2,13
поправлять кому-либо волосы	1	2,13
прижаться к кому-либо	1	2,13
тереться носом	1	2,13
положить голову на чье-либо плечо	1	2,13
Итого: 14	47	100

В этом случае тоже можно заметить сходства в проявлении привязанности и любви у мужчин и женщин, однако у женщин самым частым выражением будут объятия (разница со следующими по частотности жестами составляет ~10%), в то время как у мужчин вместе с этим же жестом выделяется вариант *гладить кого-либо по какой-либо части тела*.

Причина этого, возможно, кроется в эмоциональности (или, следуя за Г. Е. Крейдлиным, это можно назвать «коммуникативной чувствительностью» [Крейдлин 2005: 26]). Жест *гладить кого-то* можно интерпретировать как покровительственное или оберегающее движение. В женских примерах этот жест также встречается, но реже (13 примеров и 27,66% против 4 примеров и 14,29%).

Считается, что жест *положить руку на плечо* в русской культуре характеризует исключительно мужской стиль невербального поведения [Крейдлин 2005: 113], но полученные данные опровергают этот факт, у женщин доля таких примеров больше (14,29% против 6,38%).

5. «Радость»

В Мультимедийном русском корпусе по данному запросу было найдено 15 фрагментов для женского пола и 15 фрагментов для мужского.

При выражении радости женщины склонны вести себя более экспрессивно и делают некоторые жесты с детьми, у которых также встречаются такие жесты, как *хлопать в ладоши* и *подпрыгивать* (у мужчин они редки, по одному примеру на такие реакции). Утверждается, что это верно не только для русской и даже в целом европейской культуры [Крейдлин 2005: 32].

В то же время у мужчин выражение радости более сдержанно и близко к выражению или значения «удивление» (где лидирующим вариантом является, как и в данном случае, эмблема *поднять брови*), или значения «привязанность» в случае жестов *поцеловать* и *обнять кого-либо*.

Таблица 9. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «радость» у женщин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
хлопать в ладоши	4	20,00
подпрыгивать	3	15,00
сплести пальцы	3	15,00
склонить голову набок	2	10,00
обнять кого-либо	2	10,00
броситься к кому-либо на грудь	2	10,00
встать на цыпочки	2	10,00
поднять брови	1	5,00
поцеловать кого-либо	1	5,00
Итого: 9	20	100

Таблица 10. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «радость» у мужчин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
поднять брови	6	28,57
поцеловать кого-либо	3	14,29
обнять кого-либо	3	14,29
похлопывать кого-либо по спине	2	9,52
присесть	2	9,52
коснуться кого-либо	1	4,76
потрепать кого-либо по щеке	1	4,76
хлопнуть в ладоши	1	4,76
подпрыгнуть	1	4,76
вскинуть руку	1	4,76
Итого: 10	21	10

Стоит сказать отдельно о варианте *склонить голову набок*, который появился только в женских примерах. Таким образом, можно сделать вывод, что данный жест при выражении симпатии и положительных эмоций характерен именно для женского жестового поведения [Крейдлин 2005: 81]. С другой стороны, похлопывания по спине и трепание по щеке можно отнести скорее к мужскому стилю, опираясь на наблюдения и учитывая то, что жест *трепать кого-либо по щеке* встречался ранее только у мужчин (см. подпункт 4 «Привязанность»).

6. «Удивление»

В Мультимедийном русском корпусе по данному запросу было найдено 49 фрагментов для женского пола и 133 фрагмента для мужского.

Таблица 11. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «удивление» у женщин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
поднять брови	19	31,67
широко раскрыть глаза	12	20,00
открыть рот	6	10,00
отодвинуться от собеседника	5	8,33
пожать плечами	3	5,00
переглядываться	2	3,33
развести руками	2	3,33
поднять глаза к небу	2	3,33
смерить глазами	2	3,33
всплеснуть руками	1	1,67
раскинуть руки	1	1,67

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
отвернуться	1	1,67
качнуть головой	1	1,67
откинуть голову	1	1,67
остановиться	1	1,67
вскинуть руки	1	1,67
Итого: 16	60	100

Таблица 12. Жесты, сопровождающие эмоциональное состояние «удивление» у мужчин

Название жеста	Количество примеров	% от общего числа
поднять брови	41	23,84
широко раскрыть глаза	37	21,51
открыть рот	17	9,88
отодвинуться от собеседника	17	9,88
переглядываться	8	4,65
смерить глазами	7	4,07
двинуть головой вперед (назад)	6	3,49
проводить взглядом	5	2,91
отвести руку в сторону	5	2,91
повернуться к собеседнику	4	2,33
отпрянуть	4	2,33
развести руками	4	2,33
покоситься	4	2,33
пожать плечами	3	1,74
брови домиком	3	1,74
качнуть головой	2	1,16
откинуть голову	1	0,58
всплеснуть руками	1	0,58
раскинуть руки	1	0,58
повести подбородком вбок	1	0,58
выпрямиться	1	0,58
Итого: 21	172	100

Учитывая различия в выражении радости (подраздел 5), было бы ожидаемо увидеть сильные различия для мужского и женского стилей невербального поведения, однако первые четыре строчки в таблицах полностью совпали, и даже их процентные доли очень схожи (кроме самого частотного жеста — *поднять брови*, который составляет 31,67% женских примеров и 23,84% мужских). Самыми характерными выражениями данной эмоции у людей обоих полов оказались *поднять брови*, *широко раскрыть глаза*, *открыть рот* и *отодвинуться от собеседника*.

Необходимо отдельно отметить жест *смерить глазами*, который имеет скорее негативную коннотацию. Это подтверждает и тот факт, что в других выборках из корпуса он встретился для таких эмоций, как испуг и недовольство, где он более свойственен мужскому жестовому поведению. Примеры на выражение удивления подтверждают эти наблюдения: встретилось 7 примеров у мужчин и всего 2 у женщин.

Выводы

Таким образом, наметились следующие общие тенденции и паттерны женского и мужского жестового поведения.

(1) Мужские способы выражения эмоций в целом гораздо разнообразнее женских, то есть репертуар мужских способов выражения эмоций больше, чем у женщин.

(2) Женщины выглядят более сдержанными и тактичными при выражении негативно окрашенных эмоций (возмущения и недовольства), в то время как мужчины в этих же ситуациях склонны жестикулировать намного активнее, использовать больше агрессивных жестов да и в целом больше жестикулировать руками.

(3) Что касается позитивных эмоций (привязанность и радость), мужчины оказываются более сдержанными и скупыми на активную жестикуляцию, в то время как женщины ведут себя более эмоционально, используя более экспрессивные жесты.

(4) Кроме того, в полученной выборке применительно к жестам женщин можно заметить тенденцию к исполнению более выраженных жестов тогда, когда они напуганы или чем-то потрясены. Но в выражении значения «положительного» потрясения, удивления, женские самые частотные жесты совпали с мужскими, а именно оказались равными жестам *поднять брови*, *широко раскрыть глаза*, *открыть рот* и *отодвинуться от собеседника*.

(5) Только у мужчин встретился такой жест, как *облизнуть губы*, который характерен для них в состоянии задумчивости и нервного напряжения. Можно также отметить, что мужчины в целом больше женщин жестикулируют губами, а для женщин самым частотным из подобных жестов является *сжать губы*.

По критерию Манна-Уитни достоверно различаются способы показать испуг, недовольство и удивление, в противоположность таким эмоциям, как 'возмущение', 'задуматься', 'интерес', 'недоумение', 'нервозность', 'огорчение', 'потрясение', 'пренебрежение', 'привязанность', 'радость', 'смущение', 'сосредоточенность' и 'удовлетворение'.

Литература

Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е. Словарь языка русских жестов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 257 с.

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. 744 с.

Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с.

Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика и её соотношение с вербальной: диссертация ... доктора филологических наук. Москва, 2000. 385 с.

Современный философский словарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gender.rii/russian/glossary/gender.shtml>., свободный.

Badinter E. His n' hers: the changing relationship between the sexes in the Western world // *The UNESCO Courier*. 1986. № 3. P. 14–17.

Birdwhistell R. Masculinity and femininity as display // *Kinesics and context: Essays on body motion*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1970. P. 39–46.

Efron D. Gesture and environment. New York: King's Crown Press, 1941.

Hall J. Male and female non-verbal behavior // *Multichannel integrations of non-verbal behavior* / ed. by A. W. Siegman, S. Feldstein. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 1985. P. 195–225.

Henley N. Body politics: Power, sex, and non-verbal communication. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1977.

World Health Association [Электронный ресурс]. WHO, 2014. URL: <http://apps.who.int/gender/whatisgender>.

A. A. Demina, Yu. V. Nikolaeva
Lomonosov Moscow State University
(Russia, Moscow)
julianikk@gmail.com

GESTURES AND EMOTIONS: MASCULINE AND FEMININE STYLES OF GESTICULATION

This study is based on the Multimodal Russian Corpus and compares gesture behavior of men and women when expressing emotions. For 16 emotions, 377 fragments of women's 959 of men's emotional manual and facial gestures were found. The results were analyzed from the perspective of quantitative and qualitative differences. Among the main findings were the following: the gesture behavior of men is generally more diverse and men's gestures are more expressive when it concerns negative emotions.

Using the Mann-Whitney test, the statistical significance of gender differences was proved for only 3 emotions, namely for fear, discontent and surprise. Similarity between men's and women's gestures for other emotions can be explained by the reduce of gender differences during the last decades, which covers non-verbal behavior too, so masculine and feminine ways to display emotions coincide or acquire many common features. These results refute stereotypes of increased female emotionality and male consistency, but support the assumption that men are more diverse and vigorous when showing anger and discontent, while women are more explicit in expressing joy and affection.

Keywords: emblematic gestures, emotional gestures, gender differences, male and female behavioral patterns.

References

- Badinter E. His n' hers: the changing relationship between the sexes in the Western world. *The UNESCO Courier*. 1986, no. 3, pp. 14–17.
- Birdwhistell R. Masculinity and femininity as display. *Kinesics and context: Essays on body motion*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1970, pp. 39–46.
- Efron D. *Gesture and environment*. New York: King's Crown Press, 1941.
- Grigor'eva S. A., Grigor'ev N. V., Krejdlin G. E. *Slovar' yazyka russkih zhestov*. [Dictionary of Russian Gestures]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001. 257 p.
- Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyaciya s lingvisticheskoj tochki zreniya. Korpusnye issledovaniya*. [Russian Gestures from a Linguistic Perspective. A Collection of Corpus Studies]. Moscow: Izdatel'skij dom YASK, 2017. 744 p. (In Russ.)
- Hall J. Male and female non-verbal behavior // *Multichannel integrations of nonverbal behavior* / ed. by A. W. Siegman, S. Feldstein. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 1985, pp. 195–225.
- Henley N. *Body politics: Power, sex, and non-verbal communication*. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1977.
- Krejdlin G. E. *Muzhchiny i zhenshchiny v neverbal'noj kommunikacii* [Men and women in non-verbal communication]. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2005. 224 p. (In Russ.)
- Krejdlin G. E. *Neverbal'naya semiotika i eyo sootnoshenie s verbal'noj: dissertaciya ... doktora filologicheskikh nauk*. [Non-verbal semiotics and its relationship to the verbal one: thesis ... doctor of philology]. Moscow, 2000. 385 p. (In Russ.)
- Sovremennyj filosofskij slovar'* [Elektronnyj resurs] [Modern philosophical dictionary (Electronic resource)]. Available at: <http://www.gender.rii/russian/glossary/gender.shtml> (accessed 11.01.2022). (In Russ.)
- World Health Association* [Electronic resource]. WHO, 2014. Available at: <http://apps.who.int/gender/whatisgender> (accessed 11.01.2022).

Н. М. Стойнова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

stoynova@yandex.ru

НЕСТАНДАРТНЫЙ ВЫБОР АКЦЕНТОНОСИТЕЛЯ В КОНТАКТНО-ОБУСЛОВЛЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ: ДАнные УСТНОЙ РЕЧИ НАНАЙЦЕВ И УЛЬЧЕЙ¹

В статье рассматриваются интонационные модели, характерные для русской речи носителей нанайского и ульчского языков (южно-тунгусские, Хабаровский край). Проанализированы данные разметки нестандартной просодии из корпуса устной речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока. Практическая цель работы — проверить корректность разметки. Показано, что она нуждается в уточнении: так, примеры, для которых отмечен нестандартный выбор акцентоносителя, возможно, следует трактовать иначе. Теоретическая цель работы — инвентаризовать обнаруженные нестандартные просодические образцы и проследить, в какой степени они копируют южно-тунгусскую просодию. Чаще всего в текстах встречаются случаи, размеченные в корпусе как «нестандартный выбор акцентоносителя», когда интонационный контур в целом совпадает со стандартным, однако фразовый акцент оказывается в неожиданной позиции (не на той словоформе в составляющей, на которой он ожидается в русской речи монолингвов). Например: *Это в Охотском\ море где-то* вместо ожидаемого: *Это в Охотском море\ где-то*; *Мы хорошо жили* вместо ожидаемого *Мы хорошо\ жили*. В некоторых случаях можно говорить о наследовании тунгусской интонации в русской речи билингвов, однако речь идет не о простом копировании модели, а о более сложных процессах аккомодации интонационного образца.

Ключевые слова: русский язык, тунгусо-маньчжурские языки, нанайский язык, ульчский язык, языковые контакты, корпусная лингвистика, русская речь билингвов, интонация, просодия.

Введение

В статье будут обсуждаться нестандартные образцы фразовой просодии, зафиксированные в русской речи носителей нанайского и ульчского языков (южно-тунгусские). Исследование выполнено на материале собранной нами небольшой

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09154 (офи-м).

коллекции спонтанной русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока. Коллекция расшифрована и снабжена разметкой контактных явлений разного рода: в частности, размечены предложения с просодией, нехарактерной для русской речи монолингвов, как в (1).

(1) Мы во время войны хорошо жили\ (gld, fna)²

Самая яркая просодическая особенность рассматриваемых текстов — нестандартный выбор акцентоносителя: так, в (1) фразовое ударение падает на глагол *жили*, а не на наречие *хорошо*, как было бы в русской речи монолингвов.

В русском языке монолингвов акцентоноситель маркируется прежде всего интонационным контуром — повышением или понижением тона в зависимости от конкретной коммуникативной структуры, изменение тона может также сопровождаться повышением интенсивности и удлинением ударного гласного. Акцентоносителем становится коммуникативно выделенная составляющая (в прототипическом случае рема), а если она неоднословная — внутри нее акцентоноситель выбирается по особым правилам, специфичным для каждого типа составляющих (например, в именной группе с прилагательным акцентоносителем будет существительное-вершина: *детский дом*\, а в генитивной именной группе — зависимое существительное: *дом ребенка*\). В самом общем виде можно сказать, что при нейтральном порядке слов акцентоносителем внутри коммуникативно выделенной составляющей становится последнее слово. Правила выбора акцентоносителя в русском литературном языке достаточно детально изучены, ниже я буду опираться прежде всего на описание Т. Е. Янко (см. [Янко 2008: 38–60]).

Специальных работ, посвященных просодии в нанайском и ульчском языках, не существует, отдельные наблюдения о нанайской просодии можно найти в грамматике В. А. Аврорина [Аврорин 1959]. Для настоящего исследования важно, что на первый взгляд во всех диалектах нанайского языка, данные от носителей которых представлены в нашей выборке, и в ульчском языке базовое устройство просодической системы сходное. Сравнивая нестандартную просодию в русской речи билингвов с южно-тунгусской, я буду опираться на данные полевых коллекций устных текстов на нанайском и ульчском языках.

Ниже я постараюсь ответить на следующие вопросы. В каких синтаксических конструкциях встречается нестандартный акцентоноситель? Какие бывают типы нестандартного акцентоносителя? Можно ли говорить о копировании тунгусского просодического образца, то есть о заимствовании модели (pattern borrowing) в терминах Я. Матраса и Дж. Сакель ([Matras, Sakel 2007]; [Sakel 2007])? Практическим

² Далее примеры оформлены следующим образом. Они записаны в стандартной русской орфографии (фонетические особенности речи билингвов не отражаются). Используется минимальная интонационная разметка, дающая приблизительное представление о звучании предложения (/ — повышение тона, \ — понижение тона). Слово-акцентоноситель подчеркнуто. Там, где интонация того или иного примера обсуждается детально, пример сопровождается спектрограммой с разметкой интонационного контура. После примера в скобках дается информация об источнике: код этнического языка двуязычного рассказчика (gld — нанайский, ulc — ульчский) и код рассказчика.

поводом к исследованию стала необходимость в проверке и уточнении выполненной в первом черновом варианте просодической разметки текстовой коллекции. Ниже будет показано, насколько она оказалась корректной и какие изменения можно было бы в нее внести.

1. Материал исследования

Исследование выполнено на материале собранного нами небольшого устного корпуса спонтанной русской речи носителей языков Севера Сибири и Дальнего Востока (<http://web-corpora.net/ruscontact/>)³. Проанализирована выборка текстов от носителей двух близкородственных южно-тунгусских языков: нанайского (амурские диалекты) и ульчского.

Оба языка находятся под угрозой исчезновения. Все носители владеют русским, большинство использует русский активнее нанайского / ульчского. Детям язык не передается, все носители — старшего поколения. Нанайским, по данным переписи 2010 г., владеет 11% этнической группы (1347 носителей), ульчским — 6% (154 носителя). Подробнее о социолингвистической ситуации см. [Герасимова 2002] (о нанайском и ульчском); [Калинина, Оскольская 2016] (о нанайском); [Сумбатова, Гусев 2016] (об ульчском). Нанайский или ульчский всеми носителями усваивался как первый язык (и использовался более активно, чем сейчас) в детстве, русский — некоторыми в детстве до школы параллельно с нанайским / ульчским, некоторыми в школьные годы. Русский язык носителей южно-тунгусских языков сильно различается: от очень своеобразной разновидности, близкой к пиджину, до стандартного литературного русского с незначительными региональными особенностями. Наименее стандартная русская речь у носителей самого старшего поколения (ок. 1930-го г. р. и старше), получивших минимальное школьное образование (ок. 3 классов). В рассматриваемой выборке — тексты именно от таких носителей.

Объем выборки ок. 34,5 тыс. словоупотреблений. Тексты представляют собой «побочный продукт» экспедиций по документации нанайского и ульчского языков: носителей просили рассказать истории на нанайском / ульчском языке, но иногда рассказ, тем не менее, велся на русском или история записывалась в двух версиях — по-нанайски / по-ульчски и по-русски. По типу и жанру это спонтанные устные тексты, в основном нарративы, прежде всего биографические рассказы, в меньшем количестве фольклорные тексты и этнографические описания, а также бытовые диалоги.

Текстовую коллекцию мы снабдили разметкой отклонений от русского языка монолингвов, предположительно вызванных влиянием соответствующего автохтонного языка, подробнее о разметке см. [Khomchenkova et al. 2019], обзор контактно-обусловленных особенностей русской речи нанайцев и ульчей см. в [Stoynova 2019]. Подробнее всего и наиболее последовательно в разметке отражены морфосинтаксические особенности речи билингвов (нестандартное согласование по роду и числу, нестандартное употребление падежных форм и проч.). Значитель-

³ Корпус разработан И. А. Хомченковой, П. С. Плешак и автором. Тунгусская коллекция собрана С. А. Оскольской и автором.

но менее подробно размечены другие особенности. В частности, на данный момент доступен поиск по двум типам просодических черт: нестандартный интонационный контур (1) и нестандартное положение акцентоносителя (2). Всего в коллекции 139 предложений, снабженных пометой о нестандартной просодии. Просодическая разметка является предварительной — необходимость в ее проверке и возможной модификации и послужила поводом для этого небольшого исследования. Пометы ставились разметчиком на слух, без специального фонетического анализа. Классификация помет очень общая и не претендует на то, чтобы соотнести отклонение от стандартной русской интонации с конкретным нанайским / ульчским образцом.

При сопоставлении образцов контактно-обусловленной русской речи с южно-тунгусской моделью я буду опираться на данные полевой коллекции спонтанных устных текстов на нанайском и ульчском языках, собранной от тех же носителей, что и исследуемая коллекция контактно-обусловленной русской речи. Общий объем коллекции ок. 88,5 тыс. словоупотреблений.⁴

2. Типы нестандартной просодии: данные текстов

В этом разделе я покажу, в каких синтаксических контекстах и с какой частотой в текстовой коллекции встречаются примеры, снабженные пометой о нестандартной фразовой просодии. Более подробный анализ примеров и их сопоставление с тунгусскими образцами см. в разделе 3.

В выборке представлены отклонения от стандартного русского просодического образца двух типов — нестандартный интонационный контур, как в (2), и нестандартное положение акцентоносителя, как в (3); в некоторых примерах представлены оба явления.

- (2) а. В лесу зверей мнооого\ Я их не боюсь/ (ulc, spk)
б. В лесу зверей много\ Я их не боюсь\ (искусственный пример с ожидаемой интонацией)
- (3) а. Ты трое/ пришли — три норма\, Двое/ пришли — два норма\ (gld, fna)
б. Трое/ пришли — им дают три\ нормы, Двое/ пришли — им дают две\ нормы (искусственный пример с ожидаемой интонацией)

Примеров с пометой первого типа в выборке всего 13 (9% от общего числа примеров с пометой о нестандартной интонации), примеров с пометой второго типа — 126 (91%), т. е. нестандартное положение акцентоносителя гораздо более характерно для русской речи нанайцев и ульчей, чем нестандартный интонационный контур⁵. Ниже будет обсуждаться только нестандартный выбор акцентоносителя.

Нестандартное положение акцентоносителя встречается в самых разных синтаксических конструкциях. Ниже даны примеры на некоторые из них.

⁴ Тексты собраны и расшифрованы С. А. Оскольской и автором.

⁵ Отчасти это может быть связано и с несовершенством разметки: вполне возможно, что часть менее заметных отклонений от стандартного интонационного контура осталась неразмеченной. Ниже этому будут представлены некоторые свидетельства.

- (4) а. Мне сон приснился\ грт (ulc, oab)
 б. Охотники\ охотники\ там отдыхают/ убивают/ утки — уезжают\ (gld, vsг)
 в. Ой как мы его любили\ слушать (gld, vsг)
 г. Это в Охотском\ море где-то (ulc, oab)
 д. Я ей\ говорю: а зачем\ мне сейчас (gld, vsг)
 е. Приехал второй\ брат сюда. Тоже холостой\ был (gld, eim)

В (4а) в тетическом (коммуникативно-нерасчленном) предложении акцентоносителем оказывается предикат, а не подлежащее *сон*, как ожидалось бы в литературном русском. В (4б) в рематической глагольной группе из глагола и прямого объекта акцент ожидался бы на прямом объекте (*уток*), а не на глаголе. В (4в) в инфинитивной конструкции акцентоносителем выбирается финитный глагол, а не инфинитив *слушать*. В именной группе из существительного и прилагательного в (4г), при условии что прилагательное не является узкой ремой, акцентоносителем должно было бы быть существительное (*море*). В (4д) частотная в нарративе конструкция цитации с глаголом речи: в литературном русском в нейтральном контексте акцентоносителем был бы глагол речи (*говорю*), в наших же текстах это часто дополнение (как в (4д)) или подлежащее. В (4е) присутствует фокусная частица *тоже*, которая в обычном случае скорее была бы акцентоносителем.

В Таблице 1 представлен список всех конструкций, в которых засвидетельствовано нестандартное положение акцентоносителя и частотное распределение по конструкциям.

Таблица 1. Нестандартный акцентоноситель
в разных синтаксических конструкциях

Тип	N	%	Пример
AdjN	32	25,40%	(4г)
VO	24	19,05%	(4б)
SV_speech	15	11,90%	(4д)
SV thetic	11	8,73%	(4а)
NumN	9	7,14%	
CopAdj/Pred	6	4,76%	
O_pronV	5	3,97%	
SV other	4	3,17%	
VAdv	4	3,17%	
NGen	3	2,38%	
ptcl	3	2,38%	(4е)
AuxInf	3	2,38%	(4в)
VV	2	1,59%	
PrepN	1	0,79%	
other	4	3,17%	
Всего	126	100,00%	

Как видно из таблицы, большая часть случаев с нестандартным выбором акцентоносителя приходится на именные группы с прилагательным, глагольные группы с прямым объектом, конструкции цитации с глаголом речи, тетические предложения и количественные конструкции.

Примеры с нестандартным выбором акцентоносителя можно разделить на два типа. В русском литературном языке акцентоносителем является одно из слов в составе коммуникативно выделенной единицы — ремы, контрастной темы. В первом типе примеров с нестандартным выбором акцентоносителя акцентоноситель, как было бы и в речи монолингвов, на коммуникативно выделенной единице (рема, контрастная тема), но не на том слове, которое предсказывается просодическими правилами русского языка. Такова ситуация в (5). В (5а) акцентоноситель — прилагательное *окорочковый*, оно входит в рему в составе именной группы *окорочковый суп*. При этом по правилам русской просодии акцентоносителем должна была бы быть вершина именной группы — *суп*. Аналогичная ситуация в (4г) выше. В (5б) акцентоноситель — глагол *стало*, который входит в рему в составе предиката *нормально стало*. По правилам русской просодии в этом случае акцент ожидается на именной части предиката — *стало*.

- (5) а. Да у меня окорочковый\ суп есть хотите налью\ (gld, vsг)
б. Видит/ что пацан нормально стало\ уже (gld, vsг)

В примерах второго типа акцентоноситель не входит в коммуникативно выделенную составляющую. Так, в (6а) представлена контрастная конструкция: коммуникативно выделено в ней местоимение *этой* (противопоставленное *той* во второй части конструкции), а акцентоносителем, вопреки стандартным просодическим правилам, оказывается не само местоимение, а вершинное существительное *койке*. В этом смысле пример (6а) противоположен примеру (5а), см. подробнее о нестандартном выборе акцентоносителя в именной группе ниже в разделе 3.1. Ср. также чуть менее очевидный пример (6б). В нем в качестве акцентоносителя выбирается дополнение *на ней*. При этом естественнее интерпретировать это предложение как предложение с узкой ремой — предикатом *должен жениться*, в котором дополнение входит в тему⁶.

- (6) а. Она вот на этой койке/ сидит, я на той койке\ зале\ (gld, vsг)
б. Ну на вид она очень плохая\ страшная\ говорит Но ты должен жениться на ней\ (ulc, oab)

В Таблице 2 показано частотное соотношение двух типов нестандартного выбора акцентоносителя в текстах — общее и в нескольких частотных конструкциях.

⁶ Не имеется в виду выбор кандидаток в жены, как можно было бы подумать, исходя из такого просодического оформления ('на ней, а не на ком-то еще'). Более широкий контекст: герою снится сон, в котором ему сообщают, что за морем на острове живет девушка и ему нужно найти ее и взять в жены (плюс к семи имеющимся).

Таблица 2. Коммуникативный статус акцентоносителя

	тип 1: комм. выделен	тип 2: комм. не выделен	% типа 1
AdjN	18	14	56,25%
VO	20	4	83,33%
SV_speech	0	15	0,00%
всего	72	54	57,14%

Из таблицы видно, что два типа нестандартного выбора акцентоносителя в целом сопоставимы по частотности, для разных синтаксических конструкций характерен один или другой тип, но в то же время оба встречаются в том числе и в пределах одной конструкции (ср., например, данные по именным группам)⁷.

3. Анализ отдельных случаев: сопоставление с тунгусскими данными

В этом разделе будут более детально проанализированы несколько частотных типов отклонений от стандартного просодического образца: нестандартный выбор акцентоносителя в именной группе (более подробно), в глагольной группе с финитным глаголом и прямым дополнением, а также в именном предикате, состоящем из глагола *быть* и прилагательного / предикатива (менее подробно). Для каждой из этих синтаксических конструкций я приведу сопоставительные данные по просодии, характерной в аналогичной конструкции для южно-тунгусских языков, и постараюсь ответить на вопрос, в какой мере наблюдаемые в речи билингвов отклонения от стандартной просодии можно объяснить копированием тунгусской просодической модели.

3.1. Именная группа: Adj + N

Как было упомянуто выше, в русском языке монолингвов акцентоноситель в именной группе «прилагательное + существительное» с коммуникативным выделением выбирается следующим образом. Если коммуникативно выделена вся именная группа или только существительное-вершина, акцентоносителем является существительное-вершина (7а). Прилагательное получает фразовый акцент, только если коммуникативно выделено одно это прилагательное (например, является фокусом или топиком контраста), (7б).

- (7) а. Береги своих детей! (искусственный пример)
 б. Сравни их/ детей и своих детей! (искусственный пример)

Акцентоноситель маркируется интонационным контуром (повышение или понижение тона в зависимости от конкретной коммуникативной структуры),

⁷ Выделяются примеры с цитативной конструкцией (*Маша сказала: «...» ... А я говорю: «...»*). Все они устроены единообразно: фразовое ударение падает не на глагол речи, как ожидалось бы в русском монолингвов, а на один из аргументов (с ролью субъекта или адресата, если он выражен), как в (4д). Все такие примеры отнесены в таблице ко второму типу: акцентоноситель — коммуникативно не выделен, исходя из предположения, что аргументы глагола в них в нейтральном контексте тема, а глагол речи рема; но не исключено, что возможна иная трактовка их коммуникативной структуры.

в качестве дополнительных признаков могут выступать повышенная интенсивность и удлинение ударного слога.

В русской речи нанайцев и ульчей, помимо описанного стандартного просодического образца, встречаются отклонения от него. Фразовый акцент может быть на прилагательном, притом что коммуникативно выделена вся именная группа, как в (8а) (ср. также (4г) и (5а) выше). В то же время акцент может быть на вершинном существительном, если коммуникативно выделено прилагательное, как в (8б) (ср. также (6а) выше).

- (8) а. Рыбной\ шкуры мамка мне шил\ (gld, vsg)
б. Софья Сергевна наверно четвертый класс/ а мы третий класс\ учи=(лись)
(gld, fna)

Нестандартный выбор акцентоносителя в именной группе — самый частотный случай нестандартной просодии, зафиксированный в выборке: 25% от всех употреблений с нестандартным акцентоносителем (см. Таблицу 1 выше). При этом нестандартная интонация в именной группе встречается значительно реже стандартной: она фиксируется всего в 2% от всех употреблений именной группы «прилагательное + существительное» (32 употр. из 1539). Случаев с нестандартным положением акцента на прилагательном vs. на существительном примерно поровну (14 vs. 18 употр., см. Таблицу 2).

Вопрос о том, в каких случаях позиция фразового акцента оказывается нестандартной, требует дальнейшего исследования. Имеющиеся примеры позволяют сделать следующие предварительные наблюдения. Нестандартный акцент на прилагательном характерен для примеров с семантически пустым существительным и рестриктивным определением, как в (9): *нехороший человек*, *нанайский еда*, *богатая дед* — во всех этих примерах семантически и коммуникативно нагружено прилагательное в большей степени, чем существительное-вершина.

- (9) а. Харпичане у нас попался нехороший\ человек (gld, vsg)
б. И не пропадает нанайский\ еда (gld, vsg)
в. Это богатая\ дед-то уже умер\ (gld, vsg)

Нестандартный акцент на существительном характерен для контрастивных конструкций, как в (10), ср. также примеры (6а) и (8б) выше.

- (10) а. Большой Амур тама\ же, где Дуди\ А этот Малый Амур\ называется (ulc, oab)
б. Увидишь\ ихний детей/ и свои детей\ (gld, vsg)

Чтобы выяснить, в какой степени именные группы с нестандартной позицией фразового акцента в русской речи билингов наследуют южно-тунгусский просодический образец, я провела пилотное исследование на материале 81 ИГ с прилагательным *dāi* ‘большой’ из коллекции нанайских и ульчских текстов. Порядок компонентов в именной группе с прилагательным такой же, как в русском (прилагательное + существительное). Наблюдаются две основные просодические модели.

Первая модель характеризуется ровным тоном и повышением интенсивности (и иногда долготы) на прилагательном, ср. (11) и Рисунок (1). Она наблюдается, когда коммуникативно выделена вся именная группа.

- (11) Dāi nīčəm-bə Kōri-wa=tani nā-či naŋgala-xa-n'=goa
 большой птица-ACC Кори-ACC=a земля-DIR бросать-PST-3SG=PTCL
 'Большую птицу Кори на землю бросил'. (gld, znb)

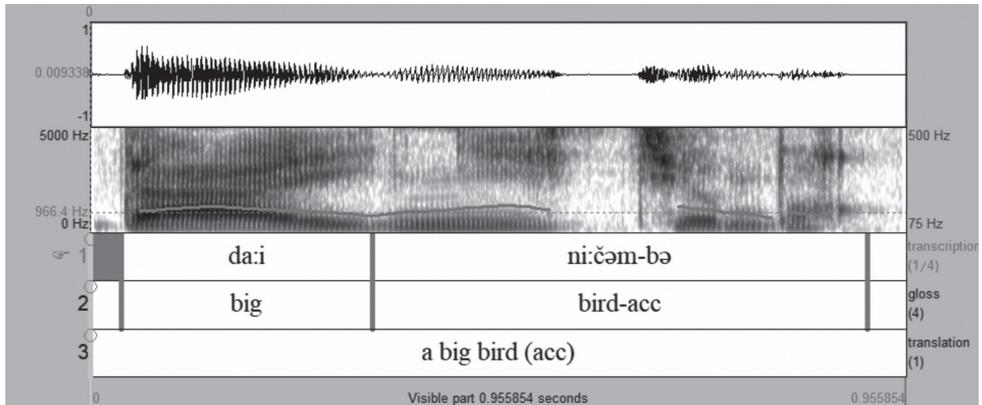

Рис. 1. 'Большую птицу' (пример (11))

Во второй модели прилагательное выделено заметным удлинением и движением тона, возможно также качественное изменение конечного гласного, ср. (12) и Рисунок (2). Эта модель используется, если коммуникативно выделено только прилагательное.

- (12) Gəži bijə, undə, dājoo\ gəži
 кожемялка быть-PRS quot большой кожемялка
 'Кожемялка была, большая кожемялка'. (gld, tbo)

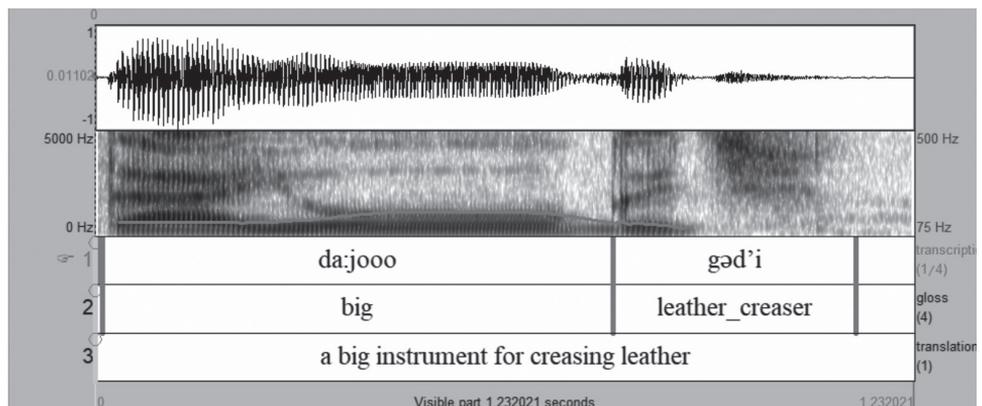

Рис. 2. 'Большая кожемялка' (пример (12))

Среди контрастивных конструкций (хотя и не во всех) обнаруживается и еще одна модель — когда выделяется (как и в первом случае, интенсивностью и долгой скорее, чем движением тона) не прилагательное, а существительное-вершина, ср. (13) и Рисунок (3):

- (13) *dāi gasa-wa, təj nūci gasa-wa*
 большой утка-ACC, тот маленький утка-ACC
 ‘больших уток и маленьких уток’ (gld, gak)

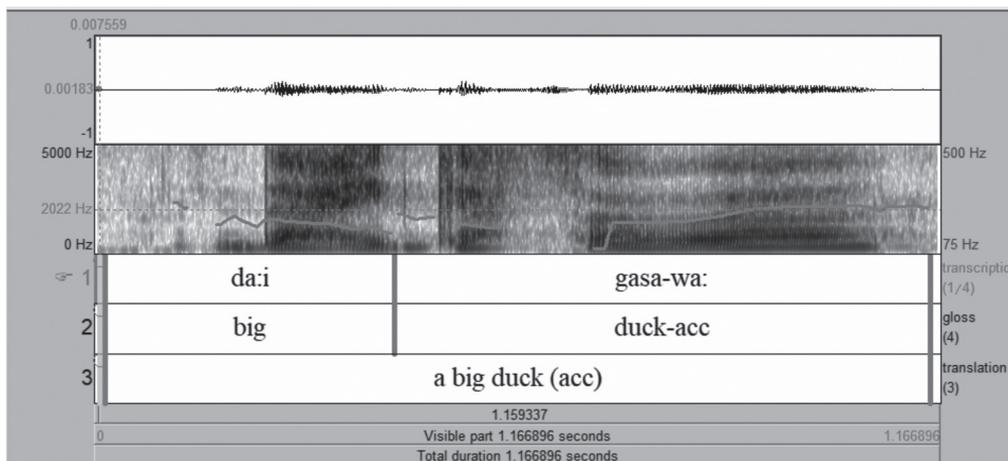

Рис. 3. ‘Больших уток’ (пример (13))

Таким образом, для случаев нестандартного выбора акцентоносителя в русской речи билингов действительно обнаруживаются прототипы в нанайском и ульчском языке. Примеры типа (8а) с акцентоносителем-прилагательным в коммуникативно-выделенной ИГ копируют южно-тунгусские примеры типа (11).

Примеры типа (8б) и (10) с акцентоносителем-существительным в контрастивном контексте копируют южно-тунгусские примеры типа (13). Более того, если внимательно посмотреть на примеры типа (8) и (10), то оказывается, что они и по способу выделения акцентоносителя ближе к южно-тунгусскому образцу, чем к образцу монолингвального русского: ср. Рисунки 4 и 5, соответствующие примерам (8а) и (8б). Интонационный контур в (8а) и (8б) достаточно ровный; можно считать, что основным средством выделения акцентоносителя служит, как в нанайском и ульчском, интенсивность.

Что касается распределения интонационных моделей по контекстам, то модель с акцентным выделением коммуникативно не выделенной вершины-существительного характера в русской речи нанайцев и ульчей для контрастивных конструкций, точно так же, как и в южно-тунгусских языках. Для ИГ с выделением прилагательного параллели обнаруженной в русской речи билингов зависимости от рестриктивности и семантической нагрузки в нанайском и ульчском не находится:

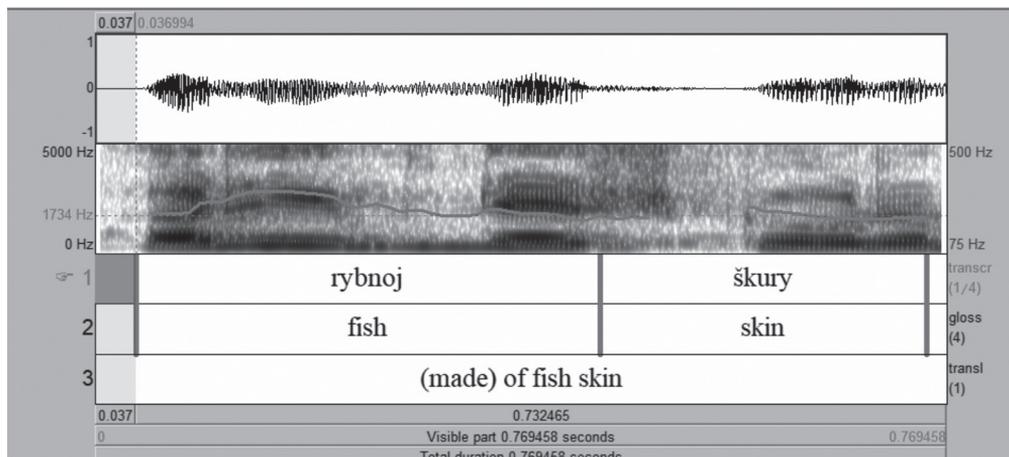

Рис. 4. ‘Рыбной шкуры’ (пример (8а))

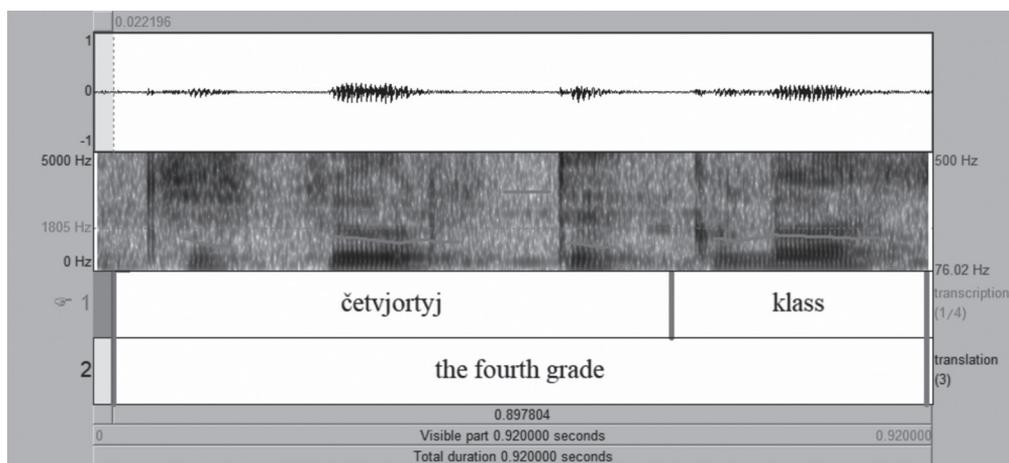

Рис. 5. ‘Четвертый класс’ (пример (8б))

эта модель в них дефолтная. В то же время такое распределение кажется не случайным: тунгусская модель начинает копироваться в тех контекстах, для которых она семантически и прагматически более естественна.

3.2. Глагольная группа: V + Obj

Выбор акцентоносителя в глагольной группе как в русской речи нанайцев и ульчей, так и в самих южно-тунгусских языках требует более детального исследования. Ограничимся наблюдениями над одним частным случаем. Рассмотрим глагольную группу, состоящую из финитного глагола и прямого объекта — существительного, с коммуникативным выделением всей глагольной группы. В рус-

ском языке монолингвов в этом случае нейтральный порядок компонентов VO, акцентоноситель — второй компонент конструкции — прямой объект (*нашел ночлег*). Акцентоноситель выделяется в первую очередь движением тона.

В южно-тунгусских языках нейтральный порядок слов — OV, акцентоносителем также является прямой объект, но в этом случае он будет первым компонентом конструкции, ср. (14) и Рисунок 6. Тон ровный, акцентоноситель выделяется повышением интенсивности и в некоторых случаях дополнительной долготой.

- (14) ti ɲɛɲ-m=də guči aunʒa bāqa-xa-n
 так идти-CVB.SIM.SG=EMPH опять ночлег находить-PST-3SG
 ‘Так идя, опять ночлег нашла’ (ulc, spk)

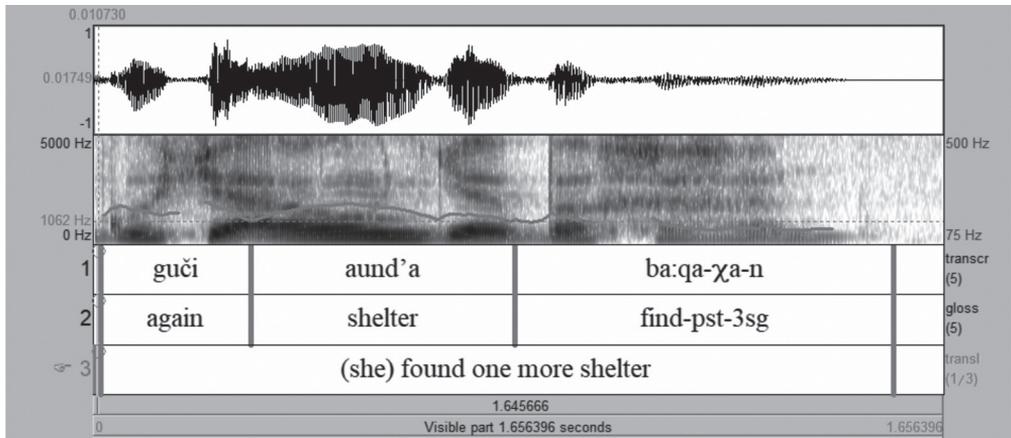

Рис. 6. ‘Опять ночлег нашла’ (пример (14))

Сравним пример (15) из русской версии того же текста (Рисунок 7). Акцентоносителем в нем оказывается не прямой объект, а глагол (*нашла*): в этом отношении он отличается и от русского и от южно-тунгусского просодического образца. В то же время в целом по просодическому оформлению он похож на (14).

- (15) Пошла-пошла/ и ба= нашла балаган (ulc, spk)

Как и в ульчском (14), в русском примере (15) ровный тон и акцентоноситель маркирован повышением интенсивности. Как и в ульчском, акцентоноситель — линейно первый компонент коммуникативно выделенной группы. Однако порядок слов в примере — характерный для монолингвального русского, а не для южно-тунгусских, поэтому акцентоносителем становится не прямой объект, как в (14), а глагол.

3.3. Именной предикат: Adj/Pred + быть

Одна из конструкций, в которой прослеживается прямое влияние южно-тунгусского просодического образца, — именной предикат, состоящий из связки (*быть, стать* и под.) и прилагательного или предикатива.

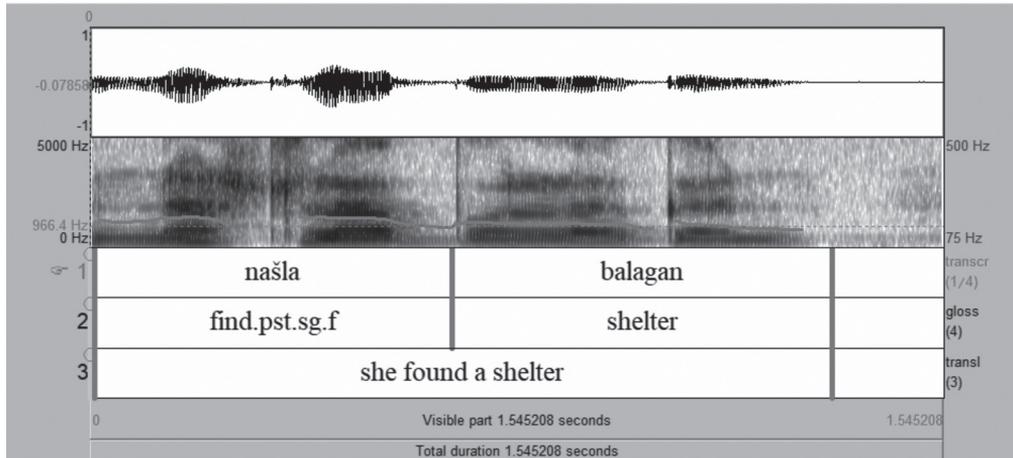

Рис. 7. ‘Нашла балаган’ (пример (14))

В русском языке монолингвов порядок компонентов конструкции может быть разным (*было интересно*, *интересно было*), акцентоноситель — именная часть предиката, акцент маркируется в первую очередь интонационным контуром.

В нанайском и ульчском языках, в отличие от русского, тон ровный, глагол-связка всегда в постпозиции, он же произносится с повышенной интенсивностью и характерным просодическим удлинением последнего слога, ср. (16) и Рисунок 8:

- (16) Səbžə́nʉl bi-či-ni=əm
 интересный быть-пст-3сг=quot
 ‘Вот как интересно было!’ (ulc, lpd)

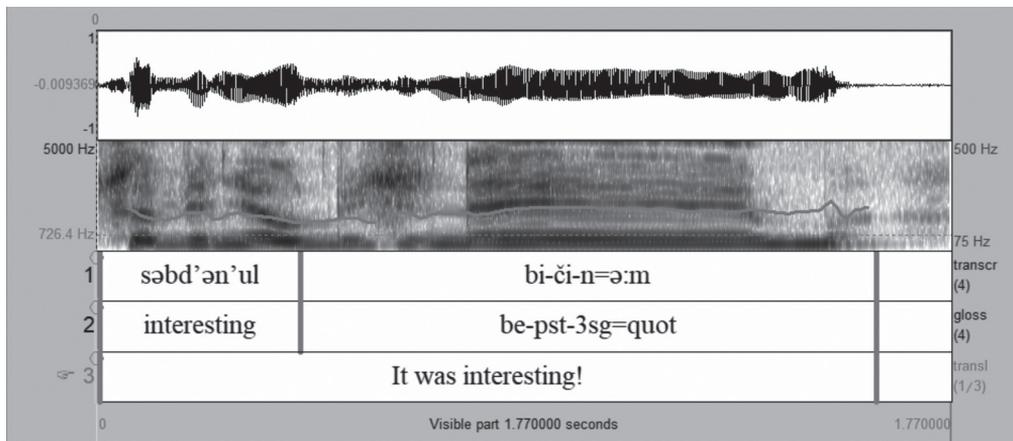

Рис. 8. ‘Вот как интересно было’ (пример (16))

Нестандартное просодическое оформление, наблюдаемое в русской речи на-найцев и ульчей, похоже, ср. (17) и Рисунок 9:

(17) Вот как интересно было! (ulc, aid)

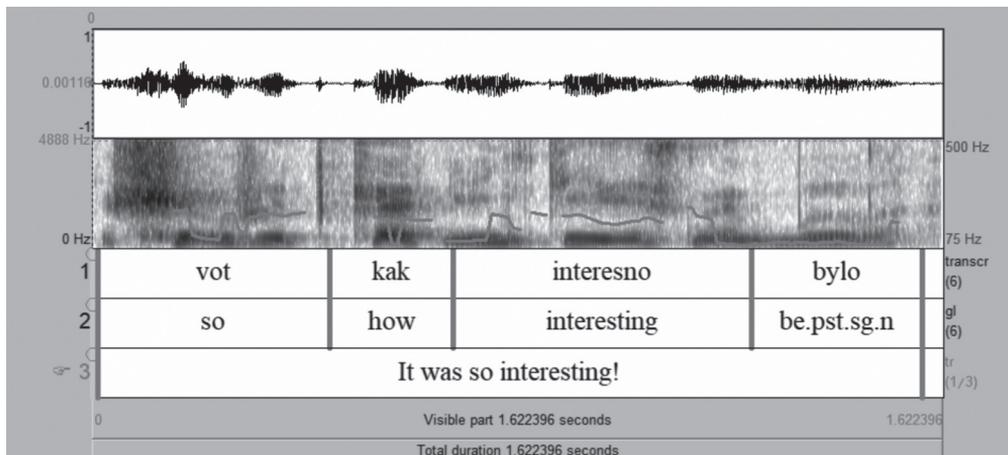

Рис. 9. 'Вот как интересно было!' (пример (17))

В примере (17) в разметке корпуса в качестве акцентоносителя помечен глагол *было*. Тон ровный, точно как же, как в ульчском примере (16), нет падения тона на именной части предиката (т. е. она не является акцентоносителем, как ожидалось бы в русской речи монолингвов). Что касается глагола-связки, для него не наблюдается ни заметного удлинения, ни повышения интенсивности, как в примере (16) из ульчского языка, но при этом нет и падения тона и заметного уменьшения интенсивности, которое ожидалось бы в конце клаузы в русской речи монолингвов. Таким образом, связку можно считать просодически выделенной, хотя и не так отчетливо, как в (16).

4. Заключение

Основываясь на данных черновой просодической разметки коллекции устных текстов на русском языке, собранных от пожилых носителей южно-тунгусских языков, можно сделать следующие наблюдения.

Для этих текстов, на первый взгляд, более характерен нестандартный выбор акцентоносителя, чем нестандартный интонационный контур. При этом при более детальном анализе оказывается, что нестандартному выбору акцентоносителя сопутствует и некоторое изменение интонационного контура, которое не было отражено в разметке, и акцентоноситель выделяется не совсем так, как в русской речи монолингвов.

Чаще всего нестандартный выбор акцентоносителя встречается в именной группе с прилагательным и в глагольной группе с прямым объектом. Засвидетельствованы обе логически возможные ситуации отступления от монолингвального

просодического образца: когда акцентоносителем становится слово, входящее в коммуникативно выделенную составляющую, но не то, которое ожидается в русском языке монолингвов, и когда акцентоноситель вообще не входит в коммуникативно выделенную составляющую.

Коммуникативно-просодические правила южно-тунгусских языков не исследованы, предварительный анализ позволяет в общих чертах указать на следующие отличия от русского языка. Во-первых, в нанайском и ульчском языках во многих синтаксических конструкциях наблюдается отличный от русского нейтральный порядок слов: для нас прежде всего важна тенденция к постпозиции финитного глагола (Obj + V, Adj + Cop, Inf + Aux). Во-вторых, как кажется, в нанайском и ульчском языках принципиально иначе маркируется акцентоноситель. Если для русского языка основным средством является интонационный контур, а интенсивность и долгота применяются как вспомогательные средства, то для нанайского и ульчского, видимо, именно они являются основными средствами выделения акцентоносителя. Наконец, если в русском языке при нейтральном порядке слов в общем случае акцентоносителем становится последнее слово коммуникативно выделенной составляющей, то в нанайском и ульчском тенденция, как кажется, скорее обратная (акцент на препозитивном дополнении в глагольной группе, на препозитивном прилагательном в именной группе).

В русской речи нанайцев и ульчей, как и ожидалось, можно проследить влияние южно-тунгусского просодического образца, однако нельзя говорить о простом его копировании. Имеет место скорее более сложные процессы взаимной подстройки очень по-разному устроенных просодических систем языка-донора и языка-реципиента, которые выше были проиллюстрированы на примерах нескольких конкретных синтаксических конструкций.

Литература

- Аврорин В. А.* Грамматика нанайского языка. Т. 1. М.–Л.: Наука, 1959. 283 с.
- Герасимова А. Н.* Нанайский и ульчский языки в России. Сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // *Языки коренных народов Сибири*, 12, 2002. С. 246–257.
- Калинина Е. Ю., Оскольская С. О.* Нанайский язык // *Язык и общество*. Энциклопедия. / Михальченко В. Ю. (Гл. ред.). М.: Азбуковник, 2016. С. 293–296.
- Сумбатова Н. Р., Гусев В. Ю.* Ульчский язык // *Язык и общество*. Энциклопедия. / Михальченко В. Ю. (Гл. ред.). М.: Азбуковник, 2016. С. 513–515.
- Янко Т. Е.* Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: ЯСК, 2008. 312 с.
- Khomchenkova I., Pleshak P., Stoynova N.* The Corpus of Contact-Influenced Russian of Northern Siberia and the Russian Far East // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”*. Moscow: RSUH, 2019. P. 276–287.
- Matras Y., Sakel J.* Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence // *Studies in Language*. 2007. № 31 (4). P. 829–865.

Sakel J. Types of loan: Matter and pattern // Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective / ed. by Y. Matras J., and J. Sakel. Berlin: De Gruyter Mouton, 2007. P. 15–29.

Stoynova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East // Slavica Helsingiensia. 2019. № 52. P. 9–36.

Natalia Stoynova

*V. V. Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)
stoynova@yandex.ru*

A NON-STANDARD CHOICE OF ACCENT-HOLDER IN RUSSIAN SPEECH OF BILINGUALS: THE DATA FROM NANAI AND ULCHA SPEAKERS⁸

The paper deals with patterns of phrasal prosody attested in the Russian speech of bilingual speakers of Nanai and Ulcha (Southern Tungusic, Khabarovsk Krai). I used the data of the corpus of contact-influenced Russian speech of Northern Siberia and the Russian Far East, developed by our research team. The practical aim of the study was to check the annotation of non-standard prosodic patterns implemented in the corpus. The detailed analysis of corpus examples and comparison to the textual data of Nanai and Ulcha shows that the annotation needs improving and more detalization. For instance, some examples tagged as “non-standard accent-holder choice” might be interpreted in another way. A theoretical aim of the study was to revise and classify the full inventory of non-standard prosodic patterns attested in the corpus and to trace to which extent they copy the corresponding Tungusic patterns. The most frequent case attested in the corpus is a non-standard choice of accent-holder. In this case, the intonation is more or less the same as expected in monolinguals’ speech, and the phrasal accent takes a non-typical position; cf., for instance: *Это в Охотском море где-то* ‘This is somewhere in the Sea of Okhotsk’ instead of: *Это в Охотском море\ где-то* ‘This is somewhere in the Sea of Okhotsk’; *Мы хорошо жили* ‘We lived well’ instead of: *Мы хорошо\ жили* ‘We lived well’. Some non-standard intonation patterns attested in Russian speech of Tungusic-Russian bilinguals might be interpreted as inheriting Tungusic prosody. However, one deals not with a simple structural copying but rather with more complex processes of prosodic accommodation.

Keywords: Russian, Tungusic languages, Nanai, Ulcha, language contact, corpus linguistics, bilinguals’ Russian speech, intonation, prosody.

⁸ The study was supported by the RFBR grant (project № 17-29-09154).

References

- Avrorin V. A. *Grammatika nanajnskogo jazyka* [A grammar of Nanai]. V. 1. Moscow–Leningrad: Nauka, 1959. 283 p. (In Russ.)
- Gerasimova A. N. [Nanai and Ulcha in Russia. A comparative characteristics of the sociolinguistic situation]. *Jazyki korennyh narodov Sibiri* [Languages of indigenous peoples of Siberia]. 2002, no. 12, pp. 246–257. (In Russ.)
- Kalinina E. Yu., Oskolskaya S. O. [Nanai]. Mikhailchenko V. Ju. (Ed.). *Jazyk i obshhestvo. Enciklopedija* [Language and Society. An encyclopedia]. Moscow: Azbukovnik, 2016, pp. 293–296. (In Russ.)
- Sumbatova N. R., Gusev V. Ju. [Ulcha]. Mikhailchenko V. Ju. (Ed.). *Jazyk i obshhestvo. Enciklopedija* [Language and Society. An encyclopedia]. Moscow: Azbukovnik, 2016, pp. 513–515. (In Russ.)
- Janko T. E. *Intonacionnye strategii russkoj rechi v sopostavitel'nom aspekte* [Intonation strategies of Russian speech in a comparative perspective]. Moscow: JaSK Publ., 2008. 312 p. (In Russ.)
- Khomchenkova I., Pleshak P., Stoynova N. The Corpus of Contact-Influenced Russian of Northern Siberia and the Russian Far East. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialogue 2019”*. Moscow: RSUH Publ., 2019, pp. 276–287.
- Matras Y., Sakel J. Investigating the mechanisms of pattern replication in language convergence. *Studies in Language*. 2007, no. 31 (4), pp. 829–865.
- Sakel J. Types of loan: Matter and pattern. Y. Matras, J. Sakel (Eds.) *Grammatical borrowing in cross-linguistic perspective*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2007, pp. 15–29.
- Stoynova N. Russian in contact with Southern Tungusic languages: Evidence from the Contact Russian Corpus of Northern Siberia and the Russian Far East. *Slavica Heltingiensia*. 2019, no 52, pp. 9–36.

¹Т. Б. Казакова, ²С. И. Переверзева

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

²Российский государственный гуманитарный университет,

²Институт системного программирования РАН
(Россия, Москва)

¹tanusha.kazakova@gmail.com, ²p_sveta@hotmail.com

ЗАКРЫВАНИЕ ГЛАЗ КАК МАРКЕР «СИНТАКСИЧЕСКОЙ ПАУЗЫ»: К РЕКОНСТРУКЦИИ МЕТОДА Е. А. ГРИШИНОЙ¹

В статье последовательно воспроизводится фрагмент исследования Е. А. Гришиной, посвященного функционированию в устной речи межсловных морганий как особого «пунктуационного знака», маркирующего границы синтаксических структур. Предпринимается попытка реконструировать методологию этого исследования и насколько возможно эксплицитно описать ее, привлекая к работе новые данные, а также исправить некоторые опечатки, допущенные в работах [Гришина 2011, 2017], и уточнить ключевые понятия, необходимые для дальнейшего изучения незнаковых морганий.

Ключевые слова: жест, моргание, закрывание глаз, синтаксическая пауза, Мультимедийный русский корпус, реконструкция метода, Е. А. Гришина.

Введение

В статье [Гришина 2011], которая позже с небольшими изменениями вошла в качестве гл. 13 в монографию [Гришина 2017], ставится вопрос о том, могут ли моргания — неконтролируемые, неосознанные, кратковременные закрывания глаз говорящего, не воспринимаемые собеседником как «двусторонний знак с фиксированной семантикой» [Гришина 2017: 512], — выполнять определенные функции в процессе говорения. «Априори представляется, — пишет автор, — что моргания хаотичны, имеют чисто физиологическую природу и, соответственно, вряд ли могут быть осмыслены лингвистически. Анализ материала показывает, однако, что это не так» [там же: 518]. Е. А. Гришина приходит к выводу, что появление в диалоге морганий

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

может быть обусловлено фонетическими паузами, фокусом внимания, переключениями (перемещениями взгляда собеседников). При этом большинство межсловных морганий сопутствуют синтаксическим паузам, т. е. границам на уровне синтаксической структуры произносимых реплик [там же: 520], и служат своего рода пунктуационными знаками (выделяют начало и конец реплики, границы фраз, скобки, уточняющие обороты, цитаты [там же: 523]). Что же касается внутрисловных морганий, то они, как правило, приходится на ударный слог полнозначных слов [там же: 525–527].

Тезис о том, что незнакомые закрывания глаз в русской бытовой жестике имеют функциональную нагрузку, привлек к себе внимание ряда лингвистов. Так, отзываясь о морганиях как о предмете исследований Е. А. Гришиной, А. А. Кибрик с одобрением говорит о «максимально расширительном понимании языковой проблематики» [там же: 723], а Ю. В. Николаева — о «редко замечаемых вещах» [Николаева 2018: 197]. В своем кратком обзоре упомянутой монографии Д. В. Сичинава задает читателям провокационный риторический вопрос: «Вот вы знали, что когда люди говорят спонтанно, они моргают на ударных слогах, а когда читают стихи — в конце строки? Теперь знаете» ([Гришина 2017: 725]; см. также <https://arzamas.academy/mag/236-opros>).

Представляется, таким образом, что незнакомые закрывания глаз (далее для краткости будем обозначать закрывания глаз как ЗГ) могли бы стать перспективной областью дальнейших жестовых исследований. Однако дело затрудняется тем, что ни в статье [Гришина 2011], ни в монографии [Гришина 2017] не приводится достаточно подробного описания принципов разметки морганий. Нет доступа и к полному корпусу материалов, на основе которого производились статистические подсчеты: в монографии и статье Е. А. Гришина приводит лишь по несколько примеров² на ту или иную функцию морганий. Исследователю, желающему повторить и верифицировать ее результаты, приходится, во-первых, собирать данные по Мультимедийному русскому корпусу (МУРКО) почти «с нуля», во-вторых, сталкиваться с целым рядом вопросов о том, как эти данные следует интерпретировать.

Предметом настоящей работы послужило функционирование в устной речи межсловных морганий как особых «пунктуационных знаков». Мы ставим перед собой две цели. Во-первых — реконструировать и насколько возможно эксплицитно описать метод работы Е. А. Гришиной, шаг за шагом воспроизводя ход ее исследования и обращая особое внимание на те проблемы, которые на данной стадии реконструкции не поддаются разрешению. Во-вторых — проверить выводы, сделанные Гришиной, на новых данных.

² Примеры к главе 13, посвященной знаковому и незнакомому закрыванию глаз, можно найти по ссылке <https://yadi.sk/d/F5CIg-DckosL2>.

Реконструкция исследовательского метода Е. А. Гришиной: сбор материала, принципы разметки и верификация результатов с учетом новых данных

1. Сбор материала

Для изучения вопроса Е. А. Гришина выбрала 6 видеозаписей разных жанров, в которых речь участников достаточно спонтанна:

- 1) телеинтервью-монолог (информант Г);
- 2) телеинтервью-монолог (информант Л);
- 3) телеинтервью-диалог «О псевдознаниях и лженауке» — выпуск передачи «Угол зрения» телеканала «Эксперт-ТВ», 25.02.2011; ведущий — А. Н. Привалов, гость — А. А. Зализняк (информанты П и З)³;
- 4) выступление на конференции (монолог) (информант К);
- 5) выступление на конференции (монолог) (информант Р);
- 6) неформальный диалог с участием Е. А. Гришиной (информант Я).

Таким образом, рассматривались незнаковые ЗГ 7 информантов.

К сожалению, ни в статье, ни в книге Е. А. Гришина не приводит идентифицирующих сведений об этих источниках — возможно, с целью соблюдения авторских прав на видео и защиты персональных данных информантов. Это затрудняет их поиск (что же касается неформального диалога, то, скорее всего, это материал из личного видеоархива, который и вовсе недоступен в сети Интернет). Наиболее простым для обнаружения оказался выпуск передачи «О псевдознаниях и лженауке» — на сегодняшний день единственный из 6 источников, представленный в МУРКО. Поэтому перепроверка результатов проводилась именно на нем.

Как отмечено в [Гришина 2011], все эти видеозаписи были использованы в работе не целиком, а только частично, однако ни в этой статье, ни в монографии [Гришина 2017] не указано, какие именно фрагменты послужили материалом для исследования. Поэтому первой задачей для нас стало хотя бы приблизительное **определение границ** выбранного Е. А. Гришиной **фрагмента передачи** «О псевдознаниях и лженауке».

В [Гришина 2011, 2017] приводятся несколько высказываний информантов П и З с разметкой морганий; очевидно, что Е. А. Гришина проанализировала соответствующие видеофрагменты. Самый ранний из них содержит реплику П «Вот у одних ли нас есть Велесова книга/ есть академик Фоменко/ вот у одних ли нас идет такой более или менее неостановимый поток псевдоисторического знания?»⁴ (43-я секунда

³ Название этого выпуска передачи в МУРКО — «О популярности псевдоисторических знаний в России». Видео находится в Интернете в открытом доступе; один из адресов, по которому его можно найти, — https://drive.google.com/file/d/1_whwaW47ZpAYBocn8EvOa5cSsc0HLNV7/view?usp=sharing

⁴ Реплики, кроме тех случаев, когда они цитируются по [Гришина 2011, 2017], приводятся в соответствии с МУРКО с добавлениями междометий и так называемых фальстартов — частей фразы или слова, которые сам же говорящий считает неудачными и тут же исправляет; подробнее о фальстартах см. в статье [Подлеская, Кибрик 2007].

от начала передачи), самый поздний — реплику П «То есть просто потому/ что было другое всепобеждающее учение/ этому не было места» (7 минут 30–40 секунд от начала передачи). Кроме этого, в статье и в монографии указано, сколько слов произносит каждый из говорящих в пределах анализируемого фрагмента и сколько раз закрывает глаза [Гришина 2017: 518, табл. 13_3]. Исходя из того, что исследуемый Е. А. Гришиной отрывок из передачи непрерывен и его начало совпадает с началом передачи, мы выбрали фрагмент, в котором насчитывается примерно столько же морганий, поскольку количество ЗГ кажется нам наиболее надежным признаком⁵. Правая граница этого фрагмента оказалась приблизительно на полминуты дальше от начала, чем самый поздний видеофрагмент, на который ссылается Е. А. Гришина в двух своих работах. Наш фрагмент длится 8 минут 8 секунд. В таблице 1 приводятся результаты, по количеству ЗГ сопоставимые с данными Е. А. Гришиной (здесь и далее указаны в квадратных скобках; ср. [Гришина 2017: 518, табл. 13_3]):

Таблица 1. Общая статистика фрагмента диалога П и З (8 мин. 8 с)

Информант	Количество слов ⁶	Количество морганий	Количество ЗГ-жестов ⁷	Плотность морганий ⁸
П	383 [349]	46 [47]	2 [1]	0,12 [0,13]
З	508 [453]	118 [116]	16 [17]	0,23 [0,26]

⁵ Подсчитывая количество морганий, мы не учитывали те ЗГ, при исполнении которых жестикулирующий молчит и ждет, пока говорящий закончит свою реплику. Подсчитывая количество слов, мы не учитывали те слова, при произнесении которых говорящий ни в какой момент не был виден.

⁶ Вопрос об интерпретации термина «слово» не вполне ясен. С одной стороны, в [Гришина 2017: 519] содержится прямое указание на то, что исследуется «морганье между фонетическими словами и на фонетическом слове». С другой стороны, говоря про склонность информанта Г подчеркивать эмфазу посредством межсловных морганий, Е. А. Гришина приводит сочетание «в ● Мексиканском ● ЗАЛИВЕ», в котором межсловное морганье отмечается между предлогом «в» и прилагательным «Мексиканском» [там же: 522], т. е. внутри одного фонетического слова и между двумя орфографическими. Оставляя этот вопрос открытым, отметим, что при подсчете морганий между орфографическими словами в диалоге П и З мы получили данные, более близкие к тем, которые приводит Е. А. Гришина, чем при подсчете морганий между фонетическими словами. По этой причине, анализируя новый материал, мы ориентировались именно на орфографические слова.

⁷ Основные признаки ЗГ-жеста (т. е. полнозначного закрытия глаз), отличающие его от служебного ЗГ (незнакового моргания), следующие: ЗГ-жест может выступать как в сочетании с речью и другими жестами, так и в отрыве от них, при этом он имеет конкретное значение, понятное другим участникам разговора, и длительность минимум в одно фонетическое слово или один жест, не являющийся ЗГ. Подробнее см. [Гришина 2017: 512–513].

⁸ Плотность морганий — это отношение количества ЗГ к количеству слов. Из таблицы 1 видно, что Е. А. Гришина анализировала количество морганий без ЗГ-жестов. Так же поступали и мы, однако допустимо, на наш взгляд, и другое решение — прибавлять к количеству незнаковых ЗГ количество ЗГ-жестов, поскольку каждое знаковое ЗГ отсрочивает необходимость в следующем незнаковом моргании с целью увлажнения глаз. Таким образом, представляется, что «чистое» значение плотности моргания следует считать на отрезке, в котором отсутствуют знаковые ЗГ.

В качестве нового материала мы использовали видеозапись, сделанную одним из авторов настоящей работы (Т. Б. Казаковой) осенью 2018 г. Запись представляет собой автобиографический монолог: москвичка Жанна Васильевна Леонова (далее — информант ЖВЛ), 1939 г. р., на протяжении почти 10 минут рассказывает о своей жизни. Для анализа мы выбрали первые 7 минут (фрагмент 0.20–7.20): на восьмой минуте начинается новая логическая часть монолога; кроме того, данный фрагмент близок по длительности к фрагменту беседы А. А. Зализняка и А. Н. Привалова. Приведем для него общую статистику:

Таблица 1а. Общая статистика фрагмента монолога ЖВЛ (7 мин.)

Информант	Количество слов	Количество морганий	Количество ЗГ-жестов	Плотность морганий
ЖВЛ	826	185	39	0,27

Плотность морганий ЖВЛ лежит в пределах диапазона плотности морганий шести информантов, исследуемых Е. А. Гришиной (от 0,04 до 0,6), при этом она ближе всего к плотности морганий З в телеинтервью-диалоге; примечательно, что при этом доля ЗГ-жестов у ЖВЛ существенно больше, чем у З, который занимает первое место по числу ЗГ-жестов среди семи⁹ информантов, ср. $39 : 185 \approx 0,21$ для ЖВЛ, $16 : 118 \approx 0,14$ для З (по результатам перепроверки); соотношение для остальных информантов таково: П $\approx 0,04$ (по результатам перепроверки), Г $\approx 0,03$, Л $\approx 0,08$, Я $\approx 0,08$, у К и Р ЗГ-жесты отсутствуют.

В связи с этим представляется, что для описания невербального поведения говорящего наряду с плотностью морганий, которая, «по-видимому, зависит как от индивидуальных особенностей говорящего, так и от особенностей того или иного речевого жанра» [Гришина 2017: 518], целесообразно учитывать **параметр «доля знаковых (преимущественно — длительных) закрываний глаз»**.

2. Принципы разметки¹⁰ данных и сравнение результатов

2.1. Уточнение понятия межсловного моргания.

Совпадение межсловных морганий с фонетическими паузами

Для того чтобы понять, существует ли корреляция между синтаксическими паузами и межсловным морганием, необходимо выяснить, в частности, что такое межсловное моргание. Е. А. Гришина не дает определения этому термину, по-видимому полагаясь на его прозрачную внутреннюю структуру. Однако, на наш взгляд, что представляют собой межсловные моргания, не совпадающие с фонетическими паузами, не вполне очевидно: если глаза закрываются не во время фонетической

⁹ В следующих разделах статьи речь будет идти о шести информантах, поскольку при исследовании межсловных морганий Е. А. Гришина не рассматривает данные по информанту Л по причине их малочисленности.

¹⁰ Разметка всех видео осуществлялась в программе ELAN (Max Planck Institute for Psycholinguistics, The Language Archive, Nijmegen, The Netherlands. <https://archive.mpi.nl/tla/elan>).

паузы, значит, это происходит во время звучания слов. Напрашивается вывод, что Е. А. Гришина считала некоторые из морганий, в действительности приходящихся на начало или конец слова, межсловными, и для дальнейших подсчетов требуется строго определить разницу между внутрисловными и межсловными морганиями в понимании Е. А. Гришиной.

Очевидно, эта проблема появляется не тогда, когда моргание происходит в середине длинного слова (ср. два примера из другого видео — «в Кар^оибском море», «в зали^ове» [Гришина 2017: 526]), а тогда, когда оно возникает на коротком (одно-сложном) слове или на границе двух слов (последний слог предыдущего слова или первый слог слова, следующего за ним). Так, в реплике П «...я отношусь к числу очень немногих людей которые по-видимому^о прочли основополагающую работу...» моргание после «по-видимому» размечено как межсловное и интерпретировано как маркер синтаксической паузы при вводном слове [там же: 521], однако наши наблюдения показывают, что в действительности П моргает на первом слоге слова «прочли». Ср. также реплику З «если бы сильно выше был ^оуровень образования^о наверно можно было бы ожидать, что какое-то количество, какой-то процент населения сопротивлялся бы этому лучше» [там же: 524], где межсловные моргания, обрамляющие скрытую цитату «уровень образования» (З повторяет слова, которые только что произнес П), фактически попадают на слово «был» и на последний слог слова «образования».

Нам удалось решить эту проблему лишь частично, выдвинув гипотезу относительно **безударных приграничных слогов**. А именно, в отсутствие фонетической паузы между соседними орфографическими словами А и Б межсловным морганием считается то, которое приходится на последний безударный слог слова А или первый безударный слог слова Б. Сделать это предположение нам позволяет утверждение Е. А. Гришиной о том, что внутрисловное моргание сопутствует ударным слогам¹¹ [Гришина 2017: 525–527], а также очень короткий исчерпывающий список словоформ, для которых внутрисловные «моргания не могут быть истолкованы как ударения, поскольку привязаны к слогу, который не является ударным» [там же: 527]. Для беседы П и З Е. А. Гришина указывает только два таких слова — «зап^олняется» и «п^оустота» (оба произнесены информантом З). Получается, что во всех остальных случаях, когда моргание приходится на безударный слог, оно считается межсловным.

В пользу нашей гипотезы говорит и следующий тезис: «...наибольшая плотность глазных ударений — на полнозначных словах, наименьшая — на служебных, а местоимения занимают промежуточное положение между полнозначными и служебными словами» [Гришина 2017: 526]. Ориентируясь на эти выводы, мы приняли для себя решение размечать **односложные слова**, сопровождаемые незнакомым ЗГ, следующим образом: в случае служебных слов (*и, а, на, ну...*),

¹¹ К ударным слогам в данном случае относятся и слоги с побочным ударением, ср. «кр^оуговорот», «о^одновременно» [Гришина 2017: 526].

на которые ударение обычно не падает, считать моргание межсловным, а в случае полнозначных слов и местоимений (*свет, быть, всё, он...*) — внутрисловным, маркирующим ударение.

Может показаться, что обозначение ударения в последнем случае — избыточное действие, однако в [Гришина 2011, 2017] приводится пример «ударного» моргания, по-видимому информанта Р, на полнозначном односложном слове «л^оет» [Гришина 2017: 526]; впрочем, для того чтобы хоть сколь-нибудь уверенно судить о статусе морганий на полнозначных односложных словах, у нас крайне мало данных. Остается непроясненным и вопрос о том, может ли незнаковое ЗГ на границе слов выполнять две функции сразу — и обозначать ударение, и быть «пунктуационным знаком», см. моргание на границе слов «был» и «уровень» в цитированной выше реплике 3.

Приняв все изложенные выше допущения, мы смогли получить результаты, сравнительно близкие к данным Е. А. Гришиной, см. таблицу 2.

Таблица 2. Совпадение межсловных морганий П и З с фонетическими паузами

Информант	Межсловные моргания совпадают с паузой	Межсловные моргания не совпадают с паузой	Всего межсловных морганий
П	15 (58%) [11 (42%)]	11 (42%) [15 (58%)]	26 [26]
З	49 (64%) [48 (68%)]	27 (36%) [23 (32%)]	76 [71]

Согласно Е. А. Гришиной, для информанта З «верно утверждение, что если в тексте встретилось межсловное моргание, то оно с повышенной вероятностью будет сопровождаться паузой» [Гришина 2017: 519]; что же касается информанта П, то для него, как и для остальных четырех информантов, подобной корреляции не прослеживается. Наша перепроверка данных в целом подтверждает этот вывод — с той оговоркой, что межсловные моргания информанта П соотносятся друг с другом не как 11 ~ 15, а как 15 ~ 11.

Для нашего информанта ЖВЛ таблица 2 выглядит следующим образом:

Таблица 2а. Совпадение межсловных морганий ЖВЛ с фонетическими паузами

Информант	Межсловные моргания совпадают с паузой	Межсловные моргания не совпадают с паузой	Всего межсловных морганий
ЖВЛ	69 (71%)	28 (29%)	97

Как можно видеть, в тенденции сопровождать межсловные моргания фонетическими паузами между информантами З и ЖВЛ также прослеживается сходство, не характерное для остальных информантов.

2.2. Совпадение межсловных морганий с фонетическими и/или синтаксическими паузами

Далее мы сравнили полученные соотношения общего числа фонетических и синтаксических пауз, с одной стороны, и количества межсловных морганий, с другой

стороны, с данными Е. А. Гришиной. Введенный ею термин «синтаксическая пауза» обозначает паузу, «которая не имеет материального воплощения, т. е. звуковой поток в данной точке не прерывается, но прерывание осуществляется на уровне синтаксической структуры произносимой реплики» [Гришина 2017: 520]. Морганиями в такие паузы являются незнаковые ЗГ в начале реплик или в конце; в начале предложений (самостоятельных, главных, придаточных), до и после обстоятельственных, уточняющих оборотов, вставных конструкций, включая вводные слова, в точках изменения речевой стратегии или автокоррекции, до и после цитирования.

Согласно данным Е. А. Гришиной (см. [Гришина 2017: 521, таблица 13_6], см. эту таблицу также ниже), межсловные моргания П и З в 85% и в 80% случаев соответственно сопровождаются фонетической и/или синтаксической паузой; таким образом, «у всех информантов отмечено тяготение моргания к паузе» [там же: 521]. Наши подсчеты, хотя и дают несколько другие цифры (76% и 82% случая), подтверждают этот вывод; то же можно сказать и об информанте ЖВЛ (для краткости приводим данные по этим трем информантам в одной таблице).

Таблица 3. Совпадение межсловных морганий с фонетическими и/или синтаксическими паузами

Информант	Межсловные моргания совпадают с паузой	Межсловные моргания не совпадают с паузой	Всего межсловных морганий
П	20 (76%) [22 (85%)]	6 (23%) [4 (15%)]	26 [26]
З	62 (82%) [57 (80%)]	14 (18%) [14 (20%)]	76 [71]
ЖВЛ	73 (75%)	24 (25%)	97

Отметим, что для ЖВЛ, как и для других информантов, статистика совпадения межсловных морганий с паузами выросла по сравнению с таблицей 2, однако такого внушительного контраста между двумя таблицами, который получила Е. А. Гришина при добавлении синтаксических пауз к фонетическим, мы не наблюдаем. Так, минимальное улучшение результатов, по данным Гришиной, показал информант З — оно составляет 12%; результаты же информанта ЖВЛ изменились лишь на 4%. Столь малое изменение свидетельствует о том, что в случае ЖВЛ вклад синтаксических пауз в суммарный результат невелик. В самом деле, распределение синтаксических пауз и морганий оказывается фактически случайным:

Информант	Межсловные моргания совпадают с синтаксической паузой	Межсловные моргания не совпадают с синтаксической паузой	Всего межсловных морганий
ЖВЛ	52 (54%)	45 (46%)	97

Тем самым, можно заключить, что информант ЖВЛ по каким-то причинам не использует моргания в качестве специализированного маркера синтаксических

пауз. Очевидно, у данного информанта ЗГ преимущественно выполняют какую-то иную функцию. Похожим образом дело обстоит с информантом Г, который — среди шести информантов Е. А. Гришиной — показал по этому признаку «наихудшие» результаты: 27% его морганий не совпадают ни с фонетической, ни с синтаксической паузой (для ЖВЛ соответствующая доля составляет 25%). Исследовательница предлагает такое объяснение: «...У него, по-видимому, есть индивидуальная черта, касающаяся межсловного моргания, а именно — он отмечает морганием начало той зоны высказывания, в которой находится словоформа, отмеченная эмфазой» [Гришина 2017: 520–521]. Что касается случая ЖВЛ, то наши наблюдения показывают, что огромное большинство ее ЗГ сопровождается движениями головы и глаз — кивками, мотаниями головой, а также переводами взгляда в разные точки пространства. Предварительно мы можем считать, что «индивидуальная черта, касающаяся межсловного моргания» ЖВЛ — это использование ЗГ скорее для переключения фокуса внимания, чем для маркирования синтаксических пауз. Это предположение косвенно подтверждается данными Е. А. Гришиной: «Анализ материала показал, что чуть более чем в половине случаев (140, или 55%) Переключения (перемещения взгляда говорящего с одной точки пространства на другую. — *ТК, СП.*) сопровождаются морганием» [Гришина 2017: 528]; ср. также ее замечание о функциональной идентичности морганий и Переключений [там же: 531].

2.3. Соотношение синтаксических пауз с фонетическими паузами и межсловными морганиями. Уточнение понятия фонетической паузы

Последний вопрос, который поднимается в работах [Гришина 2011, 2017] в связи с межсловными морганиями, — это вопрос о том, «как соотносятся с синтаксическими паузами, с одной стороны, стандартные (фонетические) паузы, а с другой — межсловные моргания» [Гришина 2017: 522]. Данные, позволяющие получить ответ, содержатся в таблице 13_7 [там же]:

Таблица 13_7

Информант	Фонетическая пауза		Межсловное моргание	
	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической
Г	33 (72%)	13 (28%)	32 (89%)	4 (11%)
К	20 (61%)	13 (39%)	16 (89%)	2 (11%)
П	35 (78%)	10 (22%)	20 (83%)	4 (17%)
З	55 (56%)	44 (44%)	43 (75%)	14 (25%)
Р	33 (77%)	10 (23%)	37 (84%)	7 (16%)
Я	30 (77%)	9 (23%)	60 (87%)	9 (13%)
Среднее:	<u>34 (70%)</u>	16,5 (30%)	35 (84,5%)	7 (15,5%)

На наш взгляд, данная таблица нуждается в двух исправлениях — техническом и содержательном.

С технической точки зрения, ячейка «34 (70%)» должна быть выделена не подчеркиванием с курсивом, а полужирным шрифтом с затемнением, как ячейка «35 (84,5%)», поскольку реальные распределения в обоих случаях больше теоретического ожидания (о типах разметки ячеек см. [Гришина 2017: 40]).

С содержательной точки зрения, суммарное количество межсловных морганий, совпадающее в предыдущих таблицах для каждого из 6 информантов (см. [Гришина 2017, табл. 13_4 и 13_6]), в таблице 13_7 оказывается иным: $\Gamma = 32 + 4 = 36$; $K = 16 + 2 = 18$; $\Pi = 20 + 4 = 24$; $З = 43 + 14 = 57$; $P = 37 + 7 = 44$; $Я = 60 + 9 = 69$ вопреки ожидаемым $\Gamma = 36 + 13 = 49$; $K = 23 + 2 = 25$, $\Pi = 22 + 4 = 26$, $З = 57 + 14 = 71$; $P = 46 + 7 = 53$, $Я = 68 + 9 = 77$; ср. данные таблицы 13_6:

Таблица 13_6 [Гришина 2017: 521]

Информант	Межсловные моргания	
	Совпадают с паузой	Не совпадают с паузой
Г	36 (73%)	13 (27%)
К	23 (92%)	2 (8%)
Р	46 (87%)	7 (13%)
П	22 (85%)	4 (15%)
З	57 (80%)	14 (20%)
Я	68 (88%)	9 (12%)

Вероятно, это ошибка, возникшая при копировании данных в самый правый столбец таблицы 13_7 из самого правого столбца таблицы 13_6. Как можно видеть, числа в этих столбцах совпадают для всех информантов, кроме Г («13» в табл. 13_6 и «4» в табл. 13_7); возможно, данные по Г были исправлены после копирования, и поэтому они, скорее всего, верны. Тогда, согласно таблице 13_7, сумма межсловных морганий Г — 36, что соответствует данным в столбце «Межсловные моргания; Совпадают с паузой» в таблице 13_6. Исходя из этого, мы предполагаем, что, по замыслу исследовательницы, в таблице 13_7 должны были быть учтены не все межсловные моргания, а только те, которые приходятся на фонетическую и/или синтаксическую (далее для краткости — Ф-С) паузу. Почему было принято такое решение, неясно; более того, нам не удалось найти в работах Е. А. Гришиной прямого указания на то, что было принято именно такое решение (об альтернативном варианте — посчитать сумму всех межсловных морганий информантов — см. в следующем разделе). Тем не менее при перепроверке мы, основываясь на этом предположении, смогли подтвердить основной вывод Е. А. Гришиной из таблицы 13_7 («и фонетическая, и глазная пауза тяготеют к синтаксическим паузам, однако у глазной паузы это тяготение выражено в заметно большей степени» [Гришина 2017: 522]).

С учетом предложенных исправлений таблица 13_7 должна иметь следующий вид:

Таблица 4. Совпадение фонетических пауз и межсловных морганий в Ф-С паузы с синтаксическими паузами: исправленная таблица 13_7 ([Гришина 2017: 522])

	Фонетическая пауза		Межсловное моргание в Ф-С паузу	
	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической
Г	33 (72%)	13 (28%)	32 (89%)	4 (11%)
К	20 (61%)	13 (39%)	16 (70%)	7 (30%)
П	35 (78%)	10 (22%)	20 (95%)	2 (5%)
З	55 (56%)	44 (44%)	43 (74,5%)	14 (24,5%)
Р	33 (77%)	10 (23%)	37 (80,5%)	9 (19,5%)
Я	30 (77%)	9 (23%)	60 (88%)	8 (12%)
Среднее:	34 (70%)	16,5 (30%)	35 (84,5%)	7 (15,5%)

Чтобы повторить подсчеты, представленные в таблице 4, нам понадобилось заметить все **фонетические паузы** в речи информантов. Мы исходили из следующих допущений: (а) фонетические паузы, для которых у нас нет изображения говорящего и/или на которые приходится речь собеседника, не учитываются; (б) поскольку в начале и в конце реплик фонетическая пауза всегда сопровождается синтаксической, отмечаются только паузы между идущими подряд репликами, паузы внутри реплик и заполненные фонетические паузы в начале и в конце высказываний; (в) фонетические паузы в речи информанта П выделяются по тем же признакам, что и в речи информанта З.

Замечание.

Не до конца ясно, может ли фонетическая пауза предопределять появление синтаксической. А именно, следует ли интерпретировать долгие (и если да, то насколько долгие) паузы как показатели разрыва синтаксической структуры, если после них предложение продолжается? Для ответа на этот вопрос полученного материала недостаточно; мы не смогли обнаружить здесь четкого правила, поскольку таких случаев встретилось немного. Спорным случаем, например, является следующая реплика информанта З:

*[э] Но/ тем не менее/ главным/ коне*чно/ является вот это брожение умов и пу*стота.*

После слова «умов» З делает короткую паузу длиной в 0,6 с. Мы сочли, что она появляется внутри единой синтаксической структуры, но, если бы пауза была длинной (≥ 1 с, см. [Гришина 2017: 520]), было бы допустимо, на наш взгляд, полагать, что «и пустота» является отдельной синтаксической единицей.

Результаты нашей перепроверки данных по информантам П и З, а также данные по информанту ЖВЛ, приведены в таблице 5:

Таблица 5. Совпадение фонетических пауз и межсловных морганий в Ф-С паузы с синтаксическими паузами (наши данные)

	Фонетическая пауза			Межсловное моргание в Ф-С паузу		
	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	Всего	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	Всего
П	23 (88%)	3 (12%)	26	19 (95%)	1 (5%)	20
З	44 (50%)	43 (50%)	87	42 (68%)	20 (32%)	62
ЖВЛ	130 (65%)	69 (35%)	199	52 (71%)	21 (29%)	73

Общее количество фонетических пауз у информанта П в наших подсчетах оказалось почти в два раза меньше, чем по данным Гришиной (см. таблицу 4). Однако число фонетических пауз у информанта З получилось довольно похожим — это дает нам основания полагать, что мы понимаем термин «фонетическая пауза» в целом примерно так же, как его понимала Е. А. Гришина. Отметим, впрочем, что ни в статье [Гришина 2011], ни в книге [Гришина 2017] не приводится его определения.

Обращает на себя внимание практически случайное распределение фонетических пауз у информанта З по признаку их совпадения с синтаксическими паузами. Тем самым, при перепроверке данных информантов П и З нам не удалось полностью подтвердить вывод Е. А. Гришиной о том, что фонетическая пауза у всех информантов тяготеет к синтаксической (при том что новые данные по информанту ЖВЛ этой тенденции соответствуют). Вместе с тем таблица 5 показывает, что синтаксические паузы маркируются морганиями, приходящимися на Ф-С паузы, с большей вероятностью, чем фонетические. Данные по межсловным морганиям оказались численно близки к соответствующим данным Е. А. Гришиной, что служит дополнительным свидетельством правильности высказанных нами выше предположений о природе межсловных морганий.

Отметим, что по итогам перепроверки П и З и добавления ЖВЛ контраст средних величин (см. строку «Среднее» в таблице 4) несколько сгладился (для фонетических пауз: 66% ~ 34% против 70% ~ 30% в таблице 4; для межсловных морганий: 80,4% ~ 19,6% против 84,5% ~ 15,5%), однако в целом результат существенных изменений не претерпел:

	Фонетическая пауза		Межсловное моргание в Ф-С паузу	
	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической
Г	33 (72%)	13 (28%)	32 (89%)	4 (11%)
К	20 (61%)	13 (39%)	16 (70%)	7 (30%)
П (перепр.)	23 (88%)	3 (12%)	19 (95%)	1 (5%)

Окончание таблицы

	Фонетическая пауза		Межсловное моргание в Ф-С паузу	
	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической
З (перепр.)	44 (50%)	43 (50%)	42 (68%)	20 (32%)
Р	33 (77%)	10 (23%)	37 (80,5%)	9 (19,5%)
Я	30 (77%)	9 (23%)	60 (88%)	8 (12%)
ЖВЛ	130 (65%)	69 (35%)	52 (71%)	21 (29%)
Среднее:	45 (66%)	23 (34%)	37 (80,4%)	9 (19,6%)

2.4. Соотношение синтаксических пауз с фонетическими паузами и межсловными морганиями: альтернативное решение

Укажем иной способ исправления опечатки в таблице 13_7 (см. [Гришина 2017: 522]), который представляется нам более логичным и естественным, чем тот, который мы привели выше. Предположим, что требуется вычесть количество межсловных морганий, совпадающих с синтаксической паузой, из **общего** числа межсловных морганий, представленного, например, в таблице 13_6. В этом случае мы получаем ответ на вопрос, какая доля из **всех** отмеченных межсловных морганий приходится на синтаксические паузы. Результаты приведены ниже в таблице 6.

Таблица 6. Совпадение фонетических пауз и межсловных морганий с синтаксическими паузами ([Гришина 2017: 522], альтернативная версия исправленной таблицы)

	Фонетическая пауза		Межсловное моргание	
	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической
Г	33 (72%)	13 (28%)	32 (65%)	17 (35%)
К	20 (61%)	13 (39%)	16 (64%)	9 (36%)
П	35 (78%)	10 (22%)	20 (77%)	6 (23%)
З	55 (56%)	44 (44%)	43 (61%)	28 (39%)
Р	33 (77%)	10 (23%)	37 (70%)	16 (30%)
Я	30 (77%)	9 (23%)	60 (78%)	17 (22%)
Среднее:	34 (70%)	16,5 (30%)	35 (69,3%)	15,5 (30,7%)

Такой способ исправления дает иной результат: утверждение, что «и фонетическая, и глазная пауза тяготеют к синтаксическим паузам» [Гришина 2017: 522], остается верным, однако неверно, что «у глазной паузы это тяготение выражено в заметно большей степени» [там же]: среднее число фонетических пауз и межсловных морганий, распределенных относительно синтаксических пауз, практически одинаково (70% ~ 30% и 69,3% ~ 30,7%).

При перепроверке данных по информантам П и З мы получаем следующую картину:

	Фонетическая пауза			Межсловное моргание		
	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	Всего	совпадает с синтаксической	не совпадает с синтаксической	Всего
П (перепр.)	23 (88%)	3 (12%)	26	19 (73%)	7 (27%)	26
З (перепр.)	44 (50%)	43 (50%)	87	42 (55%)	34 (45%)	76

По сравнению с результатами, представленными в предыдущем разделе, у информанта П несколько отличаются показатели для синтаксических пауз, совпадающих с межсловным морганием, но их процентное соотношение в целом сохраняется. Гораздо заметнее расхождение данных для информанта З: в его репликах не только фонетическая и синтаксическая пауза никак не связаны друг с другом (50% ~ 50%), но и межсловное моргание почти с равной вероятностью может встречаться как с синтаксической паузой, так и без нее (55% ~ 45%). Посчитанные таким образом данные по информанту ЖВЛ демонстрируют то же практически равновероятное соотношение, что и данные по информанту З: межсловных морганий, совпадающих с синтаксической паузой, — 52, межсловных морганий, не совпадающих с синтаксической паузой, — 45; соотношение первых и вторых — 54% ~ 46%.

Заключение

Мы провели реконструкцию методологии исследования Е. А. Гришиной, посвященного незнаковым ЗГ, их соотношениям с фонетическими паузами и внутрисловным ударением. Несмотря на то, что нам не удалось получить абсолютно идентичные таблицы с подсчетами, правильность предложенных нами уточнений для понятий, используемых в ее работах («межсловные моргания», «фонетические паузы»), подтверждается анализом новых данных: результаты по нашему информанту ЖВЛ не противоречат основным выводам Е. А. Гришиной (при том что причины, побудившие исследовательницу ограничить множество межсловных морганий в заключающей раздел таблице 13_7, не вполне ясны).

Сходство между двумя информантами (З и ЖВЛ), проявляющееся в значительной доле ЗГ-жестов, сопровождающих речь, а также в зависимости межсловных морганий от фонетических пауз, позволяет выдвинуть гипотезу о существовании определенных типов глазного поведения. Подробное описание и каталогизация этих типов, как и исследование причин их появления, может стать задачей будущих исследований в области жестикуляционной и когнитивной лингвистики.

Неразрешенным пока остается и вопрос о том, насколько равнозначны понятие синтаксической паузы у Гришиной и понятие границы ЭДЕ (элементарных дискурсивных единиц). Целесообразным представляется обращение к жестовым языкам, в которых моргания, как и паузы, служат одним из необязательных, но частотных маркеров границ ЭДЕ [Прозорова 2009; Herrmann 2010]. Еще ряд вопросов,

не имеющих на сегодняшний день ответа, — насколько последовательно Е. А. Гришина интерпретировала моргания на первых и последних безударных слогах как межсловные. Считала ли она, что моргание может маркировать синтаксическую паузу во время звучания слова до или после нее? И если да, может ли ЗГ, происходящее на первом или последнем ударном слоге в слове, одновременно указывать на ударение и на синтаксическую паузу? Нам не кажется, что ударный слог должен мешать главному маркированию синтаксической границы. Что касается фонетических пауз, то какова их минимальная длительность? Согласно статье [Zellner 1994: 44] (со ссылкой на [Goldman-Eisler 1968; Grosjean, Deschamps 1975]), достаточно легко на слух обычно воспринимаются паузы длительностью более 0,2–0,25 с. Уместно ли принимать именно это число как пороговое, когда речь идет о данных, полученных Е. А. Гришиной?

Для проверки изучаемых корреляций на других говорящих, при других условиях коммуникации, в других речевых жанрах крайне желательна автоматизация разметки морганий, поскольку этот этап исследования представляется самым долгим и требующим большой точности для достижения верифицируемых результатов. Проблема может быть решена посредством уже существующего кода на языке Python, умеющего с помощью библиотеки компьютерного зрения OpenCV достаточно точно распознавать моргания [Rosebroke 2017]. Описываемая программа способна лишь подсчитывать количество ЗГ, однако нам представляется возможным усовершенствование кода, чтобы в результате его работы создавался файл с временными границами каждого ЗГ. При надлежащей точности можно будет говорить об автоматической разметке большого объема данных для корпусных исследований.

При проведении собственных экспериментов для контроля всех параметров (например, освещенности помещения) можно использовать метод электроокулографии, примененный в исследованиях Т. Накано и других нейрофизиологов, изучавших мигательный рефлекс: два электрода, прикрепленные к надглазничной и подглазничной областям, точно фиксируют движения век [Nakano et al. 2009; Nakano, Kitazawa 2010]. Конечно, как и в экспериментах Накано и ее коллег, информанты не должны знать, что исследуются именно моргания, а не другие движения глаз.

Понимание устройства механизмов моргания представляется небесполезным для разработки компьютерных агентов, которые имитируют человеческое поведение, для анализа синтаксического членения устных текстов, а также для дальнейшего изучения механизмов порождения речи.

Литература

Гришина Е. А. Закрытые глаза: жестикуляция, пунктуация, акцентуация // Филология: научные исследования 2, 2011. С. 39–56. URL: https://studiorum-ruscorpora.ru/wp-content/themes/bootstrap-basic4-child/texts/grishina_closed.pdf

Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2017.

Николаева Ю. В. Рецензия на кн.: Гришина Елена. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Издательский дом «Языки славянской культуры», 2017 // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология, 3. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. С. 194–198.

Переверзева С. И. Рецензия на кн.: Гришина Е. А. Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры, 2017. 744 с. // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 2. С. 60–69.

Подлеская В. И., Кибрик А. А. Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 2007. № 2. С. 2–23.

Прозорова Е. В. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Goldman-Eisler F. Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech. New York: Academic Press, 1968.

Grosjean F., Deschamps A. Analyse contrastive des variables temporelles de l'anglais et du français // *Phonetica*. 1975. № 31. P. 144–184.

Herrmann A. The interaction of eye blinks and other prosodic cues in German Sign Language // *Sign Language & Linguistics*. 2010. № 13 (1). P. 3–39.

Nakano T., Yamamoto Y., Kitajo K., Takahashi T., Kitazawa S. Synchronization of spontaneous eyeblinks while viewing video stories // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences* vol. 276, iss. 1673, 2009. P. 3635–3644.

Nakano T., Kitazawa S. Eyeblink entrainment at breakpoints of speech // *Experimental Brain Research*. 2010. № 205 (4). P. 577–581.

Rosebroke A. Eye blink detection with OpenCV, Python, and dlib. [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://www.pyimagesearch.com/2017/04/24/eye-blink-detection-opencv-python-dlib/>.

Zellner B. Pauses and the temporal structure of speech // *Fundamentals of speech synthesis and speech recognition* / Ed. by E. Keller. Chichester: John Wiley, 1994. P. 41–62.

Приложение

Ссылка на таблицу со всеми примерами ЗГ :

<https://docs.google.com/spreadsheets/d/1uVcdRRE831ts3-iLs6e4SOKGJS7CdVY4/edit?usp=sharing&oid=100389563454022667310&rtppof=true&sd=true>

Ссылка на файл с ELAN разметкой диалога информантов П и З:

<https://drive.google.com/file/d/19p3yV8u9wgN8zwi2n3nkJbRKpGmxcPB6/view?usp=sharing>

Ссылки на авторский материал:

<https://drive.google.com/file/d/1quK4yNIDyIMuBSvcHG4EMU7x63v2CYw8/view?usp=sharing> (видеозапись монолога ЖБЛ);

https://drive.google.com/file/d/1nq1AIa0FW2s8CDahv_Me8VHL9jwonwsv/view?usp=sharing (файл с ELAN разметкой монолога ЖБЛ)

¹T. B. Kazakova, ²S. I. Pereverzeva

¹National Research University Higher School of Economics

²Russian State University for the Humanities,

²Ivannikov Institute for System Programming, RAS

(Russia, Moscow)

¹tanusha.kazakova@gmail.com, ²p_sveta@hotmail.com

CLOSING EYES AS A MARKER OF A “SYNTACTIC PAUSE”: TOWARDS A RECONSTRUCTION OF ELENA A. GRISHINA’S METHOD

The authors consistently reconstruct a fragment of E. A. Grishina’s research, which is devoted to the functioning of inter-lexical blinking in oral speech as a special “punctuation mark” marking the boundaries of syntactic structures. An attempt is made to reconstruct the methodology of this study and to describe it as explicitly as possible, taking into account new data, as well as to correct some misprints in [Grishina 2011, 2017] and to clarify the key concepts necessary for further study of blinks in oral communication.

Key words: gesture, blinking, syntactic pause, phonetic pause, Multimedia Russian corpus, reconstruction of the method, Elena A. Grishina, closing eyes.

References

Goldman-Eisler F. *Psycholinguistics: Experiments in spontaneous speech*. New York: Academic Press, 1968.

Grishina E. A. [Closed eyes: gestures, punctuation, accentuation]. *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: scientific studies]. 2011, no. 2, pp. 39–56. URL: https://studiorum-ruscorpora.ru/wp-content/themes/bootstrap-basic4-child/texts/grishina_closed.pdf

Grishina E. A. *Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoi tochki zreniya (korpusnye issledovaniya)* [Russian gestures from a linguistic perspective (a collection of corpus studies)]. Moscow: LRC Publishing House: Languages of Slavic Culture, 2017.

Grosjean F., Deschamps A. Analyse contrastive des variables temporelles de l’anglais et du français. *Phonetica* 31, 1975, pp. 144–184.

Herrmann A. The interaction of eye blinks and other prosodic cues in German Sign Language. *Sign Language & Linguistics* 13 (1), 2010, pp. 3–39.

Nakano T., Yamamoto Y., Kitajo K., Takahashi T., Kitazawa S. Synchronization of spontaneous eyeblinks while viewing video stories. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, vol. 276, iss. 1673, 2009, pp. 3635–3644.

Nakano T., Kitazawa S. Eyeblink entrainment at breakpoints of speech. *Experimental Brain Research* 205 (4), 2010, pp. 577–581.

Nikolaeva Yu. V. [Book review: Grishina Elena. Russian gestures from a linguistic perspective (a collection of corpus studies). M.: LRC Publishing House: Languages of

Slavic Culture, 2017]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 9: *Filologiya*, 3. M.: Moscow St. Univ. Publ., 2018, pp. 194–198. (In Russ.)

Pereverzeva S. I. [Book review: Elena A. Grishina. Russian gestures from a linguistic perspective. Moscow, 2017. 744 p.]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, vol. 78, no. 2, pp. 60–69. (In Russ.)

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. [Speaker self-corrections and other types of speech failures as an object of annotation in the corpus of oral speech]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya*. Series 2: *Informatsionnye protsessy i sistemy*, 2007, no. 2, pp. 2–23. (In Russ.)

Prozorova E. V. *Markery lokal'noy struktury diskursa v russkom zhestovom yazyke. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. [Markers of the local structure of discourse in Russian sign language. Candidate of philol. sci. diss. abstract]. M., 2009.

Rosebroke A. *Eye blink detection with OpenCV, Python, and dlib*. 2017. Available at: <https://www.pyimagesearch.com/2017/04/24/eye-blink-detection-opencv-python-dlib/>. (accessed 23.01.2022)

Zellner B. Pauses and the temporal structure of speech. *Fundamentals of speech synthesis and speech recognition* / Ed. by E. Keller. Chichester: John Wiley, 1994, pp. 41–62.

Appendix

Link to table with all examples of closing eyes:

<https://docs.google.com/spreadsheets/d/1uVcdRRE831ts3-iLs6e4SOKGJS7CdVY4/edit?usp=sharing&ouid=100389563454022667310&rtpof=true&sd=true>

Link to ELAN annotation of the dialog of P and Z:

<https://drive.google.com/file/d/19p3yV8u9wgN8zwi2n3nkJbRKpGmxcPB6/view?usp=sharing>

Links to the authors' data:

<https://drive.google.com/file/d/1quK4yNIDyIMuBSvcHG4EMU7x63v2CYw8/view?usp=sharing> (video with the monolog of ZhVL);

https://drive.google.com/file/d/1nq1AIa0FW2s8CDahv_Me8VHL9jwonwsv/view?usp=sharing (ELAN annotation of the monolog of ZhVL)

III. РЕЦЕНЗИИ

[Рец. на / Review of:] **Stefanowitsch, Anatol.** *Corpus linguistics: A guide to the methodology*. (Textbooks in Language Sciences 7). Berlin: Language Science Press. 2020. DOI: 10.5281/zenodo.3735822

М. В. Копотев

*Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)
mihail.kopotev@helsinki.fi*

Mikhail Kopotev

*University of Helsinki
(Helsinki, Finland)
mihail.kopotev@helsinki.fi*

В последние десятилетия корпусные исследования заняли одно из основных мест в лингвистике. Появилось огромное количество различных ресурсов для множества языков, в ведущих научных журналах ссылки на корпусные данные стали общим местом, на наших глазах языковая интуиция исследователя заменяется обращением к широким языковым данным. Эта корпусная революция прежде всего затронула когнитивную лингвистику, однако постепенно и другие области, например, языковая типология и теоретическая лингвистика, все больше и больше опираются на данные корпусов.

За последние годы появилось и множество учебников по корпусной лингвистике разной степени полноты и актуальности. В этом ряду книга профессора Свободного университета в Берлине, известного специалиста по корпусной лингвистике Анатолия Штефановича выделяется двумя особенностями. Во-первых, этот учебник ориентирован на *методологию* корпусных исследований, а не только на конкретные ресурсы и исследовательские техники. Во-вторых, учебник отличается широта подхода: от обсуждения фундаментальных принципов до мини-исследований, демонстрирующих конкретный метод или даже тип запроса. Такой диапазон тем не мог не отразиться и на объеме, и на времени подготовки: учебник готовился более 15 лет и занимает более 500 страниц. Содержание книги отражает долгую историю его создания.

Книга неявным образом разделена на три части: первые четыре главы посвящены обсуждению более общих вопросов, плавно перетекающих в обсуждение базовых методов корпусных исследований, которые завершаются серией исследований по основным темам корпусных исследований: коллокаций, грамматики, морфологии, текста и метафоры.

Первая глава, “an almost obligatory chapter” (с. vii), посвящена обсуждению темы, которая в настоящий момент уже не вызывает таких жарких дебатов: что такое корпусные данные в их противопоставлении языковой интуиции исследователя. Важной частью этой главы является обоснование использования корпусных данных в других областях языкознания.

Вторая глава продолжает первую, и в ней освещаются «вечные» вопросы корпусной лингвистики: аутентичность данных, репрезентативность и размер корпуса, а также типы аннотации. Обе главы можно считать базовым введением в проблематику корпусной лингвистики, которое, однако, освещает традиционные вопросы в строго методологическом ракурсе и через серию промежуточных дефиниций приводит к следующему определению:

Corpus linguistics is the investigation of linguistic research questions that have been framed in terms of the conditional distribution of linguistic phenomena in a linguistic corpus (с. 56).

Нельзя не отметить, что это определение задает достаточно жесткую методологическую рамку: корпусными исследования признаются лишь такие, в которых исследовательский вопрос сформулирован и исследуется *статистически*; таким образом ограничиваются (если не исключаются вовсе) исследования, использующие корпус (*corpus-informed studies*), — подход, в рамках которого выполнено большинство исследований, которые назвали бы корпусными в России.

В третьей главе обсуждаются принципы постановки исследовательской задачи в корпусном исследовании, которые подразумевают определение зависимых и независимых параметров исследуемого объекта, формулировку гипотезы и ее проверку на корпусном материале. Важной частью дизайна исследования оказывается операционализация (*operationalization*), то есть определение не только объекта исследования, но и способов извлечения данных из корпуса и их анализа. Определение объекта предполагает, например, учет существующей корпусной разметки или особенностей процедуры поиска. Другими словами, корпусной исследователь должен понимать (а лучше эксплицитно определять) ограничения, которые накладывает корпус на извлечение данных для исследования.

Четвертая глава продолжает обсуждение постановки задачи и дизайна исследования. В ней описываются две составные части сбора данных: виды аннотации и способы извлечения данных. Автор совмещает детальное описание и обобщение: в этой главе читатель найдет и технические приемы составления запросов, и обсуждение параметров оценки качества выдачи результата, таких как точность (*precision*) и полнота (*recall*), которые являются стандартом в компьютерной лингвистике, но еще редки в корпусных исследованиях. В части, посвященной лингвистической разметке, обсуждается надёжность (*reliability*) аннотации и способы ее оценки. Отдельно отмечу две небольшие, но важные главки, посвященные проблемам хранения данных и их воспроизводимости — обе темы продвигают корпусную лингвистику в сферу естественнонаучной парадигмы, где доказательность и воспроизводимость признаются неотъемлемыми составляющими идеального научного исследования.

Продолжая сюжет, пятая глава посвящена вопросу о том, в какой степени и как текстовые данные представляют *выборку* в статистическом смысле этого слова. Первый, и, по-моему, главный вопрос этой части сформулирован в подглаве 5.1, в которой обсуждаются три типа данных: качественные, или номинальные, данные

(*nominal data*), ранжированные, или ординальные, данные (*ordinal data*) и собственно количественные данные (*cardinal data*). Глава описывает базовые параметры описания этих типов данных в терминах дескриптивной статистики: частоты (*frequency*), доли (*percentage*), ранги (*ranks*) и среднее арифметическое (*mean*). В главе дается представление о том, что содержит и не содержит корпус и как собранные данные представляют язык в целом. Здесь же обосновывается важный концептуальный сдвиг от собранных в корпусе абсолютных величин к относительной (пропорциональной) презентации большего феномена — в пределе всего языка. Эта тема становится центральной в следующей главе.

Любая, даже самая большая выборка не покрывает все языковые феномены. Она лишь *представляет* язык или его разновидность. Качество этого представления, точнее соответствие языковой выборки и языка в целом, нуждается в проверке, для чего служат разнообразные статистические инструменты. Самые стандартные из них подробно обсуждаются в шестой главе книги: от самых простых, например, вероятность и уровень значимости (*p-value*) до более сложных, например, χ^2 (тест хи-квадрат), используемый для анализа качественных данных; U-критерий Манна — Уитни (*Mann-Whitney U-test*) — для ранжированных данных; t-критерий Уэлча (*Welch's t-test*) — для количественных данных. Особенно важно, что в главе даются не только технические сведения о том, как применять ту или иную формулу, но и обсуждаются сложности ее применения в корпусной лингвистике. Отдельной проблемой в этом контексте является *нормальность* распределения языковых данных, то есть то, насколько равномерно совокупность собранных данных отражает языковую реальность.

Глава 7, *Collocation*, открывает третью часть книги, посвященную одному из наиболее популярных в корпусной лингвистике языковых феноменов. В этой главе обсуждаются история термина, основания выделения этой единицы и влияние различных факторов, например размера корпуса, на анализ коллокаций. Более техническая часть главы описывает основные статистические меры выделения коллокаций в тексте, к которым автор относит χ^2 , *MI (mutual information)*, *log-likelihood*, *minimum sensitivity*, *Fisher's exact test*. Завершается эта часть сравнением приведенных мер и обсуждением особенностей каждой из них. Вторая подглава этой части предлагает серию мини-исследований, иллюстрирующих возможность применения коллокационного анализа для исследований в разных сферах: степени сравнения наречий, синонимы и антонимы, семантическая просодия (*semantic prosody*, коннотативные и жанровые оттенки слов) и анализ культурных феноменов.

Глава 8, *Grammar*, после краткого вступления предлагает серию мини-исследования (*case studies*), первое из которых связывает грамматику с исследованием коллокаций (*collocational frameworks and grammar patterns*). Эта подглава вводит оригинальный концепт «коллострукция» (*collostruction*), предложенный автором книги и Штефаном Грисом в работах начала 2000-х годов. Говоря кратко, коллострукция — это набор слов, ассоциированных с определённой конструкцией. Разработанный авторами коллострукционный анализ включает целую серию методов, которые в книге иллюстрируются на примере детранзитивных конструкций и их сравнения

с дативными конструкциями. Завершается глава обсуждением важного вопроса, который часто вызывает критику со стороны оппонентов корпусной лингвистики: проблема отрицательного результата, то есть существование грамматичных, но не зафиксированных в корпусе примеров или контрпримеров того или иного явления.

Глава 9, *Morphology*, предлагает обсуждение лингвистических феноменов, которые привлекают внимание корпусных лингвистов реже, чем лексические в силу большей сложности их автоматического выделения. Глава начинается с относительно простых и легко операционализируемых понятий: «частотность токена» (количество всех употреблений), «частотность типа» (*type*, количество уникальных употреблений) и *hapax legomena*, соотношение между которыми позволяют говорить о морфологическом разнообразии лексикона, подсчитанной с помощью мер TTR (*type-token ratio*) и HTR (*hapax-token ratio*). Эти простые в использовании меры дают представление о морфологическом богатстве текста, что автор иллюстрирует на двух примерах: комбинация словообразовательных морфем и основ и продуктивность определенных аффиксов в текстах разных жанров. Надо отметить, что это, пожалуй, единственная часть книги, в которой корпусная лингвистика могла бы похвастаться большими достижениями, чем представленная в учебнике: языки, обладающие богатой морфологией, например финно-угорские или славянские, позволили разработать намного более широкий набор методов корпусного анализа.

В десятой главе, *Text*, автор переходит к анализу текста, обсуждая базовое понятие «ключевые слова» (*keywords*), которое до некоторой степени возвращает тему к анализу токенов и их частотных характеристик. В этой главе, однако, они анализируются не как вещь-в-себе, а как маркеры тех или иных параметров текста. Примеры исследований в этой части показывают, какие ключевые слова и коллокации характеризуют академические тексты, региональные варианты английского языка, политические и гендерные предпочтения, отраженные в тексте, а также языковые изменения, наблюдаемые в текстах разных периодов.

Небольшая 11 глава фокусируется на метафоре — феномене, который является сложным для корпусной лингвистики в силу того, что суть метафоры, семантический сдвиг, прячется «между строк». Автор кратко обсуждает возникающие сложности и завершает главу несколькими исследованиями, из которых два первых посвящены анализу источника и цели метафорического переноса, еще два — исследованию метафоры и, несколько неожиданно, метонимии в тексте.

Завершается содержательная часть учебника дискуссией, к сожалению лаконичной, о связях корпусной лингвистики с общей теорией языка, которые ожидаемо отсылают к когнитивной лингвистике и моделям, основанным на употреблении. Хотелось бы видеть эту часть чуть более развернутой: совершенно очевидно, что корпусная лингвистика уже давно вышла из периода становления, когда корпус был просто инструментом поиска примеров. Корпусная лингвистика на современном этапе может добавить свои ответы в наше понимание языка и его функционирования.

В конце книги приведен обширный список литературы и, как кажется, несколько избыточные статистические таблицы, которые в настоящее время доступны

в любой программе статистического анализа. Завершается книга двумя указателями, сопроводительные материалы к учебнику доступны на сайте: https://github.com/astefanowitsch/clm_v01.

Подводя итог рецензии, хочется отдельно отметить прекрасную структуру книги, взаимосвязанное представление понятий, последовательное объяснение методов от более простых к более сложным, наконец, рефлексия по отношению к основным понятиям и инструментам корпусной лингвистики, которая пронизывает всю книгу. Постепенно разворачивающиеся иллюстративные повторы и ссылки на сказанное выше связывают книгу, если так можно сказать, «сквозными мотивами», которые делают книгу сюжетно захватывающей. Несмотря на внушительный объем, книга хорошо организована: главы удачно совмещают более общее введение и конкретные исследования (которые при желании можно читать выборочно).

Учебник может быть рекомендован всем тем, кто уже включил языковой корпус в свою исследовательскую практику и хочет сделать следующий шаг в сторону относительно простых, но эффективных методов корпусного исследования. Несмотря на то, что автор книги — специалист по английскому языку, книга выходит далеко за рамки английской корпусной лингвистики. А ее доступность на сайте издательства (<https://langsci-press.org/catalog/book/148>) позволяет рекомендовать это издание широкому кругу лингвистов.

[Рец. на / Review of:] **Magali Paquot, Stefan Th. Gries (eds.). *A Practical Handbook of Corpus Linguistics***. Springer, Cham, 2020. xi + 686 p. ISBN 978-3-030-46215-4, ISBN 978-3-030-46216-1 (eBook)

М. В. Хохлова

*Санкт-Петербургский
государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург)
m.khokhlova@spbu.ru*

M. V. Khokhlova

*Saint-Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)
m.khokhlova@spbu.ru*

Коллективная монография под редакцией Магали Пако (Magali Paquot) и Штефана Т. Гриса (Stefan Th. Gries) посвящена разнообразным аспектам исследований в области корпусной лингвистики. Во введении указано, что задачи в рамках данного направления могут быть сведены к следующим трем группам: создание корпусов, обработка корпусных данных и поиск в них, а также статистический анализ. Именно этим темам уделяется внимание в соответствующих разделах, которые, таким образом, охватывают весь цикл работы лингвиста: от подготовки корпусного материала и его анализа до написания научной статьи по итогам.

Книга состоит из 6 частей, которые, в свою очередь, разделены на 27 глав. Главы одинаковы по своей структуре: в них представлено введение, следующий раздел знакомит с основными понятиями, отдельно продемонстрированы так называемые case studies на примере как минимум двух научных статей, приводятся критические замечания, а также направления для дальнейшего развития. В предпоследнем разделе большинства глав представлены инструменты, при помощи которых можно выполнять определенные операции с корпусами, и ресурсы, на которых можно найти дополнительную информацию по теме. Главы завершаются не только указанием на источники, но также списком литературы для дальнейшего ознакомления с темой.

За последние два десятилетия своего развития корпусная лингвистика заметно изменилась и эволюционировала. Появилась своя методология, усложнилась разметка материала и почти повсеместно стали использоваться статистические методы. Всё это приводит к необходимости подготовки нового и актуального описания. От существующих пособий по корпусной лингвистике данная работа отличается как по своему объему, так и по количеству охваченных тем. Например, “Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice” [McEnery, Hardy 2012] ориентирован на описание основополагающих понятий и исторический экскурс, в то время как “The Routledge Handbook of Corpus Linguistics” [O’Keeffe, McCarthy 2010] подробно

излагает примеры использования корпусов в лексикографии, литературоведении, переводоведении и др. областях. Рецензируемый сборник по своему характеру может быть назван научной монографией, справочником или учебником. Достоинством книги является то, что для каждой темы приводятся как теоретическое описание, так и практическое руководство с примерами исследований, в том числе с пошаговым объяснением их реализации.

Первая часть посвящена начальному этапу — разработке корпусов, их разметке и архитектуре. Аннели Эдель (Annelie Ädel) в **главе 1** обсуждает ключевые понятия, связанные с компилированием корпуса, такие как репрезентативность, метаданные и аннотирование текстов, а также касается некоторых этических вопросов, связанных с авторскими правами и согласием на использование текстов. Авторами **главы 2** выступили Джон Ньюман (John Newman) и Кристофер Кокс (Christopher Cox). В ней рассматривается автоматическая разметка корпуса, а также обсуждаются практические аспекты создания размеченных текстов и работы с ними. Авторы уделяют внимание четырем основным типам аннотации, а именно: 1) частеречная разметка; 2) лемматизация; 3) синтаксический парсинг; 4) семантическая разметка. Мультиязычные (мультимедийные) корпуса, а также корпуса языков, находящихся под угрозой вымирания, показаны в качестве примеров данных, которые представляют собой сложность при автоматической разметке. В **главе 3**, подготовленной Амиром Зелдесом (Amir Zeldes), описана архитектура корпуса. Обсуждаются вопросы того, как он может быть организован: как простой набор документов, как собрание заранее определенных подкорпусов или как динамические подкорпусы, которые формируются в соответствии с запросом.

Во второй части книги сделан акцент на корпусных методах, при помощи которых можно исследовать материал. **Глава 4**, автором которой является Дон Миллер (Don Miller), связана с анализом частотных списков. Несмотря на простоту подачи материала, они по-прежнему используются в лингвистическом анализе. Отдельного внимания заслуживает вопрос: что именно может считать единицей анализа? В качестве примеров приводятся словоформы, многословные единицы, в том числе коллокации, n-граммы и др. Обсуждаются методы доработки и применения частотных списков, например, частота и нормализация частоты при различных сравнениях и использование дополнительных мер для получения сведений о дистрибутивных характеристиках. Дополнительно глава снабжена кратким списком инструментов, которые позволяют создавать частотные списки, как для отдельных слов, так и для n-грамм, а также оценивать частотное поведение лексических единиц.

Обсуждение вопросов, связанных с первоначальным статистическим анализом данных, логично продолжается в **главе 5**, подготовленной Штефаном Т. Грисом и посвященной анализу разброса — одному из наиболее важных, однако малоиспользуемых понятий в корпусной лингвистике. Автором сделан обзор ряда формул, которые могут быть использованы для его оценки: размах, стандартное отклонение, коэффициент D Жуйана и др. На примере лексикографических проектов, а также психолингвистических и корпусных исследований автор показывает, как применяется разброс, в том числе в противовес простой частотной информации,

которая может приводить к неверной интерпретации. Поль Рэйсон (Paul Rayson) и Аманда Поттс (Amanda Potts) в **главе 6** обращаются к анализу списков ключевых слов, которые основаны на частоте. Для этой цели наиболее часто используются хи-квадрат и коэффициент логарифмического правдоподобия, однако они не лишены недостатков. Первая мера маркирует общеупотребительную лексику как значимую, в то время как вторая подходит, скорее, для анализа коллокаций. Авторы критически подходят к процедуре выделения ключевых слов, обращая внимание на те факторы, которые могут оказать влияние на результат. Например, токенизация или наличие в тексте разных вариантов написания слов. Сравнение целевого и референтного корпусов между собой также может привести к неверной интерпретации, поэтому предлагается дополнительно сопоставить каждый из них с большим корпусом. **Глава 7** написана Штефаном Т. Грисом и Филипом Дюррантом (Philip Durrant) и посвящена анализу данных о совместной встречаемости. Авторы уделяют внимание разным типам совместной встречаемости, которые известны в корпусно-ориентированных исследованиях, а далее обсуждают вычисление наиболее широко используемых метрик, которые нацелены на количественную оценку совместной встречаемости. На примере исследования лексических коллокаций и уровня владения языком, а также анализа глагольных конструкций авторы показывают возможности применения количественного подхода в более широком понимании, предлагая использовать регрессионные модели, а также дивергенцию Кульбака—Лейблера.

Анализ конкордансов представлен Стефани Вульф (Stefanie Wulff) и Полом Бейкером (Paul Baker) в **главе 8**, в которой обсуждаются вопросы, связанные с генерированием конкордансов и их обработкой, а также то, как они могут быть использованы в исследовании и в обучении. Авторы обращаются к явлению семантической просодии, чтобы продемонстрировать возможности анализа конкорданса (как «чистого», без дополнительной обработки, так и выданного после статистической обработки). Лоренс Энтони (Laurence Anthony), создатель корпусного менеджера AntConc, в **главе 9** обсуждает роль и возможности программирования для задач корпусной лингвистики. Высказывается мысль о том, что лингвисты долгое время избегали написания собственных программ, хотя в последнее время обратились к таким языкам как Perl, Python и R. В главе описывается, как создаются программные продукты, а также перечисляются критерии, которые могут быть использованы для оценки возможности использования языка программирования для конкретного корпусного проекта. Приводятся примеры простого программного кода для загрузки и обработки корпусных файлов, скачивания веб-страниц, а также показано, как создавать частотные списки, конкордансы в формате KWIC, в том числе с использованием языка регулярных выражений. Главу дополняют списки разнообразных руководств и онлайн-курсов, посвященные Python и R.

В третьей части книги продемонстрированы корпусы разных типов, показана их специфика, а также проиллюстрированы наиболее известные проекты. В **главе 10** Кристин Давидсе (Kristin Davidse) и Хендрик Де Смет (Hendrik De Smet) знакомят читателей с диахроническими корпусами, обсуждают сложности при их создании

и аннотировании. Устным корпусам посвящена **глава 11**, подготовленная Ульрике Гут (Ulrike Gut). Автор останавливается на вопросах сбора сырых данных, создания разметки разного уровня (орфографической, частеречной, синтаксической, фонемной или фонетической, просодической). Мари-Од Лефер (Marie-Aude Lefer) в **главе 12** обращается к параллельным корпусам и описывает процессы выравнивания данных, мультязычной разметки, а также ошибочных или неудачных переводов. Автор рассуждает, каким образом можно преодолеть сложности и создать сбалансированный корпус параллельных текстов в будущем. **Глава 13**, автором которой выступила Гаэтанелль Жилькен (Gaëtanelle Gilquin), представляет учебные корпуса, уделяя внимание особому типу разметки — разметке ошибок. Корпусы детской речи описаны в **главе 14**. Ее авторы Сабина Штолль (Sabine Stoll) и Роберт Шиковски (Robert Schikowski) обсуждают вопрос построения выборки на примере лонгитюдных корпусов: количество и отбор участников, объем записей, ситуации, транскрипция, лингвистическая и мультимодальная разметки и этические соображения. Отдельно стоит упомянуть перечень статистических мер, которые позволяют оценить необходимый и достаточный объемы корпусов для иллюстрации того или иного языкового явления. В связи с нарастающей ролью интернета в лингвистических исследованиях, особая роль отводится веб-корпусам, о которых идет речь в **главе 15**, подготовленной Эндрю Кехо (Andrew Kehoe). Автором проводится различие между подходами «веб как корпус» и «веб для корпуса». В первом случае имеется в виду получение примеров напрямую из веба при помощи поисковых систем, в то время как второй подход подразумевает использование веб-текстов для создания корпусов. В последнем случае необходимо удалить тексты со служебной информацией, например, части с HTML-кодом, отфильтровать слишком короткие или длинные документы, а также избавиться от повторов одних и тех же текстов (ситуация, которая часто встречается в Интернете). Наряду с существующими веб-корпусами представлен список инструментов для автоматической загрузки и последующей обработки текстов веб-сайтов. Доун Найт (Dawn Knight) и Свеня Адольфс (Svenja Adolphs) в **главе 16** описывают один из наиболее сложных при создании типов корпусов — мультимодальные (мультимедийные) корпуса.

Вопросы, связанные с корпусами текстов, не ограничиваются их описанием или примерами использования. Четвертая часть книги посвящена исследованию собственных данных и имеет практический характер. В отдельных разделах глав представлены части кодов программ, при помощи которых можно реализовать в R описываемые методы. **Глава 17** уделяет внимание описательной статистике и визуализации при помощи R. Магали Пако (Magali Paquot) и Туве Ларссон (Tove Larsson) показывают примеры вычисления основных статистических показателей и команды для графического представления результатов (создание гистограмм, столбчатых диаграмм, ящиков с усами и др.). Герман Мойсль (Hermann Moisl) обращается к кластерному анализу в **главе 18**, показывая, как можно определить некоторые структурные особенности данных, которые являются большими по своему объему или слишком сложными, чтобы их можно было бы проинтерпретировать

вручную. В корпусной лингвистике кластерный анализ используется для того, чтобы на основе автоматически выявленных структурных закономерностей выдвинуть соответствующие гипотезы о содержании текстов. Автор останавливается на двух наиболее часто используемых методах, а именно, на методе *k*-средних и иерархическом кластерном анализе. В заключение даются примеры реализации на R, а также даются рекомендации, каким образом необходимо описывать полученные результаты. В **главе 19** Гийом Дезагюлье (Guillaume Desagulier) продолжает статистический анализ на примере многомерного подхода. Автором выбраны четыре метода, которые позволяют исследовать сложные таблицы данных большого объема: анализ соответствий, множественный анализ соответствий, анализ главных компонент и исследовательский факторный анализ.

Пятая часть книги связана с проверкой гипотез и, соответственно, рассматривает более сложные статистические методы. Отметим, что главы этого блока сопровождаются материалами, которые позволяют самостоятельно воспроизвести те исследования, о которых в них идет речь. **Глава 20** написана Вацлавом Брезиной (Vaclav Brezina) и посвящена классическим тестам, которые предполагают проверку нулевой гипотезы и включают в том числе следующие: хи-квадрат, критерии Стьюдента и Манна—Уитни, дисперсионный анализ, критерий Краскела—Уоллиса, коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена. Отдельное внимание уделяется доверительным интервалам, отличиям между параметрическими и непараметрическими тестами и тем предположениям, которые лежат в их основе.

Две следующие главы посвящены регрессионным моделям. Мартин Хилперт (Martin Hilpert) и Дамиан Э. Бласи (Damián E. Blasi) в **главе 21** обращаются к моделям с фиксированными эффектами и демонстрируют их применение к корпусным данным на примере множественной линейной регрессии и бинарной логистической регрессии. **Глава 22**, написанная Роландом Шефером (Roland Schäfer), знакомит читателей с использованием регрессионных моделей со смешанными эффектами. Обобщенные аддитивные смешанные модели описаны в **главе 23** Р. Харальдом Баайеном (R. Harald Baayen) и Майей Линке (Maja Linke). **Глава 24** описывает технологию бутстрэппинга — процедуры, в ходе которой генерируются случайные выборки на основе имеющихся данных, для которых последовательно вычисляются определенные статистические показатели. Джесси Эгберт (Jesse Egbert) и Люк Плонски (Luke Plonsky) указывают, что данный метод в лингвистике незаслуженно забыт, и обсуждают его применение к задачам оценки и определения однородности корпусных данных (например, распределение единиц в разных жанрах) и валидации статистических моделей. **Глава 25** написана Натальей Левшиной (Natalia Levshina) и представляет алгоритмы деревьев условного вывода и случайного леса. Эти непараметрические методы могут использоваться в случаях, схожих с ситуациями использования регрессионных моделей, например, для классификации данных.

Заключительная часть книги посвящена обобщению предыдущего материала и дает рекомендации по представлению результатов исследования. **Глава 26**,

подготовленная Штефаном Т. Грисом и Магали Пако, посвящена написанию статьи по корпусной лингвистике. В ней авторы обсуждают структуру работы, отдельно останавливаясь на разделах, связанных с методами и результатами. **Глава 27**, написанная Ацуси Мицумото (Atsushi Mizumoto), Люком Плонски и Джесси Эгберт, охватывает темы, связанные с анализом корпусного исследования, предлагая использовать процедуру научного синтеза и метаанализа (RS/MA).

Как можно заметить, авторы рецензируемого сборника постарались охватить разнообразие тем, с которыми сталкиваются лингвисты, поэтому он может послужить отличным введением в проблематику. Разумеется, ответить все вопросы не представляется возможным, а некоторые из упомянутых рассмотрены с разной степенью подробности. Несмотря на это, книга является неоценимым справочником как для опытных исследователей, так и для тех, кто пока только знакомится с этой интереснейшей областью науки о языке.

Литература

McEnery T., Hardy A. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge University Press, 2012

O'Keeffe A., McCarthy M. (eds.) The Routledge Handbook of Corpus Linguistics. Taylor & Francis Group, 2010.

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2022 г., № 2 (32)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Усл. печ. л. 18,5

Тираж 300 экз. Заказ №